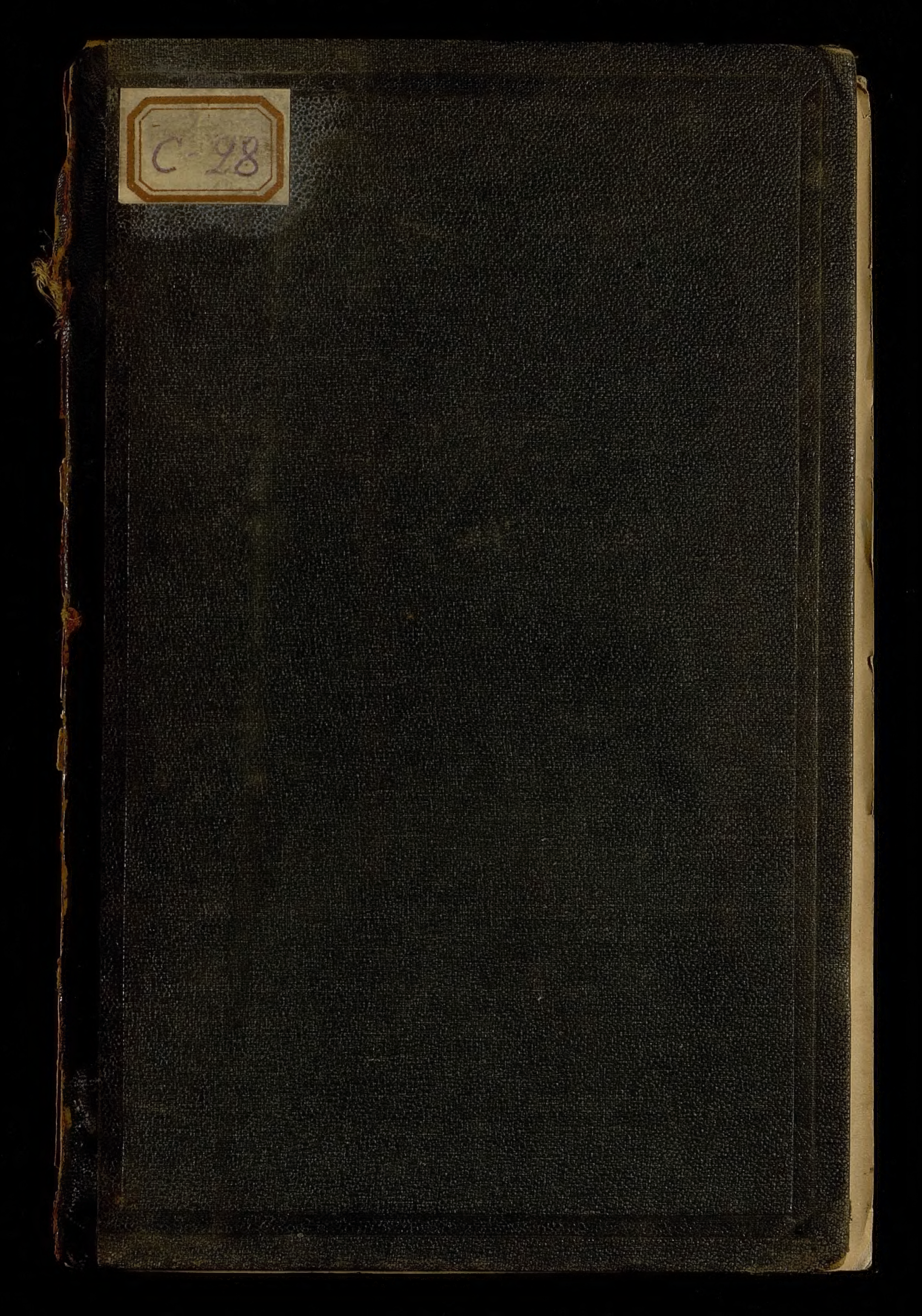
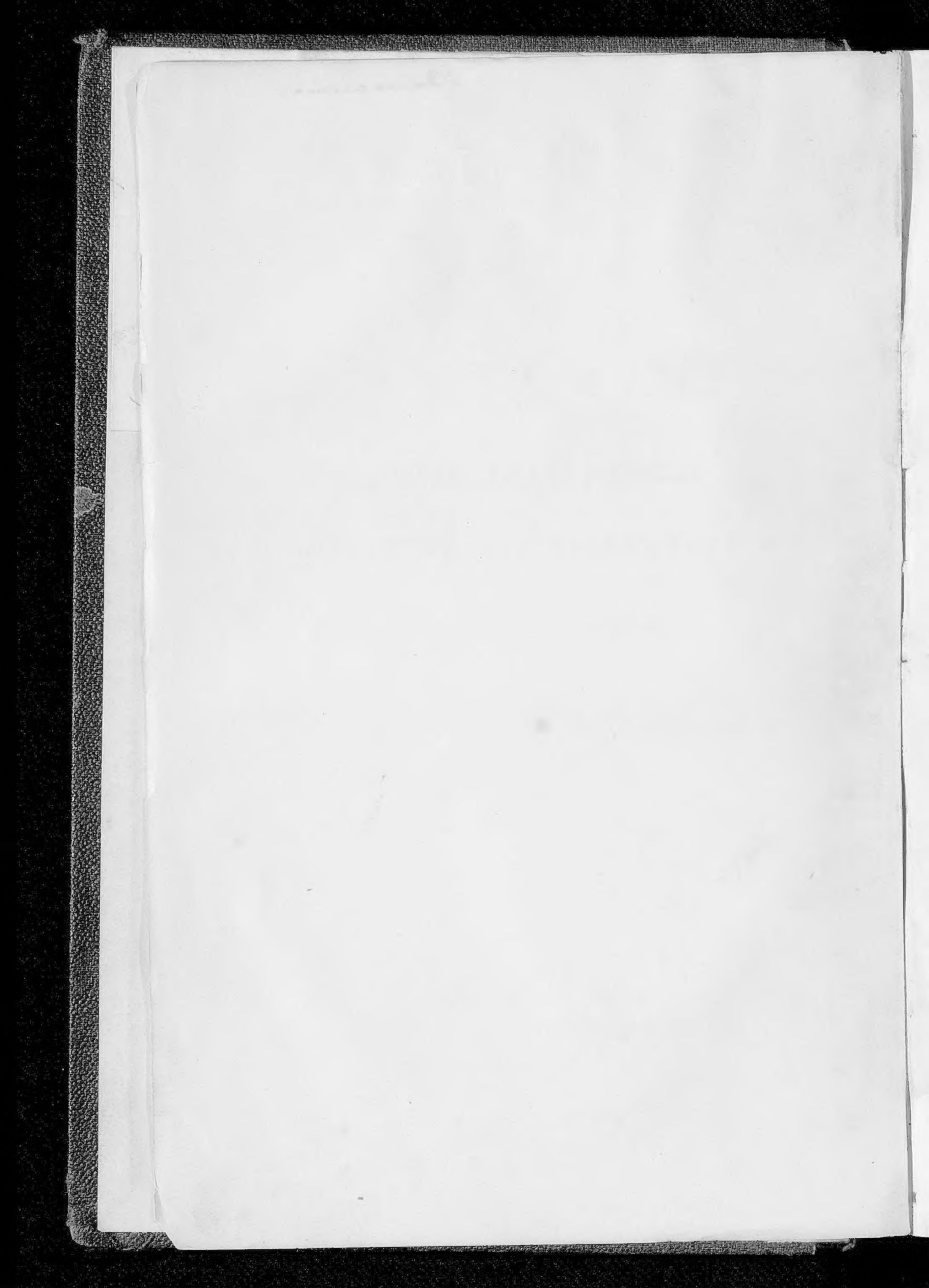

C-28

[illegible]

ЗАПИСКИ ГРАФА СЕГЮРА

о пребыванiи его въ Россiи

въ царствованiе Екатерины II.

ЗАПИСКИ

ГРАФА СЕГЮРА

О

ПРЕБЫВАНІИ ЕГО ВЪ РОССІИ

ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ЕКАТЕРИНЫ II.

(1785—1789).

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

съ примѣчаніями переводчика.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

1865.

Дозволено цензурою. 18-го Декабря 1864 года.

Въ Типографіи В. Н. Майкова.

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

Авторъ предлагаемыхъ записокъ, графъ Людовикъ-Филиппъ де Сегюръ, родился въ Парижѣ въ 1753 году. Потомокъ аристократическаго рода, сынъ государственнаго человѣка, онъ получилъ довольно поверхностное образованіе, которое въ то время обыкновенно давалось молодымъ людямъ знатнаго происхожденія. Но то былъ вѣкъ энциклопедической философіи; вѣяніе новыхъ идей было въ воздухѣ, и молодой графъ Филиппъ де Сегюръ не остался чуждъ этому вліянію. Онъ былъ либералъ по своему времени, какъ и большинство современной ему молодежи, даже аристократической. Конечно, это былъ либерализмъ свѣтскій, модный, неглубоко коренившійся въ сознаніи тѣхъ, кто его исповѣдывалъ, но все же онъ сообщалъ умамъ нѣкоторую широту взглядовъ и колебалъ старые предразсудки. Между тѣмъ, по вступленіи Людовика XVI на престолъ, его отецъ сталъ военнымъ министромъ, и молодому графу открылась блестящая карьера. Онъ рѣшился серьезно къ ней подготовиться: „одаренный живымъ воображеніемъ, разсказываетъ онъ въ своихъ запискахъ, — среди двора и общества, гдѣ больше занимались удовольствіями, литературою и интригами, чѣмъ дѣлами, политикою и нуждами народа, очарованный новою философіею, проповѣдуемою передовыми тогда людьми и сулившею въ грядущемъ торжество разума, увлеченный обществомъ, тщеславнымъ и

легкомысленнымъ, умнымъ и любезнымъ,—я вдругъ, при возвышенiи моего отца въ званiе министра, долженъ былъ подумать о лучшемъ употребленiи времени, заняться дѣлами, уединиться въ кабинетъ и познанiемъ людей и дѣлъ повѣрять системы и теорiи, остающiяся безъ примѣненiя.“ И вотъ, Сегюръ, не смотря на то, что уже находился въ военной службѣ, прослушалъ курсъ публичнаго права въ Страсбургѣ и подготовился къ дипломатической дѣятельности.

Когда Францiя приняла участiе въ войнѣ американскихъ колонiй противъ Англiи, многiе французскiе аристократы отправились волонтерами въ армiю американцевъ—отстаивать дѣло свободы. Сегюръ былъ въ числѣ ихъ и своимъ участiемъ заслужилъ орденъ Цинцинати. Его депеши во французское министерство обнаружили въ немъ много политическаго такта и наблюдательности, такъ что, по его возвращенiи, министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Верженнъ, предложилъ ему важный дипломатическiй постъ — быть представителемъ Францiи при дворѣ Екатерины II. Онъ находился въ Россiи съ марта 1785 года по 11 октября 1789, заслужилъ личное расположенiе государыни и довольно искусно защищалъ интересы своего правительства, хотя положенiе его было затруднительное, такъ какъ требовалось быть не слишкомъ уступчивымъ и въ то же время не вовлекать разстроенную Францiю въ отношенiя непрiязненныя. Революцiя 1789 года заставила Сегюра возвратиться въ отечество. Онъ не хотѣлъ эмигрировать и хотя не принялъ поста министра иностранныхъ дѣлъ, предложеннаго ему Людовикомъ XVI, но согласился быть представителемъ Францiи на Пильницкой конференцiи 1791 года съ Пруссiей. Окончательное торжество революцiи

застало Сегюра во Франціи. Онъ былъ арестованъ, но избѣгъ эшафота. Слѣдующія слишкомъ десять лѣтъ онъ провелъ въ сторонѣ отъ политической дѣятельности, среди занятій литературой, но когда республика превратилась въ имперію, Сегюръ вернулся къ политикѣ: онъ сдѣлался членомъ законодательнаго корпуса, института, государственнаго совѣта и сената и оберъ-церемоніймейстеромъ. Въ слѣдствіе того, съ возстановленіемъ Бурбоновъ, онъ снова впалъ въ немилость, снова отдался было литературѣ, но въ 1818 году былъ сдѣланъ членомъ палаты перовъ и въ этомъ званіи окончилъ жизнь черезъ нѣсколько дней послѣ іюльскаго переворота въ 1830 году.

Членъ французской академіи, графъ Сегюръ оставилъ много разнородныхъ сочиненій, написанныхъ довольно живо и легко, хотя иногда поверхностно и слишкомъ высокопарно. Укажемъ главнѣйшія, имѣвшія въ свое время успѣхъ, особенно по легкости изложенія и потому, что касались предметовъ общезанимательныхъ. Нѣкоторыя изъ нихъ переведены на русскій языкъ:

1) Histoire des principaux événements du règne de Frédéric Guillaume II et Tableau politique de l'Europe depuis 1786 jusqu'en 1796. 3 vols. 1801 et 1803.

2) Politique de tous les cabinets de l'Europe pendant les règnes de Louis XV et de Louis XVI. 3 vols. 1801.

3) Contes, fables, chansons et vers. 1801 et 1809.

4) Histoire de l'Europe moderne. 1816.

5) Galerie morale et politique. 3 vols. 1817—1823.

6) Abrégé de l'histoire ancienne et moderne. 50 vols. 1817—1829; вновь издано подъ заглавіемъ: Histoire universelle.

7) Maximes, pensées, refléxions. 1822.

8) Mémoires, souvenirs et anecdotes (нѣск. изд.).

Всѣ сочиненія Сегюра изданы въ 36 частяхъ, въ Парижѣ съ 1824 по 1829 годъ.

Любопытнѣйшее изъ всѣхъ сочиненій, записки, Сегюръ писалъ подъ старость и не довелъ до конца. Болѣе половины записокъ составляетъ описаніе его пребыванія въ Россіи, и эту-то часть, любопытную по подробностямъ, очень искреннюю и живо изложенную, мы и предлагаемъ въ переводѣ. Онъ говоритъ здѣсь объ императрицѣ Екатеринѣ II и ея дворѣ, о замѣчательнѣйшихъ лицахъ, ее окружавшихъ, описываетъ петербургское общество и путешествіе свое въ Крымъ въ 1787 г., въ свитѣ государыни, разсказываетъ дипломатическія интриги и сдѣлки, обстоятельства, сопровождавшія заключеніе торговаго трактата съ Франціею, и политическіе замыслы державъ, передаетъ разговоры, анекдоты, случаи и т. п. Сегюръ былъ человѣкъ неглупый и наблюдательный, но—сынъ своего времени—былъ воспитанъ на псевдоклассицизмѣ, по старинному въ исторіи видѣлъ не простыхъ смертныхъ, съ дарованіями, достоинствами и недостатками, а возвышенныхъ героевъ, коварныхъ злодѣевъ, грубыхъ варваровъ, привыкъ къ изысканной любезности стариннаго французскаго высшаго общества. наконецъ любилъ пораспространиться о своемъ участіи въ важныхъ политическихъ событіяхъ и о своей дружбѣ съ разными знаменитыми современниками. Эти черты времени и личности отразились и на его запискахъ: въ нихъ попадается много сужденій отжившихъ, но характеризующихъ эпоху (напр. идиллическій взглядъ на поселянъ), а слогъ ихъ нѣсколько изысканъ и реториченъ. Эта велерѣчивость и напыщенность не такъ еще мѣшаетъ въ описаніяхъ и разсужденіяхъ, гдѣ можно читать между строкъ, и не трудно отыскать настоящій

смыслъ и правду, но очень досадна тамъ, гдѣ Сегюръ передаетъ разговоры и чужія рѣчи, заставляетъ историческія лица говорить пышно и красно и такимъ образомъ заслоняетъ намъ вѣрное ихъ представленіе. Не смотря на то, записки его—хорошій матеріалъ для исторіи екатерининскаго времени. Онѣ даютъ понятіе о томъ, какое впечатлѣніе Екатерина II производила на европейцевъ. Впрочемъ, не только по значительности содержанія рѣшились мы передать ихъ русскимъ читателямъ, но еще и потому, что онѣ составляютъ умное и пріятное чтеніе и легко знакомятъ съ одною изъ важнѣйшихъ эпохъ нашей исторіи, полной сильныхъ личностей и громкихъ событій.

Небольшіе отрывки изъ записокъ Сегюра были сообщены на русскомъ языкѣ въ Сынѣ Отечества 1827 года, № 1 и 2, и 1840 г. ч. VI; болѣе обширный отрывокъ, именно эпизодъ путешествія на югъ Россіи, помѣщенъ въ Отечественныхъ Запискахъ Свиньина, ч. 31 — 35, 1827 г., въ вольномъ переводѣ и съ значительными пропусками. Мы передали здѣсь большую часть записокъ Сегюра, то есть все описаніе пребыванія его въ Россіи отъ пріѣзда въ Петербургъ до выѣзда въ Варшаву. Значительная часть перваго тома, не переведенная нами, посвящена его юности и описанію военныхъ дѣйствій въ Америкѣ; конецъ втораго, послѣ описанія выѣзда изъ Россіи, заключаетъ въ себѣ краткій разсказъ пребыванія въ Варшавѣ и въ Парижѣ въ 1790 году, на которомъ и прервались записки.

На пути до Риги я не встрѣтилъ ничего замѣчательнаго. Это городъ укрѣпленный, многолюдный, торговый, болѣе похожій на нѣмецкій или на шведскій, нежели на русскій. Я пробылъ въ немъ нѣсколько часовъ и скоро проѣхалъ 565 верстъ, отдѣляющихъ его отъ С. Петербурга. Дорога была прекрасная; я проѣхалъ нѣсколько красивыхъ городовъ и много селеній; вездѣ на станціяхъ были покойныя гостиницы, и давали хорошихъ лошадей. Подъ сѣрымъ небомъ, не смотря на стужу, доходившую до 25°, повсюду можно было видѣть слѣды силы и власти и памятники генія Петра Великаго. Счастливо и отважно побѣдивъ природу, преобразилъ онъ эти холодныя страны въ богатыя области и надъ этими вѣчными льдами распространилъ плодотворные лучи просвѣщенія. Я былъ пріятно пораженъ, когда въ мѣстахъ, гдѣ нѣкогда были однѣ лишь обширныя, безплодныя и смрадныя болота, увидѣлъ красивыя зданія города, основаннаго Петромъ и сдѣлавшагося менѣе, чѣмъ въ сто лѣтъ, однимъ изъ богатѣйшихъ, замѣчательнѣйшихъ городовъ въ Европѣ.

10-го марта 1785 года я прибылъ въ домъ, нанятый для меня г. де-ла-Колиньеромъ [1]). Немедленно стали мы съ нимъ обду-

---

[1]) Французскій повѣренный въ дѣлахъ въ С. Петербургѣ.

мывать, что нужно сдѣлать, чтобы скорѣе увидѣть эту необыкновенную женщину, знаменитую Екатерину, которую князь де-Линь оригинально и остроумно называлъ: *Екатериной Великимъ* (Catherine le grand).

Узнавъ часъ, въ который я могъ представиться къ вице-канцлеру графу Остерману [1]), я вручилъ ему депешу, полученную мною отъ Верженія [2]), и просилъ его испросить мнѣ аудіенцію у императрицы, чтобы представить мои кредитивныя грамоты ея величеству. Государыня велѣла мнѣ сказать, что приметъ меня на слѣдующій день; но она тогда была нездорова; болѣзнь ея продолжилась дней на восемь или на десять и отсрочила мою аудіенцію. По этому я имѣлъ болѣе досужнаго времени, нежели хотѣлъ, чтобы перетолковать съ Колиньеромъ о положеніи дѣлъ и о разныхъ лицахъ, дѣйствующихъ на томъ обширномъ поприщѣ, на которое я долженъ былъ вступить.

Я получилъ нѣсколько писемъ отъ графа Верженія. Онъ обстоятельно судилъ о предполагавшемся обмѣнѣ Баваріи[3]) и о мѣрахъ короля для воспрепятствованія этому дѣлу. Онъ предписывалъ мнѣ стараться вывѣдать настоящія намѣренія императрицы по этому вопросу и, согласно со мною, полагалъ, что она не слишкомъ желаетъ успѣха этому предпріятію, хотя министръ ея Румянцевъ [4]) довольно рѣшительно поступилъ отъ ея имени. Вѣроятно государыня, при этомъ случаѣ, имѣла цѣлью тѣснѣе

---

[1]) Графъ Иванъ Андреевичъ Остерманъ былъ вице-канцлеромъ съ 21 апрѣля 1773 г. по 9 ноября 1796 г., когда пожалованъ въ канцлеры и уволенъ, согласно желанію, отъ службы; умеръ въ Москвѣ 18 апрѣля 1811 года.

[2]) Графъ Ch. de Vergennes (ум. 1787 г.) министръ иностранныхъ дѣлъ при Людовикѣ XVI.

[3]) Около этого времени, австрійскіе дипломаты, руководимые стремленіемъ округлить владѣнія Габсбургскаго дома, хлопотали о присоединеніи Баваріи къ Австріи и предоставленіи вмѣсто нея баварскому курфюрсту австрійскихъ Нидерландовъ, то есть Бельгіи. Людовикъ XVI противился этому плану.

[4]) Графъ Николай Петровичъ Румянцевъ, чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ во Франкфуртѣ на Майнѣ, съ 1781 по кончину императрицы; одно время онъ поддерживалъ этотъ обмѣнъ передъ баварскимъ домомъ.

сблизиться съ императоромъ, помогая ему однако не столько дѣйствительными мѣрами, сколько увѣреніями, обѣщаніями и объявленіями о вооруженіи войскъ. Скоро узналъ я, что наборъ въ 40,000 рекрутъ, о которомъ такъ шумѣли, необходимъ для пополненія арміи, и что это былъ обыкновенный наборъ по одному съ пятисотъ. Если бы думали о войнѣ, то это число было бы удвоено. Я узналъ также, что эскадра, снаряженная въ Кронштадтѣ, назначалась къ отплытію въ Балтійское море для морскихъ упражненій. Но что дѣйствительно могло заботить нашъ кабинетъ—такъ это дѣятельныя мѣры, принятыя русскимъ министерствомъ, чтобы отдалить отъ насъ императора и Голландію и сблизить ихъ съ Англіею. Несогласіе между Голландскими штатами и Іосифомъ совершенно утихло только къ концу 1785 года; завязались переговоры, и наше посредничество было принято; но Екатерина старалась не дать намъ воспользоваться ими и желала быть единственною посредницею между вѣнскимъ кабинетомъ и Голландцами. Я не раздѣлялъ удивленія Верженія по этому поводу. Мнѣ казалось довольно естественнымъ, что императрица старалась вездѣ ослаблять наше вліяніе. Уже въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, отношенія между версальскимъ и петербургскими дворами были довольно холодны. Герцогъ Шуазель [1]) не щадилъ самолюбія Екатерины II. Въ Россіи полагали, что злорѣчивое сочиненіе аббата Шаппа [2]), было вну-

---

[1]) François duc de Choiseul былъ французскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ (1758 г.), а потомъ военнымъ (1761 г.) и морскимъ (1763 г.).

[2]) Здѣсь разумѣется великолѣпно-изданное путешествіе по Сибири ученаго аббата Шаппа, Voyage en Sybérie, par l'abbé Chappe d'Auteroche. 3 vols. Paris, 1763, in 4⁰, съ рисунками. Членъ парижской академіи наукъ, Шаппъ отправленъ былъ въ Сибирь, чтобы наблюдать прохожденіе Венеры передъ солнцемъ. Въ своихъ запискахъ онъ вмѣстѣ съ учеными наблюденіями сообщаетъ извѣстія о нашихъ нравахъ, обычаяхъ, образѣ нашего правленія и частію касается нашей исторіи,—описаніе невѣрное, одностороннее и легкомысленное, такъ какъ путешественникъ рѣшительно судитъ и рядитъ о томъ, чего не могъ осмотрѣть порядочно въ торопливой поѣздкѣ своей отъ Петербурга до Москвы. Національные предразсудки мѣшали ему находить что-либо хорошее въ той странѣ, которая такъ не похожа

шено этимъ министромъ. Кромѣ того, въ Польшѣ мы противились избранію короля Станислава Августа. Послѣ того, во время перваго раздѣла Польши, министерство Людовика XV, хотя и безсильное, дѣйствовало непріязненно въ отношеніи Россіи. Наконецъ, такъ какъ стремленія императрицы были направлены къ разрушенію Оттоманской имперіи, открытое покровительство, которое мы оказывали султану, служило препятствіемъ ея намѣреніямъ. Тайна ея политики объяснялась этою мечтою, и, чтобы удовлетворить ей, Екатерина расторгла давній союзъ свой съ Фридрихомъ II и постоянно старалась укрѣпить связи, соединявшія ее съ Англіей и въ особенности съ Іосифомъ II, отъ котораго ожидала полезнаго содѣйствія въ обширныхъ своихъ предпріятіяхъ.

Колиньеръ разсказалъ мнѣ, что государыня не принимала меня потому, что въ это время была опечалена смертью генералъ-адъютанта Ланскаго [1]). Она была къ нему очень привязана, и, говорятъ, онъ того стоилъ по искренности и вѣрности, свободной отъ честолюбія. Онъ успѣлъ убѣдить ее, что привязанность его относилась именно къ Екатеринѣ, а не къ императрицѣ.

Все, что я зналъ о высокихъ достоинствахъ этой государыни,

на его отечество, и которую онъ считалъ варварскою. Книга его подверглась осужденію со стороны Гримма и Дидро, но болѣе серьезная критика ея содержанія, издана была отъ русскаго правительства, подъ заглавіемъ: Antidote ou examen du mauvais livre, superbement imprimé, intitulé: Voyage en Sybérie. Эта критика, опровергая невѣрныя показанія аббата, раскрываетъ съ тѣмъ вмѣстѣ недостатки французскаго общества. Главная мысль ея состоитъ въ томъ, что современная Франція, подъ скипетромъ Людовика XV, не имѣетъ права гордиться передъ современной Россіей, управляемой творцомъ Наказа. Первое изданіе Antidote вышло въ Петербургѣ, а второе при амстердамской перепечаткѣ путешествія Шаппа (1771 г.). Нѣкоторые, какъ Сегюръ, считаютъ Екатерину авторомъ этого возраженія, а другіе, какъ Карьеръ, говорятъ, что оно было написано кн. Дашковой при содѣйствіи скульптора Фальконета (см. ст. А. Аѳанасьева, въ Отеч. Зап. 1860 г., № 3: Литературные труды кн. Дашковой).

[1]) Ланской, Александръ Дмитріевичъ, род. 8 марта 1758 года, въ 1780 г. пожалованъ въ флигель-адъютанты, потомъ былъ генералъ-поручикомъ и генералъ-адъютантомъ и находился въ случаѣ по самую смерть.

все, что мнѣ говорилъ объ ней Фридрихъ II [1]), подстрекало мое любопытство узнать ее лично. Относительно Россіи, всѣмъ извѣстно, что она долѣе другихъ европейскихъ странъ оставалась въ невѣжествѣ, и что въ теченіи XVII столѣтія и даже по самое царствованіе Петра III, отпечатокъ варварскихъ нравовъ не былъ въ ней изглаженъ [2])....

Отвращаясь отъ этой картины, бросимъ взглядъ на великія качества, на возвышенность характера и на тѣ обстоятельства, посредствомъ которыхъ Екатерина, украсила страницы исторіи своей страны. Въ немногихъ словахъ набросаемъ общій очеркъ этой славной жизни, которая нашла себѣ строгихъ судей, но которая достойна и справедливыхъ похвалъ потомства, такъ какъ государыня огромной имперіи—какъ бы ни

---

[2]) Сегюръ посѣтилъ Фридриха проѣздомъ въ Россію; старый король былъ очень любезенъ съ нимъ, говорилъ о разныхъ предметахъ и между прочимъ о Екатеринѣ: такъ какъ въ то время политика императрицы отдалилась отъ Пруссіи и сблизилась съ Австріею, то Фридрихъ не преминулъ пожаловаться на охлажденіе къ нему Екатерины, потомъ разсказалъ нѣсколько анекдотовъ о ея здоровьи, ея дворѣ и, на вопросъ Сегюра объ участіи Екатерины въ переворотѣ, возведшемъ ея на престолъ, замѣтилъ слѣдующее: „Хоть я теперь не много въ ссорѣ съ императрицей, я долженъ отдать ей справедливость; она была молода, одна въ *чужой* землѣ; ей угрожало удаленіе отъ мужа и заключеніе. Все устроили Орловы; княгиня Дашкова была только хлопотуньей мухой при дорожныхъ. Рюльеръ ошибся. Екатерина ничѣмъ еще не могла руководить; она совершенно отдалась тѣмъ, кто хотѣлъ ее спасти. Узнавъ о смерти мужа, она пришла въ непритворное отчаяніе; она предчувствовала то, что выдумають о ней, ибо ложность всего этого останется неизгладима, такъ какъ она по своему положенію, воспользовалась случившимся, и для своей опоры, должна была не только щадить, но и удержать при себѣ Орловыхъ... Чтобы узнать подробности этого событія, я совѣтую вамъ обратиться къ одному почтенному старику графу Кайзерлингу, который теперь кажется въ Митавѣ. Онъ все видѣлъ и знаетъ; въ это время онъ былъ ближайшимъ лицомъ къ Екатеринѣ, которому она повѣряла свое горе.“ „Государь, отвѣчалъ Сегюръ,—я очень цѣню ваше мнѣніе, оно меня успокоиваетъ, иначе я не могъ бы вполнѣ уважать императрицу. Мнѣ такъ ее превозносили.“ „Да, замѣтилъ король,—Вольтеръ и Даламберъ нѣсколько грубо польстили, увѣряя, что свѣтъ проливается на насъ съ сѣвера.“ „И Берлинъ на сѣверѣ“, поспѣшилъ отвѣтить Сегюръ. Фридрихъ улыбнулся и обратилъ разговоръ на другіе предметы.

[2]) Затѣмъ слѣдуетъ въ подлинникѣ краткій обзоръ переворотовъ на русскомъ престолѣ, приводимый Сегюромъ въ подтвержденіе выше высказанной имъ мысли; выпускаемъ его по общеизвѣстности упоминаемыхъ фактовъ.

была притязательна ея политика—достойна похвалы, если весь народъ высказываетъ къ ней свою любовь.

Екатерина, дочь герцога Ангальтъ-Цербстскаго, сперва носила имя Софіи-Августы-Доротеи. Она получила имя Екатерины, принявъ крещеніе по обряду православной церкви и выходя замужъ за своего двоюроднаго брата (cousin) Карла-Фридриха, герцога Гольштейнъ-Готторпскаго, котораго Елизавета назначила своимъ преемникомъ и сдѣлала великимъ княземъ. Этотъ бракъ былъ несчастливъ: природа, скупая на свои дары молодому князю, осыпала ими Екатерину. Казалось, судьба по странному капризу хотѣла дать супругу малодушіе, непослѣдовательность, безталанность человѣка подначальнаго, а его супругѣ умъ, мужество и твердость мужчины, рожденнаго для трона. И дѣйствительно, Петръ только мелькнулъ на тронѣ, а Екатерина долгое время удерживала его за собою съ блескомъ.

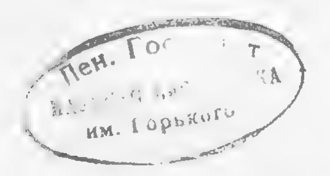
Екатерина отличалась огромными дарованіями и тонкимъ умомъ; въ ней дивно соединились качества, рѣдко встрѣчаемыя въ одномъ лицѣ. Склонная къ удовольствіямъ и вмѣстѣ съ тѣмъ трудолюбивая, она была проста въ домашней жизни и скрытна въ дѣлахъ политическихъ. Честолюбіе ея было безпредѣльно, но она умѣла направлять его къ благоразумнымъ цѣлямъ. Страстная въ увлеченіяхъ, но постоянная въ дружбѣ, она предписала себѣ неизмѣнныя правила для политической и правительственной дѣятельности; никогда не оставляла она человѣка, къ которому питала дружбу, или предположеніе, которое обдумала. Она была величава предъ народомъ, добра и даже снисходительна въ обществѣ; къ ея важности всегда примѣшивалось добродушіе, веселость ея всегда была прилична. Одаренная возвышенной душою, она не обладала ни живымъ воображеніемъ, ни даже блескомъ разговора, исключая рѣдкихъ случаевъ, когда говорила объ исторіи или о политикѣ; тогда личность ея придавала вѣсъ ея словамъ. Это была величественная монархиня и любезная

дама. Возвышенное чело, нѣсколько откинутая назадъ голова, гордый взглядъ и благородство всей осанки, казалось, возвышали ея невысокій станъ. У ней были орлиный носъ, прелестный ротъ, голубые глаза и черныя брови, чрезвычайно пріятный взглядъ и привлекательная улыбка. Чтобы скрыть свою полноту, которою надѣлило ее все истребляющее время, она носила широкія платья съ пышными рукавами, напоминавшими старинный русскій нарядъ. Бѣлизна и блескъ кожи служили ей украшеніемъ, которое она долго сохраняла.

Она была очень воздержана въ пищѣ и питьѣ, и нѣкоторые насмѣшливые путешественники грубо ошибались, увѣряя, что она употребляла много вина. Они не знали, что красная жидкость, всегда налитая въ ея стаканѣ, была ничто иное, какъ смородинная вода. Она никогда не ужинала; въ шесть часовъ вставала и сама затопляла свой каминъ. Сперва занималась она съ своимъ полиціймейстеромъ, потомъ съ министрами. За ея столомъ обыкновенно было не болѣе восьми человѣкъ. Обѣдъ былъ простъ, какъ въ частномъ домѣ, и также какъ за столомъ Фридриха II, этикетъ былъ изгнанъ, и допущена непринужденность въ обращеніи.

Личныя ея убѣжденія были философскія, но, какъ государыня, она обнаруживала большое уваженіе къ религіи. Никто не умѣлъ съ такою непостижимою легкостью переходить отъ развлеченій къ трудамъ. Предаваясь увеселеніямъ, она никогда не увлекалась ими до забвенія и среди занятій не переставала быть любезною. Сама диктуя своимъ министрамъ важнѣйшія бумаги, она обращала ихъ въ простыхъ секретарей; она одна одушевляла и руководила своимъ совѣтомъ.

Екатерина, въ ранней молодости перенесенная въ чуждую ей страну, языкъ, законы и нравы которой она должна была изучать въ одно и тоже время, не радостно провела молодые годы. Нелюбимая супругомъ, въ зависимости отъ императрицы, къ ха-

рактеру которой она не могла принаровиться, она видѣла въ будущемъ только несчастія, такъ какъ природа одарила ее слишкомъ большимъ умомъ, дарованіями и гордостью для того, чтобы она могла довольствоваться спокойствіемъ уединенія. Опасности ея положенія увеличивались еще въ слѣдствіе того, что Елисавета, слабая здоровьемъ въ послѣдніе годы своей жизни и не ладившая съ племянникомъ, сосредоточивала всю свою привязанность на своемъ внукѣ. Дворъ былъ преданъ интригамъ: каждый день честолюбцы составляли новые замыслы, — одни, надѣясь пріобрѣсть вліяніе на наслѣдника, другіе, стараясь овладѣть умомъ великой княгини. Наконецъ, одинъ хитрый и смѣлый министръ задумывалъ похитить скипетръ у великаго князя и, передавъ его въ руки его малолѣтняго сына и освободивъ дворянство, отъ имени ребенка управлять государствомъ.

Передъ смертью, Елисавета, со всѣхъ сторонъ осаждаемая различными совѣтами, помирилась съ Екатериной и ея супругомъ. Послѣ ея кончины, Петръ III вступилъ на престолъ. Сперва этотъ государь, пораженный тяжестью бремени, которое было ему не по силамъ, сблизился съ Екатериной, охотно принималъ ея совѣты и, казалось, хотѣлъ побѣдить свое расположеніе къ недѣятельности; но вскорѣ интриги приближенныхъ успѣли отвлечь его отъ его супруги. Между тѣмъ она, поставленная среди столькихъ опасностей и вынуждаемая ими, съ своей стороны, прибѣгнуть къ пріемамъ честолюбивой политики, нашла возможность составить себѣ большой кругъ друзей. Вельможи были очарованы ея привлекательною ласковостью; народъ, видя ея доброту, благотворительность и набожность, полюбилъ ее. Все духовенство возлагало на нее свои надежды пріобрѣсти вліяніе. Напротивъ того, Петръ III возбудилъ къ себѣ нерасположеніе русскихъ военныхъ своимъ пристрастіемъ къ прусской арміи и ея вождю-герою. Увлекаемый своимъ энтузіазмомъ, онъ дошелъ до того, что принялъ какую-то должность въ войскахъ Фридриха, ко-

тораго называлъ своимъ генераломъ... Совершился переворотъ, въ слѣдствіе котораго Екатерина стала государыней великой имперіи...

Царствованіе ея было блистательное. Де-Линь имѣлъ право сказать, что она, будучи человѣколюбива и великодушна, какъ Генрихъ IV, была величава, добросердечна и счастлива въ войнахъ, какъ Людовикъ XIV; она соединяла въ себѣ свойства обоихъ государей. Фридрихъ Великій, когда еще былъ съ нею въ пріязненныхъ отношеніяхъ, часто хвалилъ ее: «Многія государыни, говорилъ онъ,—заслужили славу: Семирамида побѣдами, Елисавета англійская ловкою политикою, Марія-Терезія—удивительною твердостью въ бѣдствіяхъ, но одна только Екатерина заслуживаетъ наименованіе законодательницы.»

Новая императрица не замедлила доказать своимъ подданнымъ, что она выше всѣхъ опасеній, — вѣрнѣйшее средство удалить отъ себя всякую опасность. Ея управленіе было покойное и мягкое... Одно только возмущеніе временно нарушило внутренній міръ Россіи: дерзкій разбойникъ, донской казакъ Пугачевъ, принявъ имя Петра III, поднялъ бунтъ, завлекъ толпу невѣжественныхъ мужиковъ, перевѣшалъ множество дворянъ, былъ преслѣдуемъ, пораженъ и наконецъ захваченъ генералами Екатерины. Такъ какъ смертная казнь была изгнана изъ русскаго законодательства, то трудно было преклонить Екатерину предписать ее Пугачеву.

Императрица не была ни слаба, ни недовѣрчива, и всякій въ ея царствованіе безопасно пользовался своимъ положеніемъ и саномъ, а потому для интригъ не было цѣли и мѣста при ея дворѣ. Въ слѣдствіе того она могла спокойно заниматься дѣлами внѣшней политики и исполненіемъ обширныхъ своихъ замысловъ. Не смотря на всѣ усилія саксонскаго двора, она возстановила власть Бироновъ въ Курляндіи. Она успѣла употребить честолюбіе другихъ монарховъ въ свою пользу; такъ, когда она увидѣла, что король, котораго она дала Польшѣ, неспособенъ быть самостоятельнымъ и недовольно уступчивъ, чтобы служить ея

намѣреніямъ, она раздѣлила съ своими союзниками эту страну и увеличила свои владѣнія [1]. Съ другой стороны, успѣшно шествуя по пути, предначертанному Петромъ Великимъ, она побѣдила Турокъ, невѣжественный народъ, нѣкогда грозный для Европы, и паденіе Порты было остановлено только несогласіемъ христіанскихъ монарховъ. 500,000 Турокъ были вооружены противъ нея; половина этого войска была истреблена славными побѣдами Румянцева и Рѣпнина. Удивленная Европа видѣла, какъ русскій флотъ прошелъ черезъ океанъ и Средиземное море, пробудилъ покоившуюся во прахѣ Спарту, возвѣстилъ Грекамъ свободу и взорвалъ мусульманскій флотъ въ Чесменскомъ заливѣ; наконецъ великій визирь былъ осажденъ Румянцевымъ въ Шумлѣ, и тѣнь Петра Великаго отомщена. Султанъ, побѣжденный и принужденный согласиться на постыдный миръ, уступилъ Русскимъ новую Сербію, Азовъ, Таганрогъ, дозволилъ имъ свободное плаваніе по Черному морю и призналъ независимость Крыма. Вслѣдъ за тѣмъ Екатерина отняла у Сагимъ-Гирея этотъ полуостровъ; овладѣла теченіемъ Кубанью и покорила островъ Тамань. На пути къ этимъ завоеваніямъ, войска ея встрѣтили Запорожцевъ, которые обитали на островахъ, при днѣпровскихъ порогахъ. Они составляли общину изъ казаковъ-выходцевъ и жили грабежемъ и добычею, захваченною то у Турокъ, то у Поляковъ, то у Татаръ. Казаки эти грабили иногда и Русскихъ, хотя признавали надъ собою власть русскаго царя, и, со времени знаменитой измѣны ихъ вождя Мазепы, злополучнаго союзника Карла XII, должны были имѣть гетмановъ, назначаемыхъ русскимъ правительствомъ. Въ этой странной и воинственной общинѣ не было женщинъ. Плѣнницы, захваченныя въ набѣгахъ, бережно охранялись въ станахъ, внѣ Сѣчи, и не могли

---

[1]) Какъ извѣстно, инниціатива раздѣла принадлежала не Екатеринѣ II, а Фридриху II. Мы не сочли нужнымъ входить въ подробное опроверженіе какъ этого указанія Сегюра, такъ и нѣкоторыхъ другихъ, касающихся фактовъ общеизвѣстныхъ.

перейти границы Запорожской земли. Когда эти несчастныя жертвы насилія рождали дѣтей, то мальчиковъ отцы брали къ себѣ на острова, а дѣвочекъ изгоняли, вмѣстѣ съ ихъ матерями. Запорожцевъ легче было истребить, нежели покорить. Русскіе разсѣяли этихъ воинственныхъ дикарей и до 60,000 поселили по берегамъ Чернаго моря. Изъ нихъ образовали матросовъ для черноморскаго флота, заведеннаго при Екатеринѣ.

Таковы были счастливыя войны и возрастающія завоеванія императрицы, когда я прибылъ къ ея двору. Послѣ того, и уже въ послѣдніе годы ея царствованія, снова торжествуя надъ Турками, она сожгла ихъ флотъ въ устьѣ Днѣпра, отняла у нихъ Очаковъ, покорила Грузію, покрыла войсками Молдавію, взяла Хотинъ, Бендеры, Измаилъ и одержала нѣсколько побѣдъ, въ которыхъ погибло болѣе 40,000 Турокъ. По ясскому миру въ 1792 году, Днѣстръ былъ назначенъ границею, и за Россіею упрочено владѣніе Кавказомъ. Екатерина, присвоивъ себѣ Грузію, распространила свои владѣнія до предѣловъ Персіи. Польша послѣ вторичнаго раздѣла потеряла свою независимость. Курляндія стала русскою областью.

Въ продолженіе этого длиннаго ряда торжествъ и пріобрѣтеній только одно обстоятельство могло нѣкоторое время тревожить ея спокойствіе. Несчастный князь Иванъ [1]) еще жилъ въ крѣпости, куда былъ помѣщенъ при Елисаветѣ. Однажды, одинъ русскій офицеръ, служившій въ гарнизонѣ этой крѣпости, во главѣ нѣсколькихъ солдатъ, бросается къ комнатѣ Ивана, вламывается въ дверь и, возвращая ему свободу, провозглашаетъ его императоромъ. Тогда комендантъ крѣпости, пораженный случив-

---

[1]) Іоаннъ Антоновичъ, заключенный въ Шлиссельбургѣ. Событіе, о которомъ здѣсь сообщено, подробно разсказано въ извѣстномъ сочиненіи А. Вейдемейера: Дворъ и замѣчательные люди въ Россіи во второй половинѣ XVIII столѣтія. Т. I стр. 32 — 33. Здѣсь же указаны и другіе источники по этому предмету. См. также Русскій Архивъ, издаваемый при Чертковской Библіотекѣ. Т. I. М. 1863.

шимся, исполняетъ давнишнее распоряженіе Елисаветы относительно Ивана и лишаетъ его жизни. Возмутившійся офицеръ смущенъ, обезоруженъ, остановленъ, подвергнутъ суду и осужденъ. Тѣмъ не менѣе кончина несчастнаго Ивана тоже была приписана лично императрицѣ; но достойные вѣры лица, говорившіе мнѣ объ этомъ событіи въ Россіи, называли это обвиненіе несправедливою клеветою.

Между тѣмъ какъ войска Екатерины распространяли ея славу и владѣнія, она дѣятельно занималась мѣрами преобразованій въ управленіи государствомъ и развитіемъ народнаго образованія. Русскіе законы представляли хаосъ: государи издавали новые законы, не уничтожая старыхъ; судьи, не имѣя ни правилъ, ни началъ, которыми бы могли руководствоваться, судили произвольно. Екатерина, желая устранить этотъ безпорядокъ, учредила правильные суды и старалась ввести единство въ судопроизводствѣ. Движимая великодушіемъ, созвала она въ Москву выборныхъ со всѣхъ областей своей обширной имперіи, чтобы совѣщаться съ ними о законахъ, которые намѣревалась издать. Когда они собрались, имъ прочтено было введеніе къ уложенію, предположенному императрицею. Эта книга, пользующаяся такою извѣстностью, была переведена на русскій языкъ, но первоначально написана по французски, рукою Екатерины. Мнѣ показывали ее въ петербургской библіотекѣ, и мнѣ пріятно было увидѣть, что это было довольно полное извлеченіе изъ безсмертнаго Монтескье. Но собраніе депутатовъ, столь новое и неожиданное, не оправдало тѣхъ надеждъ, которое оно пробудило, потому что члены его большею частью удалялись отъ цѣли, предначертанной правительствомъ. Выбранные отъ Самоѣдовъ, дикаго племени, подали мнѣніе, замѣчательное своею простодушною откровенностью: «Мы люди простые, сказали они, —мы проводимъ жизнь, пася оленей; мы не нуждаемся въ уложеніи. Установите только законы для нашихъ русскихъ сосѣдей и на-

шихъ начальниковъ, чтобы они не могли насъ притѣснять; тогда мы будемъ довольны, и больше намъ ничего не нужно.» Между тѣмъ, въ слѣдствіе слуховъ о преніяхъ, крѣпостные нѣкоторыхъ вельможъ, побуждаемые надеждою на свободу, начали во многихъ мѣстахъ волноваться. Собраніе было распущено [1]), и императрица должна была одна заняться составленіемъ законовъ. Она издала нѣсколько законоположеній, имѣвшихъ предметомъ правосудіе и управленіе, но не могла совершить тѣхъ великихъ преобразованій, для успѣха которыхъ нужна благопріятная среда, обычаи, сообразные цѣли законодателя, и стеченіе многихъ особенныхъ обстоятельствъ. Не рѣдко Екатерина, съ гордостью удовлетвореннаго самолюбія, говорила мнѣ о двухъ указахъ, которые она высоко цѣнила: одинъ изъ нихъ — дворянская грамота, а другой — объ отмѣненіи дуэлей. Цѣль обоихъ указовъ была и благородна, и нравственна; но первый изъ нихъ не предоставлялъ дворянству полной свободы, а второй былъ часто нарушаемъ изъ предразсудка point d'honneur.

На одной изъ петербургскихъ площадей Екатерина воздвигла бронзовое изваяніе Петра Великаго. Этотъ памятникъ, работы талантливаго Фальконета, имѣетъ подножіемъ огромную гранитную скалу.

Дѣятельность Екатерины была безпредѣльна. Она основала академію [2]) и общественные банки въ Петербургѣ и даже въ Сибири. Россія обязана ей введеніемъ фабрикъ стальныхъ издѣлій, кожевенныхъ заводовъ, многочисленныхъ мануфактуръ, литеенъ и разведеніемъ шелковичныхъ червей въ Украйнѣ. Показывая своимъ подданнымъ примѣръ благоразумія и неустрашимости, она, при введеніи въ Россію оспопрививанія, сама первая подверглась ему. По ея повелѣнію министры ея заклю-

---

[1]) Коммиссія для составленія проэкта новаго уложенія была учреждена 14 декабря 1766 г., открыта 31 іюля 1767 г., а распущена 29 декабря 1768 г.

[2]) Россійскую въ 1783 году, по докладу княгини Е. Р. Дашковой.

чили торговые договоры почти со всѣми европейскими державами. Въ ея царствованіе Кяхта, въ отдаленной Сибири, стала рынкомъ русско-китайской торговли.

Въ Петербургѣ учреждены были училища военнаго и морскаго вѣдомства для приготовленія спеціально образованныхъ офицеровъ. Училище, основанное для Грековъ, ясно изобличало виды и надежды государыни. Она дала въ Бѣлоруссіи пріютъ іезуитамъ, которыхъ въ то время изгоняли изъ всѣхъ христіанскихъ странъ. Она полагала, что при содѣйствіи ихъ быстрѣе распространится просвѣщеніе въ Россіи, гдѣ водвореніе этого ордена казалось ей безвреднымъ, такъ какъ въ ея обширныхъ владѣніяхъ господствовала самая полная вѣротерпимость. Государыня снаряжала морскія экспедиціи въ Тихій океанъ, въ Ледовитое море, къ берегамъ Азіи и Америки.

Устремясь по всѣмъ путямъ славы, она пожелала также снискать извѣстность на Парнассѣ и въ часы досуга сочинила нѣсколько комедій. Когда аббатъ Шаппъ, въ изданномъ имъ путешествіи въ Сибирь, высказалъ злыя клеветы на нравы русскаго народа и правленіе Екатерины, она опровергла его въ сочиненіи, подъ заглавіемъ Antidote. Нельзя безъ удовольствія читать ея умныя письма къ Вольтеру и де-Линю. Всѣ были поражены, когда гордая монархиня, преклоняясь предъ философіею, вздумала призвать въ Россію д'Аламбера, чтобы поручить ему образованіе наслѣдника престола, и когда философъ отказался отъ случая распространить свои идеи вліяніемъ своимъ на такого питомца. Напротивъ того, Дидро съ гордостью прибылъ ко двору Екатерины; она восхищалась его умомъ, но отвергла его теоріи, заманчивыя по своимъ идеямъ, но неприложимыя къ практикѣ. Императрица, сама усердно слѣдя за воспитаніемъ своихъ внучатъ Александра и Константина, сочинила для нихъ нравоучительныя сказки и сокращенную исторію древней Россіи [1]).

[1]) Подъ названіемъ нравоучительныхъ сказокъ Сегюръ разумѣетъ Сказку о

Екатерина въ продолженіе своего царствованія превратила до 300 селеній въ города и установила судебный и правительственный порядокъ во всѣхъ областяхъ имперіи. Дворъ ея былъ мѣстомъ свиданія всѣхъ государей и всѣхъ знаменитыхъ лицъ ея вѣка. До нея Петербургъ, построенный въ предѣлахъ стужи и льдовъ, оставался почти незамѣченнымъ и, казалось, находился въ Азіи. Въ ея царствованіе Россія стала державою европейскою. Петербургъ занялъ видное мѣсто между столицами образованнаго міра, и царскій престолъ возвысился на чреду престоловъ самыхъ могущественныхъ и значительныхъ. Такова была славная монархиня, при которой я находился въ качествѣ посла. Послѣ этого короткаго очерка не трудно представить себѣ, съ какимъ тревожнымъ чувствомъ я ожидалъ дня, когда долженъ былъ предстать предъ этой необыкновенной государыней и знаменитой женщиной.

За нѣсколько дней предъ тѣмъ я узналъ, что императрицу уже постарались предубѣдить противъ меня. Колиньеръ бывалъ у графини Брюсъ, супруги петербургскаго генералъ-губернатора [1]). Она была тетка графа Николая Петровича Румянцева, извѣстна своею красотою и умомъ и пользовалась благосклонностью Екатерины долгое время. Графиня горячо жаловалась

царевичѣ Февеѣ и Сказку о царевичѣ Хлорѣ, дѣйствительно составленныя Екатериной для своихъ внуковъ въ 1782 году; что же касается сокращенной русской исторіи, то онъ ошибается: Екатерипины „Записки касательно россійской исторіи (6 т., 1787—94) не имѣли учебной цѣли, но должны были, какъ „Antidote“, изображеніемъ древнихъ доблестей и судебъ русскаго народа уронить клеветы, взведенныя на него иностранными писателями“ (Ист. Р. Слов., Галахова, т. I, стр. 543). Къ числу педагогическихъ сочиненій Екатерины принадлежатъ еще Выборныя россійскія пословицы (1782), Записки первой части, содержащія въ себѣ разсказы и разговоры, (1783) и Гражданское начальное ученіе (1783).

[1]) Статсъ-дама графиня Прасковья Александровна Брюсъ (род. 7 октября 1729 г., умерла 7 апрѣля 1786 г.). родная сестра графа П. А. Румянцева-Задунайскаго, была замужемъ за генералъ-аншефомъ графомъ Яковомъ Александровичемъ Брюсомъ (1741—91), который съ 1784 по 1786 годъ былъ главнокомандующимъ въ Москвѣ, потомъ въ Петербургѣ, а послѣ того Выборгскимъ губернаторомъ.

канцлеру на меня, за мой поступокъ съ ея племянникомъ, который въ своихъ письмахъ и депешахъ изобразилъ меня дерзкимъ, высокомѣрнымъ и задорнымъ французомъ и обвинялъ меня въ томъ, что я будто бы невѣжливо отнялъ у него мѣсто за столомъ курфирста [1]). Слухъ объ этомъ происшествіи уже распространился по городу. Прусскій посланникъ графъ Герцъ говорилъ мнѣ объ этомъ и даже приписывалъ отсрочку моей аудіенціи неудовольствію императрицы по этому случаю. Я видѣлъ, что мнѣ нужно поторопиться оправданіемъ по случаю этихъ неосновательныхъ жалобъ; онѣ могли на долго вооружить противъ меня императрицу. Для этого Колиньеръ отправился къ графинѣ Брюсъ и объявилъ ей отъ моего имени, что если она не перестанетъ распускать обо мнѣ ложные слухи, то повредитъ только своему племяннику. Такъ какъ между нами не было гласной ссоры и объясненій, то не зачѣмъ было напрасно прибѣгать къ выдумкамъ; если же предположить, что былъ поводъ къ размолвкѣ, то всякій обвинилъ бы скорѣй Румянцева, чѣмъ меня, —потому что если онъ считалъ себя обиженнымъ (хотя бы и не имѣлъ достаточнаго повода), то долженъ былъ объясниться со мною; а онъ этого не сдѣлалъ. По благоразумію своему, графиня поняла истину этихъ доводовъ и постаралась потушить эти слухи, такъ неосторожно распущенные. Но въ этомъ случаѣ мнѣ особенно помогъ Потемкинъ, который, говоря съ императрицею объ этомъ, выразилъ свое неудовольствіе по поводу депеши графа Румянцева и находилъ, что графъ напрасно перетревожился изъ-за пустяковъ и могъ бы лучше объясниться со мною, нежели жаловаться своему двору.

Наконецъ я былъ допущенъ къ аудіенціи и въ самомъ началѣ чуть было не испыталъ неудачи. По обыкновенію, я представилъ вице-канцлеру копію съ рѣчи, которую долженъ былъ

---

[1]) Это было въ Майнцѣ.

произнести. Когда я прiѣхалъ во дворецъ, въ прiемной комнатѣ, гдѣ я дожидался, встрѣтилъ меня графъ Кобенцель, австрiйскiй посланникъ. Его живой, одушевленный разговоръ и важность предметовъ этого разговора заняли мое вниманiе и развлекли меня совершенно, такъ что когда мнѣ объявили, что императрица готова меня принять, я замѣтилъ, что совершенно позабылъ свою привѣтственную рѣчь. Напрасно старался я вспомнить ее, проходя чрезъ рядъ комнатъ, какъ вдругъ отворилась дверь, и я предсталъ предъ императрицею. Въ богатой одеждѣ стояла она, облокотясь на колонну; ея величественный видъ, важность и благородство осанки, гордость ея взгляда, ея нѣсколько искусственная поза, все это поразило меня, и я окончательно все позабылъ. Къ счастью, не стараясь напрасно понуждать свою память, я рѣшился тутъ же сочинить рѣчь; но въ ней уже не было ни слова, заимствованнаго изъ той, которая была сообщена императрицѣ, и на которую она приготовила свой отвѣтъ. Это ее нѣсколько удивило, но не помѣшало тотчасъ же отвѣтить мнѣ чрезвычайно привѣтливо и ласково и высказать нѣсколько словъ, лестныхъ для меня лично.

Когда я получилъ и вручилъ вице-канцлеру мои кредитивныя грамоты, она обратилась ко мнѣ съ вопросами о французскомъ дворѣ и о моемъ пребыванiи въ Берлинѣ и Варшавѣ. Она упомянула также о Гриммѣ и его письмахъ къ ней, вѣроятно желая намекнуть, что изъ этихъ писемъ получила выгодное мнѣнiе обо мнѣ. Въ послѣдствiи, когда государыня болѣе ознакомилась со мною, она однажды вспомнила объ этой аудiенцiи: «Что такое случилось съ вами, графъ, сказала она мнѣ,—когда вы представлялись мнѣ въ первый разъ, и почему вы вдругъ измѣнили рѣчь, которую должны были сказать мнѣ? Это меня удивило и заставило тоже измѣнить мой отвѣтъ.» Я признался ей, что видъ славы и величiя привелъ меня въ смущенiе: «Но я подумалъ, что это смущенiе, позволительное част-

ному человѣку, не прилично представителю Франціи, и потому рѣшился, не утруждая свою память, высказать въ первыхъ попавшихъ мнѣ на умъ выраженіяхъ чувства моего монарха къ вашему величеству и нѣсколько мыслей, внушенныхъ мнѣ вашей славой и вашей личностью.» «Вы очень хорошо сдѣлали, сказала на это императрица;—всякій имѣетъ свои недостатки, и я склонна къ предубѣжденію. Я помню, что одинъ изъ вашихъ предшественниковъ, представляясь мнѣ, до того смутился, что могъ только произнести: «Король, государь мой...» Я ожидала продолженія; онъ снова началъ: «Король, государь мой...» и дальше ничего не было. Наконецъ, послѣ третьяго приступа, я рѣшилась ему помочь и сказала, что всегда была увѣрена въ дружественномъ расположеніи его государя ко мнѣ. Всѣ увѣряли меня, что этотъ посланникъ былъ ученый человѣкъ, но его робость навсегда поселила во мнѣ несправедливое предубѣжденіе противъ него, и я въ этомъ каюсь, хотя, какъ видите, не много поздно.»

Въ этотъ же день я былъ представленъ великому князю Павлу Петровичу, великой княгинѣ и сыну ихъ великому князю Александру Павловичу, который въ послѣдствіи взошелъ на престолъ и скончался послѣ славнаго царствованія. Великій князь, тогда семилѣтній ребенокъ, въ первый разъ принималъ посланника и слышалъ рѣчь. Мнѣ всегда казался смѣшнымъ этотъ обычай обращаться съ важною рѣчью къ ребенку; почему я и ограничился нѣсколькими словами о его воспитаніи и о надеждахъ, на него возлагаемыхъ.

Великій князь и его супруга приняли меня очень привѣтливо. Почести, съ какими они недавно встрѣчены были во Франціи, расположили ихъ къ Французамъ. Когда я былъ ближе допущенъ въ ихъ общество, то имѣлъ случай узнать ихъ рѣдкія свойства, которыми они въ то время снискали всеобщее уваженіе. Я говорю, что допущенъ былъ *въ ихъ общество*, по-

тому что въ самомъ дѣлѣ, исключая торжественныхъ дней, кругъ ихъ, хотя довольно многочисленный, походилъ болѣе на частное общество, нежели на церемонный дворъ, особенно, когда они жили на дачѣ. Никогда семейство частныхъ лицъ не принимало своихъ гостей съ большею любезностью, простотой и непринужденностью; обѣды, балы, спектакли и празднества, все было запечатлѣно благородствомъ, достоинствомъ и вкусомъ. Великая княгиня, величавая, ласковая и естественная, прекрасная безъ желанія нравиться, непринужденно любезная, представляла собою изящное воплощеніе добродѣтели. Павелъ Петровичь желалъ нравиться; онъ былъ образованъ; въ немъ замѣтна была живость ума и благородное великодушіе. Тѣмъ не менѣе, безъ труда можно было замѣтить въ его обращеніи и особенно въ его разговорахъ о настоящемъ и будущемъ его положеніи какую то чрезвычайную щекотливость....

Не приступая еще къ переговорамъ и не имѣя къ тому никакого особеннаго повода въ настоящую минуту, я старался только узнать лица, имѣвшія вѣсъ при дворѣ, и изучать нравы и обычаи жителей этой сѣверной столицы, еще недавно основанной, малоизвѣстной большей части моихъ соотечественниковъ, и куда я былъ перенесенъ судьбою на нѣсколько лѣтъ. Путешественники и составители разныхъ словарей подробно описали дворцы, храмы, каналы и богатыя зданія этого города, служащаго дивнымъ памятникомъ побѣды, одержанной геніальнымъ человѣкомъ надъ природой. Всѣ описывали красоту Невы, величіе ея гранитной набережной, прекрасный видъ Кронштадта, унылую прелесть дворца и садовъ петергофскихъ, наводящихъ путешественника на грустныя мысли. Дорога отъ Петергофа въ Петербургъ чрезвычайно живописна. Она идетъ между красивыми дачами и прекрасными садами, гдѣ петербургское общество ежегодно проводитъ короткое лѣто и въ нѣсколько теплыхъ дней забываетъ о жестокости суроваго климата, наслаждаясь постоян-

ною зеленью деревъ и луговъ, которая на болотистой почвѣ поддерживается до перваго снѣга.

Петербургъ представляетъ уму двоиственное зрѣлище; здѣсь въ одно время встрѣчаешь просвѣщеніе и варварство, слѣды X и XVIII вѣковъ, Азію и Европу, Скиѳовъ и Европейцевъ, блестящее гордое дворянство и невѣжественную толпу. Съ одной стороны модные наряды, богатыя одежды, роскошные пиры, великолѣпныя торжества, зрѣлища, подобныя тѣмъ, которыя увеселяютъ избранное общество Парижа и Лондона; съ другой, купцы въ азіятской одеждѣ, извощики, слуги и мужики въ овчинныхъ тулупахъ, съ длинными бородами, съ мѣховыми шапками и рукавицами и иногда съ топорами, заткнутыми за ременными поясами. Эта одежда, шерстяная обувь и родъ грубаго котурна на ногахъ, напоминаютъ Скиѳовъ, Даковъ, Роксоланъ и Готовъ, нѣкогда грозныхъ для римскаго міра. Изображенія дикарей, на барельефахъ Траяновой колонны въ Римѣ, какъ будто оживаютъ и движутся передъ вашими глазами. Кажется, слышишь тотъ же языкъ, тѣ же крики, которые раздавались въ Балканскихъ и Альпійскихъ горахъ, и передъ которыми обращались вспять полчища римскихъ и византійскихъ цезарей. Но когда эти люди на баркахъ или на возахъ поютъ свои мелодическія, хотя и однообразно грустныя пѣсни, то вспомнишь, что это уже не древніе независимые Скиѳы, а Москвитяне, потерявшіе свою гордость подъ гнетомъ Татаръ и русскихъ бояръ, которые однако не истребили ихъ прежнюю мощь и врожденную отвагу.

Ихъ сельскія жилища напоминаютъ простоту первобытныхъ нравовъ; они построены изъ сколоченныхъ вмѣстѣ бревенъ; маленькое отверстіе служитъ окномъ; въ узкой комнатѣ, со скамьями вдоль стѣнъ, стоитъ широкая печь. Въ углу висятъ образа, и имъ кланяются входящіе прежде, чѣмъ привѣтствуютъ хозяевъ. Каша и жареное мясо служатъ имъ обыкновенною пищею; они пьютъ квасъ и медъ; къ несчастью, они кромѣ

этого употребляютъ водку, которую не проглотитъ горло Европейца. Богатые купцы въ городахъ любятъ угощать съ безмѣрною и грубою роскошью; они подаютъ на столъ огромнѣйшія блюда говядины, дичи, рыбы, яицъ, пироговъ, подносимыхъ безъ порядка, некстати и въ такомъ множествѣ, что самые отважные желудки приходятъ въ ужасъ. Такъ какъ у низшаго класса народа въ этомъ государствѣ нѣтъ всеоживляющаго и подстрекающаго двигателя—*самолюбія*, нѣтъ желанія возвыситься и обогатиться, чтобы умножить свои наслажденія, то ничего не можетъ быть однообразнѣе ихъ жизни, проще ихъ нравовъ, ограниченнѣе ихъ нуждъ и постояннѣе ихъ привычекъ. Нынѣшній день у нихъ всегда повтореніе вчерашняго; ничто не измѣняется; даже ихъ женщины, въ своей восточной одеждѣ, съ румянами на лицѣ (у нихъ даже слово *красный* означаетъ *красоту*), въ праздничные дни надѣваютъ покрывала съ галунами и повойники съ бисеромъ, доставшіеся имъ по наслѣдству отъ матушекъ и украшавшіе ихъ прабабушекъ. Русское простонародье, погруженное въ рабство, не знакомо съ нравственнымъ благосостояніемъ; но оно пользуется нѣкоторою степенью внѣшняго довольства, имѣя всегда обезпеченное жилище, пищу и топливо; оно удовлетворяетъ своимъ необходимымъ потребностямъ и не испытываетъ страданій нищеты, этой страшной язвы просвѣщенныхъ народовъ. Помѣщики въ Россіи имѣютъ почти неограниченную власть надъ своими крестьянами, но, надо признаться, почти всѣ они пользуются ею съ чрезвычайною умѣренностью; при постепенномъ смягченіи нравовъ, подчиненіе ихъ приближается къ тому положенію, въ которомъ были въ Европѣ крестьяне, прикрѣпленные къ землѣ (servitude de la glèbe). Каждый крестьянинъ платитъ умѣренный оброкъ за землю, которую обработываетъ, и распредѣленіе этого налога производится старостами, выбранными изъ ихъ среды.

Когда переходишь отъ этой невѣжественной части русскаго

населенія, еще коснѣющей во тьмѣ среднихъ вѣковъ, къ сословію дворянъ богатыхъ и образованныхъ, то вниманіе поражается совершенно инымъ зрѣлищемъ. Здѣсь я долженъ напомнить, что изображаю русское общество такъ, какъ оно было за сорокъ лѣтъ передъ этимъ. Съ тѣхъ поръ оно измѣнилось, улучшилось во всѣхъ отношеніяхъ. Русская молодежь, которую война и жажда познаній разсѣяли по всѣмъ европейскимъ городамъ и дворамъ, показала до какой степени, усовершенствовались искусства, науки и вкусъ въ государствѣ, которое въ первую пору царствованія Людовика XV считалось необразованнымъ и варварскимъ.

Когда я прибылъ въ Петербургъ, въ немъ подъ покровомъ европейскаго лоска еще видны были слѣды прежнихъ временъ. Среди небольшаго, избраннаго числа образованныхъ и видѣвшихъ свѣтъ людей, ни въ чемъ не уступавшихъ придворнымъ лицамъ блистательнѣйшихъ европейскихъ дворовъ, было не мало такихъ, въ особенности стариковъ, которые по разговору, наружности, привычкамъ, невѣжеству и пустотѣ своей принадлежали скорѣе времени бояръ, чѣмъ царствованію Екатерины.

Но это различіе оказывалось только по тщательномъ наблюденіи; во внѣшности оно не было замѣтно. Съ полвѣка уже всѣ привыкли подражать иностранцамъ,—одѣваться, жить, меблироваться, ѣсть, встрѣчаться и кланяться, вести себя на балѣ и на обѣдѣ, какъ Французы, Англичане и Нѣмцы. Все, что касается до обращенія и приличій, было перенято превосходно. Женщины ушли далѣе мужчинъ на пути совершенствованія. Въ обществѣ можно было встрѣтить много нарядныхъ дамъ, дѣвицъ, замѣчательныхъ красотою, говорившихъ на четырехъ и пяти языкахъ, умѣвшихъ играть на разныхъ инструментахъ и знакомыхъ съ твореніями извѣстнѣйшихъ романистовъ Франціи, Италіи и Англіи. Между тѣмъ мужчины, исключая сотню придворныхъ, каковы напримѣръ: Румянцевы, Разумовскіе, Стро-

гоновы, Шуваловы, Воронцовы, Куракины, Голицыны, Долгоруковы и прочіе большею частью были необщительны и молчаливы, важны и холодно вѣжливы и, по видимому, мало знали о томъ, что происходило за предѣлами ихъ отечества. Впрочемъ, обычаи, введенные Екатериною, придали такую пріятность жизни петербургскаго общества, что измѣненія, произведенныя временемъ, могли только вести къ лучшему. Кромѣ праздничныхъ дней, обѣды, балы и вечера были немноголюдны, но общество въ нихъ было непестрое и хорошо выбранное; они не были похожи на пышные наши рауты, гдѣ царствуетъ скука и безпорядокъ. Одежда, занятая у французскихъ придворныхъ, была менѣе покойна, чѣмъ фраки, сапоги и круглыя шляпы, но она поддерживала приличіе, любезность и благородство въ обращеніи. Такъ какъ всѣ обѣдали рано, то время послѣ полудня было посвящено исполненію общественныхъ требованій, обычнымъ визитамъ и съѣздамъ въ гостиныхъ, гдѣ умъ и вкусъ образовывались пріятнымъ и разнообразнымъ разговоромъ. Это напоминало мнѣ то веселое время, которое я проводилъ въ парижскихъ гостиныхъ. Но слишкомъ частыя и неизбѣжныя празднества не только при дворѣ, но и въ обществѣ, показались мнѣ слишкомъ пышными и утомительными. Было введено обычаемъ праздновать дни рожденія и имянинъ всякаго знакомаго лица, и не явиться съ поздравленіемъ въ такой день—было бы невѣжливо. Въ эти дни никого не приглашали, но принимали всѣхъ, и всѣ знакомые съѣзжались. Можно себѣ представить, чего стоило русскимъ барамъ соблюденіе этого обычая; имъ безпрестанно приходилось устроивать пиры.

Другого рода роскошь, обременительная для дворянъ и грозящая имъ раззореніемъ, если они не образумятся, это—многочисленная прислуга ихъ. Дворовые люди, взятые изъ крестьянъ, считаютъ господскую службу за честь и милость; они почитали бы себя наказанными и разжалованными, если бы ихъ возвра-

тили въ деревню. Эти люди вступаютъ между собою въ браки и размножаются до такой степени, что нерѣдко встрѣчаешь помѣщика, у котораго 400 и до 500 человѣкъ дворовыхъ всѣхъ возрастовъ, обоихъ половъ, и всѣхъ ихъ онъ считаетъ долгомъ держать при себѣ, хоть и не можетъ занять ихъ всѣхъ работою. Не менѣе того удивилъ меня другой обычай, введенный тщеславіемъ: лица, чиномъ выше полковника, должны были ѣздить въ каретѣ въ четыре или шесть лошадей, смотря по чину, съ длиннобородымъ кучеромъ и двумя форрейторами. Когда я въ первый разъ выѣхалъ такимъ образомъ съ визитомъ къ одной дамѣ, жившей въ сосѣднемъ домѣ, то мой форрейторъ уже былъ подъ ея воротами, а моя карета еще на моемъ дворѣ!

Зимою снимаютъ съ каретъ колеса и замѣняютъ ихъ полозьями. Зимній санный путь по гладкимъ, широкимъ улицамъ всегда прекрасенъ, — такъ ровенъ и твердъ, какъ будто убитъ мельчайшимъ пескомъ; ничто не можетъ сравниться съ быстротой, съ которою ѣдешь или, лучше сказать, катишься по улицамъ этого прекраснаго города.

Я уже говорилъ, съ какою умѣренностью русскіе помѣщики пользуются своею, по закону неограниченною властью надъ своими крѣпостными. Во время моего долгаго пребыванія въ Россіи, многіе примѣры привязанности крестьянъ къ своимъ помѣщикамъ, доказали мнѣ, что я на счетъ этого не ошибся. Въ числѣ многихъ подобныхъ примѣровъ, на какіе я бы могъ указать, ограничусь однимъ. Оберъ-камергеръ графъ * * *, надѣлавъ большихъ долговъ, вынужденъ былъ для ихъ уплаты продать имѣніе, находившееся въ трехъ или четырехстахъ верстахъ отъ столицы. Однажды утромъ, проснувшись, онъ слышитъ ужасный шумъ у себя на дворѣ; шумѣла толпа собравшихся крестьянъ; онъ ихъ призываетъ и спрашиваетъ о причинѣ этой сходки. «До насъ дошли слухи, говорятъ эти добрые люди, — что вашей милости приходится продавать нашу деревню,

чтобы заплатить долги. Мы спокойны и довольны подъ вашею властью, вы насъ осчастливили, мы вамъ благодарны за то и не хотимъ остаться безъ васъ. Для этого мы сдѣлали складчину и поспѣшили поднести вамъ деньги, какія вамъ нужны; умоляемъ васъ принять ихъ». Графъ, послѣ нѣкотораго сопротивленія, принялъ даръ, съ удовольствіемъ сознавая, что его хорошее обращеніе съ крестьянами вознаградилось такимъ пріятнымъ образомъ. Тѣмъ не менѣе эти люди достойны сожалѣнія, потому что ихъ участь зависитъ отъ измѣнчивой судьбы, которая, по своему произволу, подчиняетъ ихъ хорошему или дурному владѣльцу. Эта истина не нуждается въ доказательствахъ; не смотря на то, я не могу не вспомнить кстати анекдотъ, который показалъ мнѣ, до какой степени неограниченная власть помѣщика, предающагося своимъ страстямъ, можетъ оскорблять невинность, слабость и добродѣтель, которымъ нѣтъ никакой опоры въ законахъ. Случай этотъ покажетъ, какой опасности могутъ подвергаться даже иностранцы свободные, но неизвѣстные, по несчастнымъ обстоятельствамъ принужденные служить въ странѣ, гдѣ господствуетъ рабство. Они неожиданно могутъ стать на ряду съ самыми угнетенными рабами и не найдутъ защиты въ самомъ сильномъ покровителѣ. Марія-Филисите Ле-Ришъ (Le-Riche), дѣвушка молодая, хорошенькая и съ сердцемъ, пріѣхала въ Россію вмѣстѣ съ отцомъ, котораго молодой русскій баринъ вызвалъ для управленія своей фабрикой. Предпріятіе это не удалось, и раззоренный старикъ не въ состояніи былъ содержать себя и дочь. Марія была влюблена въ молодого работника, но вмѣстѣ съ тѣмъ она возбудила сильную страсть въ русскомъ офицерѣ, помѣщикѣ, у котораго служилъ ея отецъ. Этотъ господинъ, стремясь къ удовлетворенію своихъ желаній, легко склонилъ отца Маріи отказать бѣдному ея жениху и вмѣстѣ съ тѣмъ сказалъ старику, что одна изъ его родственницъ, желаетъ имѣть при себѣ молодую дѣвуш-

*

ку, и что это мѣсто было бы выгодно для его дочери. Несчастный отецъ принялъ съ благодарностью его предложеніе. Марія, разлученная съ своимъ женихомъ, отправилась въ Петербургъ, гдѣ была помѣщена подъ присмотръ хитрой старухи, въ маленькой квартирѣ; здѣсь она имѣла все необходимое, кромѣ свободы, покровительства, на которое она надѣялась, и возможности видѣться и переписываться съ своимъ женихомъ. Марія была въ порѣ надеждъ, терпѣла и положилась на будущее. Но скоро разразилось надъ ней горе. Ложный ея благодѣтель пріѣзжаетъ, сбрасываетъ съ себя личину притворства и является низкимъ соблазнителемъ. Она противится ему съ двойною силою любви и добродѣтели. Убѣжденный въ безполезности всѣхъ средствъ къ обольщенію до тѣхъ поръ, пока молодая дѣвушка сохранитъ малѣйшую надежду принадлежать хоть когда нибудь любимому человѣку, похититель обманываетъ ее ложною вѣстью о смерти ея жениха. Она впадаетъ въ отчаяніе и меланхолію. Ея преслѣдователь пользуется ея безпомощнымъ положеніемъ, съ неистовствомъ довершаетъ свое преступленіе и потомъ безсовѣстно бросаетъ ее. Несчастная изнемогаетъ и теряетъ разсудокъ; добрые сосѣди сжалились надъ ней и помѣстили ее въ больницу. Два года спустя послѣ этого происшествія, я видѣлъ эту несчастную жертву преступленія и любви. Она была блѣдна, слаба; въ ея лицѣ замѣтны были слѣды прошлой красоты; она молчала, потому что не находила словъ, чтобы выразить свое страданіе. Съ недвижнымъ взоромъ, съ рукою на сердцѣ, она стояла въ томъ же самомъ оцѣпененіи и безмолвіи, какъ въ ту минуту, когда узнала о смерти своего милаго. Только тѣло ея жило; душа же ея какъ будто искала того, который могъ бы составить счастье ея жизни. Эта грустная картина никогда не изгладится изъ моей памяти. Г-нъ Дагесо, мужъ моей сестры, находившiйся въ то время въ Петербургѣ, былъ, подобно мнѣ, тронутъ видомъ этой молодой дѣвушки и набросалъ ея портретъ.

Я сохранилъ этотъ рисунокъ, и онъ часто напоминаетъ мнѣ бѣдную Марію и ея судьбу.

Обычай наказывать за проступки безъ всякаго разбирательства и пересуда вводитъ въ ужасныя ошибки даже самыхъ кроткихъ помѣщиковъ. Вотъ примѣръ такого недоразумѣнія, кончившійся довольно забавно, благодаря дѣйствующимъ лицамъ, хотя начало было очень печально и даже жестоко. Разъ утромъ торопливо прибѣгаетъ ко мнѣ какой-то человѣкъ, смущенный, взволнованный страхомъ, страданіемъ и гнѣвомъ, съ растрепанными волосами, съ глазами красными и въ слезахъ; голосъ его дрожалъ, платье его было въ безпорядкѣ: это былъ Французъ. Я спросилъ его, отчего онъ такъ разстроенъ? «Графъ, отвѣчалъ онъ,—прибѣгаю къ вашему покровительству; со мной поступили страшно несправедливо и жестоко; по приказанью одного вельможи, меня сейчасъ оскорбили безъ всякой причины: мнѣ дали сто ударовъ кнутомъ.»

«Такое обращеніе, сказалъ я,—даже въ случаѣ важнаго проступка непростительно; если же это случилось безъ всякаго повода, какъ вы говорите, то это даже непонятно и совершенно невѣроятно. Кто же это могъ сдѣлать?»

«Его Сіятельство, графъ Б.»

«Вы съ ума сошли, возразилъ я,—невозможно, чтобы человѣкъ такой почтенный, образованный и всѣми уважаемый, какъ графъ Б., позволилъ себѣ такое обращеніе съ Французомъ. Вѣроятно, вы сами осмѣлились его оскорбить?»

«Нѣтъ, возразилъ онъ,—я даже никогда не знавалъ графа Б.; я поваръ. Узнавъ, что графъ желаетъ имѣть повара, я явился къ нему въ домъ, и меня повели на верхъ въ его комнаты. Только что доложили обо мнѣ, онъ приказалъ мнѣ дать сто ударовъ, что сейчасъ же и было исполнено. Вы не повѣрите, что это такъ случилось, однако это правда; если хотите я могу представить вамъ доказательство и показать мою спину.»

«Слушайте же, сказалъ я ему наконецъ, —если, вопреки всякому вѣроятію, вы сказали правду, я буду требовать удовлетворенія за это оскорбленіе. Я не потерплю, чтобы обращались такимъ образомъ съ моими соотечественниками, которыхъ я обязанъ защищать. Если то, что вы мнѣ сказали,—неправда, то я съумѣю наказать васъ за такую клевету. Снесите сами письмо, которое я сейчасъ напишу графу; кто нибудь изъ моихъ людей поідетъ съ вами.» Я дѣйствительно тотчасъ написалъ графу Б. о странной жалобѣ повара и, между прочимъ, замѣтилъ, что хоть я и не вѣрю всему этому, однако обязанъ оказать защиту моему Французу и прошу его объяснить мнѣ это странное дѣло. Очень могло быть, что кто нибудь изъ его слугъ недостойно воспользовался его именемъ для такого насилія. Я его предупреждалъ, что съ нетерпѣніемъ ожидаю его отвѣта, чтобы принять нужныя мѣры для наказанія того, кто принесъ жалобу, въ случаѣ, если онъ солгалъ, и чтобы удовлетворить его, если онъ, противъ всякаго вѣроятія, говоритъ правду.

Прошли два часа; я не получалъ никакого отвѣта. Наконецъ, я сталъ терять терпѣніе и хотѣлъ уже идти самъ за объясненіемъ, котораго требовалъ, какъ вдругъ опять явился поваръ, но въ совершенно другомъ настроеніи: онъ былъ спокоенъ, улыбался и смотрѣлъ весело.

«Ну, что же, принесли вы мнѣ отвѣтъ?» спросилъ я его.

«Нѣтъ графъ, его превосходительство самъ доставитъ вамъ его вскорѣ; а мнѣ ужь больше не на что жаловаться, я доволенъ, совершенно доволенъ, тутъ вышла ошибка, мнѣ остается только поблагодарить васъ за вашу милость.»

«Какъ! развѣ уже слѣды вашихъ ста ударовъ исчезли?»

«Нѣтъ, они еще на моей спинѣ и очень замѣтны; но ихъ очень хорошо залѣчили и меня совершенно успокоили. Мнѣ все объяснили; вотъ какъ было дѣло: у графа Б. былъ крѣпостной поваръ, родомъ изъ его вотчины; нѣсколько дней тому назадъ,

онъ бѣжалъ и, говорятъ, обокралъ его. Его сіятельство приказалъ отыскать его и, какъ только приведутъ, высѣчь. Въ это то самое время я явился, чтобы проситься на его мѣсто. Когда меня ввели въ кабинетъ графа, онъ сидѣлъ за своимъ столомъ, спиной къ двери и былъ очень занятъ. Меня ввелъ лакей и сказалъ графу: «ваше сіятельство, вотъ поваръ». Графъ не оборачиваясь, тотчасъ отвѣчалъ: «свести его на дворъ и дать ему сто ударовъ!» Лакей тотчасъ запираетъ дверь, тащитъ меня на дворъ и, съ помощью своихъ товарищей, какъ я уже вамъ говорилъ, отсчитываетъ на спинѣ бѣднаго французскаго повара удары, назначенные бѣглому русскому. Его сіятельство сожалѣетъ обо мнѣ, самъ объяснилъ мнѣ эту ошибку и потомъ подарилъ мнѣ вотъ этотъ кошелекъ съ золотомъ.»

Я отпустилъ этого бѣдняка, но не могъ не замѣтить, что онъ слишкомъ легко утѣшился послѣ побоевъ.

Всѣ эти выходки, выходки то жестокія, то странныя и рѣдко забавныя, происходятъ отъ недостатка твердыхъ учрежденій и гарантій. Въ странѣ безгласнаго послушанія и безправности владѣлецъ самый справедливый и разумный долженъ остерегаться послѣдствій необдуманнаго и поспѣшнаго приказанія.

Приведу случай, можетъ быть, немного странный, но достовѣрность его мнѣ подтвердили многіе Русскіе, а одинъ изъ моихъ сослуживцевъ, теперь членъ палаты перовъ, не разъ слышалъ объ немъ въ Россіи. Замѣтьте, что это случилось въ царствованіе Екатерины II, которая какъ прежде, такъ и теперь, считается всѣми подданными своей пространной имперіи, образцомъ мудрости, благоразумія, кротости и доброты.

Одинъ богатый иностранецъ, Сутерландъ, принявъ русское подданство, былъ придворнымъ банкиромъ. Онъ пользовался расположеніемъ императрицы. Однажды, ему говорятъ, что его домъ окруженъ солдатами, и что полиціймейстеръ Р. желаетъ съ нимъ

переговорить. Р. съ смущеннымъ видомъ входитъ къ нему и говоритъ: «Господинъ Судерландъ, я съ прискорбіемъ получилъ порученіе отъ императрицы исполнить приказаніе ея, строгость котораго меня пугаетъ; не знаю, за какой проступокъ, за какое преступленіе вы подверглись гнѣву ея величества.»

«Я тоже ничего не знаю и, признаюсь, не менѣе васъ удивленъ. Но скажите же наконецъ, какое это наказаніе?»

«У меня, право, отвѣчаетъ полиціймейстеръ,—не достаетъ духу, чтобъ вамъ объявить его.»

«Неужели я потерялъ довѣріе императрицы?»

«Еслибъ только это, я бы не такъ опечалился; довѣріе можетъ возвратиться, и мѣсто вы можете получить снова.»

«Такъ что же? Не хотятъ ли меня выслать отсюда?»

«Это было-бъ непріятно, но съ вашимъ состояніемъ вездѣ хорошо.»

«Господи, воскликнулъ испуганный Судерландъ, — можетъ быть, меня хотятъ сослать въ Сибирь?»

«Увы, и оттуда возвращаются!»

«Въ крѣпость меня сажаютъ, что-ли?»

«Это бы еще ничего; и изъ крѣпости выходятъ.»

«Боже мой, ужь не иду ли я подъ кнутъ?»

«Истязаніе страшное, но отъ него не всегда умираютъ.»

«Какъ, воскликнулъ банкиръ рыдая,—моя жизнь въ опасности? Императрица, добрая, великодушная, на дняхъ еще говорила со мной такъ милостиво, неужели она захочетъ... но я не могу этому вѣрить. О, говорите же скорѣе! Лучше смерть, чѣмъ эта неизвѣстность!»

«Императрица, отвѣчалъ уныло полиціймейстеръ,—приказала мнѣ сдѣлать изъ васъ чучелу...»

«Чучелу? вскричалъ пораженный Судерландъ,—да вы съ ума сошли, и какъ же вы могли согласиться исполнить такое приказаніе, не представивъ ей всю его жестокость и нелѣпость?»

«Ахъ, любезный другъ, я сдѣлалъ то, что мы рѣдко позволяемъ себѣ дѣлать; я удивился и огорчился, я хотѣлъ даже возражать, но императрица разсердилась, упрекнула меня за непослушаніе, велѣла мнѣ выйти и тотчасъ же исполнить ея приказаніе; вотъ ея слова, онѣ мнѣ и теперь еще слышатся: ступайте и не забывайте, что ваша обязанность исполнять безпрекословно всѣ мои приказанія.»

Не возможно описать удивленіе, гнѣвъ и отчаяніе бѣднаго банкира. Полиціймейстеръ далъ ему четверть часа сроку, чтобъ привести въ порядокъ его дѣла. Судерландъ тщетно умолялъ его позволить ему написать письмо императрицѣ, чтобъ прибѣгнуть къ ея милосердію. Полиціймейстеръ наконецъ однако, со страхомъ, согласился, но, не смѣя нести его во дворецъ, взялся доставить его графу Брюсу. Графъ сначала подумалъ, что полиціймейстеръ помѣшался, и, приказавъ ему слѣдовать за собою, немедленно поѣхалъ къ императрицѣ; входитъ къ государынѣ и объясняетъ ей, въ чемъ дѣло. Екатерина, услыхавъ этотъ странный разсказъ, восклицаетъ: «Боже мой! какія страсти, Р. точно помѣшался! Графъ, бѣгите скорѣе сказать этому сумасшедшему, чтобы онъ сейчасъ поспѣшилъ утѣшить и освободить моего бѣднаго банкира!»

Графъ выходитъ и, отдавъ приказаніе, къ удивленію своему видитъ, что императрица хохочетъ.

«Теперь, говоритъ онъ,—я поняла причину этого забавнаго и страннаго случая: у меня была маленькая собачка, которую я очень любила; ее звали Судерландомъ, потому что я получила ее въ подарокъ отъ банкира. Недавно она околѣла, и я приказала Р. сдѣлать изъ нея чучелу, но, видя, что онъ не рѣшается, я разсердилась на него, приписавъ его отказъ тому, что онъ изъ глупаго тщеславія считаетъ это порученіе недостойнымъ себя. Вотъ вамъ разрѣшеніе этой странной загадки.»

Впрочемъ я считаю нужнымъ повторить, что общественные

нравы и мудрыя намѣренія Екатерины и двухъ ея преемниковъ сдѣлали для образованія почти столько же хорошаго, сколько могли произвесть дѣльные законы. Во время пятилѣтняго моего пребыванія въ Россіи, я не слыхалъ ни одного случая жестокости и угнетенія. Крестьяне дѣйствительно живутъ въ рабскомъ состояніи, но съ ними хорошо обращаются. Нигдѣ не встрѣтишь ни одного нищаго, а если они попадаются, ихъ отсылаютъ къ владѣльцамъ, которые обязаны ихъ содержать; сами же дворяне, хотя и подчинены неограниченной власти, но пользуются, по своему положенію и уваженію къ нимъ общества, гораздо большимъ значеніемъ, чѣмъ во всѣхъ прочихъ, даже конституціонныхъ странахъ Европы. Екатерина дала дворянству право выборовъ, и каждая губернія выбираетъ своихъ предводителей и судей. Всѣ военныя и гражданскія должности находятся въ ихъ рукахъ. Не достаетъ только прочныхъ законовъ, которые обезпечивали бы права престола, права дворянства и постепенное улучшеніе быта крестьянъ....

Иностранцы принимаются въ Россіи съ самымъ внимательнымъ гостепріимствомъ. Никогда я не забуду пріема, не только любезнаго, но и радушнаго, сдѣланнаго мнѣ блестящимъ, петербургскимъ обществомъ. Въ короткое время знакомство съ истинно достойными людьми и съ любезными дамами, заставило меня забыть, что я у нихъ чужой... Трудно было бы найдти женщину добродушнѣе и умнѣе графини Салтыковой; какъ искренно и непритворно добры были графини Остерманъ, Чернышева, Пушкина, госпожа Дивова; въ Парижѣ всѣ любовались бы красотою и прелестью княжны Долгоруковой и ея матери, княгини Барятинской, графини Чернышевой, прелестной графини Скавронской, головка которой могла бы служить для художника образцомъ головы Амура. Молодыя Нарышкины, графиня Разумовская, уже не молодая, фрейлины, украшеніе дворца императрицы, привлекали къ себѣ взгляды и похвалы. Бы-

вало, нехотя покидаешь умный разговоръ графини Шуваловой или оригинальную и острую бесѣду госпожи Загряжской (Zagreski)[1].

Графы Румянцевъ, Салтыковъ, Строгоновъ, Андрей Разумовскій, извѣстный своими успѣхами въ политикѣ, Андрей Шуваловъ, своимъ Epitre à Ninon занявшій мѣсто въ ряду французскихъ поэтовъ, братья графы Воронцовы, отличавшіеся одинъ на поприщѣ правительственномъ, другой въ дипломаціи, графъ Безбородко, скрывавшій тонкій умъ подъ тяжелою наружностью, князь Репнинъ, вѣжливый царедворецъ и вмѣстѣ храбрый генералъ, благородный и прямодушный Михельсонъ, побѣдитель Пугачева, фельдмаршалъ Румянцевъ, обезсмертившійся своими побѣдами, даже Суворовъ, который лаврами прикрывалъ свои странности, забавныя ужимки и едва позволительныя причуды, наконецъ множество молодыхъ полковниковъ и генераловъ, которые доказывали, что Россія идетъ впередъ на пути славы и просвѣщенія, всѣ, разумѣется, привлекали мое вниманіе и уваженіе. Я бы могъ включить въ число этихъ лицъ имена Голицына, Куракина, Кушелева и другихъ, если бы меня не удерживали тѣсные предѣлы моего разсказа. Но я не могу умолчать о старухѣ графинѣ Румянцевой, матери фельдмаршала. Разрушающееся тѣло ея одно свидѣтельствовало объ ея преклонныхъ лѣтахъ; но она обладала живымъ, веселымъ

---

[1]) Обо всѣхъ упомянутыхъ здѣсь лицахъ свѣдѣнія можно найдти въ Россійской Родословной книгѣ, сост. кн. П. В. Долгоруковымъ, 4 ч., въ Спискѣ замѣчат. лицъ русскихъ, помѣщенномъ въ Чтеніяхъ М. Общ. Ист. и Др. Р., 1860, кн. I, и въ сочиненіи Вейдемейера: Дворъ и замѣч. люди во время имп. Екатерины II. Спб. 1846. Елизавета Петровна Дивова, супруга сенатора тайнаго совѣтника Андріана Ивановича Дивова, ум. 8 Мая 1814 г., урожденная графиня Бутурлина, извѣстна, между прочимъ, тѣмъ, что подверглась слѣдствію Шишковскаго; поводомъ къ тому было то, что г-жа Дивова, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими лицами, сочинила карикатуру на дворъ. См. Записки Л. Н. Энгельгардта, М. 1859 стр. 46. Фамилію Sagreski, можно также читать Закревская, но вѣроятнѣе, что это Н. К. Загряжская, та самая особа, отъ которой въ послѣдствіи Пушкинъ слышалъ нѣсколько любопытныхъ разсказовъ о екатерининскомъ времени.

умомъ и юнымъ воображеніемъ. Такъ какъ у нея была прекрасная память, то разговоръ ея имѣлъ всю прелесть и поучительность хорошо изложенной исторіи. Она присутствовала при заложеніи города Петербурга, и потому наша поговорка: *стара, какъ улица* (vieille comme les rues), могла вполнѣ быть примѣнена къ ней. Будучи во Франціи, она присутствовала на обѣдѣ у Людовика XIV и описывала мнѣ наружность, манеры, выраженіе лица и одежду г-жи Ментенонъ, какъ будто бы только вчера ее видѣла. Она передала мнѣ любопытныя подробности о знаменитомъ герцогѣ Марлборо, котораго посѣтила въ его лагерѣ. Въ другой разъ она представила мнѣ вѣрную картину двора англійской королевы Анны, которая осыпала ее своими милостями; наконецъ она разсказывала о томъ, какъ за нею ухаживалъ Петръ Великій.

Но всего любопытнѣе и важнѣе для меня было знакомство съ знаменитымъ и могущественнымъ княземъ Потемкинымъ. Если представить очеркъ этой личности, то можно быть увѣрену, что никто не смѣшаетъ его съ кѣмъ нибудь другимъ. Никогда еще ни при дворѣ, ни на поприщѣ гражданскомъ или военномъ не бывало царедворца болѣе великолѣпнаго и дикаго, министра болѣе предпріимчиваго и менѣе трудолюбиваго, полководца болѣе храбраго и вмѣстѣ нерѣшительнаго. Онъ представлялъ собою самую своеобразную личность, потому что въ немъ непостижимо смѣшаны были величіе и мелочность, лѣнь и дѣятельность, храбрость и робость, честолюбіе и беззаботность. Вездѣ этотъ человѣкъ былъ бы замѣчателенъ своею странностью. Но за предѣлами Россіи и безъ особенныхъ обстоятельствъ, доставившихъ ему благоволеніе Екатерины II, онъ не только не могъ бы пріобрѣсть такую огромную извѣстность и достичь до такого высокаго сана, но едва ли бы дослужился до сколько нибудь значущаго чина. По своей странности и непослѣдовательности въ мысляхъ, онъ не пошелъ бы далеко ни на военномъ, ни на гражданскомъ поприщѣ.

Еще въ началѣ царствованія Екатерины, Потемкинъ былъ не болѣе, какъ девятнадцати-лѣтній унтеръ-офицеръ; въ день переворота онъ одинъ изъ первыхъ сталъ на сторону императрицы. Однажды, на парадѣ, счастливый случай привлекъ на него вниманіе государыни: она держала въ рукахъ шпагу, и ей понадобился темлякъ. Потемкинъ подъѣзжаетъ къ ней и вручаетъ ей свой; онъ хочетъ почтительно удалиться, но его лошадь, пріученная къ строю, заупрямилась и не захотѣла отойти отъ коня государыни; Екатерина замѣтила это, улыбнулась и между тѣмъ обратила вниманіе на молодого унтеръ-офицера, который противъ воли все стоялъ подлѣ нея; потомъ заговорила съ нимъ, и онъ ей понравился своею наружностью, осанкою, ловкостью, отвѣтами. Освѣдомившись о его имени, государыня пожаловала его офицеромъ и вскорѣ назначила своимъ камер-юнкеромъ. И такъ упрямство непослушной лошади повело его на путь почестей, богатства и могущества. Онъ самъ разсказалъ мнѣ этотъ анекдотъ.

Потемкинъ обладалъ счастливою памятью при врожденномъ живомъ, быстромъ и подвижномъ умѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ былъ безпеченъ и лѣнивъ. Любя покой, онъ былъ однако ненасытимо сластолюбивъ, властолюбивъ и склоненъ къ роскоши, и потому счастье, служа ему, утомляло его; оно не соотвѣтствовало его лѣни и, при всемъ томъ, не могло удовлетворить его причудливымъ и пылкимъ желаніямъ. Этого человѣка можно было сдѣлать богатымъ и сильнымъ, но нельзя было сдѣлать счастливымъ. У него было доброе сердце и ѣдкій умъ. Будучи и скупъ, и расточителенъ, онъ раздавалъ множество милостыни и рѣдко платилъ долги свои. Свѣтъ ему надоѣлъ; ему казалось, что онъ въ обществѣ лишній; но, не смотря на то, онъ дома окружилъ себя какъ бы дворомъ. Любезный въ тѣсномъ кругѣ, въ большомъ обществѣ онъ являлся высокомѣрнымъ и почти неприступнымъ; впрочемъ онъ стѣснялъ другихъ только потому, что самъ чув-

ствовалъ себя связаннымъ. Въ немъ была какая-то робость, которую онъ хотѣлъ скрыть или побѣдить гордымъ обращеніемъ. Чтобы снискать его расположеніе, нужно было не бояться его, обходиться съ нимъ просто, первому начинать съ нимъ разговоръ, стараться ни чѣмъ не затруднять его и быть съ нимъ какъ можно развязнѣе.

Хотя онъ и воспитывался въ университетѣ, но онъ меньше научился изъ книгъ, чѣмъ отъ людей; лѣнь ему мѣшала учиться, но любознательность его по всюду искала пищи. Онъ чрезвычайно любилъ разспрашивать, и такъ какъ по сану своему онъ сходился съ людьми различныхъ сословій и званій, то толками и разспросами обогащалъ свою память и пріобрѣлъ такія свѣдѣнія, что уму его дивились всѣ, не только люди государственные и военные, но и путешественники, ученые, литераторы, художники, даже ремесленники. Любимый предметъ его было богословіе. Будучи тщеславенъ, честолюбивъ и прихотливъ, онъ былъ не только богомоленъ, но даже суевѣренъ. Мнѣ случалось видѣть, какъ онъ по цѣлымъ утрамъ занимался разсматриваніемъ образцевъ драгунскихъ киверовъ, чепчиковъ и платьевъ для своихъ племянницъ, митръ и священническихъ облаченій. Бывало, непремѣнно привлечешь его вниманіе и удалишь его отъ другихъ занятій, если заговоришь съ нимъ о распряхъ греческой церкви съ римскою, о соборахъ Никейскомъ, Халкедонскомъ или Флорентійскомъ. До мечтательности честолюбивый, онъ воображалъ себя то курляндскимъ герцогомъ, то королемъ польскимъ, то задумывалъ основать духовный орденъ или просто сдѣлаться монахомъ. То, чѣмъ онъ обладалъ, ему надоѣдало; чего онъ достичь не могъ—возбуждало его желанія. Ненасытный и пресыщенный, онъ былъ вполнѣ любимецъ счастья, и также подвиженъ, непостояненъ и прихотливъ, какъ само счастье.

Во всѣхъ столицахъ европейскихъ, исключая однако Парижъ

и Лондонъ, ввелось въ обычай, что иностранные послы и министры (которыхъ—не знаю почему—разумѣютъ подъ именемъ *дипломатическаго корпуса*, тогда какъ члены этого *тѣла* всегда разъединены и несогласны между собою) дѣлаются душою общества того города, гдѣ живутъ. Они обыкновенно дѣятельнѣе, нежели мѣстные вельможи, оживляютъ общество, потому что держатъ открытые дома и часто даютъ роскошные обѣды, блистательные пиры и балы. Въ то время, какъ я находился въ Петербургѣ, дипломатическій корпусъ составляли люди достойные уваженія во многихъ отношеніяхъ. Они оживляли и веселили петербургское общество. Австрійскій посолъ, *графъ Кобенцель*, въ послѣдствіи заслужившій извѣстность въ Парижѣ при Наполеонѣ, своею любезностью, живымъ разговоромъ и постоянною веселостью заставлялъ всѣхъ забывать его необыкновенно непріятную наружность. Прусскій министръ, *графъ Герцъ*, болѣе важный. но едва ли не болѣе пылкій, заставлялъ любить и уважать себя за чистосердечіе и живость, благодаря которой его глубокая ученость никогда не доходила до педантства. Его оживленный разговоръ всегда былъ занимателенъ и никогда не истощался. *Фитцъ-Гербертъ*, въ послѣдствіи лордъ Сентъ-Еленсъ, съ чувствительной душою и британскою причудливостью соединялъ всю прелесть самаго образованнаго ума. Искусный и тонкій дипломатъ, постоянный въ своихъ чувствахъ, всегда благородный и великодушный, онъ былъ лучшій другъ и вмѣстѣ опаснѣйшій соперникъ. На политическомъ поприщѣ мы въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ старались вредить другъ другу; но, какъ частные люди, мы были въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ между собою, что равно удивляло и Русскихъ, и нашихъ соотечественниковъ. *Баронъ Нолькенъ*, шведскій министръ, и *Сенъ-Сафоренъ* (Saint-Saphorin), датскій, пользовались также всеобщимъ уваженіемъ, какъ люди скромные, общительные и образованные. Неаполи-

танскій министръ, *герцогъ Серра-Капріола*, нравился всѣмъ своимъ добродушіемъ и веселостью. Красавицу жену его убилъ суровый климатъ, къ которому онъ самъ однако такъ привыкъ, что поселился въ Россіи и женился на дочери князя Вяземскаго, одного изъ значительнѣйшихъ лицъ при дворѣ Екатерины. Я не буду распространяться о голландскомъ посланникѣ, *баронѣ Вессенерѣ*; его пребываніе въ Петербургѣ было кратковременно и незамѣтно и кончилось разстроившимся сватовствомъ съ довольно скандальными подробностями.

Съ самаго начала моего пребыванія при русскомъ дворѣ я нашелъ здѣсь тѣже скучныя затрудненія при соблюденіи этикета, которыя мнѣ надѣлали столько хлопотъ въ Майнцѣ. Верженнь увѣрилъ меня, что въ Петербургѣ въ дипломатическомъ церемоніалѣ господствуетъ совершенная свобода. Колиньеръ сказалъ мнѣ, что точно императрица допустила эту свободу, но что въ дѣйствительности она не существовала. Каждое воскресенье государыня, выходя изъ церкви и вступая въ свои покои, встрѣчала представителей иностранныхъ дворовъ, стоявшихъ въ два ряда вдоль зала. По старому ли обыкновенію или по странному невниманію моихъ предшественниковъ, — но, вслѣдъ за посланниками австрійскимъ и голландскимъ, которые по праву становились впереди, на первое мѣсто становился англійскій министръ, а за нимъ уже французскій. Не желая сохранять этотъ неприличный обычай и, съ другой стороны, боясь усилить невыгодное обо мнѣ мнѣніе государыни, такъ какъ послѣ исторіи въ Майнцѣ [1]) ей внушили, что я надмененъ и обидчивъ, — я принужденъ былъ прибѣгнуть къ хитрости, чтобы не потерять расположенія двора, который желалъ сблизить съ своимъ, и чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ не выказать неумѣстной уступчивости. Для этого въ первый пріемный день я отправился во

---

[1]) Съ графомъ Румянцевымъ.

дворецъ по раньше; но какъ я ни спѣшилъ, однако нашелъ Фитцъ-Герберта уже занявшимъ первое мѣсто. Одна очень милая парижская дама поручила мнѣ передать ему письмо, и я воспользовался этимъ случаемъ, чтобы исполнить ея порученіе. Когда я сказалъ ему имя дамы, онъ поспѣшно взялъ у меня письмо и отошелъ къ окну, чтобы прочитать его; тогда я занялъ его мѣсто, и онъ уступилъ его безъ спора, потому что завладѣлъ имъ не по праву, а только по привычкѣ. На слѣдующее воскресенье я опять собрался по раньше и занялъ первое мѣсто. При третьей аудіенціи, замѣтивъ, что шведскій посланникъ и другіе сторонятся и даютъ мнѣ дорогу, я сказалъ имъ: «Нѣтъ, господа, вы пришли прежде меня, и я стану послѣ васъ; здѣсь принято за правило, не соблюдать строго дипломатическаго этикета, и теперь мы именно стоимъ не по чинамъ.»

Недѣли двѣ употребилъ я на то, чтобы познакомиться съ обыкновеніями петербургскаго общества и съ главнѣйшими его представителями. Послѣ того принялся я за мои служебныя дѣла, которыя на первыхъ порахъ были немногочисленны и неважны. Холодность въ отношеніяхъ между нашимъ и русскимъ дворомъ не давала намъ никакого вѣса въ Россіи; всѣмъ извѣстно было предубѣжденіе Екатерины противъ версальскаго кабинета. Министры и царедворцы, пользовавшіеся ея милостью, были весьма холодны въ обращеніи и разговорахъ со мною. Чтобы дать понятіе о нашемъ политическомъ значеніи, достаточно будетъ изложить содержаніе инструкціи, полученной мною отъ Верженнія предъ моимъ отъѣздомъ въ Россію. Министръ, между прочимъ, писалъ:

«Составляя эту инструкцію и перечитывая инструкціи, данныя вашимъ предшественникамъ, я съ сожалѣніемъ усмотрѣлъ, что прежнія распоряженія нынѣ не могутъ идти къ дѣлу. Наше сопротивленіе видамъ императрицы на Турцію совершенно

измѣнило отношенія нашего монарха къ ней. До тѣхъ поръ, пока графъ Панинъ имѣлъ нѣкоторое вліяніе на умъ Екатерины, этотъ умный и миролюбивый министръ умѣлъ побѣдить въ императрицѣ недоброжелательство къ Франціи. Въ его министерство мы сблизились съ Россіею и способствовали водворенію согласія между нею и Турціею. Мы поддерживали столь славное для императрицы учрежденіе вооруженнаго нейтралитета. Англичане уже теряли въ Петербургѣ прежнее вліяніе и опасались за ненарушимость своихъ торговыхъ привиллегій. Но со времени немилости и смерти графа Панина важнѣйшія государственныя дѣла поручены были Потемкину; пылкій и честолюбивый князь совершенно предался англо-австрійской партіи, надѣясь при ихъ содѣйствіи устранить препятствія, которыя встрѣчали виды Екатерины на Турцію. Правда, что мы союзники Австрійцевъ. Но двадцати-восьми лѣтній опытъ доказалъ намъ, что, не смотря на этотъ союзъ, вѣнскій дворъ не внушалъ своимъ представителямъ у другихъ державъ, оставить свой старый обычай противудѣйствовать намъ, Графъ Кобенцель довелъ этотъ образъ дѣйствія до крайности , всячески потворствовалъ Англіи и укрывалъ самыя явныя ея несправедливости. Наконецъ, не смотря на то, что Екатерина оставила прусскаго короля, соединилась съ Австріею и потому, казалось бы, должна была сблизиться и съ нами, мы видимъ однако, что вѣнскій и петербургскій кабинеты обращаются съ нами такъ недоброжелательно, какъ будто мы составили противъ нихъ союзъ съ Пруссіею. А между тѣмъ монархъ нашъ поступилъ такъ снисходительно и, можетъ быть, даже слишкомъ опрометчиво, что далъ свое согласіе на завоеваніе Крыма. Но эта уступка доставила намъ только холодное выраженіе признательности со стороны Екатерины, и мы даже не могли получить отъ русскаго кабинета вознагражденія, издавно испрашиваемаго за нѣсколько важныхъ нанесенныхъ намъ убытковъ. Вотъ въ какомъ положеніи найдете вы

императрицу; опасаются, чтобы въ предстоящей борьбѣ Голландіи съ Іосифомъ II она не приняла сторону императора. Ея вѣроятною цѣлью будетъ дѣйствовать такимъ образомъ, чтобы, сообща съ Англіею, принудить Голландцевъ просить ея покровительства, и чтобы императоръ остался обязаннымъ ей за ея уступки. Наконецъ, я увѣренъ, что всѣ попытки снискать намъ дружественное расположеніе императрицы будутъ напрасны, и что король долженъ будетъ въ сношеніяхъ съ нею ограничиться однимъ лишь строгимъ исполненіемъ приличій. Впрочемъ я вамъ совѣтую стараться понравиться государынѣ и лицамъ, имѣющимъ вѣсъ при дворѣ. Мы не имѣемъ никакой надежды на заключеніе торговаго договора съ Россіею. Но если, противу чаянія, представятся къ тому благопріятныя обстоятельства, то воспользуйтесь всякимъ удобнымъ случаемъ и постарайтесь увѣрить русскихъ министровъ, что преимущества, данныя Англичанамъ, вредны для Россіи, между тѣмъ какъ мы гораздо скромнѣе въ нашихъ требованіяхъ и просимъ только, чтобы съ нами обходились также, какъ со всѣми прочими промышленными странами.»

Министръ полагалъ, что главнымъ образомъ мнѣ нужно было имѣть въ виду—открыть настоящіе замыслы Екатерины, разузнать характеръ и значеніе ея отношеній къ императору и къ Англіи и извѣдать ея намѣренія относительно Швеціи и попытки пріобрѣсть вліяніе на Неаполь. Въ особенности я обязанъ былъ различать вѣроятное отъ дѣйствительно существующаго, угрозы отъ настоящихъ дѣйствій и ложные слухи отъ дѣйствительныхъ намѣреній. Полагая, что главнѣйшею цѣлью императрицы было разрушеніе Отоманской имперіи и возстановленіе греческой державы, и чтобы заставить замолчать льстецовъ, предсказывавшихъ скорый и легкій успѣхъ этому огромному предпріятію, министръ приказалъ мнѣ всѣми возможными способами стараться убѣдить русскихъ министровъ въ томъ, что

*

этому перевороту воспротивятся всѣ значительныя европейскія державы. Переходя къ болѣе частнымъ предметамъ, министръ предписывалъ мнѣ отвѣчать вѣжливостью на вѣжливость графа Кобенцеля, но не довѣряться ему, между тѣмъ какъ съ прусскимъ министромъ онъ совѣтовалъ мнѣ быть откровеннымъ. Вообще съ представителями дружественныхъ державъ мнѣ велѣно было обходиться дружелюбно и даже не пропускать случая сблизиться съ министрами непріязненныхъ къ намъ государствъ; сверхъ того мнѣ велѣно было переписываться съ нашими посланниками и министрами въ Константинополѣ, Берлинѣ, Стокгольмѣ и Копенгагенѣ и доводить до ихъ свѣдѣнія все, что имъ нужно было знать. Изъ очерка этихъ инструкцій можно видѣть, что не разсчитывали на мой успѣхъ; обязанность моя ограничивалась внимательнымъ наблюденіемъ ходомъ дѣлъ при дворѣ, на который мы не имѣли никакого вліянія, и единственное прямое порученіе состояло въ томъ, чтобы, послѣ многолѣтнихъ, напрасныхъ требованій, добиться справедливаго удовлетворенія марсельскимъ торговцамъ, которыхъ русскіе каперы захватили и ограбили во время турецкой войны.

Мнѣ нетрудно было узнать расположеніе главныхъ министровъ: Воронцовъ, Остерманъ и Безбородко не скрывали своей приверженности къ Англичанамъ, и мои попытки сблизиться съ ними ограничились чиннымъ пріемомъ и внѣшними выраженіями вѣжливости. Къ тому же, желаніе и необходимость угождать государынѣ пріучили ихъ сообразовать свое поведеніе съ ея намѣреніями и показывать ей, что они въ политикѣ, какъ и во всемъ другомъ, раздѣляютъ ея мнѣнія. Но такъ какъ царедворцы въ этомъ подобострастіи доходятъ до крайности, то они выражали свое благорасположеніе и недоброжелательство съ большею рѣшительностью, нежели сама государыня. Императрица благоволила къ послу австрійскому и къ министру англійскому, а потому и ея ближайшіе совѣтники были съ ними въ пріязненныхъ отно-

шеніяхъ. Такъ какъ министры знали нерасположеніе государыни къ французскому двору и неудовольствіе ея по поводу поведенія и насмѣшекъ прусскаго короля, то не сближались съ графомъ Герцемъ и со мною и были всегда скорѣе готовы вредить намъ, нежели услужить. Общество также отчасти слѣдовало ихъ примѣру. Однако въ Петербургѣ было довольно лицъ, особенно дамъ, которыя предпочитали Французовъ другимъ иностранцамъ и желали сближенія Россіи съ Франціею. Это расположеніе было мнѣ пріятно, но не послужило въ пользу. Петербургъ въ этомъ случаѣ далеко не походитъ на Парижъ: здѣсь никогда въ гостиныхъ не говорили о политикѣ, даже въ похвалу правительства. Недовольные изъ жителей столицы высказывались только въ тѣсномъ, дружескомъ обществѣ; тѣ же, кому это было стѣснительно, удалялись въ Москву, которую однако нельзя назвать центромъ оппозиціи—ея нѣтъ въ Россіи,—но которая дѣйствительно была столицею недовольныхъ [1]).

Прежде всего мнѣ надо было познакомиться съ княземъ Потемкинымъ, а потомъ ужь съ прочими министрами. Къ сожалѣнію, мнѣ трудно было побѣдить въ немъ предубѣжденіе противъ Франціи. Онъ былъ совершенно противныхъ мнѣній съ графомъ Панинымъ, раздѣлялъ и возбуждалъ честолюбивые замыслы Екатерины II, а во Франціи видѣлъ препятствіе своимъ намѣреніямъ и ненавидѣлъ насъ, какъ защитниковъ Турокъ, Поляковъ и Шведовъ. Онъ придумывалъ всевозможныя средства, чтобы во вредъ намъ и Пруссіи снискать довѣріе, расположеніе и содѣйствіе кабинетовъ австрійскаго и англійскаго. Поэтому онъ былъ холоденъ съ нами [2]) и чрезвычайно ласковъ съ Кобенцелемъ и Фитцъ-Гербертомъ, равно какъ съ австрійскими и

---

[1]) Ср. въ Записках Л. Н. Энгельгардта. М. 1859. Стр. 52.

[2]) То есть съ Сегюромъ и прусскимъ посланникомъ графомъ Герцемъ.

англійскими купцами и путешественниками. Но эти препятствія не останавливали меня. Мнѣ передали обстоятельныя свѣдѣнія о характерѣ, свойствахъ и слабостяхъ этого министра, и я попытался употребить эти свѣдѣнія въ дѣло, что мнѣ и удалось, хотя съ начала попытки мои казались безуспѣшны. Потемкинъ, какъ военный министръ, главно-командующій войсками, правитель вновь завоеванныхъ южныхъ областей имперіи, всесильный по неограниченному довѣрію къ нему императрицы, былъ предметомъ лести и ухаживанья всего дворянства и даже знатнѣйшихъ вельможъ. Въ торжественныхъ случаяхъ и въ праздники онъ одѣвался очень пышно и обвѣшивалъ себя орденами,—рѣчью, осанкою и движеніями представлялъ изъ себя вельможу временъ Людовика XIV; но въ обыкновенной домашней жизни онъ снималъ съ себя эту личину и, какъ истый баловень счастья, принималъ всѣхъ безъ различія, среди восточной роскоши, которую многіе ошибочно приписывали его высокомѣрію. Когда, бывало, видишь его небрежно лежащаго на софѣ, съ распущенными волосами, въ халатѣ или шубѣ, въ шальварахъ, съ туфлями на босу ногу, съ открытой шеею, то невольно воображаешь себя передъ какимъ нибудь турецкимъ или персидскимъ пашею; но такъ какъ всѣ смотрѣли на него, какъ на раздавателя всякихъ милостей, то и привыкли подчиняться его страннымъ прихотямъ.

Холодностью своею онъ отвратилъ отъ себя почти всѣхъ иностранныхъ министровъ. Они считали его неприступнымъ и встрѣчались съ нимъ только въ обществѣ. Только Кобенцель да Фитцъ-Гербертъ были съ нимъ въ короткихъ отношеніяхъ. Англійскій посолъ еще въ отечествѣ своемъ ужь свыкся съ оригиналами и не удивлялся выходкамъ князя. Какъ умный и ловкій человѣкъ, онъ умѣлъ быть съ нимъ за просто, никогда не нарушая приличій и всегда сохраняя собственное свое достоинство. Не таковъ былъ графъ Кобенцель. Не смотря на

свой умъ и санъ, которымъ былъ облеченъ, онъ держался того мнѣнія, что въ политикѣ всѣ средства дозволены, лишь бы цѣль была достигнута, и потому въ угожденіи и внимательности къ князю превзошелъ самыхъ усердныхъ и преданныхъ его прислужниковъ. Я не могъ подражать ему. Къ тому же, я полагалъ, что чѣмъ менѣе мы были друзьями, тѣмъ болѣе должны были избѣгать фамильярности; кто насъ не любитъ, долженъ по крайней мѣрѣ уважать насъ. Свобода въ обращеніи хороша между людьми коротко знакомыми, иначе она смѣшна.

Я письменно просилъ князя дать мнѣ аудіенцію. Въ назначенный мнѣ день и часъ я явился, велѣлъ доложить о себѣ и сѣлъ въ пріемной залѣ, гдѣ со мною дожидалось нѣсколько русскихъ вельможъ и графъ Кобенцель. Мнѣ было непріятно дожидаться. Прошло съ четверть часа, а дверь все еще не отворялась; я еще разъ велѣлъ доложить о себѣ. Мнѣ объявили, что князь еще не можетъ меня принять; тогда я сказалъ, что мнѣ нѣкогда ждать, вышелъ къ удивленію всѣхъ присутствующихъ и преспокойно отправился домой. На другой день я получилъ отъ Потемкина письмо, въ которомъ онъ извинялся въ своей неисправности и назначалъ мнѣ новое свиданіе. Я явился къ нему и, на этотъ разъ, только что я вошелъ, какъ былъ тотчасъ же встрѣченъ княземъ; онъ былъ напудренъ, разодѣтъ въ кафтанѣ съ галунами и принялъ меня въ своемъ кабинетѣ. Онъ обратился ко мнѣ съ обычными привѣтствіями и нѣсколькими незначительными вопросами. Въ его обращеніи замѣтна была какая-то принужденность. Когда я хотѣлъ было удалиться, онъ удержалъ меня. Ища предмета для разговора, онъ, по своему обыкновенію, началъ меня распрашивать и, между прочимъ, съ особеннымъ любопытствомъ заговорилъ объ американской войнѣ, о важнѣйшихъ событіяхъ этой великой борьбы и о будущности новой республики. Онъ не вѣрилъ въ возможность существованія республики въ такихъ огромныхъ размѣрахъ. Его живое

воображеніе безпрестанно переходило отъ предметовъ важныхъ къ самымъ незначительнымъ. Такъ какъ онъ очень любилъ ордена, то нѣсколько разъ бралъ въ руки, перевертывалъ и разсматривалъ мой орденъ Цинцинати и хотѣлъ непремѣнно знать—что это за орденъ, какого братства или общества, кто его учредилъ и на какихъ правилахъ. Заговоривъ о любимомъ предметѣ, онъ цѣлый часъ почти толковалъ со мною о разныхъ русскихъ и европейскихъ орденахъ. Бесѣда наша не имѣла никакого особеннаго значенія; но такъ какъ она тянулась довольно долго—что было противъ правилъ князя—то въ городѣ объ этомъ заговорили, особенно дипломаты; они всегда въ такихъ случаяхъ пускаются въ догадки и рѣдко попадаютъ на правду. Впрочемъ они скоро нашли поводъ къ основательнѣйшимъ и болѣе справедливымъ толкамъ.

Въ Петербургѣ былъ тогда домъ, непохожій на всѣ прочіе: это былъ домъ оберъ-шталмейстера Нарышкина, человѣка богатаго, съ именемъ, прославленнымъ родствомъ съ царскимъ домомъ. Онъ былъ довольно уменъ, очень веселаго характера, необыкновенно радушенъ и чрезвычайно страненъ. Онъ и не пользовался довѣріемъ императрицы, но былъ у ней въ большой милости. Ей казались забавными его странности, шутки и его разсѣянная жизнь. Онъ никому не мѣшалъ; оттого ему все прощалось, и онъ могъ дѣлать и говорить многое, что инымъ не прошло бы даромъ. Съ утра до вечера въ его домѣ слышались веселый говоръ, хохотъ, звуки музыки, шумъ пира; тамъ ѣли, смѣялись, пѣли и танцовали цѣлый день; туда приходили безъ приглашеній и уходили безъ поклоновъ; тамъ царствовала свобода. Это былъ пріютъ веселья и, можно сказать, мѣсто свиданія всѣхъ влюбленныхъ. Здѣсь, среди веселой и шумной толпы, скорѣе можно было тайкомъ пошептаться, чѣмъ на балахъ и въ обществахъ, связанныхъ этикетомъ. Въ другихъ домахъ нельзя было избавиться отъ вниманія присутствующихъ;

у Нарышкина же за шумомъ нельзя было ни наблюдать, ни осуждать, и толпа служила покровомъ тайнѣ.

Я, вмѣстѣ съ другими дипломатами, часто ходилъ смотрѣть на эту забавную картину. Потемкинъ, который почти никуда не выѣзжалъ, часто бывалъ у шталмейстера; только здѣсь онъ не чувствовалъ себя связаннымъ и самъ никого не безпокоилъ. Впрочемъ на это была особая причина: онъ былъ влюбленъ въ одну изъ дочерей Нарышкина. Въ этомъ никто не сомнѣвался, потому что онъ всегда сидѣлъ съ нею вдвоемъ и въ отдаленіи отъ другихъ [1]). За ужиномъ онъ тоже не любилъ быть за общимъ столомъ, со всѣми гостями. Ему накрывали столъ въ особой комнатѣ, куда онъ приглашалъ человѣкъ пять или шесть изъ своихъ знакомыхъ. Я скоро попалъ въ число этихъ избранныхъ. Однако прежде нужно было удалить препятствія, мѣшавшія нашему сближенію. Съ своей стороны, Потемкинъ сталъ строже наблюдать правила вѣжливости, которыя иногда забывалъ, а я рѣшился требовать отъ него уваженія, должнаго моему сану. Разъ, напримѣръ, онъ пригласилъ меня на большой обѣдъ. Я и всѣ гости были парадно одѣты, а онъ явился по просту въ сюртукѣ на мѣху. Мнѣ это показалось страннымъ, но такъ какъ никто не обращалъ на это вниманія, то и я не далъ замѣтить своего недоумѣнія. Однако черезъ нѣсколько дней послѣ того, я въ свой чередъ пригласилъ его обѣдать и отплатилъ ему тѣмъ же, объяснивъ заранѣе прочимъ моимъ гостямъ, что подало поводъ къ этому поступку. Князь тотчасъ понялъ причину моего поведенія и послѣ этого обращался со мною такъ, какъ я желалъ. Я узналъ его нравъ; онъ любилъ, чтобы угождали

---

[1]) Потемкинъ ухаживалъ за Марьей Львовной Нарышкиной, которая потомъ была за мужемъ за княземъ Любомирскимъ. Она пѣла и играла на арфѣ. Державинъ посвятилъ ей свою оду къ Евтерпѣ (Соч. его, изд. Академіи, т. I, стр. 300).

его прихотямъ, но отплачивалъ за это высокомѣріемъ и презрѣніемъ, между тѣмъ какъ легкимъ сопротивленіемъ можно было снискать его уваженіе.

Не прошло мѣсяца, какъ исчезла холодность, водворившаяся между нами отъ взаимной осторожности въ обращеніи. Разъ, на вечерѣ у Нарышкина, прохаживаясь съ нимъ по комнатамъ, я навелъ разговоръ на два предмета, совершенно различные, но которыми я увѣренъ былъ, что займу его вниманіе. Сперва я говорилъ ему о новыхъ завоеваніяхъ императрицы, о южныхъ областяхъ, подчиненныхъ его управленію, о прекрасномъ его намѣреніи довести торговлю на югѣ до той степени, до какой она достигла на сѣверѣ. Это составляло главный предметъ его попеченій, и князь съ такимъ жаромъ предался разговору, что продлилъ его сверхъ моихъ ожиданій. Когда послѣ этого рѣчь зашла о Черномъ морѣ, Архипелагѣ и Греціи, мнѣ уже не трудно было, минуя вопросы политическіе, навести его на любимый предметъ и заговорить о причинахъ отдѣленія Церкви западной отъ восточной. Тогда онъ повелъ меня въ кабинетъ, подсѣлъ ко мнѣ и съ видимымъ удовольствіемъ сталъ высказывать мнѣ свои обширныя свѣдѣнія о давнишнихъ, пресловутыхъ преніяхъ папъ съ патріархами, о соборахъ, и мѣстныхъ, и вселенскихъ, наконецъ о всѣхъ этихъ распряхъ, то важныхъ, то забавныхъ, а порой и кровавыхъ, которыя велись съ такимъ ожесточеніемъ, что паденіе Греческой имперіи и взятіе Константинополя Турками не могли ихъ прекратить, и что они длились среди грабежа и разгрома столицы. Разговоръ этотъ продолжался до глубокой ночи. Я узналъ слабую струну князя, и съ этихъ поръ, казалось, онъ сталъ нуждаться во мнѣ. Часто приглашалъ онъ меня побесѣдовать съ нимъ о разныхъ дѣлахъ и особенно о проектахъ, предлагаемыхъ ему французскими купцами; они старались доказать ему пользу и удобство торговыхъ сообщеній между Марселемъ и Херсономъ. Рѣшившись изгнать изъ бесѣдъ

нашихъ всякое принужденіе, онъ разъ написалъ мнѣ, что желаетъ переговорить со мною кое-о-чемъ, но что болѣзнь мѣшаетъ ему встать и одѣться. Я отвѣчалъ, что немедленно явлюсь къ нему и прошу принять меня за-просто, безъ чиновъ.

Въ самомъ дѣлѣ, я нашелъ его лежащимъ на постели, въ одномъ халатѣ и шальварахъ. Извинившись передо мной, онъ прямо сказалъ: «Любезный графъ, я истинно расположенъ къ вамъ, и если вы сколько нибудь любите меня, то будемте друзьями и бросимъ всѣякія церемоніи.» Тогда я присѣлъ на кровать, у его ногъ, взялъ его за руку и сказалъ: «Я съ удовольствіемъ соглашаюсь на это, любезный князь. Новое знакомство всегда нѣсколько связываетъ; но вы говорите о дружбѣ, а въ такомъ случаѣ должно устранить все, что можетъ насъ связывать и обременять.» Всѣхъ удивило это неожиданное сближеніе, эта короткость между первымъ министромъ Екатерины и представителемъ двора, къ которому императрица была явно нерасположена. Въ особенности дипломаты не знали, что и подумать объ этомъ. Безпокойный, пылкій графъ Герцъ напрасно старался вывѣдать поводъ и цѣль этого сближенія. Я ему откровенно объяснилъ—въ чемъ дѣло; но онъ не хотѣлъ вѣрить, чтобы вопросы богословскіе или дѣла какихъ нибудь купцовъ могли быть настоящими предметами нашихъ долгихъ, частыхъ бесѣдъ. Онъ былъ убѣжденъ, что дѣло шло о какихъ либо важныхъ сдѣлкахъ между Австріею, Франціею и Россіею — во вредъ Пруссіи. Недоумѣніе и догадки этихъ искателей таінъ тамъ, гдѣ тайны не было, часъ отъ часу возрастали. Потемкинъ, вѣроятно, сообщилъ императрицѣ свое выгодное мнѣніе обо мнѣ. День ото дня императрица принимала меня съ большею любезностью и внимательностью; исчезла холодность министровъ; придворные брали съ нихъ примѣръ. Хотя непріязнь между нашимъ кабинетомъ и петербургскимъ нисколько не смягчалась, но общество обмануло́сь на этотъ счетъ, когда замѣтило, что

французскаго посла осыпаютъ похвалами, ласками, внимательностью, которыми прежде исключительно пользовались представители союзныхъ державъ, Кобенцель и Фитцъ-Гербертъ.

Скоро ощутилъ я вліяніе этой перемѣны—сперва въ незначительныхъ, потомъ и въ болѣе важныхъ дѣлахъ. Не надолго до моего пріѣзда, изъ Россіи были высланы три Француза, и русское правительство даже не извѣстило объ этомъ Колиньера, тогдашняго нашего повѣреннаго въ дѣлахъ. Онъ, по долгу своему, выразилъ русскому правительству сожалѣніе, но въ осторожныхъ выраженіяхъ, зная, что эта мѣра строгости имѣла свои достаточныя причины. Министры отвѣчали ему неопредѣленно и неудовлетворительно; въ то время они какъ будто нарочно пользовались каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы сдѣлать намъ непріятность. Правда, что тогда въ Россію пріѣзжало множество негодныхъ Французовъ, развратныхъ женщинъ, искателей приключеній, камеръ-юнгферъ, лакеевъ, которые ловкимъ обращеніемъ и умѣньемъ изъясняться скрывали свое званіе и невѣжество. Но этому не было виною наше правительство. Всѣ эти люди никѣмъ не были покровительствуемы, не имѣли никакихъ бумагъ, кромѣ паспортовъ, которые повсюду выдаются лицамъ низшихъ сословій, если они не преступники и покидаютъ отечество съ тѣмъ, чтобы торгомъ или трудомъ добыть въ чужомъ краю средства существованія. Скорѣе можно было винить самихъ Русскихъ, потому что они съ непонятною безпечностью принимали къ себѣ въ дома и даже довѣряли свои дѣла людямъ, за способности и честность которыхъ никто не ручался. Любопытно и забавно было видѣть—какихъ странныхъ людей назначали учителями и наставниками дѣтей въ иныхъ домахъ въ Петербургѣ и особенно внутри Россіи. Если иногда обманъ открывался, и такихъ господъ выгоняли, сажали въ тюрьму или ссылали, то они не могли жаловаться французскому посланнику: онъ не обязанъ былъ оказывать имъ покровительства. Но другое

дѣло было съ тремя изгнанными тогда Французами; всѣ трое были люди извѣстные и достойные, и одинъ изъ нихъ, племянникъ герцога де Г., былъ даже представленъ ко двору. Одинъ изъ этихъ Французовъ, чрезвычайно вспыльчивый и взбалмочный, въ припадкѣ гнѣва обругалъ и прибилъ другаго, который отомстилъ ему низкимъ доносомъ о предметѣ, нисколько не касавшимся ихъ спора и подписанномъ, по преступной слабости, третьимъ, о которомъ я упомянулъ выше. Императрица, узнавъ черезъ оберъ-полиціймейстера объ этой дракѣ и ложномъ доносѣ, велѣла выслать всѣхъ троихъ изъ Россіи. Этотъ приговоръ былъ строгъ, но справедливъ, и я бы не могъ вмѣшаться въ это дѣло, если бы Колиньеру не отказали сообщить требуемаго имъ объясненія. По этому я счелъ нужнымъ представить русскимъ министрамъ неприличіе этого поступка, противнаго взаимному вниманію, которое оказываютъ другъ другу два двора для поддержанія согласія между собою. Затѣмъ я требовалъ, чтобы жалоба моя была представлена императрицѣ. Спустя нѣсколько дней послѣ того государыня удовлетворила меня вполнѣ, приказавъ вице-канцлеру объяснить мнѣ причины ея строгаго рѣшенія и увѣрить меня, что впредь не будетъ рѣшать такихъ дѣлъ, не предваривъ меня. Въ самомъ дѣлѣ, съ этихъ поръ слова ея были исполняемы въ точности.

Кстати я разскажу исторію объ одномъ ловкомъ, дерзкомъ плутѣ, чтобы показать степень неблагоразумія петербуржцевъ, людей самыхъ гостепріимныхъ въ мірѣ, принимавшихъ безъ разбору иностранцевъ. Этотъ смѣлый обманщикъ называлъ себя, помнится, *графомъ де-Вернелемъ*. Онъ, по видимому, былъ богатъ и нѣсколько лѣтъ путешествовалъ. Онъ увѣрялъ, что, не имѣвъ прежде намѣренія быть въ Россіи, онъ не взялъ съ собою никакихъ бумагъ, нужныхъ для предъявленія нашему посольству, и показывалъ только какія-то неважныя письма, будто-бы писанныя къ нему какими-то нѣмецкими или польскими дамами.

Онъ хорошо говорилъ, былъ не дуренъ собою, забавенъ, мило пѣлъ и игралъ и потому, какъ мнѣ разсказывали, втерся въ лучшее петербургское общество. Ему все удавалось, и все шло успѣшно. Но скоро въ одномъ домѣ замѣтили пропажу столовыхъ приборовъ, въ другомъ пропали часы, тамъ табакерки и драгоцѣнныя вещицы. Такъ какъ этѣ вещи исчезали именно въ тѣхъ домахъ, гдѣ бывалъ этотъ модный плутъ, то его стали подозрѣвать; объ немъ стали поговаривать; наконецъ на него донесли, хотѣли его схватить, но онъ скрылся. Тогда въ Россіи паспорты предъявлялись только при переѣздѣ черезъ границу; внутри же Россіи всякій могъ безпрепятственно и свободно разъѣзжать отъ Балтійскаго моря до Чернаго, отъ Борисѳена и Двины до Амура, отдѣляющаго Китай отъ Россіи, и до самой Камчатки. Только, если кто либо хотѣлъ выѣхать въ чужіе края изъ Петербурга, то долженъ былъ свой паспортъ вытребовать за восемь дней до отъѣзда, чтобы между тѣмъ можно было объявить о выѣзжающемъ кредиторамъ и предохранить ихъ отъ обмана. Самозванецъ-графъ, разумѣется, не могъ исполнить этихъ правилъ. Онъ объ нихъ и не заботился и, поѣхавъ на авось, достигъ границы безо всякаго вида. Тутъ онъ остановился въ гостинницѣ, пѣшкомъ отправился къ мѣстному начальнику, сказалъ свое имя и велѣлъ о себѣ доложить. Лакей отвѣчалъ ему, что генералъ только-что всталъ, одѣвается и проситъ его подождать. Черезъ нѣсколько минутъ графъ нашъ начинаетъ сердиться, кричать и браниться, называетъ губернатора невѣжею и объясняетъ, что онъ не вышелъ бы изъ Польши, если бы зналъ, что въ Россіи встрѣтитъ только варваровъ, грубыхъ лакеевъ и невоспитанныхъ губернаторовъ. Лакей тотчасъ же отправился къ его превосходительству и разсказалъ ему, что пришедшій иностранецъ расходился и бранитъ его такъ и такъ. Губернаторъ, вышедшій изъ себя, велѣлъ схватить дерзкаго незнакомца, посадить его немедленно въ кибитку и высадить на

польскую землю, о которой онъ такъ сожалѣлъ. Приказаніе немедленно было исполнено; а не прошло трехъ часовъ, какъ курьеръ изъ Петербурга привезъ губернатору повелѣніе захватить мошенника.

Теперь возвратимся къ политикѣ. Исполняя данныя мнѣ наставленія, я дѣятельно старался разузнать настоящія намѣренія русскаго правительства относительно дѣлъ, важныхъ для нашего двора. Все, что говорилъ мнѣ Штакельбергъ [1]) въ Варшавѣ, оправдывалось совершенно. То, что я слышалъ отъ многихъ лицъ, достойныхъ довѣрія, послужило мнѣ доказательствомъ, что императрица, не смотря на участіе, съ которымъ она, казалось, приняла предложеніе объ обмѣнѣ Баваріи, нисколько не желала способствовать распространенію австрійскихъ владѣній и ослабить черезъ это вліяніе свое на Германію. О несогласіяхъ Іосифа II съ Голландіею думали иначе; Потемкинъ желалъ, чтобы они продлились долѣе: онъ надѣялся между тѣмъ исполнить преднамѣренныя имъ завоеванія въ Турціи. Онъ предвидѣлъ ясно, что Франція, начавъ войну съ императоромъ, уже не можетъ препятствовать честолюбивымъ видамъ Екатерины на востокъ.

Скоро стало извѣстнымъ, что императрица снаряжаетъ въ Черномъ морѣ пять линейныхъ кораблей и восемнадцать фрегатовъ. Она была недовольна Англичанами, потому что они не раздѣляли ея политическихъ плановъ. Питтъ былъ лично нерасположенъ къ ней; онъ не могъ допустить владычества огромной морской державы на востокѣ. Къ тому же императрица провозглашеніемъ началъ вооруженнаго нейтралитета посѣяла сѣмена раздора между Англіею и Россіею. Англичане уже стали опасаться потерять торговыя выгоды, исключительно имъ пре-

---

[1]) Графъ Отто Магнусъ Штакельбергъ, род. 6 февраля 1736 г., ум. 1799 г., въ то время русскій посолъ въ Варшавѣ.

доставленныя въ Россіи. Посланникъ ихъ дѣятельно старался удалить опасность; купцы ихъ, расточая подарки и услуги, нашли возможность увеличить въ Петербургѣ количество вывоза товаровъ и уменьшить привозъ ихъ; съ другой стороны, они грозили русскимъ министрамъ и купцамъ, что если ихъ стѣсненія будутъ продолжаться, то они замедлятъ ходъ торговли и лишать сбыта русскіе товары. Въ самомъ дѣлѣ, англійскіе негоціанты образовали въ Петербургѣ цѣлую грозную колонію. Разбогатѣвъ торговыми оборотами и находясь подъ покровительствомъ своего благоразумнаго правительства, которое не потворствуетъ частнымъ выгодамъ, а имѣетъ всегда въ виду общее благо, они до того размножили свои заведенія и дома, что занимали въ Петербургѣ цѣлый кварталъ, называемый англійскою линіею [1]). Ихъ соединялъ общій интересъ; они имѣли правильныя совѣщанія старшинъ, хорошій уставъ и всегда другъ друга поддерживали. Они сообща устанавливали на цѣлый годъ смѣту торговыхъ оборотовъ, опредѣляли цѣнность товаровъ и даже вексельный курсъ. При продажѣ товаровъ своихъ Русскимъ, они предоставляли имъ кредитъ на восемнадцать мѣсяцевъ, а сами покупали у нихъ на чистыя деньги пеньку, мачтовый лѣсъ, сало, воскъ и пушной товаръ. Вотъ какова была сила, съ которою я долженъ былъ бороться въ странѣ, гдѣ было только нѣсколько одинокихъ нашихъ купцовъ и одинъ лишь значительный торговый домъ Рембера (Raimbert), который съ трудомъ и ловкостью держался среди нападокъ и препятствій всякаго рода. Русскіе считали торгъ съ Англичанами необходимымъ для сбыта своихъ произведеній и находили мало выгодъ въ торговыхъ сношеніяхъ съ Французами, которые покупали у нихъ мало, а продавали много и дорого.

Когда Англичане, пугая Русскихъ, остановили запросъ на

---

[1]) Здѣсь разумѣется, вѣроятно, Англійская набережная.

пеньку, я, пользуясь этимъ обстоятельствомъ, присовѣтовалъ нашимъ министрамъ потребовать пеньки на большую сумму. Но мой совѣтъ исполнили поздно и невполнѣ. Петербургскіе Англичане вредили намъ даже во Франціи. Купцы нантскіе и бордосскіе, обманутые ихъ выгодными предложеніями, и опасаясь переѣздовъ и таможень, поручали Англичанамъ и Голландцамъ перевозку своихъ товаровъ въ Россію. Мы почти исключительно снабжали Россію кофеемъ, сахаромъ и виномъ; но, пользуясь нашею безпечностью, иностранцы лишали насъ большой прибыли и вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивали свои морскія силы, которыя въ послѣдствіи обратили противъ насъ же. Этою перевозкою заняты были ежегодно до 2,000 судовъ, между тѣмъ какъ въ русскіе порты входило не болѣе 20 французскихъ судовъ.

Выгоды положенія Англичанъ дѣлали ихъ иногда до того требовательными, что они начали надоѣдать графу Воронцову [1]); я это замѣтилъ изъ его разговора. Но онъ былъ еще сильно къ нимъ привер женъ, и я выжидалъ благопріятнѣйшихъ обстоятельствъ, чтобы разочаровать его. Мнѣ легче было преклонить къ себѣ князя Потемкина, потому что Англичане явно противудѣйствовали его видамъ относительно торговаго сообщенія между Херсономъ и Марселемъ.

Со дня на день императрица становилась ко мнѣ благосклоннѣе. На большомъ балу у графа Разумовскаго [2]), она пригласила меня играть съ нею, долго говорила и была особенно ласкова со мною. Это меня ободрило, и я сталъ дѣйствовать рѣшительнѣе. Я жаловался Безбородку и Остерману [3]) на проволочку дѣла объ удов-

---

[1]) Графъ Александръ Романовичъ Воронцовъ, братъ извѣстной княгини Е. Р. Дашковой, род. 4 сентября, 1744 г., былъ министромъ въ Англіи въ 1762 г., а послѣ того въ Голландіи; потомъ сенаторомъ и президентомъ коммерцъ-коллегіи; при императорѣ Александрѣ, пожалованъ вице-канцлеромъ, ум. 2 декабря 1805 г.

[2]) Графъ Кириллъ Григорьевичъ Разумовскій, род. 1728 г., ум. 1803 г.

[3]) Какъ лицамъ, завѣдовавшимъ иностранными дѣлами.

летворенiи марсельскихъ купцовъ. Я повторилъ имъ, въ чемъ состоятъ наши требованiя, и доказалъ имъ основательность ихъ. Потомъ старался объяснить имъ, что если они откажутъ намъ въ справедливомъ удовлетворенiи или замедлятъ его, что будетъ равносильно отказу, то нарушатъ высокiя правила, начертанныя государынею при объявленiи вооруженнаго нейтралитета. Министры извинялись въ общихъ выраженiяхъ, ссылаясь на то, что разстоянiя огромны, и что поэтому трудно получать вѣрныя свѣдѣнiя и произвести надлежащую оцѣнку, что много и другихъ затрудненiй. Впрочемъ они обѣщали рѣшить это дѣло вскорѣ, но это обѣщанiе было не разъ сдѣлано моимъ предшественникамъ, и все напрасно. Я написалъ Верженню и предложилъ ему принять болѣе дѣйствительныя мѣры для окончанiя этого дѣла и даже грозить возмездiемъ (représailles), если русское правительство не вознаградитъ насъ выгодами, какiя могъ бы намъ доставить торговый трактатъ съ Россiею. Я старался даже довести до свѣдѣнiя министровъ мое собственное мнѣнiе по этому дѣлу и въ послѣдствiи узналъ, что моя настойчивость нисколько не возбудила негодованiя императрицы, но, напротивъ того, понравилась ей. Впрочемъ, зная государыню, я былъ въ этомъ увѣренъ заранѣе.

Находясь по этому случаю въ частыхъ сношенiяхъ съ русскими министрами и познакомясь съ нѣсколькими приближенными къ нимъ лицами, я имѣлъ возможность развѣдать ихъ образъ мыслей, который они тщательно скрывали. Они не раздѣляли политическихъ мнѣнiй князя Потемкина и не любили его. Они искренно желали мира, потому что война и завоеванiя не представляли имъ никакихъ личныхъ выгодъ, напротивъ того затрудняли ходъ ихъ дѣлъ и были гибельны для всего государственнаго состава. Воронцовъ опасался, чтобы война не прервала торговыхъ сношенiй; Безбородко предвидѣлъ многочисленныя препятствiя въ дѣлахъ дипломатическихъ, и всѣ они боялись воз-

растанія могущества Потемкина. Дворяне, нисколько не желая завоеванія какихъ нибудь степей, знали только, что понесутъ новыя тяжкія повинности, необходимыя для умноженія арміи. Только нѣкоторые генералы и молодые офицеры желали войны, сулившей имъ славу и награды. Впрочемъ, исключая послѣднихъ, всѣ скрывали свои мысли, опасаясь лишиться благосклонности государыни. Приближенныя къ ней особы боялись представить ей откровенно, какъ опасенъ былъ тогда ея несбыточный замыселъ возстановленія Греческой имперіи.

Я скоро замѣтилъ, что хотя министры видимо оказывали болѣе вниманія къ Кобенцелю и Фитцъ-Герберту, чѣмъ ко мнѣ, они однако же рады были моей пріязни съ княземъ Потемкинымъ. Они были увѣрены, что, слѣдуя политикѣ моего двора, я воспользуюсь этою пріязнію, чтобы умѣрить пылъ князя, и постараюсь расположить его къ миру, представивъ ему на видъ, что многія первенствующія европейскія державы будутъ дружно сопротивляться исполненію его замысловъ, грозившихъ нарушить всеобщее спокойствіе Европы. Прусскій министръ, хотя и не могъ дѣйствовать въ мою пользу своими настояніями, однако долженъ бы былъ помогать мнѣ совѣтами и сообщеніемъ разныхъ свѣдѣній, но нравъ его былъ таковъ, что онъ больше вредилъ мнѣ, чѣмъ помогалъ. Своею поспѣшностью и безпокойствомъ онъ совершенно оправдывалъ то, что король Фридрихъ сказалъ мнѣ о немъ; онъ безъ разбора вѣрилъ всѣмъ ложнымъ извѣстіямъ, какія ему удавалось слышать отъ людей недовольныхъ. Вмѣсто того, чтобы радоваться моему сближенію съ Потемкинымъ, онъ сталъ меня подозрѣвать и вообразилъ себѣ, что мы хотимъ предать Голландію—императору, а Турокъ—Екатеринѣ. Ежеминутно ожидалъ онъ объявленія всеобщей войны. Съ другой стороны, Потемкинъ, объясняя въ пользу своихъ замысловъ высказанное мной желаніе сблизить Францію съ Россіею, надѣялся завлечь насъ въ свою систему и изрѣдка на-

мекалъ мнѣ о раздѣлѣ земель, которыми владѣютъ мусульмане или, лучше сказать, которыя они опустошаютъ.

Я не могъ соглашаться съ этими предположеніями, потому что они были совершенно противны мирнымъ намѣреніямъ моего короля, и, не давая дѣльнаго отвѣта, обращалъ намеки князя въ шутку. Незамѣтнымъ образомъ отклонилъ я его вниманіе отъ этого предмета и заговорилъ о средствахъ къ оживленію торговли полуденной Россіи. Получивъ почти неограниченную власть надъ южными областями имперіи и желая сравнять ихъ съ сѣверными, онъ не могъ не признать несомнѣнной истины, что мы одни только можемъ открыть пути для сбыта произведеній этого огромнаго, но почти пустыннаго края, который государыня поручила ему населить, просвѣтить, обогатить и подчинить правильному устройству. Со дня на день онъ говорилъ мнѣ объ этомъ все съ большимъ жаромъ, откровенностью и довѣрчивостью. Наконецъ, онъ выразилъ даже готовность, если бы я этого пожелалъ, заключить частный трактатъ о торговлѣ между южными областями Россіи и Франціи. Но чѣмъ охотнѣе высказывалъ онъ свою готовность заключить такой частный договоръ, тѣмъ упорнѣе отклонялъ я это намѣреніе. Верженнь былъ слишкомъ тонокъ, чтобы согласиться на это, потому что, если бы мы дались въ обманъ, то лишились бы надежды заключить общій торговый договоръ. Потемкинъ, удовлетворивъ требованіямъ подвѣдомыхъ ему областей, не сталъ бы много заботиться о прочихъ и оставилъ бы меня безъ помощи, а безъ его содѣйствія я бы встрѣтилъ непреодолимыя препятствія и не сладилъ бы съ ловкимъ Фитцъ-Гербертомъ и дѣятельными англійскими купцами. Было бы слишкомъ невыгодно для Франціи, при невозможности пользоваться сѣверною торговлею, которою овладѣли Англичане,— довольствоваться однимъ лишь южнымъ краемъ, гдѣ ничего еще не было устроено.

Мнѣ нужно было доказать князю, что торговое развитіе

подвѣдомственныхъ ему южныхъ областей зависитъ отъ союза съ нами и отъ заключенія торговаго трактата, и тогда я могъ надѣяться, что, при первомъ удобномъ случаѣ, онъ поможетъ мнѣ своимъ вліяніемъ. Вотъ что я ему говорилъ: «Такъ какъ вы сознаете пользу всеобщей конкурренціи и невыгоду исключительныхъ преимуществъ въ торговлѣ, то зачѣмъ же вы допускаете монополію нѣкоторыхъ народовъ, такъ что Россія, а равно и Франція, получаютъ изъ вторыхъ рукъ товары, которые можно было бы обмѣнивать непосредственно? Мы желаемъ только, чтобы формальный общій договоръ установилъ равенство взаимныхъ правъ и преимуществъ; тогда купцы наши, въ увѣренности найти праведный судъ и вознагражденіе въ случаѣ убытковъ, были бы поощрены и освобождены отъ грознаго превосходства народа, пользующагося исключительнымъ покровительствомъ.»

«Но какъ же вы хотите, возражалъ князь,—чтобы мы пошли на перекоръ насущныхъ нуждъ нашихъ купцовъ и помѣщиковъ? Требованія Англичанъ на наши товары очень велики, а съ вашей стороны они незначительны, и потому у насъ вообще полагаютъ, что союзъ съ вами скорѣе послужитъ намъ во вредъ, чѣмъ въ пользу, и что намъ некуда будетъ сбывать наши товары, если прервутся сношенія съ Англіею. Британское правительство поддерживаетъ, оживляетъ, поощряетъ свою торговлю и нашу; ваше правительство въ этомъ отношеніи дѣйствуетъ вяло, беззаботно. Ваши купцы робки, непредпріимчивы, у васъ здѣсь всего одинъ надежный торговый домъ, и народъ нашъ почти не знаетъ вашихъ негоціантовъ.»

На это я старался доказать ему, что незначительность нашей торговли въ Россіи есть необходимое послѣдствіе невыгодныхъ для нея учрежденій. «Безразсудно было бы, прибавилъ я,—нашимъ купцамъ пускаться въ торговлю въ странѣ, гдѣ правительство своимъ тарифомъ доставляетъ до $12^1/_2$ процентовъ

прибыли ихъ соперникамъ. Давая такія несправедливыя преимущества во вредъ намъ и самимъ себѣ, вы подражаете Португальцамъ и въ отношеніи къ Англіи ставите себя въ положеніе колоніи, зависящей отъ своей метрополіи. Преимуществами, которыя вы ей предоставляете, вы до такой степени подчиняетесь ей, что ваши купцы и помѣщики, какъ вы сами сказали, не могутъ обойтись безъ нея. Но разорвите эти роковыя преграды, и вы увидите, какія выгоды доставитъ вамъ соперничество народовъ, которые станутъ покупать ваши произведенія. Вы напрасно считаете нашу торговлю незначительною: она сильна и обширна въ Индіи, Америкѣ, Африкѣ, во всѣхъ портахъ Европы, кромѣ русскихъ, гдѣ не даютъ ей ходу ваши торговыя постановленія.»

Эти доводы, кажется, подѣйствовали на князя, но еще не убѣдили его окончательно. Однако мы условились переговорить объ этомъ дѣлѣ основательнѣе и тайкомъ, потому что въ ту минуту обстоятельства еще не довольно выяснились. Съ другой стороны я не могъ предпринимать рѣшительныхъ мѣръ, потому что, въ случаѣ отказа, правительство наше могло бы оскорбиться. На всякій случай я извѣстилъ Верження объ этомъ разговорѣ и, чтобы знать, какъ мнѣ дѣйствовать впередъ, просилъ его увѣдомить меня предварительно,—согласится ли король, въ случаѣ заключенія договора, принять правила вооруженнаго нейтралитета, сбавить пошлины на русскія кожи, освободить русскія суда въ Марсели отъ двадцатипроцентнаго сбора, закупать ежегодно значительное количество пеньки, конопли и солонины для французскаго флота, и захотятъ ли наши генеральные арендаторы (fermiers-généraux) забрать на большую сумму украинскаго табаку, за доброту котораго здѣсь поручатся; наконецъ, если соглашеніе будетъ основываться на утвержденіи взаимныхъ преимуществъ, то уполномочитъ ли меня его величество заключить договоръ, на возможность котораго я уже расчитываю до нѣкоторой степени?

Въ концѣ апрѣля 1785 года я испросилъ себѣ у императрицы аудіенцію, чтобы вручить ей письмо короля, съ извѣстіемъ о рожденіи герцога Нормандскаго, несчастнаго ребенка, втораго сына короля, который, по смерти старшаго, едва лишь сталъ наслѣдникомъ престола, какъ былъ заключенъ въ темницу, гдѣ смерть сразила его во цвѣтѣ лѣтъ [1]. Императрица на этотъ разъ снова была ко мнѣ весьма благосклонна и удостоила довольно продолжительнымъ разговоромъ. Вскорѣ послѣ того вице-канцлеръ объявилъ мнѣ отъ имени государыни, что она желаетъ, чтобы съ Французами обращались въ Россіи также, какъ обращаются съ ея подданными, что она противъ воли должна была строго наказать троихъ изъ моихъ соотечественниковъ, и что если впредь представится такой же непріятный случай, то меня немедленно предувѣдомятъ объ этомъ. Въ то же время пришло извѣстіе, что Турки подвигали войска къ Силистріи и Украйнѣ; это встревожило Русскихъ и дало основательный поводъ къ жалобамъ со стороны Австрійцевъ. Графъ Остерманъ говорилъ мнѣ объ этомъ съ недовольнымъ видомъ и сказалъ, что дѣятельность этихъ варваровъ ясно доказываетъ, что имъ *подаютъ совѣты и подстрекаютъ*. Я увѣрялъ его, что политика нашего правительства миролюбивая и прямая, что мы никогда никого *не подстрекаемъ*, а стараемся только удерживать алчныхъ къ завоеваніямъ и угрожающихъ спокойствію Европы. «Я желалъ бы повѣрить этому, отвѣчалъ вице-канцлеръ,—потому что мы не можемъ понять, для чего Франція старается образовывать, обучать и сдѣлать опасными варваровъ, издавна бывшихъ грозою Европы?» Я отвѣчалъ, улыбаясь, что, при безсиліи ихъ, мы только желаемъ имъ покоя, и если кто нибудь его нарушитъ, то возникнутъ раздоры между европейскими державами.

---

[1]) Въ 1793 году, послѣ казни Людовика XVI, французскіе эмигранты и европейскія державы провозгласили герцога Нормандскаго (род. 27 марта 1786 г.) королемъ Франціи подъ именемъ Людовика XVII; въ 1795 г. онъ умеръ въ тюрьмѣ.

Графъ Остерманъ не имѣлъ большаго вѣса, стало быть и слова его не много значили. Но вскорѣ самъ Потемкинъ сказалъ мнѣ почти тоже: «Дивлюсь, сказалъ онъ,—какимъ образомъ просвѣщенные, тонкіе, любезные Французы съ такою настойчивостью поддерживаютъ варварство и чуму? Какъ вы полагаете: если бы такіе сосѣди ежегодно вторгались къ вамъ, грабили, заносили язву и уводили бы сотни христіанъ въ рабство, а мы бы стали препятствовать ихъ изгнанію, каково бы вамъ это показалось?»

Чтобы соединить мое собственное мнѣніе съ чувствомъ долга, я отвѣчалъ, что, разумѣется, должно желать разсѣянія невѣжества и распространенія просвѣщенія по всему земному шару. «Но, присовокупилъ я,—варварство и чума не единственные бичи человѣчества; я могу назвать другіе, не менѣе разрушительные—это честолюбіе и алчность къ завоеваніямъ. Если бы главнѣйшія европейскія державы, дѣйствуя совокупно и безъ всякой корыстной цѣли, имѣя въ виду лишь общее благо, захотѣли водворять просвѣщеніе по берегамъ африканскимъ, въ Тунисѣ и Алжирѣ, въ странахъ, которыя нѣкогда процвѣтали, а теперь опустошаются дикими магометанами, это былъ бы подвигъ, достойный похвалы. Но объ этомъ нечего и думать; это также несбыточно, какъ вѣчный миръ, воображаемый аббатомъ Сенъ-Пьерромъ [1]). Правительство наше старается обезпечить спокойствіе Турокъ для того только, чтобы не нарушить равновѣсія Европы.»

«Такъ зачѣмъ же они насъ тревожатъ? возразилъ князь;—по моему мнѣнію, если видимо, что сосѣди заняты грозными приготовленіями къ войнѣ, то должно предупредить зло, напасть на нихъ и обезсилить по крайней мѣрѣ лѣтъ на двадцать.»

---

[1]) Аббатъ Сенъ-Пьерръ (Saint-Pierre) род. 1658 г., ум. 1743 г., замѣчательный публицистъ и филантропъ, написалъ, между прочимъ, Projet de paix universelle, изд. въ 1713 году.

Это возраженіе было бы хорошо, если бы оно было искренно. Но вспомнимъ, что въ то время Русскіе уже владѣли Крымомъ, перешли черезъ Кавказъ, приближались къ Турціи черезъ Грузію и потому, не безъ причины, внушали опасеніе турецкому правительству. Впрочемъ, такъ какъ изъ Вѣны было получено извѣстіе о дипломатическихъ совѣщаніяхъ въ Парижѣ для примиренія Голландіи съ Австріей, поводъ къ войнѣ устранился, прусскій король былъ успокоенъ, и Екатерина оставила или, по крайней мѣрѣ, отложила на время намѣреніе безпрепятственно завоевать Турцію.

Съ этой поры Потемкинъ, въ частыхъ разговорахъ со мною, высказывалъ скорѣе опасеніе, чѣмъ желаніе войны. Онъ сказалъ мнѣ, что русская армія состояла изъ 230,000 человѣкъ регулярныхъ и 300,000 нерегулярныхъ войскъ. Но я узналъ изъ довольно достовѣрныхъ источниковъ, что она далеко не достигала такой полноты, что дисциплина ея и обученіе были въ небрежности, что, при беззаботности князя, полковые командиры наживались, такъ что даже не скрывали этого и считали дѣломъ совершенно естественнымъ и законнымъ получать такимъ образомъ отъ 20 до 25 тысячь рублей ежегодной прибыли. Наконецъ еще обстоятельство должно было, повидимому, умѣрить честолюбіе Екатерины: торговля и земледѣліе не были еще довольно производительны, а потому и доходы недостаточны, и Россія въ этомъ году должна была сдѣлать заемъ въ Голландіи.

Между тѣмъ маршалъ де-Кастри [1]) предупреждалъ меня о скоромъ прибытіи въ Кронштадтъ фрегата съ нѣсколькими королевскими судами для закупки въ Россіи и доставки во Францію разныхъ запасовъ для флота. По этому случаю меня ожи-

---

(*) Charles de la Croix, Marquis de Castries (1727—1802), былъ военнымъ министромъ и съ 1783 г. маршаломъ.

дали новые переговоры и хлопоты, такъ какъ за годъ предъ тѣмъ такія же суда прибыли въ Ригу, отказались отъ платежа требуемыхъ пошлинъ и такъ и уѣхали, не внеся ихъ. Но въ послѣдствіи, не смотря на сопротивленіе консула, французскихъ купцовъ заставили выплатить требуемую сумму. Другіе народы берутъ товары только на торговыя суда; мы же ошибочно полагаемъ, что наши казенныя суда съ товарами могутъ пользоваться исключительными правами, въ сущности приличными только военнымъ судамъ.

Верженнь, сообразуясь съ ходомъ дѣлъ, предписывалъ мнѣ при встрѣчѣ съ Потемкинымъ по возможности избѣгать толковъ о политикѣ; онъ желалъ, чтобы предметомъ нашихъ разговоровъ были дѣла торговыя. Но мнѣ совершенно невозможно было предписать себѣ въ этомъ отношеніи такія тѣсныя границы; переходъ отъ одного предмета къ другому неизбѣженъ. Напримѣръ, я какъ то жаловался князю на невниманіе другихъ русскихъ министровъ къ нашимъ торговымъ дѣламъ. На это онъ сказалъ мнѣ: «Холодность эта происходитъ отъ того, что они не увѣрены въ искренности вашего желанія сблизиться съ нами; они совершенно увѣрены, что вы подстрекаете Турокъ къ войнѣ.»

«Мы вовсе ихъ не подстрекаемъ, отвѣчалъ я;—но мы можемъ потерять всякое политическое вліяніе, если, зная о вашихъ дѣйствіяхъ на Кавказѣ и въ Грузіи, о дѣятельномъ вооруженіи войскъ и недружелюбномъ поведеніи вашихъ консуловъ въ Архипелагѣ, мы не станемъ совѣтовать Портѣ думать объ оборонѣ и не довѣряться слѣпо вашимъ мирнымъ увѣреніямъ.»

«Намъ приписываютъ предпріятія, о которыхъ мы и не помышляемъ, отвѣчалъ князь;—я знаю, что распускаютъ ложные слухи о возстановленіи Греческой имперіи, о будущемъ назначеніи и судьбѣ великаго князя Константина. Меня представляютъ какимъ-то алчнымъ завоевателемъ, вѣчно возбуждающимъ къ войнѣ; все это выдумки. Я очень хорошо знаю, что разрушеніе

Турецкой имперіи есть дѣло безумное; оно потрясетъ всю Европу. Къ тому же, еслибы въ самомъ дѣлѣ мы имѣли такое намѣреніе, то развѣ не согласились бы прежде съ Франціею? Но будьте увѣрены, что теперь мы ничего не желаемъ, кромѣ мира. Можете ли вы сказать тоже, дѣйствуя за Турокъ даже и тогда, когда ихъ еще не трогаютъ. Для чего недавно еще вы послали въ Константинополь инженера и офицеровъ французской арміи, которые только и толкуютъ, что о войнѣ?»

Я отвѣчалъ: «Ваши грозныя приготовленія въ Крыму, вооруженіе эскадры, которая въ тридцать шесть часовъ можетъ явиться подъ Константинополемъ, также какъ ваши дѣйствія въ Азіи заставляютъ насъ, какъ союзниковъ Турокъ, совѣтывать имъ предпринять нужныя мѣры, чтобы поставить себя въ оборонительное и грозное положеніе.»

«Хорошо, сказалъ Потемкинъ;—я готовъ письменно завѣрить васъ, что мы не затронемъ Турокъ; но помните, что если они нападутъ на насъ, то быть войнѣ, и мы пойдемъ, какъ можно далѣе.»

«Если вы хотите только мира, возразилъ я, — то имѣете вѣрное средство достигнуть его сближеніемъ съ нами. Когда мы станемъ дѣйствовать согласно, то нашего вліянія будетъ достаточно, чтобы поддержать спокойствіе въ Европѣ.»

Между тѣмъ какъ я, по долгу своему, старался указывать министрамъ Екатерины тѣ неодолимыя препятствія, которыя государыня ихъ должна будетъ встрѣтить прежде, нежели овладѣть Константинополемъ, Потемкинъ, не переставая увѣрять меня, что императрица не желаетъ войны, доказывалъ мнѣ, что если она вынуждена будетъ начать ее, то легко и скоро достигнетъ своей цѣли. «Вы хотите, говорилъ онъ мнѣ,—поддерживать государство, готовое къ паденію, громаду, близкую къ разстройству и разрушенію. Изнѣженные, развращенные Турки могутъ убивать, грабить, но не могутъ сражаться. Для побѣды надъ ними не нужно даже

много искусства; въ продолженіи сорока лѣтъ въ каждую войну они впадаютъ въ тѣ же ошибки и терпятъ постоянный уронъ. Они не умѣютъ пользоваться уроками опыта. Въ суевѣрной гордости приписываютъ они наши побѣды какому-то злому духу, который передаетъ намъ свое знаніе, свои изобрѣтенія и умѣнье вести войну; причиною же ихъ пораженій—одинъ Аллахъ, карающій ихъ за грѣхи. При первомъ воззваніи къ войнѣ толпы ихъ выступаютъ изъ Азіи, приближаются въ безпорядкѣ и истребляютъ въ одинъ мѣсяцъ весь запасъ продовольствія, заготовленный на полгода. Пятисотъ-тысячное войско стремится, какъ рѣка, выступившая изъ береговъ. Мы идемъ на нихъ съ арміею изъ 40 или 50 тысячь человѣкъ, размѣщенныхъ въ три карре, съ пушками и кавалеріею. Турки нападаютъ на насъ, оглашая воздухъ своими криками; обыкновенно они строятся треугольникомъ, въ вершинѣ котораго становятся отважнѣйшіе изъ нихъ, упитанные опіумомъ; прочіе ряды, до самаго послѣдняго, замѣщены менѣе храбрыми и наконецъ—трусами. Мы подпускаемъ ихъ на разстояніе ружейнаго выстрѣла, и тогда нѣсколько картечныхъ залповъ производятъ безпорядокъ и страхъ въ этой нестройной толпѣ. Нѣсколько отчаянныхъ, разгоряченныхъ опіумомъ, бросаются на наши пушки, рубятъ ихъ и падаютъ подъ нашими штыками. Когда эти погибли, прочіе пускаются бѣжать. Наша кавалерія преслѣдуетъ ихъ и производитъ страшную рѣзню; она гонится за ними до ихъ стана и овладѣваетъ имъ. Оставшіеся изъ нихъ, ошеломленные, прячутся за городскими стѣнами, гдѣ ихъ ждетъ чума и часто истребляетъ прежде, чѣмъ мы успѣемъ сдѣлать приступъ. Этого довольно, чтобы дать понятіе о всякой другой компаніи, потому что всегда они оказываются такими же трусами и невѣждами, и мы поражаемъ ихъ всегда однѣми и тѣми же средствами. Они храбры только за своими окопами; да и тутъ, при осадахъ, какъ глупо они дѣйствуютъ! Они дѣлаютъ безпрестанныя вы-

лазки, и вмѣсто того, чтобы стараться насъ обмануть, безразсудствомъ своимъ обнаруживаютъ всѣ свои намѣренія. Во первыхъ, мы уже всегда заранѣе знаемъ, что они нападутъ на насъ въ полночь. Къ тому же они въ тотъ день непремѣнно выставляютъ на стѣнѣ съ той стороны, откуда намѣрены выйдти, столько лошадиныхъ хвостовъ, сколько отрядовъ наряжено для вылазки. Поэтому мы знаемъ напередъ часъ нападенія, число нападающихъ, ворота, изъ которыхъ они выйдутъ, и направленіе, по которому сдѣлаютъ свое движеніе.»

Разумѣется этотъ разсказъ былъ нѣсколько преувеличенъ; но въ основаніи его была истина: инженеръ Лаффиттъ, посланный отцомъ моимъ въ Константинополь, чтобы дать Туркамъ нѣсколько наставленій и помочь имъ обороняться, въ письмахъ своихъ ко мнѣ передалъ нѣсколько случаевъ, доказывающихъ безразсудство Турокъ.... [1]).

Императрица, имѣя предъ собою такихъ безсильныхъ и безразсудныхъ враговъ, откладывала свои намѣренія только потому, что опасалась оружія Швеціи, Пруссіи и Франціи, а можетъ быть и англійскаго флота. Поэтому я довѣрялся, по крайней мѣрѣ на время, мирнымъ увѣреніямъ русскаго правительства.

Въ это время, въ Маѣ 1785 года, императрица издала знаменитый указъ о дворянствѣ [2]). Изложеніе этого законоположенія заняло бы здѣсь слишкомъ много мѣста. Скажу только, что особенно замѣчательно показалось мнѣ распредѣленіе дворянъ по классамъ, такъ что старинное дворянство причислено было къ шестому, дворянство завоеванныхъ областей къ пятому, а пожалованное грамотами къ двумъ первымъ. Вѣроятно это было сдѣлано съ тою цѣлью, чтобы показать, что пріобрѣтенныя от-

---

[1]) Слѣдующія за этимъ подробности о Туркахъ выпущены при переводѣ по своей незначительности.

[2]) Дворянская грамота, данная 1785 года Апрѣля 21-го (ст. ст.), въ день рожденія императрицы.

личія предпочтительнѣе стариннаго титула. Этимъ же указомъ дворянамъ предоставлено было право заводить фабрики, собираться для совѣщаній и подавать прошенія монарху.

Около этого же времени я совершенно неожиданно получилъ отъ императрицы знакъ ея благоволенія. Она предложила мнѣ сопутствовать ей въ поѣздкѣ по Россіи, которую она намѣревалась совершить для осмотра работъ, предпринятыхъ для окончанія канала, соединяющаго Каспійское море съ Балтійскимъ черезъ Ладожское озеро, Волховъ, озеро Ильмень, Мсту, Тверцу и Волгу. Ея Величество объявила мнѣ, что во время путешествія правила этикета будутъ изгнаны, и что только немногія лица удостоятся чести слѣдовать за нею [1]). Я поручилъ Колиньеру замѣнить меня въ совѣщаніяхъ съ министрами и по заведенному порядку отправлять депеши нашему кабинету. До отъѣзда моего я получилъ письмо отъ Верженя, пріятное для меня, потому что онъ предписывалъ мнѣ отвѣчать Потемкину о Туркахъ, нашей торговлѣ и политикѣ именно въ томъ смыслѣ, въ какомъ я говорилъ съ нимъ. Вскорѣ замѣтилъ я въ обращеніи русскихъ министровъ со мною нѣкоторую перемѣну, внушенную имъ явнымъ благоволеніемъ ко мнѣ императрицы. Въ разговорахъ со мною они уже стали поговаривать о пользѣ взаимности между нашими дворами.

Когда я пріѣхалъ въ Царское Село, императрица была такъ добра, что сама показывала мнѣ всѣ красоты своего великолѣпнаго загороднаго дворца. Свѣтлыя воды, тѣнистая зелень, изящныя бесѣдки, величественныя зданія, драгоцѣнная мебель, комнаты, покрытыя порфиромъ, лазоревымъ камнемъ и малахитомъ, все это представляло волшебное зрѣлище и напоминало удивленному путешественнику дворцы и сады Армиды. Императрица

---

[1]) Подробности этой поѣздки изъ записокъ гр. Сиверса, Новгородскаго губернатора, въ біографіи послѣдняго, соч. Блума: Ein russischer Staatsmann. Leipzig. 1857—59.

сказала мнѣ, что, узнавъ о порученіи нашего правительства Ла-Перузу пополнить наблюденія, сдѣланныя знаменитымъ Кукомъ по русскимъ берегамъ Тихаго океана, и предвидя, что по приближеніи къ сѣверу онъ можетъ встрѣтить русскаго капитана [1]), которому велѣно обогнуть Чукотскій мысъ и осмотрѣть сѣверные берега Америки, она приказала этому моряку, въ случаѣ встрѣчи съ королевскими судами, отдать имъ должный почетъ. Я увѣрилъ ее, что Ла-Перузъ, безъ сомнѣнія, получитъ соотвѣтственныя приказанія, относительно императорскихъ судовъ. При этомъ я сказалъ ей, что легко и вмѣстѣ съ тѣмъ пріятно предвидѣть, сколько союзъ двухъ могущественныхъ монарховъ можетъ придать славы ихъ вѣку; что, видя ихъ соревнованіе въ дѣлахъ, касающихся блага человѣчества, нельзя не предполагать, что они не замедлятъ сблизиться и въ своихъ политическихъ правилахъ.

При совершенной свободѣ, веселой бесѣдѣ и полномъ отсутствіи скуки и принужденія, одинъ только величественный дворецъ напоминалъ мнѣ, что я не просто на дачѣ у самой любезной, свѣтской женщины. Кобенцель былъ неисчерпаемо веселъ; Фитцъ-Гербертъ высказывалъ свой образованный, тонкій умъ, а Потемкинъ—свою оригинальность, которая не оставляла его даже въ нерѣдкія минуты задумчивости и хандры. Императрица свободно говорила обо всемъ, исключая политики; она любила слушать разсказы, любила и сама разсказывать. Если бесѣда случайно умолкала, то оберъ-шталмейстеръ Нарышкинъ [2]) своими шутками непремѣнно вызывалъ на смѣхъ и остроты. Почти цѣлое утро государыня занималась, и каждый изъ насъ могъ въ это время читать, писать, гулять, однимъ словомъ дѣлать, что ему угодно. Обѣдъ, за которымъ бывало немного гостей и немного блюдъ, былъ вкусенъ, простъ, безъ роскоши; послѣ-

---

[1]) Въ 1785 году была совершена географическая и астрономическая экспедиція капитановъ Биллингса и Сарычева по сѣверо-восточной Сибири и моремъ отъ устья Колымы до американскаго берега.

[2]) Левъ Александровичъ Нарышкинъ, р. 1733, ум. 1799 года.

обѣденное время употреблялось на игру или на бесѣду; вечеромъ императрица уходила довольно рано, и мы собирались у Кобенцеля, у Фитцъ-Герберта, у меня или у Потемкина.

Однажды, помню я, императрица сказала мнѣ, что у нея околѣла маленькая левретка *Земира*, которую она очень любила и для которой желала бы имѣть эпитафію. Я отвѣчалъ ей, что мнѣ невозможно воспѣть Земиру, не зная ея происхожденія, свойствъ и недостатковъ. «Я полагаю, что вамъ достаточно будетъ знать, возразила императрица, — что она родилась отъ двухъ англійскихъ собакъ: *Тома* и *Леди*, что она имѣла множество достоинствъ и только иногда бывала немножко зла.» Этого мнѣ было довольно, и я исполнилъ желаніе императрицы и написалъ слѣдующіе стихи, которые она чрезвычайно расхвалила:

Epitaphe de Zémire.

Ici mourut Zémire, et les Graces en deuil
Doivent jeter des fleurs sur son cercueil.
Comme Tom, son aïeul, comme Lady, sa mère,
Constante dans ses goûts, à la course légère,
Son seul défaut était un peu d'humeur;
Mais ce défaut venait d'un si bon coeur!
Quand on aime, on craint tant! Zémire aimait tant celle
Que tout le monde aime comme elle!
Voulez-vous qu'on vive en repos,
Ayant cent peuples pour rivaux?
Les dieux, témoins de sa tendresse,
Devaient à sa fidélité
Le don de l'immortalité,
Pour qu'elle fût toujours auprès de sa maîtresse [1]).

---

[1]) «Здѣсь пала Земира, и опечаленныя Граціи должны набросать цвѣтовъ на ея могилу. Какъ Томъ, ея предокъ, какъ Леди, ея мать, она была постоянна въ своихъ склонностяхъ, легка на бѣгу и имѣла одинъ только недостатокъ—была немножко сердита; но сердце ея было доброе. Когда любишь, всего опасаешься,

Императрица велѣла вырѣзать эти стихи на камнѣ, который былъ поставленъ въ царскосельскомъ саду [1]).

Третьяго Іюня, мы отправились въ путь. Поѣздъ состоялъ изъ двадцати каретъ. Въ экипажѣ императрицы попеременно садились Потемкинъ и Кобенцель или Фитцъ-Гербертъ и я. Постоянно же пользовалась этою честью всегда находившаяся при ней г-жа Протасова [2]), тетка графини Растопчиной, блиставшей въ Парижѣ своимъ умомъ, образованіемъ и добродѣтелью, и любимецъ императрицы, флигель-адъютантъ Ермоловъ [3]); кромѣ того, иногда она приглашала къ себѣ оберъ-шталмейстера. Екатерина, будучи много разъ обманута легкомысліемъ и завистливостью нѣкоторыхъ знатныхъ дамъ, которыхъ она удостоивала своего довѣрія, принимала въ свой тѣсный кругъ только г-жу Протасову, которой былъ порученъ надзоръ за фрейлинами. Кромѣ нея, она изрѣдка допускала къ себѣ одну изъ племянницъ Потемкина, графиню Скавронскую [4]).

Императрица ѣхала безъ всякаго конвоя: она напоминала стихъ Вольтера про Лая:

Comme il était sans crainte, il marchait sans défense
(Безстрашный, онъ шелъ, не нуждаясь въ защитѣ).

Мы трогались съ мѣста по утрамъ, въ восемь часовъ. Около втораго часу останавливались для обѣда въ городахъ или

а Земира такъ любила ту, которую весь свѣтъ любитъ, какъ она! Можно ли быть спокойною при соперничествѣ такого множества народовъ? Боги, свидѣтели ея нѣжности, должны были бы наградить ее за вѣрность безсмертіемъ, чтобы она могла находиться неотлучно при своей повелительницѣ.»

[1]) Надпись эта и теперь еще видна, хотя неявственно, на каменной плитѣ за пирамидальнымъ мавзолеемъ.

[2]) Протасова, Анна Степановна, камеръ-фрейлина, получила графское достоинство въ 1801 году, сентября 17, ум. 12 апрѣля 1826 года.

[3]) Ермоловъ, Александръ Петровичъ, въ послѣдствіи генералъ-поручикъ, родился 1754 г., былъ въ случаѣ съ начала 1785 года, а въ іюнѣ 1786 года поѣхалъ за границу и вскорѣ умеръ.

[4]) Урожденную Энгельгардтъ, мать которой была родная сестра кн. Потемкина.

селахъ, гдѣ все уже было приготовлено такъ, чтобы императрица нашла тѣ же удобства, что въ Петербургѣ. Мы всегда обѣдали съ государыней. Въ восемь часовъ пополудни мы останавливались, и вечеръ императрица, по обыкновенію, проводила въ игрѣ и разговорахъ. Каждое утро, поработавъ съ часъ, Екатерина, передъ отъѣздомъ, принимала являвшихся къ ней чиновниковъ, помѣщиковъ и купцовъ того мѣста, гдѣ останавливалась; она допускала ихъ къ рукѣ своей, а женщинъ цѣловала и послѣ этого должна была уходить въ туалетную, потому что, по общему обыкновенію въ Россіи, всѣ женщины, даже мѣщанки и крестьянки, румянились, и по окончаніи такого пріема все лицо государыни было покрыто бѣлилами и румянами. Въ каждомъ городѣ императрица, тотчасъ по пріѣздѣ своемъ, отправлялась въ мѣстную церковь и молилась.

Черезъ четыре или пять дней мы доѣхали по дорогѣ, незамѣтно отлогой, до Вышняго-Волочка, самаго возвышеннаго мѣста на огромномъ пространствѣ между Сѣвернымъ и Чернымъ морями, не пересѣкаемомъ поперечными горами. Здѣсь, на этомъ высокомъ мѣстѣ, мы видѣли знаменитыя шлюзы, которыя сдерживаютъ теченіе нѣсколькихъ рѣкъ и передаютъ воду въ каналы Тверцы и Мсты для сообщенія съ Каспіемъ по Волгѣ и для сплава къ Петербургу произведеній юга; этотъ судоходный путь поддерживаетъ и обогащаетъ цѣлыя огромныя области. Работы, предпринятыя для устройства этихъ шлюзъ, могутъ сдѣлать честь самому искусному инженеру. Между тѣмъ они были соображены и исполнены въ царствованіе Петра I простымъ крестьяниномъ Сердюковымъ [1], который никогда не путешествовалъ и ничему не учился. Умъ часто

---

[1]) Михайло Ивановичь Сердюковъ (ум. 1748 г.), родомъ Мунгалъ, былъ новгородскимъ купцомъ, когда принялъ на себя поставку матеріаловъ для Ладожскаго канала и Вышневолоцкихъ шлюзъ, и надзиралъ за устройствомъ этихъ шлюзъ. Петръ зналъ и любилъ его.

пробуждается воспитаніемъ, но геній бываетъ врожденнымъ. Преемники Петра Великаго не радѣли объ усовершенствованіи этого великаго и полезнаго дѣла, но императрица дѣятельно объ немъ заботилась. Она велѣла замѣнить деревянныя постройки каменными и провести къ каналу нѣсколько новыхъ притоковъ и предположила прорыть еще два канала, одинъ — для соединенія Каспійскаго моря съ Чернымъ, и другой для соединенія Чернаго съ Балтійскимъ черезъ Днѣпръ и Двину.

На пути нашемъ мы вездѣ видѣли осушенныя болота, строящіяся селенія, города, вновь основанные или обновленные. Повсюду народъ, какъ будто торжествуя свои побѣды надъ природою, добываемыя безъ крови и слезъ, усердно выражалъ своей повелительницѣ чувства искренной преданности. Толпы крестьянъ падали предъ нею на колѣни, вопреки ея запрещенію, потомъ поспѣшно вставали, подходили къ ней и, называя ее *матушкою*, радушно говорили съ нею. Чувство страха въ нихъ исчезало, и они видѣли въ ней свою покровительницу и защитницу. Послѣ небольшаго роздыха мы предполагали проѣхать по берегу Мсты, чтобы миновать пороги, затрудняющіе плаваніе по этой рѣкѣ до самыхъ Боровичей, гдѣ мы должны были сѣсть на суда. Но Екатерина подготовила намъ неожиданную перемѣну: не предупредивъ никого и не давъ никакихъ предварительныхъ приказаній, она измѣнила путь нашъ и поѣхала на Москву. Тамошній губернаторъ узналъ объ этомъ только за нѣсколько часовъ до нашего прибытія.

Видъ этого огромнаго города, обширная равнина, на которой онъ расположенъ, и его огромные размѣры, тысячи золоченыхъ церковныхъ главъ, пестрота колоколенъ, ослѣпляющихъ взоръ отблескомъ солнечныхъ лучей, это смѣшеніе избъ, богатыхъ купеческихъ домовъ и великолѣпныхъ палатъ многочисленныхъ, гордыхъ баръ, это кишащее населеніе, представляющее собою самые противуположные нравы, различные вѣка, варвар-

ство и образованіе, европейскія общества и азіятскіе базары, все это поразило насъ своею необычайностью. Впрочемъ въ эту первую мою поѣздку въ Москву я успѣлъ только вскользь осмотрѣть ее: мы пробыли въ ней только три дня. Екатерина показала намъ свои дворцы въ Петровскомъ, Коломенскомъ и Царицынѣ, городскіе сады и чудный водопроводъ, устроенный по ея распоряженію. Послѣ этого мы снова отправились до Боровичей черезъ Тверь, Торжокъ и Вышній-Волочекъ. Императрица, желая ознаменовать свое краткое пребываніе въ Москвѣ благодѣяніемъ, увеличила городской доходъ и дала еще значительную сумму для учрежденія больницы въ зданіи, гдѣ прежде, при Аннѣ и Елисаветѣ, помѣщалась тайная канцелярія. Въ Твери она также оставила память по себѣ своими пожертвованіями. Тверь очень красивый городъ. При взглядѣ на толпу горожанокъ и крестьянокъ въ ихъ кичкахъ съ бусами, въ ихъ длинныхъ, бѣлыхъ фатахъ, обшитыхъ галунами, богатыхъ поясахъ, золотыхъ кольцахъ и серьгахъ, можно было вообразить себѣ, что находишься на какомъ нибудь древнемъ азіятскомъ празднествѣ.

Въ Боровичахъ мы пересѣли на красивыя галеры; особенно великолѣпна была галера, назначенная для императрицы. Въ той, гдѣ помѣстили Кобенцеля, Фитцъ-Герберта и меня, были три изящно убранныя комнаты и хоръ музыкантовъ, будившихъ и усыплявшихъ насъ сладкой музыкой.

Еще до этого плаванія, когда мы ѣхали берегомъ въ каретахъ, князь Потемкинъ и я вздумали для любопытства, не спрашивая позволенія императрицы, проѣхать и спуститься черезъ пороги на маленькой лодкѣ. Говорили, что проѣздъ опасенъ, что здѣсь пошло ко дну нѣсколько судовъ. Императрицѣ понравилась эта выходка, хотя она и пожурила насъ за излишнюю отвагу.

При въѣздѣ на Ильменское озеро, которымъ проѣхали мы къ Новгороду, мы насладились зрѣлищемъ, совершенно новымъ для

насъ. Все озеро, подобное тихому, свѣтлому морю, было покрыто множествомъ шлюбокъ, всѣхъ величинъ, разукрашенныхъ пестрыми парусами и цвѣтами. Рыбаки, крестьяне и крестьянки, находившіеся на нихъ, на перерывъ старались приближаться къ нашимъ блистательнымъ судамъ. Вокругъ насъ раздавались звуки музыки и клики и подъ вечеръ ихъ мелодическое, простое и заунывное пѣніе.

Во время этого недолгаго плаванія, воспользовавшись удобнымъ случаемъ, я рѣшился на попытку, которая не осталась безъ послѣдствій и осуществила мое предположеніе,—заключить съ Россіею выгодный торговый договоръ, послѣ столькихъ тщетныхъ попытокъ къ тому съ нашей стороны, въ продолженіи сорока лѣтъ. Однажды, сойдя съ галеры, на которой мы обѣдали съ государыней, на этотъ разъ, противъ обыкновенія своего, задумчивый и молчаливый, я пошелъ съ Потемкинымъ, тоже что-то неразговорчивымъ, на его галеру. Послѣ небольшаго, безсвязнаго разговора, въ продолженіи котораго онъ обнаруживалъ какое-то внутреннее безпокойство, хмурилъ брови и говорилъ сухо и отрывисто, я сказалъ ему: «Любезный князь, вы нынче вовсе не такъ любезны, какъ обыкновенно: вы задумчивы, разсѣяны; мнѣ кажется, будто вы на меня сердитесь. Нельзя-ли мнѣ узнать причину этой перемѣны, которую я также замѣтилъ въ холодномъ обращеніи императрицы. Не кроется ли тутъ какая нибудь придворная сплетня?»

«Да, отвѣчалъ Потемкинъ,—императрица сегодня не въ духѣ, и я также; но поводомъ къ тому ни вы, ни ваше правительство, а англійскіе министры; они дѣйствуютъ на перекоръ всѣмъ дружественнымъ увѣреніямъ и разстроиваютъ наши намѣренія. Я уже давно говорилъ императрицѣ, да она мнѣ не вѣрила, что Питтъ не любитъ ее. Онъ всячески старается возбудить противъ нея вражду въ Германіи, Польшѣ и Турціи. Прусскій король, всегда подозрительный, не можетъ намъ простить, что

мы промѣняли его ненадежную дружбу на полезный союзъ съ Іосифомъ II; онъ тревожится, хлопочетъ и вмѣстѣ съ другими курфюрстами составляетъ довольно опасный союзъ противъ Австріи. Онъ такимъ образомъ готовитъ новую войну въ центрѣ Европы, тогда какъ мы находимъ выгоднымъ поддерживать тамъ миръ. Мы дѣйствовали за одно съ императоромъ и потому неслишкомъ безпокоились о козняхъ Пруссіи. Но теперь мы узнали изъ достовѣрнаго источника, что англійскій король, на котораго императрица и императоръ полагались, безъ всякаго повода начинаетъ дѣйствовать во вредъ намъ и, въ качествѣ курфюрста ганноверскаго, приступаетъ къ политической системѣ Фридриха и къ его союзу. Эта перемѣна разстроиваетъ всѣ наши предположенія. Все это продѣлка Англичанъ. Меня это ужасно сердитъ, и я не знаю—что бы далъ, чтобы отомстить имъ.»

Негодованіе князя обнаружило мнѣ его задушевную мысль, и я, пользуясь этимъ случаемъ, сказалъ ему: «Если вы хотите отплатить имъ, то можете сдѣлать это скоро и легко, и притомъ вы въ правѣ это сдѣлать: лишите ихъ исключительныхъ преимуществъ въ торговлѣ, которыми они пользуются въ Россіи на зло другимъ народамъ и во вредъ вамъ самимъ.»

«Я васъ понимаю, возразилъ онъ тотчасъ, оживляясь и улыбаясь,—но слушайте, я буду говорить съ вами, какъ съ другомъ; дворъ вашъ давно ужь желаетъ заключить торговый договоръ съ нами; теперь приспѣло время—пользуйтесь имъ; вы увидите, что императрица уже оставила прежнія свои предубѣжденія противъ Франціи; она теперь недовольна Англичанами. Не пропускайте такого благопріятнаго случая; предложите ей рѣшительно условія договора и союза, и я даю вамъ слово, что буду помогать, чѣмъ могу.»

«Я охотно послѣдую вашимъ совѣтамъ, возразилъ я, — но между нашими дворами давно уже водворилась такая холодность,

что меня еще не уполномочили офиціально къ подобной попыткѣ, и хотя успѣхъ въ этомъ дѣлѣ обрадовалъ бы нашъ дворъ, но успѣхъ этотъ не вѣренъ, а потому я и не рѣшусь дѣйствовать на обумъ; я боюсь оскорбить достоинство короля такимъ смѣлымъ предложеніемъ отъ его имени.»

Князь помолчалъ нѣсколько минутъ и потомъ сказалъ: «Ваши опасенія неосновательны. Впрочемъ, если вы уже до того осторожны, то послушайтесь моего совѣта: мы съ вами не разъ толковали о торговлѣ; теперь предположите, что у меня память слаба, напишите мнѣ то, что вы мнѣ часто изъясняли, какъ личное ваше мнѣніе; только изложите ваши мысли въ видѣ конфиденціальной ноты; можете даже не подписывать своего имени. Такимъ образомъ вы ничѣмъ не рискуете. Вы можете быть увѣрены, что я буду остороженъ, и что прочіе министры узнаютъ объ этомъ уже тогда, когда вы получите удовлетворительный отвѣтъ, на основаніи котораго вамъ можно будетъ безъ затрудненія представить ноту офиціальнымъ порядкомъ, въ обычной формѣ. Такимъ образомъ вы можете получить отвѣтъ, не дѣлая еще предложенія. Но повторяю вамъ: куйте желѣзо, пока оно горячо; принимайтесь за дѣло скорѣе; мнѣ бы хотѣлось, чтобы оно уже было сдѣлано.»

На это я ничего не возражалъ и поспѣшилъ на свою галеру, убѣжденный, что надо скорѣе пользоваться этимъ дружелюбнымъ расположеніемъ князя, потому что оно, вѣроятно, порождено гнѣвомъ и можетъ скоро охладиться. Я вхожу въ свою комнату, ищу чернилицы... но она была заперта въ комодѣ, а ключь отъ него мой камердинеръ унесъ и отправился кататься на шлюбкѣ. Раздосадованный, вошелъ я въ комнату Фитцъ-Герберта и, кажется, нашелъ его, играющимъ въ кости съ Кобенцелемъ. Я объявилъ имъ, что хотѣлъ бы воспользоваться тѣмъ временемъ, покуда суда наши на якорѣ, и написать нѣсколько писемъ, но что лакей мой ушелъ, и я не могу достать

ни пера, ни бумаги. Тогда Фитцъ-Гербертъ одолжилъ мнѣ все, что мнѣ было нужно, и я отправился къ себѣ. Не знаю для чего, нѣкоторыя лица, которымъ я разсказывалъ подробности моего путешествія, въ послѣдствіи напечатали это въ видѣ анекдота, приписывая шалости то, что было дѣломъ случая. Мнѣ было весьма досадно, если бы распространеніе этого анекдота могло хотя сколько нибудь оскорбить Фитцъ-Герберта, котораго я всегда уважалъ за умъ и дарованія, платилъ за его расположеніе дружбою и сохраню ее во всю мою жизнь. Дѣло въ томъ, что легкомысленнымъ людямъ показалось забавнымъ разсказать, что я подписалъ торговый трактатъ перомъ англійскаго посла, тогда какъ въ самомъ дѣлѣ я написалъ имъ только простую записку.

Слѣдующую ноту я написалъ въ теченіе двухъ часовъ и отнесъ къ Потемкину. Я считаю нужнымъ привести здѣсь эту импровизированную бумагу, потому что, по счастливому случаю, она имѣла такое важное вліяніе на успѣшный ходъ моихъ дѣлъ.

Конфиденціальная нота.

Если когда либо двѣ державы должны были заключить торговый договоръ, такъ это Россія и Франція: этого требуютъ ихъ положеніе, ихъ произведенія, ихъ взаимная польза. Онѣ слишкомъ отдалены, чтобы вредить другъ другу и чтобы между ними могъ возникнуть поводъ къ войнѣ или враждѣ. По числу жителей и богатству, они могли бы властвовать въ Европѣ, если бы ихъ политическіе виды были сходны. Между тѣмъ какъ огромныя страны, ихъ раздѣляющія, отдаляютъ отъ нихъ причины къ несогласіямъ, моря Средиземное, Черное и Балтійское, наконецъ океанъ открываютъ имъ поприще для сбыта ихъ произведеній. Было бы слишкомъ долго исчислять причины, по которымъ торговля между этими странами была всегда такъ слаба и шла по ложному направленію вмѣсто того, чтобы идти

по естественному пути, указанному положеніемъ этихъ странъ и ихъ взаимными выгодами. Французы принуждены были получать товары отъ Русскихъ и посылать имъ свои чрезъ посредство болѣе счастливыхъ Англичанъ, которые пользовались двойными выгодами на счетъ обоихъ народовъ и все болѣе и болѣе утверждали свои преимущества, такъ что стали неизбѣжными покупателями. Они должны были сдѣлаться почти единственными покупателями, потому что неравенство въ платежѣ пошлинъ и разныя привиллегіи, необходимо устранили всякое соперничество. Нынѣ царствующая императрица, правленіе которой достопамятно столькими улучшеніями и уничтоженіемъ вредныхъ предразсудковъ, кажется, намѣрена оживить торговлю возбужденіемъ соперничества и уничтоженіемъ исключительныхъ привиллегій и признаетъ свободу и равенство основою успѣха торговли. Мнѣнія короля французскаго совершенно согласны съ мыслями ея величества. Онъ полагаетъ, что теперь время устранить препятствія, мѣшавшія заключенію торговаго договора. Это тѣмъ нужнѣе для обоихъ государствъ, что императрица имѣетъ нынѣ порты на Черномъ морѣ. Мы находимся въ самомъ выгодномъ положеніи для того, чтобы открыть мѣста сбыта для южныхъ областей имперіи, отправляющихъ свои произведенія по дальнему, трудному пути къ Балтійскому морю. Французскіе порты на океанѣ, по положенію своему, могутъ быть въ сношеніяхъ съ Ригою, Архангельскомъ и Петербургомъ. Съ другой стороны, между нашими портами на Средиземномъ морѣ и Херсономъ могутъ возникнуть дѣятельныя сношенія. Россія всегда будетъ потреблять въ большомъ количествѣ французскія вины и сахаръ и кофе нашихъ колоній. Франція, нуждаясь въ разныхъ предметахъ, необходимыхъ для содержанія флота, всегда охотнѣе будетъ покупать ихъ въ Россіи, нежели въ Америкѣ. Она потребуетъ также много пеньки, хотя имѣетъ свою. Солонину она также лучше добудетъ изъ южно-русскихъ областей, нежели изъ Ир-

ландіи. Кожами, саломъ, воскомъ, селитрой природа надѣлила Украйну и другія южныя области; огромная имперія изобилуетъ тысячами иныхъ произведеній, и было бы долго исчислять всѣ предметы, могущіе увеличить собою количество вывоза и доходы Россіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ доставить пользу Франціи, которой выгоднѣе торговать непосредственно съ Россіею, чѣмъ платить другимъ народамъ огромныя суммы за русскіе товары. Такая взаимная мѣна такъ нужна Франціи и Россіи, что порты ихъ немедленно наполнятся купеческими судами обѣихъ странъ, лишь только будутъ устранены препятствія, удерживающія благоразумныхъ капиталистовъ отъ торга, въ которомъ они должны опасаться соперниковъ, пользующихся привиллегіями. Однако уничтоженіе этихъ преимуществъ и открытіе всеобщаго соперничества еще не достаточны для купцовъ, если между обоими народами не будетъ заключенъ договоръ для оживленія торговли. Будетъ ли договоръ заключенъ для удовлетворенія существенныхъ потребностей, или только для удовлетворенія желаній купцовъ,—во всякомъ случаѣ, онъ даетъ имъ покровительство правительства. Только этимъ путемъ можно внушить имъ довѣріе, побуждающее къ обширнымъ торговымъ предпріятіямъ. Пока не предпримутъ такихъ поощрительныхъ мѣръ въ пользу нашихъ купцовъ, они будутъ обращать свою дѣятельность на торгъ съ нашими колоніями, съ Индіею, съ Малою Азіею и съ тѣми государствами, съ которыми мы заключили договоры. Русскіе товары они получаютъ изъ третьихъ рукъ; отъ этого возвышается ихъ цѣна, и уменьшается сбытъ ко вреду нашей и русской торговли. Нѣсколько французскихъ купцовъ, безъ денегъ и безъ кредита, водворяются въ Петербургѣ, но не только не скрѣпляютъ торговыхъ сношеній обѣихъ державъ, а напротивъ ослабляютъ ихъ своими неудачами и неосторожными поступками. Но лишь только торговымъ договоромъ водворится соперничество и равенство правъ, сюда пріѣдутъ

купцы, достойные довѣрія, образуются торговыя общества, и взаимныя выгоды возрастутъ вмѣстѣ съ увеличеніемъ требованій. Теперь, когда, повидимому, и петербургскій, и версальскій кабинеты сознали эти истины, нужно, кажется, сдѣлать объ этомъ болѣе рѣшительное предложеніе русскому правительству, и должно надѣяться, что такая полезная сдѣлка не встрѣтитъ препятствій, и что оба кабинета, для ускоренія дѣла, сообщатъ другъ другу свои мнѣнія объ этомъ важномъ предметѣ. Чтобы такой договоръ между Франціей и Россіей былъ проченъ, нужно основать его на равенствѣ правъ. Въ слѣдствіе этого, Русскіе во Франціи должны пользоваться всѣми возможными преимуществами, какія имѣютъ другіе народы; они будутъ судимы въ тѣхъ же судахъ, ихъ товары будутъ обложены тѣми же пошлинами, и выплачивать ихъ они станутъ тою же монетою, какъ нація, пользующаяся во Франціи самыми большими выгодами.

Таковы въ общихъ чертахъ предположенія, которыя мнѣ дозволено высказать, если къ тому представится удобный случай.»

Намѣренія Потемкина не измѣнились по прочтеніи этой бумаги. Онъ расхвалилъ ее и не хотѣлъ мнѣ ее возвратить, какъ я его ни просилъ. «Я возьму это, сказалъ онъ съ усмѣшкою,— покажу только императрицѣ и обѣщаю послѣ того тотчасъ же возвратить ее вамъ.»

Въ самомъ дѣлѣ, на другой день, лишь только онъ увидѣлъ меня, тотчасъ отдалъ мнѣ мое писаніе и сказалъ: «Мнѣ поручено передать вамъ отвѣтъ, вѣроятно, пріятный для васъ; государыня сама скоро подтвердитъ его. Она приказала сказать вамъ, что съ удовольствіемъ прочитала вашу ноту и находитъ ваши замѣчанія справедливыми; ей нравится ваша довѣрчивость, она даже расположена къ заключенію желаемаго вами договора и, когда пріѣдетъ въ Петербургъ, дастъ министрамъ своимъ нужныя приказанія, послѣ чего вамъ уже можно будетъ дѣйство-

вать оффиціально, безъ всякихъ опасеній; она даетъ вамъ обѣщаніе, что предложенія ваши будутъ приняты.» Князь передалъ мнѣ совершенную правду: когда мнѣ случилось быть у императрицы, она отвела меня въ сторону и сказала: «Вы уже знаете мой отвѣтъ. Увѣренія въ дружбѣ, которыя я недавно получила отъ вашего короля, побуждаютъ меня охотно заключить договоръ, который насъ сблизитъ еще болѣе. Ваше довѣріе мнѣ понравилось; мнѣ весьма пріятно видѣть васъ при себѣ, и я бы желала, чтобы переговоры объ этомъ дѣлѣ, важномъ для обоихъ государствъ, были бы ведены и окончены вами.» Можно себѣ представить, какъ я былъ радъ, что смѣлая попытка моя кончилась такъ удачно.

Черезъ нѣсколько дней послѣ того мы проѣхали Ладожскій каналъ и прибыли въ Петербургъ $^{19}/_{28}$ Іюня. Такимъ образомъ мы въ мѣсяцъ совершили самую занимательную и пріятную поѣздку.

Я получилъ письмо отъ Верженна, который предписывалъ мнѣ воспользоваться расположеніемъ ко мнѣ графа Герца, чтобы успокоить его кабинетъ и доказать ему, что союзъ курфюрстовъ и старанія прусскаго короля усилить этотъ союзъ послужатъ только къ укрѣпленію связи между Австріей и Россіей.

Въ это время я часто бывалъ у императрицы въ Царскомъ Селѣ; она съ жаромъ передавала мнѣ ложные слухи, распускаемые въ Европѣ объ ея честолюбіи, эпиграммы, на нее направленныя, и забавные толки объ упадкѣ ея финансовъ и разстройствѣ ея здоровья. «Я не обвиняю вашъ дворъ, говорила она,—въ распространеніи этихъ бредней; ихъ выдумываетъ прусскій король изъ ненависти ко мнѣ, но вы иногда вѣрите имъ. Ваши соотечественники, не смотря на мое расположеніе къ миру, вѣчно приписываютъ мнѣ честолюбивые замыслы, между тѣмъ какъ я рѣшительно отказалась отъ всякихъ завоеваній и имѣю на это важныя причины. Я желаю одного мира и возмусь

за оружіе въ томъ только случаѣ, если меня къ тому принудятъ. Одни неугомонные Турки да Пруссаки опасны для спокойствія Европы; а между тѣмъ мнѣ не довѣряютъ, а имъ помогаютъ.» Въ отвѣтахъ моихъ было болѣе вѣжливости, нежели убѣжденія, потому что, хотя Потемкинъ говорилъ мнѣ точно тоже, я замѣчалъ, что онъ только на время отложилъ свои честолюбивыя намѣренія, но еще не отказался отъ нихъ.

Разъ какъ-то, разсказывая о грабежахъ Кубанскихъ Татаръ и жестокостяхъ визиря, онъ сказалъ мнѣ: «Согласитесь, что Турки—бичь человѣчества. Если бы три или четыре сильныя державы соединились, то было бы весьма легко отбросить этихъ варваровъ въ Азію и освободить отъ этой язвы Египетъ, Архипелагъ, Грецію и всю Европу. Не правда ли, что такой подвигъ былъ бы и справедливымъ, и религіознымъ, и нравственнымъ, и геройскимъ подвигомъ? Къ тому же, присовокупилъ онъ съ усмѣшкой, — если бы вы согласились способствовать этому дѣлу, и если бы на долю Франціи досталась Кандія или Египетъ, то вы были бы достойно награждены?»

Я возразилъ, что такое пріобрѣтеніе нисколько не возбуждаетъ моего честолюбія. И въ самомъ дѣлѣ, неловкій намекъ этотъ мнѣ не понравился и придалъ мнѣ въ эту минуту твердости исполнить долгъ, несогласный ни съ моими чувствами, ни съ моимъ личнымъ убѣжденіемъ. Дѣйствительно, я никогда не постигалъ и теперь еще не понимаю этой странной и безнравственной политической системы, въ слѣдствіе которой упрямо поддерживаютъ варваровъ, разбойниковъ, изувѣровъ, опустошающихъ и обливающихъ кровью обширныя страны, принадлежащія имъ въ Азіи и Европѣ. Можно ли повѣрить, что всѣ государи христіанскихъ державъ помогаютъ, посылаютъ подарки и даже оказываютъ почести правительству невѣжественному, безсмысленному, высокомѣрному, которое презираетъ насъ, нашу вѣру, наши законы, наши нравы и нашихъ государей, унижаетъ и

поноситъ насъ, называя христіанъ собаками? Но въ качествѣ посланника я долженъ былъ слѣдовать даннымъ мнѣ инструкціямъ и дѣйствовать сообразно съ ними.

Дѣлая видъ, что принимаю слова князя за шутку, несогласимую съ его постояннымъ расположеніемъ къ миру, я сказалъ ему: «Любезный князь, вы, безъ сомнѣнія, увлеклись, и потому не буду вамъ отвѣчать серьезно. Вы, человѣкъ разсудительный, безъ сомнѣнія, поймете, что нельзя разрушить такое государство, какъ Турція, не раздѣливъ ея на части, а въ такомъ случаѣ нарушатся всѣ торговыя связи, все политическое равновѣсіе Европы. Раздоры замѣнятъ согласіе, такъ медленно водворенное послѣ долгихъ, жестокихъ войнъ, которыя возникли и длились въ слѣдствіе яростныхъ споровъ за вѣру, обременительнаго владычества Карла V и его вторженія въ Италію, соперничества Франціи и Англіи, завоеваній Людовика XIV и безпрестанныхъ честолюбивыхъ замысловъ австрійскаго дома на счетъ Германіи. Окончить полюбовно этотъ раздѣлъ также невозможно, какъ найти философскій камень. Одного Константинополя довольно, чтобы разъединить державы, которыя вы хотите заставить дѣйствовать за одно. Повѣрьте мнѣ, что главнѣйшій союзникъ вашъ, императоръ австрійскій, никогда не допуститъ васъ овладѣть Турціей. Мнѣ кажется, онъ даже какъ-то сказалъ, что *хотя онъ и не забудетъ страха, какой навели на Вѣну турецкія чалмы, но онъ сталъ бы еще болѣе опасаться, если бы имѣлъ въ сосѣдствѣ войска въ киверахъ и шляпахъ.*»

«Вы правы, воскликнулъ по неволѣ князь, — но мы всѣ въ этомъ виноваты. Мы всегда дѣйствуемъ дружно для дурныхъ цѣлей, а не для пользы человѣчества.»

Не передавая всѣхъ этихъ подробностей своему правительству, я написалъ однако Верженню о моихъ разговорахъ по этому поводу съ Потемкинымъ и другими министрами. Онъ вполнѣ одобрилъ меня въ томъ, что я успѣлъ показать Рус-

скимъ, сколько препятствій мѣшаетъ разрушенію Турецкой имперіи, и разсѣять подозрѣнія Екатерины, полагавшей, что мы только и думаемъ, какъ бы возбудить смуты въ ея имперіи и увеличить число ея враговъ.

Императрица день ото дня все чаще доставляла мнѣ случай видѣть ее: я встрѣтилъ ее на дачѣ у оберъ-мундшенка и у оберъ-шталмейстера. Она предложила мнѣ сопутствовать ей въ поѣздкѣ, которую намѣрена была сдѣлать для осмотра оружейнаго завода въ Систербекѣ. Во время этой прогулки, я помню, она много шутила по поводу толковъ о чрезвычайныхъ издержкахъ нашего двора и о безпорядкахъ въ отчетности этихъ расходовъ. Мнѣ хотѣлось представить какія нибудь оправданія на этотъ счетъ, хотя это и было довольно затруднительно. Не столько защищаясь, сколько возражая, я сказалъ: «Такова уже участь великихъ монарховъ, занятыхъ болѣе государственными, нежели своими дѣлами, и не вынуждаемыхъ подражать Карлу Великому, который, на диво всѣмъ, самъ считалъ произведенія своихъ полей, хлѣбъ, сѣно, даже огородныя овощи и яица. Но за то, ограниченный одними лишь доходами со своихъ владѣній, онъ не могъ покрывать своихъ расходовъ податями, тогда еще неизвѣстными во Франціи. Правда, государей нашихъ обманываютъ; но позвольте мнѣ сказать вамъ, что, судя по слухамъ, и васъ, государыня, не рѣдко обкрадываютъ. Это и неудивительно, потому что ваше величество не можете же сами заглядывать въ кухню и конюшню и заниматься хозяйственными мелочами.»

«Вы отчасти правы, отчасти нѣтъ, любезный графъ, возразила она;—что меня обкрадываютъ, какъ и другихъ, съ этимъ я согласна. Я въ этомъ увѣрилась сама, собственными глазами, потому что разъ утромъ рано видѣла изъ моего окна, какъ потихоньку выносили изъ дворца огромныя корзины и, разумѣется, непустыя. Помню также, что нѣсколько лѣтъ тому

назадъ, проѣзжая по берегамъ Волги, я расспрашивала побережныхъ жителей о ихъ жизни. Большею частью они питались рыболовствомъ. Они говорили мнѣ, что могли бы довольствоваться плодами трудовъ своихъ и въ особенности ловлею стерлядей, если бы у нихъ не отымали части добычи, принуждая ихъ ежегодно доставлять для моей конюшни значительное число стерлядей, которыя стоятъ хорошихъ денегъ. Эта тяжелая дань обходилась имъ въ 2,000 рублей каждогодно.—Вы хорошо сдѣлали, что сказали мнѣ объ этомъ, отвѣчала я смѣясь; —я не знала, что мои лошади ѣдятъ стерлядей. Эта странная повинность была уничтожена. Однако я постараюсь доказать вамъ, что есть разница между кажущимся безпорядкомъ, который вы замѣчаете здѣсь, и безпорядкомъ дѣйствительнымъ и несравненно опаснѣйшимъ, господствующимъ у васъ. Французскій король никогда не знаетъ въ точности, сколько онъ издерживаетъ; у него ничто не распредѣлено и не назначено впередъ. Я напротивъ того дѣлаю вотъ что: ежегодно опредѣляю извѣстную, всегда одинаковую сумму на расходы для моего стола, меблировки, театровъ, конюшни, однимъ словомъ для содержанія всего дома; я приказываю, чтобы за столомъ въ моихъ дворцахъ подавали такія то вина, столько то блюдъ. Тоже самое дѣлается и по другимъ частямъ хозяйства. Когда мнѣ доставляютъ все въ точности, въ требуемомъ количествѣ и качествѣ, и если никто не жалуется на недостатокъ, то я довольна, и мнѣ совершенно все равно, если изъ отпускаемой суммы сколько нибудь украдутъ. Для меня важно то, чтобы эта сумма не была превышаема. Такимъ образомъ я всегда знаю, что издерживаю. Это такое преимущество, которымъ пользуются немногіе государи и даже немногіе богачи изъ частныхъ лицъ.»

Въ другой разъ, когда она хотѣла знать, что меня всего болѣе поразило съ тѣхъ поръ, какъ я находился при ея дворѣ, я, пользуясь добрымъ расположеніемъ ея ко мнѣ, осмѣлился ска-

зать: «Меня всего болѣе удивляетъ ненарушимое спокойствіе, которымъ ваше величество пользуетесь на тронѣ, издавна обуреваемомъ грозами. Трудно постигнуть — какимъ образомъ, прибывъ въ Россію изъ чужихъ странъ молодою женщиною, вы царствуете такъ спокойно и не бываете принуждены тушить внутреннія смуты и бороться съ домашними врагами и не встрѣчаете никакихъ важныхъ препятствій?»

«Средства къ тому самыя обыкновенныя, отвѣчала она; — я установила себѣ правила и начертала планъ; по нимъ я дѣйствую, управляю и никогда не отступаю. Воля моя, разъ выраженная, остается неизмѣнною. Такимъ образомъ все опредѣлено, каждый день походитъ на предъидущій. Всякій знаетъ— на что онъ можетъ расчитывать, и не тревожится по пустому. Если я кому нибудь назначила мѣсто, онъ можетъ быть увѣренъ, что сохранитъ его, если только не сдѣлается преступникомъ. Такимъ путемъ я устраняю всякій поводъ къ безпокойствамъ, доносамъ, раздорамъ и совмѣстничеству. За то вы у меня и не замѣтите интригъ. Пронырливый человѣкъ старается столкнуть должностное лицо, чтобы самому замѣстить его, но въ моемъ правленіи такія интриги безполезны.»

«Я согласенъ, государыня, отвѣчалъ я,—что такія благоразумныя правила ведутъ къ хорошимъ послѣдствіямъ. Но позвольте мнѣ сдѣлать одно замѣчаніе: вѣдь и при обширномъ умѣ не возможно иногда не ошибиться въ выборѣ людей. Чтобы вы сдѣлали, ваше величество, еслибъ, напримѣръ, вдругъ замѣтили, что назначили министромъ человѣка неспособнаго къ управленію и недостойнаго вашего довѣрія?»

«Такъ чтоже? возразила императрица;—я бы его оставила на мѣстѣ. Вѣдь не онъ былъ бы виноватъ, а я, потому что выбрала его. Но только я поручила бы дѣла одному изъ его подчиненныхъ; а онъ остался бы на своемъ мѣстѣ, при своихъ титулахъ. Вотъ вамъ примѣръ: однажды, я назначила министромъ

человѣка неглупаго, но недостаточно образованнаго и неспособнаго къ управленію довольно значительною отраслью государственныхъ дѣлъ. Однимъ словомъ, ни въ какомъ правительствѣ не нашелся бы министръ менѣе даровитый. Что изъ этого вышло? Онъ удержалъ свое мѣсто; но я предоставила ему только незначительныя дѣла по его вѣдомству, а все, что было поважнѣе, поручила одному изъ его чиновниковъ. Помню, однажды ночью курьеръ привезъ мнѣ извѣстіе о славной чесменской побѣдѣ и истребленіи турецкаго флота; мнѣ показалось приличнымъ передать эту новость моему министру прежде, нежели онъ узнаетъ ее со стороны. Я послала за нимъ въ четыре часа утра; онъ явился. Надо вамъ сказать, что въ это время онъ былъ чрезвычайно занятъ одной ссорой между своими подчиненными и, по случаю ея, даже забылся и сдѣлалъ несправедливость. Поэтому онъ вообразилъ себѣ, что я собираюсь пожурить его за это. Когда онъ вошелъ ко мнѣ, то, не давъ мнѣ сказать ни слова, началъ меня упрашивать:—Умоляю васъ, государыня, повѣрьте мнѣ, я не виноватъ ни въ чемъ, я въ этомъ дѣлѣ непричастенъ и проч.—Я въ этомъ совершенно увѣрена, отвѣчала я съ усмѣшкой;—потомъ сообщила ему о блистательномъ успѣхѣ, увѣнчавшемъ предпріятіе, задуманное мною съ Орловымъ—отправить флотъ мой изъ Кронштадта, вокругъ Европы, черезъ Средиземное море и уничтожить турецкій флотъ въ Архипелагѣ.»

«Примѣръ этотъ, государыня, сказалъ я улыбаясь,—не многимъ можетъ пригодиться. Мало такихъ мудрыхъ государей, которые могли бы дѣлать великія дѣла при посредственныхъ и даже плохихъ министрахъ.»

Верженнь зналъ, что я успѣлъ снискать благосклонность и довѣріе императрицы. Однако же, когда онъ получилъ мою депешу и узналъ, что, по стеченію благопріятныхъ обстоятельствъ и въ увѣренности получить удовлетворительный отвѣтъ, я на-

мѣреваюсь представить русскому правительству оффиціальную ноту и предложить начать переговоры о торговомъ трактатѣ,— онъ счелъ мой поступокъ слишкомъ поспѣшнымъ и упрекалъ меня, что я такъ легко убѣдился въ возможности такого неожиданнаго оборота дѣлъ. Ему казалось, что я былъ обольщенъ вниманіемъ императрицы, которое относилось только къ моему лицу, что я съ излишней самоувѣренностью приступилъ къ дѣлу и сдѣлалъ предложеніе, можетъ быть, во вредъ своему правительству.

Съ другой стороны, еще страннѣе показалось мнѣ, что вице-канцлеръ графъ Остерманъ, отъ котораго императрица, вѣрная своему слову, скрыла все, что слажено было во время нашей поѣздки; былъ чрезвычайно удивленъ, когда я ему вручилъ свою ноту. Она была извѣстна только императрицѣ и Потемкину и то лишь, какъ выраженіе моего личнаго мнѣнія. Не приготовленный къ этому, Остерманъ сказалъ мнѣ съ важностью: «Я представлю ваше предложеніе на благоусмотрѣніе императрицы, потому что могу принять его только ad referendum. Признаюсь даже, что это меня нѣсколько удивляетъ; я не былъ приготовленъ къ этому предварительными условіями, какія обыкновенно предлагаются въ такихъ случаяхъ, и потому позвольте замѣтить вамъ: обдумали ли вы хорошенько ваше намѣреніе? увѣрены ли вы въ томъ, что оно теперь будетъ своевременно?»

Я сказалъ на это, что предложеніе союза благовиднаго и выгоднаго для обоихъ дворовъ, по моему мнѣнію, вѣроятно, принято будетъ императрицею съ тѣмъ же чистосердечіемъ, съ какимъ оно сдѣлано королемъ, и что сходство ихъ обоюдныхъ чувствъ и мнѣній даетъ мнѣ возможность надѣяться на успѣхъ.

Однако министры въ продолженіе цѣлой недѣли не сообщили мнѣ ничего по этому важному дѣлу. Это меня нѣсколько обезпокоило. Я зналъ, что императрица не медлила въ своихъ соображеніяхъ, планахъ и приказаніяхъ, но что иногда, по неусер-

*

дію ея чиновниковъ, предположенія ея исполняются чрезвычайно тихо.

Я ѣздилъ въ Петергофъ, гдѣ давались пышные праздники; здѣсь, на маскарадѣ, графъ Безбородко сказалъ мнѣ на ухо, что ему приказано немедленно вступить въ переговоры со мною. Въ самомъ дѣлѣ, только что возвратился я въ столицу, какъ графъ Остерманъ пригласилъ меня къ себѣ и, поздравивъ меня съ успѣхомъ, сказалъ: «Ея императорское величество приказала мнѣ сказать вамъ, что она съ большимъ удовольствіемъ прочла вашу ноту, что, не дожидаясь возвращенія графа Воронцова, отправленнаго для обзора таможень, она послала ее къ нему, чтобы онъ могъ скорѣе приступить къ переговорамъ, и что она искренно желаетъ успѣшнаго окончанія этого дѣла.» За тѣмъ я получилъ оффиціальный отвѣтъ русскихъ министровъ на мою ноту и изложеніе правилъ, которыми императрица постоянно руководствуется при заключеніи торговыхъ договоровъ. Сверхъ того мнѣ объявили, что императрица назначитъ своихъ уполномоченныхъ, когда я съ своей стороны буду уполномоченъ къ этому дѣлу.

Я отослалъ всѣ эти факты въ Версаль съ курьеромъ, и они послужили къ моему оправданію. Верженнь, получивъ приказанія короля, похвалами своими вознаградилъ меня за нѣсколько строгій выговоръ, полученный мною не задолго предъ тѣмъ. Изъявляя ему свою благодарность, я предупреждалъ его, что хотя императрица выразила свои намѣренія и увѣрена въ невыгодахъ привиллегій и выгодахъ конкуренціи въ торговлѣ, однако министры ея издавна свыклись съ запретительной системой, и потому, вѣроятно, пройдетъ много времени въ толкахъ объ уменьшеніи пошлинъ. Я предвидѣлъ, что особенно графъ Воронцовъ будетъ настойчиво защищать необходимость запрещеній и высокихъ пошлинъ и не убѣдится въ томъ, что они производятъ застой промышленности и только поощряютъ контрабанду.

Къ тому же я былъ увѣренъ, что если намъ сбавятъ пошлины съ нашихъ винъ и предоставятъ право платить пошлины на русскія деньги, то въ замѣнъ этого съ насъ потребуютъ значительнаго уменьшенія съ пошлинъ на русскіе товары, ввозимые къ намъ.

Стѣснительныя мѣры поддерживались даже наперекоръ желаніямъ императрицы и Потемкина. Они, въ видахъ пользы для южныхъ областей имперіи, хотѣли сбавить одну четвертую со стоимости пошлинъ, платимыхъ всѣми на таможняхъ и въ портахъ этихъ областей. Даже императоръ австрійскій, союзникъ Екатерины, принужденъ былъ сдѣлать значительныя уступки, когда заключилъ торговый договоръ съ Россіею. Россія, нуждаясь въ мѣстахъ для сбыта своихъ товаровъ и отыскивая ихъ, всегда наблюдала свои выгоды. Особенно добивалась она значительныхъ преимуществъ для своего торговаго судоходства. Послѣднее было незначительно, потому что при 25 вооруженныхъ военныхъ корабляхъ, она имѣла не болѣе 50 купеческихъ судовъ. По этому поводу Гаррисъ, въ послѣдствіи лордъ Мальмсбёри, замѣтилъ, что русскій купеческій флотъ—самый сильный въ мірѣ, потому что въ немъ на два торговыхъ корабля приходится по одному военному для обороны.

Мои предположенія оправдались: прошло болѣе девятнадцати мѣсяцевъ, прежде чѣмъ я могъ заключить договоръ и кончить переговоры, къ которымъ приступлено было такъ рѣшительно и при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ. Я послалъ также Верженню мои замѣчанія на ноту, заключавшую въ себѣ основныя правила, установленныя и соблюдаемыя Екатериною II при заключеніи торговыхъ договоровъ. Этѣ записки сдѣлались бы слишкомъ обширны и сухи, если бы я вздумалъ помѣстить въ нихъ всѣ предположенія и возраженія, которыя я дѣлалъ самъ и получалъ въ продолженіи этихъ девятнадцати мѣсяцевъ, или если бы захотѣлъ подробно разсказывать о различныхъ препятствіяхъ, за-

медлявшихъ это дѣло и едва не прервавшихъ его совершенно. Тѣ изъ моихъ читателей, которые готовятъ себя къ дипломатическому поприщу, и которымъ могло бы быть полезно узнать все это дѣло, пусть ищутъ его въ архивахъ. Прочимъ же я бы скоро надоѣлъ, если бы занялъ ихъ толками о политическихъ сплетняхъ. Они охотнѣе послѣдуютъ за мною по пути болѣе разнообразному и удобному, быстро переходя отъ одного предмета къ другому, отъ петербургскихъ праздниковъ къ горамъ Кавказа, отъ сераля татарскихъ хановъ и береговъ Крыма въ украинскія степи, отъ разсказовъ о придворныхъ интригахъ къ описаніямъ сраженій Русскихъ съ Турками, со Шведами и Поляками, предпринявшими послѣднюю попытку, чтобы возвратить свою независимость.

Въ это время императрица была нѣсколько встревожена извѣстіемъ объ уронѣ, который потерпѣло ея кавказское войско, послѣ нѣсколькихъ битвъ съ Чеченцами и Кабардинцами. Полковникъ Пьерри сжегъ нѣсколько ауловъ, былъ окруженъ горцами и погибъ вмѣстѣ со своимъ отрядомъ.

Тогда же сдѣлалось извѣстнымъ, что король прусскій останавливаетъ торговыя сообщенія города Данцига по каналу между Вислой и Нейссой учрежденіемъ таможенъ и фортовъ по этому пути, привлекаетъ такимъ образомъ въ свои владѣнія всю торговлю этого вольнаго города и сверхъ того тревожитъ его жителей разными угрозами и враждебными поступками. Екатерина покровительствовала гражданамъ данцигскимъ и обѣщала обезпечить ихъ спокойствіе. Она написала Фридриху письмо и просила его не разстроивать ихъ обоюднаго согласія и не нарушать безопасности, которою пользовались жители Данцига и Поляки подъ ихъ общимъ покровительствомъ. Императрица поручила графу Безбородко сообщить мнѣ это, и онъ сказалъ мнѣ, что такая откровенность должна служить доказательствомъ Французскому королю, какъ искренно императрица желаетъ дѣй-

ствовать сообща съ нимъ для утвержденія міра въ Европѣ. Откровенность государыни въ этомъ случаѣ убѣдила меня, что, опасаясь безчисленныхъ препятствій къ исполненію своихъ замысловъ, она начинала освобождаться отъ своихъ предубѣжденій противъ насъ и была уже расположена содѣйствовать намъ въ утвержденіи мира.

Знаки довѣрія государыни ко мнѣ произвели на разныя лица различное дѣйствіе. Министры сдѣлались ко мнѣ внимательнѣе. Графъ Герцъ уже не скрывалъ своего нерасположенія. Великій князь, всегда хорошо расположенный ко мнѣ, даже до пристрастья, пересталъ со мною говорить. Наконецъ графъ Кобенцель старался тѣснѣе сблизиться со мною, но больше какъ придворный, нежели какъ посланникъ. Черезъ Кобенцеля узналъ я, что слаженный имъ торговый договоръ не приводится къ окончанію за споромъ о первенствѣ въ подписяхъ акта, потому что императоръ хотѣлъ подписаться первый, а императрица не хотѣла поставить имя свое послѣ него. Мнѣ сказали, что дѣло это должно было уладиться такимъ образомъ, что въ Вѣнѣ напишутъ актъ на нѣмецкомъ языкѣ, гдѣ первымъ подпишется Іосифъ II, а въ Петербургѣ—на русскомъ, гдѣ подпись Екатерины будетъ выше, и потомъ соединятъ эти два акта.

Я былъ предувѣдомленъ, что нѣсколько французскихъ габаръ [1]) пристанутъ къ Кронштадту. Онѣ прибыли, и снова начались толки о платежѣ пошлинъ. Въ другое время изъ-за этого вышли бы неудовольствія. Но такъ какъ на меня уже смотрѣли другими глазами, то и обѣщали кончить это дѣло полюбовно. Императрица прекрасно приняла нашихъ морскихъ офицеровъ; они веселились въ столицѣ и были приглашены на спектакль въ Царское село. Между тѣмъ какъ въ Петербургѣ со мною обходились такъ дружелюбно, графъ Шуазель писалъ мнѣ изъ

---

[1]) Габара—грузное судно.

Константинополя, что поведеніе русскаго посланника вовсе несогласно со вниманіемъ, мнѣ оказываемымъ, и съ дружелюбными увѣреніями, мнѣ данными. Онъ извѣщалъ меня, что Булгаковъ[1]) старается возбудить въ Туркахъ недовѣрчивость къ намъ; что онъ не допускаетъ ихъ согласиться на пропускъ нашихъ судовъ въ Черное море и подстрекаетъ русскихъ агентовъ въ Архипелагѣ къ непріязненнымъ дѣйствіямъ противъ насъ. По этому, съ одной стороны казалось, что русское правительство сближалось съ нами и покидало замыслы о завоеваніяхъ, съ другой стороны, въ Константинополѣ и Греціи подготовляло все для исполненія своихъ намѣреній, на случай разрыва съ Портою, что могло произойти вскорѣ. Однакожъ, Потемкинъ, казалось, исключительно занятъ былъ дѣлами торговыми, а не военными. По указу императрицы, онъ получилъ восемнадцать милліоновъ для скорѣйшаго совершенія предпріятій, начатыхъ имъ въ южномъ краѣ. Иностранцамъ, которые пожелали бы селиться въ тѣхъ мѣстахъ, обѣщана была свобода отъ платежа податей на пять лѣтъ.

Въ это время прусскій король оффиціально сообщилъ Екатеринѣ II, что союзъ курфюрстовъ окончательно составился съ цѣлью поддерживать и защищать германскихъ князей отъ честолюбивыхъ намѣреній Іосифа II. Это извѣстіе возбудило неудовольствіе Екатерины и вмѣстѣ съ тѣмъ усилило ея желаніе соединиться съ нами, чтобы нашимъ посредничествомъ предотвратить войну, повидимому, готовую вспыхнуть тогда въ Германіи. Я воспользовался этимъ положеніемъ дѣлъ и повторилъ свои жалобы о томъ, что русское правительство медлило исполнить свое обѣщаніе и удовлетворить марсельскихъ купцовъ за убытки, понесенные ими въ послѣднюю войну. Черезъ нѣсколько дней послѣ того, шестаго

---

[1]) Яковъ Ивановичъ Булгаковъ, дѣйств. тайн. сов., ум. 7 Іюля 1809 г., дипломатъ и писатель.

сентября 1785 года, графъ Безбородко извѣстилъ меня письмомъ, что это дѣло окончено, и что при первомъ совѣщаніи вице-канцлеръ, по приказанію государыни, сообщитъ мнѣ судебный приговоръ по этому дѣлу, равно какъ и обо всѣхъ распоряженіяхъ, какія будутъ сдѣланы для исполненія этого приговора.

Вознагражденіе было скудное. Купцы наши получили только часть того, что требовали по праву. Но такъ какъ нѣкоторые изъ ихъ исковъ не были подкрѣплены достаточными доказательствами, то они могли считать за счастье, что возвратили хотя часть имущества, которое уже давно считали потеряннымъ.

Въ это время Екатерина, болѣе щедрая на подарки, чѣмъ министры ея въ своихъ платежахъ, блистательнымъ образомъ изъявила свою милость естествоиспытателю Палласу [1]). Она была такъ добра и великодушна, что вошла въ его домашнія нужды. Палласъ искалъ случая продать свое собраніе произведеній природы, чтобы составить приданое дочери своей. Императрица, узнавъ объ этомъ, велѣла спросить его: во сколько онъ цѣнилъ свои вещи, и онъ назначилъ 15,000 рублей. Когда императрицѣ сообщили это, она написала ученому академику, что онъ весьма свѣдущъ въ естественныхъ наукахъ, но не умѣетъ сдѣлать приданаго, и прибавила, что беретъ его собраніе за 25,000 рублей, предоставляя ему право пользоваться имъ по смерть.

Конецъ этого года прошелъ безъ особенныхъ происшествій, за исключеніемъ мира между императоромъ и Голландіею, заключеннаго посредствомъ нашего двора. Извѣстіе о подписаніи предварительныхъ актовъ этого мира обрадовало императрицу и ея министровъ, и удовольствіе ихъ, казалось, было искреннее, чего я не ожидалъ прежде. Военныя дѣйствія на Кавказѣ продолжались. Черкесы, въ одномъ жаркомъ дѣлѣ, были раз-

---

[1]) Академикъ Петръ Симонъ Палласъ, извѣстный ученый и путешественникъ, род. 1741, ум. 1811 г.

биты и потеряли до 1000 человѣкъ. Австрійскій посолъ сообщилъ мнѣ свой торговый трактатъ, написанный, по взаимному соглашенію, въ двухъ экземплярахъ. Договоромъ этимъ императоръ и императрица уменьшили на $^1/_4$ пошлины, взимаемыя на таможняхъ обоихъ государствъ. Съ кронштадтскихъ доковъ спущены были два корабля: одинъ 100 пушечный, другой 74 пушечный. Я присутствовалъ при этомъ торжествѣ вмѣстѣ съ императрицею. Благоволеніе ея ко мнѣ до тѣхъ поръ было неизмѣнно. Но скоро совершенно непредвидѣнный случай подалъ русскому правительству поводъ къ неудовольствію и сомнѣніямъ на счетъ искренности нашихъ дружелюбныхъ увѣреній. Одинъ русскій чиновникъ, посланный въ Персію съ подарками шаху, былъ тамъ ограбленъ и обиженъ. Тогдашній шахъ оказывалъ покровительство кавказскимъ и дагестанскимъ племенамъ во вредъ Россіи. Другой чиновникъ, болѣе счастливый, былъ милостиво принятъ шахомъ. Съ помощью нѣсколькихъ Англичанъ онъ успѣлъ перехватить переписку Феррьера-Совбефа (M. de M. Ferrières Sauveboeuf), французскаго агента, будто-бы посланнаго для того, чтобы вооружить Персіянъ противъ Русскихъ. Потемкинъ въ сердцахъ обратился ко мнѣ съ жалобой на этотъ поступокъ, несогласный съ дружественными увѣреніями нашего двора. Мы жарко поспорили. Напрасно старался я доказать ему, что чиновники, не имѣющіе оффиціальныхъ дипломатическихъ порученій, обязаны только сообщать свѣденія о положеніи страны, куда они посланы; что они не заслуживаютъ никакого довѣрія, когда выходятъ изъ границъ даннаго имъ порученія, съ цѣлію придать себѣ болѣе вѣса и не имѣя на то никакого полномочія. Я сказалъ ему, что мы имѣемъ болѣе причинъ жаловаться на безпрестанныя козни и непріязненное поведеніе не только тайныхъ лазутчиковъ, но самихъ русскихъ консуловъ въ Архипелагѣ. «А, такъ вотъ что! вы опять почувствовали слабость къ Туркамъ, сказалъ Потемкинъ, голосомъ болѣе ласковымъ;—согласитесь, что я не безъ основа-

нія величаю васъ иногда *Сеюръ-Еффендіемъ.* Впрочемъ вѣдь я сообщу вамъ перехваченныя письма, и посмотримъ, каковы-то будутъ объясненія вашего правительства!»

Не смотря на шуточную выходку, заключившую этотъ разговоръ, вслѣдъ за тѣмъ однако со мною стали обращаться холоднѣе, что нѣсколько замедляло ходъ моихъ дѣлъ. Я отослалъ графу Верженню перехваченныя и переданныя мнѣ бумаги и предупредилъ объ этомъ Шуазеля. Оба они, въ слѣдствіе этого происшествія, увидѣли необходимость умѣрять тревожное рвеніе нашихъ тайныхъ агентовъ и осторожнѣе вести свою переписку. Впрочемъ, опрометчивый поступокъ этого посланца, который не удовольствовался ролью простаго наблюдателя, былъ скоро забытъ. Персидскій тронъ занялъ другой шахъ, болѣе расположенный къ Россіи.

Наконецъ, я былъ уполномоченъ на заключеніе договора. Императрица, съ своей стороны, назначила уполномоченными графовъ Остермана, Безбородка и Воронцова и г. Бакунина [1]). Мы начали совѣщаться, но на первый разъ еще далеко не установили главныхъ условій договора. Главная остановка была за нашими винами: ихъ не хотѣли уравнять, относительно пошлинъ, съ винами испанскими и португальскими. Мы согласились только—какою монетою платить пошлины, и какъ рѣшать тяжбы; но никакъ не могли установить тарифъ.

Министры обѣщали мнѣ по возможности скоро передать актъ договора, ими составленный. Между тѣмъ я препроводилъ въ Версаль ноту, содержащую мнѣнія русскихъ уполномоченныхъ, присоединивъ къ нимъ мои замѣчанія.

Императрица объявила мнѣ о своемъ намѣреніи ѣхать въ Крымъ. Съ обычною своею любезностью она прибавила, что ес-

---

[1]) Тайный совѣтн. Петръ Васильевичъ Бакунинъ, членъ иностр. коллегіи, ум. 1786 г.

ли эта поѣздка для меня будетъ любопытна, то она съ удовольствіемъ согласится имѣть меня своимъ спутникомъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ того, она дала мнѣ, для библіотеки короля экземпляръ книги Flora Rossica [1]).

Императрица была очень довольна, когда узнала о заключеніи мира Іосифа II съ Голландскими штатами, но неравнодушно встрѣтила извѣстіе о союзномъ актѣ Франціи съ этою республикою. Союзъ этотъ возбудилъ неудовольствіе императрицы потому, что лишалъ ее надежды поддержать вліяніе свое на Голландію. Казалось даже, что холодность ея къ Англичанамъ съ этого времени нѣсколько уменьшилась. Фитцъ-Гербертъ воспользовался этимъ случаемъ и предложилъ русскимъ министрамъ переговорить о возобновленіи торговаго договора съ Англіею, которому наступалъ срокъ въ концѣ 1786 года.

Одинъ новый указъ перетревожилъ тогда всѣхъ петербургскихъ купцовъ. Указомъ этимъ предписывалось всѣмъ торгующимъ лицамъ вписываться въ гильдіи и объявлять правительству свои капиталы. Эта мѣра многимъ не понравилась, и они жаловались императрицѣ. Нѣсколько Французовъ имѣли по этому случаю неудовольствія съ полиціею, но я все уладилъ.

На восточномъ и южномъ краѣ имперіи дѣла принимали дурной оборотъ. И въ Европѣ, и въ Азіи опасались войны. Ахалцихскій паша напалъ на Грузію. Новый пророкъ, Мансуръ, возбуждалъ къ войнѣ жителей Кавказа; Кубанскіе Татары готовились вмѣстѣ съ Лезгинами и Турками сдѣлать набѣгъ на Имеретію. Наконецъ турецкій гарнизонъ Очакова производилъ грабежи въ предѣлахъ Россіи. Потемкинъ снова сталъ недовѣрчивъ и считалъ насъ зачинщиками этихъ смутъ. Въ пылу негодова-

---

[1]) Flora Rossica—сочиненіе Палласа, великолѣпно изданное СПб. Ак. Наукъ въ двухъ томахъ въ 1785—1790 годахъ. Въ слѣдъ за латинскимъ подлинникомъ изданъ былъ и русскій переводъ этого сочиненія; экземпляры каждаго были разосланы по губерніямъ.

нія онъ приказалъ всѣмъ офицерамъ быть при своихъ полкахъ, усилилъ войска на Кавказской линіи и объявилъ, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ самъ приметъ начальство надъ арміей и выступитъ за Кубань. Таковы были зловѣщія предзнаменованія, которыя въ концѣ 1785 года указывали на скорый, почти неизбѣжный разрывъ съ Портою [1]).

Война Русскихъ на Кавказѣ, предпринятая для прекращенія разбоевъ Черкесъ, до моего пріѣзда въ Петербургъ, повидимому, не имѣла важности. Нѣсколько кавказскихъ князей поселились даже въ Россіи и служили въ русской арміи. Я встрѣчалъ при дворѣ и принималъ у себя кабардинскихъ князей, прибывшихъ для того, чтобы испросить у императрицѣ милостей своему народу. Они показывали мнѣ свое оружіе, которымъ они владѣли съ большимъ искусствомъ. Я былъ свидѣтелемъ, какъ на всемъ скаку и въ значительномъ разстояніи они сшибали стрѣлою шапку, повѣшенную на шестѣ. Я сохранилъ рисунки, гдѣ они изображены въ своей военной одеждѣ съ стальной сѣткой. Тогда какъ они въ столицѣ только и твердили, что о своей покорности, единоплеменники ихъ нападали на Русскихъ. Борьба съ ними со дня на день становилась затруднительнѣе, потому что силы ихъ росли при содѣйствіи другихъ народовъ, Лезгинъ и даже Турокъ, которые подъ предводительствомъ ахалцихскаго паши вторгнулись въ Имеретію.

Въ тоже время на краю Азіи возникли раздоры между Русскими и Китайцами, за то, что послѣдніе завладѣли островомъ на Амурѣ и выстроили крѣпостцу. Китайскій императоръ написалъ Екатеринѣ обидное письмо, и она была принуждена, съ большими затрудненіями, посылать туда войско и пушки. Я, мо-

---

[1]) Въ этомъ мѣстѣ текста Сегюръ, по поводу волненій на Кавказѣ, дѣлаетъ очеркъ кавказскихъ народовъ на основаніи одной записки, ему сообщенной. Пропускаемъ его, какъ поверхностный и лишній.

жетъ быть, былъ единственный Европеецъ, котораго могли занимать и тревожить эти смуты. Воронцовъ, президентъ Коммерцъ-Коллегіи, изъявилъ намѣреніе ѣхать на китайскую границу, а отъѣздъ его могъ бы пріостановить нашу торговую сдѣлку, можетъ быть, на цѣлый годъ. Давно уже высокомѣрный владыка Китая оскорблялъ самолюбіе императрицы, привыкшей внушать уваженіе. Въ началѣ ея царствованія многочисленное Калмыцкое племя, населявшее сѣверо-восточныя прибрежныя равнины Каспійскаго моря, вздумало освободиться отъ тяжелыхъ для нихъ налоговъ и законовъ, установленныхъ русскимъ правительствомъ. Вдругъ, въ одинъ день и въ тотъ же часъ, сто-пятьдесять калмыцкихъ семействъ складываютъ свои шатры, навьючиваютъ ихъ на кибитки, сѣдлаютъ своихъ коней, собираютъ стада и уходятъ на востокъ. Послѣ двухлѣтняго перехода они достигли границы Китая и отправили къ китайскому императору посланіе, съ просьбою дать имъ пристанище. Это неожиданное посѣщеніе двухъ или трехъ сотъ пришельцевъ нисколько не встревожило, а напротивъ польстило китайскому императору. Онъ далъ имъ земли и посреди ихъ поселенія воздвигъ пирамиду съ надписью, провозглашавшей его владыкою монарховъ всего свѣта. Въ ней сказано было: «иные завоевываютъ золотомъ и мечемъ, истощаютъ всѣ силы свои, чтобы съ большими издержками и затрудненіями овладѣть нѣсколькими городами, нѣсколькими мѣстечками. Насъ же боятся и уважаютъ, наши законы мудры, подданные счастливы, и мы видимъ, что цѣлые народы, изъ самыхъ дальнихъ странъ, приходятъ и покоряются нашей власти.» Хотя императрица порою и смѣялась надъ этими выходками азіятскаго хвастовства, однако самая насмѣшка эта обнаруживала ея скрытую досаду.

Впрочемъ, среди этихъ политическихъ хлопотъ, русскіе министры, по приказанію государыни, продолжали вести переговоры со мною и Фитцъ-Гербертомъ. Хотя возобновленіе прежняго

трактата легче составленія новаго, однако дѣло Фитцъ-Герберта подвигалось также медленно, какъ мое. Съ одной стороны, царскіе уполномоченные были ужасно осторожны, даже до мелочности, съ другой же обвиняли насъ въ упрямствѣ и излишней щекотливости. Они привыкли, что бы все дѣлалось, какъ они хотѣли, и потому наша твердость имъ не нравилась. Когда я явился на первое совѣщаніе, то къ удивленію замѣтилъ, что на перекоръ правилу учтивости, требующему уваженія къ иноземцамъ, они усѣлись за длиннымъ столомъ на главномъ концѣ [1]) и по бокамъ, а мнѣ оставили мѣсто на другомъ концѣ. Чтобы избѣгнуть непріятностей я не подалъ вида, что замѣтилъ это. Но на слѣдующій разъ я поспѣшилъ войти въ залъ вмѣстѣ съ другими и сѣлъ на диванъ, стоявшій у главнаго конца стола. Кажется, это всѣхъ удивило; но они промолчали. За то во время переговоровъ они выказали свою досаду: спорили о каждой статьѣ и передали мнѣ составленный ими актъ, гдѣ пошлины на наши вина не были убавлены ни на копѣйку. Впрочемъ, урокъ, который я имъ далъ, удался совершенно, потому что при всѣхъ послѣдовашихъ за тѣмъ совѣщаніяхъ, мы садились за круглый столъ и потому всѣ мѣста были равны.

Нравъ моихъ противниковъ особенно затруднялъ меня. Графъ Остерманъ, человѣкъ благонамѣренный, но простоватый, никакъ не могъ забыть успѣха, съ которымъ Верженнь дѣйствовалъ противъ него, когда они были вмѣстѣ послами въ Швеціи. Съ тѣхъ поръ онъ былъ нерасположенъ къ намъ. Графъ Воронцовъ, человѣкъ способный, но придирчивый и упрямый, держалъ себя строго и возставалъ противъ роскоши. Онъ, кажется, хотѣлъ бы, чтобы Русскіе пили только

---

[1]) Въ дипломатическихъ собраніяхъ конецъ стола, удаленный отъ входа, считается почетнымъ, и обычай, по которому помѣщаются дипломаты на первыя мѣста, называется правомъ предсѣдательства (la préséance).

медъ и одѣвались бы въ платье домашняго издѣлья. Потемкинъ его ненавидѣлъ; другіе министры его боялись. Императрица не слишкомъ любила его, но уважала и почти безусловно предоставила на его волю торговыя дѣла. Такъ какъ его братъ [1]) былъ весьма любимъ въ Англіи и пользовался тамъ большимъ вѣсомъ, то онъ охотнѣе покровительствовалъ Англичанамъ, чѣмъ намъ. Что касается до Бакунина, то онъ былъ совершенно преданъ Англичанамъ. Министры не слишкомъ-то уважали его. Онъ когда-то очернилъ себя такимъ неблагодарнымъ поступкомъ въ отношеніи къ графу Панину [2]), что великій князь не хотѣлъ принимать его къ себѣ [3]). Всю свою надежду полагалъ я на одного только графа Безбородка. Умный, ловкій и уступчивый, но отчасти слабый, онъ нѣсколько помогалъ мнѣ въ моихъ дѣлахъ съ тѣхъ поръ, какъ ему показалось, что императрица желаетъ ихъ успѣха. Но онъ не могъ устоять противъ продѣлокъ Бакунина и рѣшительности Воронцова, желавшаго разными запрещеніями и пошлинами уменьшить ввозъ въ Россію всевозможныхъ иностранныхъ произведеній.

Въ борьбѣ съ такими препятствіями, Потемкинъ служилъ мнѣ твердою опорою. Врагъ мелочныхъ расчетовъ, съ широкимъ взглядомъ на торговлю, онъ твердо защищалъ меня противъ Воронцова, который мѣшалъ ему и кололъ глаза своимъ вѣсомъ при дворѣ. Но чудакъ-князь, порою столь геніально-проницательный, часто оказывался непостояннымъ, какъ дитя. Обширныя предпріятія подстрекали его дѣятельность; мелочныя заботы его утомляли. Никто не соображалъ съ такою быстротою какой

---

[1]) Графъ Семенъ Романовичъ, род. 1744 г., ум. 1832, съ 1784 по 1799 годъ былъ посломъ въ Лондонѣ.

[2]) Графъ Никита Ивановичъ, дѣйств. тайн. сов. 1-го кл., первенствующій министръ, род. 1718 г., ум. 1783 г.; былъ воспитателемъ в. кн. Павла Петровича, который всегда сохранилъ къ нему благосклонныя отношенія.

[3]) Болѣе снисходительныя извѣстія о Бакунинѣ въ соч. кн. Вяземскаго: «Фонъ-Визинъ».

либо планъ, не исполнялъ его такъ медленно и такъ легко не забывалъ. Вдругъ заводилъ онъ фабрики и такъ же скоро оставлялъ ихъ. Онъ всегда былъ готовъ продать то, что купилъ, и разрушить то, что создалъ. Случалось, что онъ оставлялъ сочиненіе, касающееся политики или торговли, для какой-нибудь музыкальной пьесы или стиховъ и часто изъ легкомыслія упускалъ изъ виду дѣла, требующія постоянства и труда. Вотъ почему дѣятельность его соперниковъ и собственная лѣнь иногда мѣшали его вліянію на государыню умную, проницательную и умѣвшую справедливо цѣнить какъ его достоинства, такъ и недостатки. Чтобы лучше представить живость его ума, твердость памяти и легкомысліе, я разскажу одинъ его поступокъ, который въ то время меня очень разсердилъ и чуть было не поссорилъ съ нимъ. Однажды я попросилъ его назначить мнѣ день, чтобы переговорить съ нимъ объ одномъ торговомъ заведеніи, основанномъ по его желанію г. Антуаномъ (Anthoine), марсельскимъ уроженцемъ, нынѣ барономъ Сенъ-Жозефомъ, близь Херсона. Князь принялъ меня и попросилъ меня прочесть толстую, полную расчетовъ и цифръ тетрадь, представленную мнѣ этимъ негоціантомъ, извѣстнымъ по своему кредиту, богатству, свѣдѣніямъ и честности; въ трудѣ своемъ онъ жаловался на мѣстное начальство, всячески мѣшавшее ему, и предлагалъ мѣры для устраненія препятствій, замедлявшихъ успѣхъ его предпріятій. Но каково было мое удивленіе, когда я замѣтилъ, что пока я читалъ эту записку, безъ сомнѣнія достойную вниманія, къ князю входили одинъ за другимъ: священникъ, портной, секретарь, модистка, и что всѣмъ имъ онъ давалъ приказанія. Когда я хотѣлъ остановиться, онъ настоятельно просилъ меня продолжать. Эта странная невѣжливость меня бѣсила, и я спѣшилъ дочитать скорѣе. Когда я кончилъ, и онъ хотѣлъ взять у меня тетрадь, я удержалъ ее и сказалъ ему довольно сухо, что не привыкъ къ такому невниманію и безпечности, когда дѣло идетъ

о важномъ предметѣ, и что въ подобныхъ случаяхъ впередъ буду относиться къ одному лишь графу Воронцову. Не прошло трехъ недѣль, какъ я получилъ отъ г. Антуана письмо, гдѣ онъ меня благодарилъ за скорое исполненіе его порученія. Онъ писалъ мнѣ, что Потемкинъ отвѣтилъ ему обстоятельно на всѣ пункты его донесенія и сдѣлалъ всѣ нужныя распоряженія, чтобы облегчить его и упрочить успѣхъ его предпріятія. Я тотчасъ же поспѣшилъ къ князю. Только что вошелъ я, какъ онъ встрѣтилъ меня съ распростертыми объятіями и сказалъ: «Ну что, *батюшка,* развѣ я васъ не выслушалъ, развѣ я васъ не понялъ? Повѣрите ли вы наконецъ, что я могу вдругъ дѣлать нѣсколько дѣлъ и перестанете ли дуться на меня?» Я поцѣловалъ и благодарилъ его, крайне удивляясь живости его способностей.

Чѣмъ благосклоннѣе князь становился ко мнѣ, тѣмъ болѣе я опасался его отсутствія. Онъ все еще сбирался принять начальство надъ кавказскою арміею. Къ счастію, подоспѣло извѣстіе, измѣнившее его намѣреніе. Фанатикъ *Мансуръ,* лжепророкъ, во имя Магомета вооружилъ Кабардинцевъ и другія черкесскія племена, и они толпами врывались въ русскія области съ изувѣрствомъ, которое усиливало ихъ природную отвагу. Они ждали себѣ вѣрной побѣды. Ихъ предводитель поклялся имъ Аллахомъ, что артиллерія христіанъ окажется безуспѣшна противъ нихъ. Впрочемъ, при первой же стычкѣ, пушки, не слишкомъ-то уважающія пророковъ, не оправдали предсказанія и истребили множество мусульманъ. Тогда Мансуръ вздумалъ передъ каждымъ отрядомъ выставлять подвижные брустверы, утвержденные на дрогахъ съ четырьмя колесами и сплоченные изъ досокъ, между которыми былъ фашинникъ. Горцы, въ восторгѣ отъ этого необыкновеннаго изобрѣтенія и увѣренные, что за этою слабою защитою они пройдутъ невредимы, подвигаются впередъ Но скоро русская артиллерія разгромила эти преграды,

и черкесскія колонны окружены, разбиты, уничтожены совершенно. Знамя пророка съ надписями изъ Алкорана было захвачено, и пророкъ погибъ или бѣжалъ. Я поспѣшилъ сообщить эту новость графу Шуазелю, котораго Турки обманывали тогда ложными извѣстіями о мнимыхъ побѣдахъ, будто-бы одержанныхъ ими на Кавказѣ и въ Грузіи. Тогда же Верженнь доставилъ мнѣ средства разсѣять сомнѣнія Потемкина на счетъ бумагъ, перехваченныхъ у нашего лазутчика въ Персіи. Онъ переступилъ данныя ему приказанія и получилъ за это выговоръ. Мнѣ нетрудно было доказать, что наши жалобы на поведеніе русскихъ консуловъ въ Архипелагѣ гораздо основательнѣе. Такимъ образомъ разсѣялись сомнѣнія, которыя этотъ случай возбудилъ въ умѣ императрицы. Потемкинъ съ своей стороны также старался оправдать поступки русскихъ консуловъ. Онъ доказывалъ мнѣ, что нужно готовиться къ войнѣ, что ея нельзя избѣжать, если Турки не перестанутъ снабжать оружіемъ Лезгинъ и другіе кавказскіе народы.

Екатерина II была ко мнѣ по прежнему благосклонна. Разъ, утромъ рано, входитъ ко мнѣ оберъ-шталмейстеръ Нарышкинъ съ огромной пачкой писемъ, журналовъ, брошюръ и памфлетовъ въ рукахъ и говоритъ мнѣ: «Ея величество поручила мнѣ передать вамъ эту посылку, присланную вамъ изъ Парижа на ея имя. Она велѣла вамъ сказать, что если ей будутъ посылать такіе пакеты, то она прикажетъ мнѣ купить маленькаго лошака для перевозки вашихъ вещей.» Я чрезвычайно удивился, поблагодарилъ его, а онъ, безъ дальнихъ объясненій, вышелъ отъ меня, громко смѣясь. Я поспѣшно распечаталъ письма и въ одномъ изъ нихъ, отъ моей жены, нашелъ объясненіе всего этого. «Тебѣ, вѣроятно, покажется страннымъ, писала она, — что я такъ легкомысленна и осмѣливаюсь адресовать на имя императрицы огромный пакетъ, который я тебѣ посылаю. Но виною этому баронъ Гриммъ: это сдѣлано по его желанію. Онъ знаетъ,

какъ благосклонна къ тебѣ государыня, и увѣрилъ меня, что она меня не осудитъ.» Не смотря на это объясненіе, въ тотъ же вечеръ, на эрмитажномъ спектаклѣ, я подошелъ къ императрицѣ и съ замѣтнымъ смущеніемъ началъ было извиняться, но она сказала мнѣ, улыбаясь: «Напишите отъ меня вашей супругѣ, что она можетъ впередъ пересылать вамъ черезъ мои руки все, что хочетъ. По крайней мѣрѣ вы тогда можете быть увѣрены, что вашихъ писемъ не станутъ распечатывать.» Императрица говорила правду. Въ ея имперіи, какъ и вездѣ, чиновники раскрывали всякія письма и депеши. Это — обыкновеніе, не только безнравственное, но и опасное по злоупотребленіямъ, къ которымъ оно можетъ подать поводъ. Съ другой стороны, оно довольно безполезно, потому что всѣ это знаютъ и, слѣдственно, пишутъ осторожно, а иные даже пользуются этимъ, чтобы понравиться разными обманчивыми похвалами [1]). Но такъ какъ императрица вовсе не желала, чтобы министры останавливали жалобы, ей приносимыя, и заглушали голосъ правды, то она наказала бы со всею строгостію министра, который вздумалъ бы открыть письмо или какую-либо бумагу, посланную на ея имя.

Въ этомъ году императрица истребила старинный обычай, по которому просьбы на высочайшее имя писались такъ: *бьетъ челомъ рабъ твой такой то*. Новымъ указомъ запрещено было употреблять это выраженіе, и велѣно слово *рабъ* замѣнить словомъ: *подданный*. Екатерина никогда не дѣйствовала такъ произвольно, какъ ея министры. Особенно Потемкинъ миловалъ и наказывалъ помимо законовъ, даже такихъ, которыхъ строгое исполненіе необходимо для общественной пользы. Нѣкто Жюмильякъ, представленный Потемкину мною и принятый въ пе-

---

[1]) Екатерина, зная, что распечатываніе производится и другими правительствами, и посылая письма къ Вольтеру, Циммерману и др., прибѣгала къ этому средству, чтобы какимъ нибудь намекомъ встревожить тотъ или другой дворъ или польстить ему.

тербургскомъ обществѣ, такъ понравился князю, что когда ему вздумалось проѣхаться въ Константинополь и обратно, то онъ получилъ отъ князя разрѣшеніе *миновать карантинъ.* Изъ этого видно, что съ Французами обходились ласково, хотя и завидовали ихъ успѣхамъ на поприщахъ военномъ и политическомъ и усиленію ихъ вліянія. Петербургскій кабинетъ былъ такъ недоволенъ извѣстіемъ, что Швеція приступила къ нашему союзу съ Голландіей, что запретилъ Шведамъ вывозить изъ Россіи хлѣбъ и лошадей. По той же причинѣ русскіе министры выразили свое неудовольствіе испанскому послу, но онъ съ достоинствомъ защищалъ нашъ мирный союзъ. На самомъ дѣлѣ союзъ этотъ возбуждалъ въ русскомъ правительствѣ болѣе зависти, нежели опасенія.

Въ этомъ же году императрица издала три новыхъ указа: первые два обрадовали купцовъ и дворянъ, третій огорчилъ украинское и малороссійское духовенство, потому что ставилъ его въ одинаковое положеніе съ прочимъ духовенствомъ имперіи, и тѣмъ лишилъ его 200,000 душъ крестьянъ, перешедшихъ въ казенное вѣдомство. По части торговли была учреждена комиссія изъ пяти русскихъ и пяти иностранныхъ негоціантовъ, для разсмотрѣнія и удовлетворенія жалобъ, представленныхъ купцами правительству. Еще одинъ указъ касался дворянъ. Назначенъ былъ выпускъ 33 милліоновъ банковыхъ билетовъ, изъ коихъ 22 милліона разрѣшено было раздать заимообразно дворянству за восемь процентовъ [1]) и на двадцатилѣтній срокъ, до погашенія долга: къ этимъ 22 милліонамъ присоединены были еще четыре милліона, составлявшіе фондъ прежняго заемнаго банка. Остальные 11 милліоновъ назначены были для займа купцамъ наравнѣ съ дворянами [2]), первымъ—подъ залогъ домовъ,

---

[1]) Пять процентовъ вмѣсто прежнихъ шести указныхъ и еще 3% въ уплату капитала.

[2]) То есть городскимъ обывателямъ. Турецкая война 1787 г. помѣшала этому обороту, и деньги эти обращены были на военныя издержки. Объ этомъ подробнѣе см. въ «Дѣяніяхъ Екатерины II», Колотова, ч. III., стр. 52—67.

вторымъ—подъ залогъ земель. Банку разрѣшено было чеканить въ свою пользу мѣдную монету и мѣнять ее за границею на золото и серебро. Онъ долженъ былъ имѣть во всякое время достаточное количество этой монеты, чтобы мѣна дѣлалась въ пользу Россіи и чтобы предупредить лажъ. Всѣхъ банковыхъ билетовъ указано выпустить не болѣе, какъ на одинъ милліонъ. Князь Вяземскій [1]), говорятъ, горячо возставалъ противъ этой мѣры и написалъ по этому предмету цѣлое разсужденіе, но оно не понравилось императрицѣ. Меня увѣряли, будто въ этой запискѣ онъ старался доказать, что чрезмѣрное умноженіе ассигнацій подорветъ кредитъ. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ ассигнаціи то уже упали или совсѣмъ вышли изъ обращенія. Князь представлялъ, что дворянству, уже и безъ того обѣднѣвшему, представлялся новый поводъ къ разоренію. Наконецъ онъ утверждалъ, что, распредѣливъ уплату на двадцатилѣтній срокъ, правительство потворствуетъ ростовщикамъ, потому что они скупятъ эти билеты и пустятъ ихъ въ послѣдствіи въ оборотъ въ свою пользу. Но представленія князя не были уважены, потому что всѣ члены совѣта ея величества ожидали себѣ выгодъ отъ успѣха этого установленія, такъ какъ съ помощью его они могли уплатить свои долги. Вообще порицали этотъ указъ всѣ иностранные негоціанты. Они считали его необдуманнымъ, дурно составленнымъ и едва ли удобнымъ къ исполненію.

События, предвѣщавшія войну, скоро отвлекли государыню отъ ея законодательныхъ трудовъ. Шуазель полагалъ, что война неизбѣжна. Англійское правительство, имѣя въ виду разрушить нашъ торговый союзъ съ Россіею, подстрекало Турокъ помогать Татарамъ, Лезгинамъ и ахалцыхскому пашѣ въ ихъ враждебныхъ дѣйствіяхъ противъ Россіи. Подготовляя разрывъ, Англія

[1]) Князь Александръ Алексѣевичь Вяземскій, род. 1727 г., ум. 1793 г., по самую смерть занималъ должность генералъ-прокурора, въ которой соединялись нынѣшнія должности министровъ юстиціи и внутреннихъ дѣлъ.

надѣялась уменьшить наше вліяніе въ Петербургѣ и совершенно уничтожить наше значеніе въ Константинополѣ.

Всѣ эти продѣлки снова пробуждали въ императрицѣ прежнюю недовѣрчивость къ намъ и со мною стали рѣже совѣщаться. Но въ личныхъ отношеніяхъ ко мнѣ императрица была по прежнему любезна. Она пригласила меня отобѣдать съ нею въ новомъ дворцѣ, построенномъ княземъ Потемкинымъ. Въ этомъ дворцѣ была такая длинная галлерея съ колонадою, что столъ на пятьдесятъ приборовъ, накрытый въ одномъ концѣ, былъ едва замѣтенъ для входящихъ съ другаго конца. За нею находился зимній садъ, такой обширный, что по срединѣ построена была бесѣдка, гдѣ могли свободно помѣститься пятьдесятъ человѣкъ, а между тѣмъ она вовсе не казалась слишкомъ огромною по величинѣ сада. Здѣсь князь далъ намъ самый необыкновенный концертъ. Это былъ хоръ роговой музыки, въ которомъ каждый трубачь могъ брать только одну ноту. Не смотря на это, они легко и отчетливо исполняли самыя трудныя пьесы [1]).

Вице-канцлеръ также далъ большой ужинъ для императрицы. На ту пору пріѣхалъ въ Петербургъ графъ Кюстинъ, и мнѣ хотѣлось, чтобы его тоже пригласили. Но такъ какъ онъ не былъ еще представленъ ко двору, то графъ Остерманъ не смѣлъ просить его къ себѣ. Я сообщилъ свое желаніе государынѣ, и графъ тотчасъ же былъ приглашенъ.

Съ пышностью отпраздновавъ въ Петергофѣ Петровъ день, императрица по обыкновенію воспользовалась этимъ торжественнымъ случаемъ, чтобы излить на многихъ свои милости. Графу Безбородку подарила она 4,000 душъ, графу Воронцову 50,000

---

[1]) Хоръ роговой музыки былъ изобрѣтенъ Чехомъ Марешомъ и заведенъ оберъ-шталмейстеромъ Нарышкинымъ. Итальянскіе капельмейстеры, пріѣзжавшіе въ Петербургъ, удивлялись этому необыкновенному оркестру и сочиняли для него пьесы. Хоръ, принадлежавшій Потемкину и состоявшій изъ 50 человѣкъ, былъ купленъ имъ за 40,000 рублей у фельдмаршала Разумовскаго.

рублей. Шесть человѣкъ были пожалованы сенаторами; нѣсколько сановниковъ назначены губернаторами, и роздано было много орденовъ.

Къ удивленію всего двора Ермоловъ началъ тогда интриговать противъ Потемкина и вредить ему. Крымскій ханъ Сагимъ-Гирей, оставляя свою власть, получилъ отъ императрицы обѣщаніе, что его вознаградятъ и дадутъ ежегодное жалованье. Не знаю почему, уплата этой пенсіи была отложена. Ханъ, подозрѣвая Потемкина въ утайкѣ этихъ денегъ, написалъ жалобу и, чтобы она вѣрнѣе дошла къ государынѣ, обратился къ любимцу ея Ермолову, который воспользовался этимъ случаемъ, чтобы возбудить государыню противъ ея министра. Онъ думалъ, что успѣетъ свергнуть его. Всѣ недовольные высокомѣрнымъ княземъ присоединились къ Ермолову. Скоро императрицу обступили съ жалобами на дурное управленіе Потемкина и даже обвиняли его въ кражѣ. Императрицу это чрезвычайно встревожило. Гордый и смѣлый Потемкинъ, вмѣсто того, чтобы истолковать свое поведеніе и оправдаться, рѣзко отвергалъ обвиненія, отвѣчалъ холодно и даже отмалчивался. Наконецъ онъ не только сдѣлался невнимательнымъ къ своей повелительницѣ, но даже выѣхалъ изъ Царскаго въ Петербургъ, гдѣ проводилъ дни у Нарышкина и, казалось, только и думалъ какъ бы веселиться и разсѣяться. Негодованіе государыни было очень замѣтно. Казалось, Ермоловъ все болѣе успѣвалъ снискать ея довѣріе. Дворъ, удивленный этой перемѣной, какъ всегда, преклонялся предъ восходящимъ свѣтиломъ. Родные и друзья князя уже отчаявались и говорили, что онъ губитъ себя своею неумѣстною гордостью. Паденіе его, казалось, было неизбѣжно; всѣ стали отъ него удаляться, даже иностранные министры. Фитцъ-Гербертъ велъ себя всѣхъ благороднѣе, хотя собственно и онъ радъ былъ паденію министра, который въ то время болѣе держалъ сторону Французовъ, нежели Англичанъ. Что касается до меня,

то я нарочно сталъ чаще навѣщать его и оказывалъ ему свое вниманіе. Мы видались почти ежедневно, и я откровенно сказалъ ему, что онъ поступаетъ неосторожно и во вредъ себѣ, раздражая императрицу и оскорбляя ея гордость.

«Какъ! и вы тоже хотите, говорилъ Потемкинъ,—чтобы я склонился на постыдную уступку и стерпѣлъ обидную несправедливость послѣ всѣхъ моихъ заслугъ? Говорятъ, что я себѣ врежу; я это знаю; но это ложно. Будьте покойны, не мальчишкѣ свергнуть меня: не знаю, кто бы посмѣлъ это сдѣлать.»

«Берегитесь, сказалъ я; — прежде васъ и въ другихъ странахъ многіе знаменитые любимцы царей говорили тоже: кто смѣетъ? однако послѣ раскаявались.»

«Мнѣ пріятна ваша пріязнь, отвѣчалъ мнѣ князь; — но я слишкомъ презираю враговъ своихъ, чтобы ихъ бояться. Лучше поговоримте о дѣлѣ. Ну что вашъ торговый трактатъ?»

«Подвигается очень тихо, возразилъ я; — полномочные государыни настойчиво отказываютъ мнѣ сбавить пошлины на вина.»

«Такъ стало быть, сказалъ Потемкинъ, — эта главная точка преткновенія? Ну, такъ потерпите только; это затрудненіе уладится.»

Мы разстались, и меня, признаюсь, удивило его спокойствіе и увѣренность. Мнѣ казалось, что онъ себя обманываетъ. Въ самомъ дѣлѣ гроза, повидимому, увеличивалась. Ермоловъ принялъ участіе въ управленіи и занялъ мѣсто въ банкѣ вмѣстѣ съ графами Шуваловымъ [1]), Безбородкомъ, Воронцовымъ и Завадовскимъ [2]). Наконецъ повѣстили объ отъѣздѣ Потемкина въ Нарву. Родственники потеряли всякую надежду; враги запѣли побѣдную пѣснь; опытные политики занялись своими разсчетами; придворные перемѣняли свои роли.

---

[1]) Графъ Андрей Петровичъ Шуваловъ, дѣйств. тайн. совѣтникъ род. 1743 г., ум. 1789 г.

[2]) Графъ Петръ Васильевичъ Завадовскій, въ послѣдствіи дѣйств. тайн. сов. и министръ нар. просвѣщенія, род. 1738 г., ум. 1812 г.

Я терялъ главнѣйшую свою опору и, зная, что Ермоловъ скорѣе мнѣ повредитъ, чѣмъ поможетъ, потому что считалъ меня другомъ князя, я уже опасался за успѣхъ моихъ дѣлъ, которыя и безъ того подвигались туго. Однако министры пригласили меня на совѣщаніе, послѣ короткихъ переговоровъ и нѣсколькихъ неважныхъ возраженій согласились на уменьшеніе пошлинъ съ нашихъ винъ высшаго разбора и даже подали мнѣ надежду на болѣе значительныя уступки. Обѣщанія князя исполнились, и я не зналъ, какъ сообразить это съ его паденіемъ, въ которомъ всѣ были увѣрены. Черезъ нѣсколько дней все объяснилось: отъ курьера изъ Царскаго Села узналъ я, что князь возвратился побѣдителемъ, что онъ приглашаетъ меня на обѣдъ, что онъ въ большей милости, чѣмъ когда либо, и что Ермоловъ получилъ 130,000 рублей, 4,000 душъ, пятилѣтній отпускъ и позволеніе ѣхать за границу. На подвижной придворной сценѣ зрѣлища перемѣняются какъ будто по мановенію волшебнаго жезла. Екатерина II назначила новаго флигель-адъютанта Мамонова [1]), человѣка отличнаго по уму и по наружности.

Когда я явился къ Потемкину, онъ поцѣловалъ меня и сказалъ: «Ну что, не правду ли я говорилъ, *батюшка*? что, уронилъ меня мальчишка? Сгубила меня моя смѣлость? а ваши полномочные все также упрямы, какъ вы ожидали? По крайней мѣрѣ, на этотъ разъ, господинъ дипломатъ, согласитесь, что въ политикѣ мои предположенія вѣрнѣе вашихъ.»

Новый адъютантъ государыни, покровительствуемый Потемкинымъ, дѣйствовалъ съ нимъ за одно. Онъ скоро показалъ мнѣ свое желаніе сблизиться со мною. Императрица дозволила

---

[1]) Александръ Матвѣевичь Дмитріевъ-Мамоновъ, род. 19 сентября 1758 г., былъ при дворѣ съ августа 1786 до половины 1789 года, достигъ званія генералъ-адъютанта и генералъ-лейтенанта, 9 мая 1788 г. возведенъ въ графы Римской имперіи; женатъ былъ на княжнѣ Дарьѣ Өеодоровнѣ Щербатовой; умеръ 29 сентября 1803 г. Любопытныя подробности о его отношеніяхъ см. въ запискахъ Храновицкаго.

ему принять приглашеніе, которое я ему сдѣлалъ. Чтобы показать намъ свое особенное вниманіе, она, въ то время, какъ мы выходили изъ-за стола, тихонько проѣхала въ своей каретѣ мимо моихъ оконъ и милостиво намъ поклонилась.

Въ это время я получилъ письмо отъ принца Нассау-Зигена [1]), изъ Варшавы. Онъ просилъ меня выхлопотать ему дозволеніе провезти произведенія своихъ помѣстій подъ русскимъ флагомъ черезъ Черное море въ Архипелагъ и Францію. Я передалъ его просьбу князю Потемкину, и онъ объявилъ мнѣ, что этого исполнить невозможно, что русскаго флага не даютъ иностранцамъ, развѣ только, если они вступятъ въ русское подданство и пріобрѣтутъ землю въ Россіи. Потемкинъ прибавилъ, что императрица не расположена къ принцу и не безъ причины, потому что, не задолго предъ тѣмъ онъ ѣздилъ въ Константинополь и былъ весьма расположенъ воевать съ Турками противъ Русскихъ. Когда, не смотря на этотъ отвѣтъ, я продолжалъ упрашивать князя, то моя настойчивость его удивила, и онъ спросилъ, отчего я такъ ревностно защищаю человѣка, не связаннаго со мною родствомъ. «Нассау, по настоящему, даже не соотечественникъ вамъ, говорилъ князь;—по происхожденію онъ не Французъ, женился въ Польшѣ, и тамъ теперь его отечество.» Тогда я разсказалъ ему о моемъ знакомствѣ съ принцемъ, о нашей ссорѣ, страшной дуэли и о томъ, какъ мы послѣ того поклялись во взаимной дружбѣ. Потемкинъ ничего не отвѣчалъ на это, но черезъ нѣсколько дней онъ объявилъ мнѣ, что императрица, въ доказательство своего вниманія ко мнѣ, поручаетъ мнѣ написать принцу Нассау, что она жалуетъ ему землю въ Крыму и позволяетъ выставить русскій флагъ на его судахъ. Можно представить себѣ изумленіе и радость Нассау,

---

[1]) Принцъ Карлъ Нассау-Зигенъ, род. 1745 г., служилъ въ военной службѣ сперва во Франціи, Испаніи и Австріи, а съ 1788 г. въ Россіи, вице-адмираломъ; ум. 1808 г.

когда онъ получилъ это неожиданное извѣстіе. По моему совѣту онъ написалъ Потемкину и просилъ его довершить милость, ему оказанную, и испросить ему дозволеніе лично благодарить государыню.

Императрица уже публично объявила о своемъ намѣреніи ѣхать въ Крымъ, и я долженъ былъ сопровождать ее. Въ Кіевѣ Нассау присоединился къ намъ. Князь де-Линь [1]), который тоже долженъ былъ ѣхать съ императрицею, прибылъ въ Петербургъ. Во всѣхъ европейскихъ дворахъ его принимали и ласкали. Его любили за добродушіе и обходительность, за оригинальный умъ и живое воображеніе; онъ могъ оживить самое бездушное общество. Онъ отличался рыцарскою храбростью на войнѣ, обладалъ обширными свѣдѣніями въ военныхъ наукахъ, исторіи и литературѣ, былъ внимателенъ, ласковъ со стариками, перещеголялъ молодежь своею живостью, участвовалъ во всѣхъ забавахъ своего времени, во всѣхъ войнахъ, во всѣхъ торжествахъ. Въ пятьдесятъ лѣтъ онъ сохранилъ свою мужественную красоту. Умомъ своимъ онъ былъ еще двадцатилѣтній юноша. Вѣжливый съ равными, ласковый съ нисшими, развязный съ высшими и монархами, онъ умѣлъ обойтись со всякимъ, ни передъ кѣмъ не терялся, писалъ стихи всѣмъ дамамъ. Обожаемый своею семьею, онъ дѣтямъ своимъ былъ скорѣе товарищъ, чѣмъ отецъ. По видимому всегда откровенный, онъ однако свято хранилъ повѣренную ему тайну. Другой старикъ съ такимъ безпечнымъ нравомъ показался бы смѣшнымъ, но де-Линь былъ такъ разнообразенъ, любезенъ, остроуменъ и притомъ такъ добродушенъ, что нравился даже своими недостатками.

Онъ былъ въ большой милости у императрицы. Едва онъ пріѣхалъ, какъ она объявила ему, что жалуетъ его имѣніемъ въ Крыму, на берегу Чернаго моря, на томъ самомъ

---

[1]) Принцъ де-Линь, австрійскій фельдмаршалъ, род. 1735 г., ум. 1814 г.

мѣстѣ, гдѣ, по преданію, находился храмъ, въ которомъ царевна Ифигенія была жрицею. Я уже нѣсколько лѣтъ былъ друженъ съ де-Линемъ и потому болѣе другихъ наслаждался пріятною мыслью, что буду имѣть въ пути такого милаго товарища.

Чѣмъ болѣе приближалось время отъѣзда, тѣмъ болѣе я долженъ былъ стараться покончить свои дѣла, потому что съ отъѣздомъ нашимъ все могло остановиться. Политическій барометръ всегда почти стоитъ на перемѣнномъ, и при моемъ тогдашнемъ положеніи долгая отсрочка могла бы повести къ совершенной неудачѣ. Торжественное шествіе Екатерины на югъ, сборъ многочисленныхъ войскъ къ берегамъ Днѣпра, до самаго Чернаго моря, все это легко могло встревожить Турокъ, пробудить въ нихъ опасенія и подать поводъ къ несогласіямъ, которыя мы всячески старались предупредить. Поэтому я удвоилъ свою дѣятельность; Верженнь помогъ мнѣ очень удачно, Булгаковъ получилъ приказаніе откровенно объясниться съ Шуазелемъ, и такимъ образомъ, хотя на время, прекратился споръ о Грузіи. Диванъ обѣщалъ не оказывать впредь содѣйствія Лезгинамъ и Черкесамъ. Ахалцихскому пашѣ запрещено было поощрять разбои Кубанскихъ Татаръ и дѣлать набѣги на владѣнія грузинскаго царя Ираклія, данника императрицы. Повелѣнія эти въ самомъ дѣлѣ были отданы, но худо исполнялись; паша ахалцихскій, нѣкогда христіанинъ, возставалъ уже не разъ и усмирился съ условіемъ, чтобы его пашалыкъ сдѣлали наслѣдственнымъ въ его родѣ. Поэтому на повиновеніе его нельзя было надѣяться, и смѣнить его было нелегко.

Споръ о взысканіяхъ, которыя слѣдовали съ французскихъ судовъ, прибывшихъ въ петербургскій портъ, все еще продолжался по упрямству графа Воронцова. Г. Галисоньеръ, командиръ нашей эскадры, велъ себя въ этомъ дѣлѣ съ отличнымъ благоразуміемъ и твердостью, такъ что заслужилъ одобреніе человѣка предубѣжденнаго противъ насъ, Англичанина Грейга, адмирала

русскаго флота [1]). Наконецъ мы согласились на сдѣлку, по которой положена была легкая пошлина на товары, привезенные нашими судами. Что же касается до нашего фрегата, то рѣшено было, что онъ будетъ принятъ въ русскихъ портахъ на одинаковыхъ правахъ съ англійскимъ фрегатомъ, привезшимъ въ Россію лорда Каткарта, англійскаго посла при русскомъ дворѣ. Не смотря на этотъ уговоръ, кронштадтскіе таможенные чиновники затѣяли споръ съ нашими моряками. Даль, завѣдывавшій таможенными дѣлами, человѣкъ грубый[2]), хотѣлъ непремѣнно освидѣтельствовать наши габары. Узнавъ объ этомъ, я рѣшился пожаловаться прямо государынѣ помимо медлительнаго и пристрастнаго графа Воронцова. Она тотчасъ же объявила мнѣ, что чрезвычайно недовольна поведеніемъ Даля и немедленно прикажетъ ему удовлетворить всѣмъ нашимъ требованіямъ. Такимъ образомъ, всѣ препятствія были устранены, и эскадра наша отправилась обратно во Францію. Эта скорая и удачная развязка послужила мнѣ доказательствомъ того значенія, которымъ я пользовался, и не мало способствовала къ облегченію сношеній моихъ съ министрами.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ того, императрица позволила мнѣ отобѣдать съ нею у Потемкина и потомъ поѣхать съ нею же на Охтенскій пороховой заводъ и въ Пеллу [3]), новый загородный дворецъ, воздвигаемый для нея. Въ то же время я и Кобенцель получили приказанія въ нашихъ сношеніяхъ дѣйствовать со взаимною откровенностью. Императоръ хотѣлъ вмѣстѣ съ нами способствовать сохраненію мира между Россіей и

---

[1]) Самуилъ Карловичъ Грейгъ, род. 1736 г., перешелъ въ русскую службу изъ англійской въ 1764 г., ум. 1788 г.

[2]) Германъ Юрьевичъ Даль, дѣйств. ст. сов., совѣтникъ гражданской палаты для таможенныхъ дѣлъ.

[3]) Начатый въ 1784 г. и неоконченный дворецъ, строенный академикомъ И. Е. Старовымъ, въ 35 верстахъ отъ Петербурга, по шлиссельбургской дорогѣ, при впаденіи р. Тосны въ Неву.

Турціей. Тогда министры англійскій, прусскій и португальскій сдѣлались нашими постоянными и дѣятельными противниками. Данія и Швеція также выказывали свою недовѣрчивость, которой впрочемъ было основаніе по нѣкоторымъ свѣжимъ еще воспоминаніямъ и по честолюбію обоихъ императорскихъ дворовъ. Наше сближеніе съ этими дворами, хотя и съ миролюбивою цѣлію, внушало Швеціи и Даніи опасенія. Онѣ помнили, что русское правительство увѣряло въ дружбѣ прусскаго короля и между тѣмъ вступало въ союзъ съ Австріею, что оно тоже самое сдѣлало съ польскимъ королемъ, когда обѣщало ему защиту его владѣній, тогда какъ готовилось къ ихъ раздѣлу, и наконецъ съ султаномъ, съ которымъ утвердило торговый договоръ, когда овладѣло Крымомъ. Эти воспоминанія и меня нѣсколько тревожили. Но Шуазель прислалъ мнѣ утѣшительныя вѣсти. Съ другой стороны я узналъ черезъ Кобенцеля, что Іосифъ II раскаявался, что способствовалъ Екатеринѣ пріобрѣсти Крымъ, не получивъ въ замѣнъ того помощи въ спорахъ своихъ съ Голландіею и Баваріею, и потому рѣшился впередъ не поддерживать болѣе императрицу въ ея стремленіи къ завоеваніямъ.

Принцъ де-Линъ объявилъ императрицѣ, что Іосифъ II встрѣтитъ ее на берегахъ Днѣпра, а графъ Комажерскій, посланникъ польскаго короля, просилъ назначить Кіевъ мѣстомъ свиданія съ Станиславомъ. Императрица выразила свое согласіе. Между тѣмъ прибылъ курьеръ изъ Константинополя. Тотчасъ же потребовали во дворецъ англійскаго посланника; онъ болѣе часа пробылъ тамъ съ императрицею и Потемкинымъ, и это всполошило всѣхъ дипломатовъ. Я вмѣстѣ съ другими терялся въ догадкахъ. Одинъ Богъ вѣдаетъ — сколько шифрованныхъ депешъ разошлось по европейскимъ кабинетамъ, и сколько родилось различныхъ предположеній и догадокъ! Къ счастью, въ тотъ же вечеръ я видѣлъ государыню въ эрмитажѣ и узналъ отъ нея,

что единственнымъ предметомъ этого совѣщанія было разсмотрѣніе любопытныхъ рисунковъ, привезенныхъ кавалеромъ Ворслеемъ изъ Египта.

Время приближалось къ отъѣзду. Наши совѣщанія замедлились; наконецъ меня позвали на конференцію. Но на этотъ разъ мнѣ отказывали въ уменьшеніи тарифа. Мнѣ возражали, что дешевизна нашихъ винъ сдѣлаетъ подрывъ Испанцамъ и Португальцамъ, которые привозятъ въ Россію много денегъ, а вывозятъ ихъ мало, между тѣмъ какъ по заключеніи нашего трактата множество русскихъ денегъ уйдетъ на предметы роскоши, доставляемые Французами въ большомъ количествѣ. Наконецъ, министры оправдывали свою медлительность тѣмъ, что они завалены дѣлами. Они увѣряли меня, что дѣло о торговыхъ трактатахъ съ Англіею, Неаполемъ и Португаліею подвигается еще медленнѣе. Воронцовъ заключилъ конференцію обѣщаніемъ сообщить мнѣ свое окончательное мнѣніе, но при этомъ объявилъ, что пошлина будетъ сбавлена на одно только наше шампанское. Я всего могъ опасаться въ странѣ, гдѣ все начинаютъ и ничего не оканчиваютъ. Къ тому же Воронцовъ намѣревался ѣхать въ Финляндію, и мнѣ казалось, что министры, нерасположенные ко мнѣ, нарочно тянутъ дѣло, чтобы оно осталось неоконченнымъ до нашего отъѣзда въ Крымъ. Я обратился съ своими жалобами къ Потемкину. Онъ также находилъ эти проволочки несправедливыми, но не могъ мнѣ помочь, потому что долженъ былъ ѣхать въ Кіевъ. Тогда, не видя другихъ средствъ, я рѣшился избрать себѣ новаго посредника въ лицѣ Мамонова. Онъ былъ хорошъ со мною и всегда увѣрялъ, что желаетъ мнѣ счастливаго окончанія моихъ дѣлъ. Въ письмѣ къ нему, описывая всѣ свои неріятности, я, между прочимъ, выразился такъ: «Между тѣмъ, какъ императрица желаетъ успѣшнаго окончанія торговаго акта между Россіею и Франціею, ея приказанія худо исполняются, и она этого не знаетъ. Изъ потворства ли Англіи, изъ нераспо-

ложенія къ Франціи, по другимъ ли какимъ причинамъ, но только министры ея дѣлаютъ мнѣ безпрестанныя затрудненія. Они какъ будто хотятъ только протянуть это дѣло до отъѣзда нашего въ Крымъ. Если до тѣхъ поръ они его не покончатъ, то нельзя уже будетъ выполнить повелѣнія государыни. Такимъ образомъ не удастся сдѣлка, по послѣдствіямъ своимъ полезная для обѣихъ сторонъ.» Мнѣ не трудно было догадаться, что какая-то тайная сила подѣйствовала на расположеніе уполномоченныхъ. Воронцовъ сталъ уступчивѣе, Безбородко дѣятельнѣе, Остерманъ любезнѣе; одинъ только Морковъ[1]), замѣстившій между тѣмъ Бакунина, еще упрямился. Проектъ Верженния разобрали по статьямъ и видимо желали согласиться. Всѣ почти перемѣны, какія желалъ нашъ дворъ, были сдѣланы. Оставалось только рѣшить нѣсколько незначительныхъ пунктовъ, относительно вознагражденій, требуемыхъ Россіею за обѣщанное мнѣ уменьшеніе пошлинъ съ нашихъ винъ.

Я послалъ окончательную редакцію проекта Верженню и совѣтовалъ ему не настаивать на мелочныхъ требованіяхъ, а имѣть въ виду огромныя выгоды, какія предоставляются намъ этимъ актомъ. Въ самомъ дѣлѣ: намъ дозволяли платить пошлины на русскія деньги. Такимъ образомъ мы уравнены были въ правахъ съ Англичанами и другими народами, которые до этого времени платили 12% менѣе насъ. Договоръ этотъ утверждалъ за нами всѣ преимущества, привилегіи и права, какія имѣли другіе народы, пользовавшіеся въ Россіи особенными выгодами. Пошлины на наши вина были уменьшены на четвертую долю въ южныхъ областяхъ и на пятую въ сѣверномъ краѣ имперіи; Мыло наше было допущено къ привозу наравнѣ съ венеціан-

---

[1]) Аркадій Ивановичъ Морковъ, род. въ 1747 г., служилъ сперва въ посольствахъ, а съ 1786 г. при иностр. коллегіи; въ 1796 г. пожалованъ графомъ рим. имп., ум. 1829 г.

скимъ и турецкимъ. Вообще пошлины на всѣ наши товары были сбавлены на одну четверть. Исключенію изъ этого подлежали только соль и водка. Но это исключеніе относилось и къ прочимъ народамъ, потому что соль составляла значительную отрасль торговли въ Крыму, а хлѣбное вино, выкуриваемое въ Россіи и отданное на откупъ, приносило казнѣ до 50 милліоновъ дохода. Я писалъ министру, что мы очень можемъ довольствоваться уступками, сдѣланными относительно нашихъ винъ, потому что потребленіе ихъ, не смотря на высокія цѣны, увеличивается, тогда какъ запросъ на португальскія и испанскія вина уменьшается. Къ тому же нужно взять въ соображеніе, что ноябрь мѣсяцъ близокъ, что императрица ѣдетъ въ первыхъ числахъ января, и что если мнѣ вскорѣ не сообщатъ окончательнаго рѣшенія, то противники наши употребятъ въ свою пользу упущенное время. Тогда дѣло наше прервется продолжительнымъ путешествіемъ, а можетъ быть, и совсѣмъ разстроится, потому что хотя и Шуазелю, и Булгакову удалось заключить выгодныя условія съ Портою, политическій горизонтъ однако довольно сумраченъ. «Меня увѣряютъ, писалъ я,—что желаютъ мира. Однако на югѣ собираютъ огромную армію, будто-бы для того, чтобы придать болѣе пышности торжественной поѣздкѣ императрицы. Министры Пруссіи и Швеціи утверждаютъ, что хотя императрица отложила намѣреніе завоевать Турцію, однако она предполагаетъ положить основаніе новой имперіи; что, будучи обладательницей нѣкоторыхъ частей древней Греческой имперіи, именно Тавриды, Босфора Киммерійскаго и Иверіи, она намѣревается короновать въ Херсонѣ внука своего Константина, въ надеждѣ возбудить этимъ въ Грекахъ желаніе свергнуть турецкое иго. Въ слѣдствіе этого громадная Оттоманская имперія рано или поздно должна рушиться среди ужасовъ продолжительной междоусобной войны. Планъ этотъ казался мнѣ несбыточнымъ, но онъ могъ встревожить Турокъ, и этого было достаточ-

но, чтобы повести къ раздору. Мы въ такомъ случаѣ возбудили бы противъ себя Россію и лишились бы надежды когда либо окончить торговый договоръ.

Дѣла Фитцъ-Герберта шли успѣшно; но въ то самое время, какъ онъ уже полагалъ заключить договоръ, встрѣтилось неожиданное и непреодолимое препятствіе. Надобно знать, что русскіе уполномоченные предложили мнѣ помѣстить въ договорную грамоту статью о томъ, что король нашъ признаетъ начало вооруженнаго нейтралитета. Я на это согласился, но только съ условіемъ, чтобы императрица торжественно обѣщала не заключать и не возобновлять никакого договора съ другими державами, не истребовавъ отъ нихъ такого же признанія. Когда объявили объ этомъ Фитцъ-Герберту, онъ, разумѣется, отклонилъ эти требованія и настаивалъ на уничтоженіи этой статьи, утверждая, что его правительство никогда не согласится на такое предложеніе. Уполномоченные отвѣчали, что невозможно исполнить его требованія, потому что императрица по этому предмету заключила съ нѣкоторыми значительными державами обязательства, которыхъ нельзя нарушить. Послѣ этого совѣщанія прекратились, и договоръ не состоялся. Согласились только прежній договоръ, которому выходилъ срокъ, оставить въ силѣ еще на три мѣсяца, для того, чтобы англійское правительство въ теченіи этого времени могло изъявить свое рѣшительное мнѣніе по этому предмету.

Императрица была тогда огорчена семейными непріятностями. Она хотѣла взять съ собою на югъ внуковъ своихъ Александра и Константина. Великій князь и его супруга не должны были участвовать въ путешествіи и потому горячо жаловались на эту разлуку. Но молодые князья заболѣли корью, и императрица должна была оставить ихъ при родителяхъ.

Въ тоже время при дворѣ произошла совершенно неожиданно довольно непріятная сцена. Однажды послѣ спектакля

въ эрмитажѣ, принцесса Виртембергская, невѣстка великой княгини, вмѣсто того, чтобы, по обыкновенію, послѣдовать за нею, прошла въ комнаты императрицы, бросилась къ ея ногамъ и стала умолять ее о защитѣ отъ мужа, который, по ея увѣреніямъ, обращался съ нею самымъ жестокимъ образомъ. Она объявила, что не можетъ болѣе сносить обиды и насилія, которыя могли усилиться по отъѣздѣ императрицы. По всей вѣроятности, вмѣстѣ съ жалобами она высказала какія нибудь важныя извѣстія и подробности, ибо въ тотъ же вечеръ, послѣ этой сцены, государыня написала строгое письмо принцу, велѣла ему оставить службу и выѣхать изъ Россіи въ Германію. Принцесса осталась въ эрмитажѣ, гдѣ ей отвели покои. Великій князь и великая княгиня были очень огорчены, потому что принцесса, сестра ихъ, оказала въ этомъ случаѣ свое нерасположеніе къ нимъ.

Декабрь прошелъ, и я не получалъ никакихъ извѣстій отъ своего правительства. Англичане и приверженцы ихъ, желавшіе, чтобы договоръ не состоялся, торжествовали. Наконецъ 6-го января (новаго стиля) прибылъ курьеръ отъ Верження. Я тотчасъ же написалъ статьи, въ которыхъ нужно было, по мнѣнію министра, сдѣлать измѣненія и дополненія. 7-го просилъ я совѣщанія, и оно состоялось 8-го. Я прочелъ уполномоченнымъ ноту, написанную съ тою цѣлію, чтобы доказать имъ справедливость и умѣренность тѣхъ новыхъ требованій, которыя мнѣ приказано было предложить имъ. Мнѣ сдѣлали нѣсколько незначительныхъ, краткихъ возраженій. Замѣтно было, что дипломаты получили секретное предписаніе скорѣе покончить дѣло. Однако они настоятельно требовали, чтобы пошлина на русское желѣзо была сбавлена въ сравненіи съ желѣзомъ, привозимымъ другими націями, и объявили, что безъ этого невозможны уступки въ отношеніи къ нашимъ винамъ и мылу. Верженнь предварительно уполномочилъ меня согласиться на эти требованія, но толь-

ко въ крайнемъ случаѣ. Увидѣвъ, что русскіе уполномоченные спѣшатъ окончить переговоры, я рѣшился воспользоваться этимъ. Вмѣсто того, чтобы объявить имъ о полученномъ мною разрѣшеніи, я рѣшительно отказывался сбавить пошлину съ желѣза ко вреду другихъ державъ, особенно Швеціи, нашей союзницы. Я даже объявилъ, что эти требованія могутъ послужить достаточнымъ поводомъ къ моему отказу подписать актъ. Эта смѣлая выходка мнѣ удалась. Русскіе члены конференціи, чтобы предупредить разрывъ, удовольствовались условіемъ, что для продажи имъ будутъ предоставлены тѣже выгоды, какими пользуются народы, платящіе меньшія пошлины. Въ вознагражденіе за это уравненіе правъ, они согласились на сбавку пошлинъ съ нашего вина и мыла, какъ было условлено прежде. Такимъ образомъ, при обоюдномъ желаніи скорѣе совершить этотъ актъ, мы, послѣ двухъ часоваго совѣщанія, окончательно составили всѣ статьи трактата. 9-го января (ст. ст.) были написаны грамоты, и наконецъ $\frac{\text{31 Декабря 1786}}{\text{11 Января 1787}}$ года договоръ былъ скрѣпленъ подписями [1]), а $^2/_{14}$ я отослалъ его съ курьеромъ къ Верженню.

Января 17-го (1787) я отправился въ Царское Село и 18-го числа выѣхалъ оттуда съ императрицею въ Крымъ [2]). Я уѣзжалъ совершенно довольный тѣмъ, что успѣлъ заключить выгодный договоръ между королемъ и государыней,

---

[1]) Актъ этотъ былъ ратификованъ императрицею въ Кіевѣ 3-го Апрѣля 1787 года.

[2]) Въ дополненіе къ разсказамъ Сегюра объ этомъ путешествіи можно указать на составленное А. В. Храповицкимъ офиціальное описаніе путешествія (С. Пб. 1788 г.), на замѣтки въ частныхъ его запискахъ, на замѣтки князя де-Линя и на отрывки изъ мемуаровъ одной польской дамы, переведенные подъ заглавіемъ *Записки о пребываніи императрицы Екатерины II-й въ Кіевѣ въ 1787 г.* С. Пб. 1843, отдѣльно и въ Сынѣ Отечества того же года. Кромѣ того, существуютъ въ рукописи записки объ этомъ путешествіи Н. А. Львова (родственника Державина), служившаго тогда при Безбородкѣ (см. Изв. II отд. Ак. Н, т. VIII).

которая оказывала такую искреннюю пріязнь и была такъ добра ко мнѣ. Я предпринималъ это любопытное и великолѣпное путешествіе при самыхъ счастливыхъ обстоятельствахъ, потому что мнѣ удалось тогда согласить требованія моего долга съ чувствомъ моей признательности. Только что окончилъ я продолжительные, важные и трудные переговоры и устранилъ разныя препятствія, которыя мнѣ предстояли, съ одной стороны въ проискахъ завистливыхъ англійскихъ купцовъ, съ другой—въ нерасположеніи ко мнѣ русскихъ министровъ, когда мнѣ открылось новое поприще. Предназначенный судьбою на самыя различныя роли, я долженъ былъ на этотъ разъ слѣдовать за торжественной колесницей Екатерины, проѣхать по ея огромному царству, посѣтить Тавриду, славную въ миѳологіи и въ исторіи и нынѣ смѣло исторгнутую женщиной отъ дикихъ сыновъ Магомета. Мнѣ суждено было видѣть, какъ на пути принесутъ ей дань лести и похвалъ толпы иностранцевъ, привлеченныхъ блескомъ власти и богатства; увидѣть польскаго короля, возведеннаго на престолъ и недавно лишеннаго части своихъ владѣній этою могущественною государыней; наконецъ наслѣдника цесарей, императора запада, который, сложивъ на время вѣнецъ и багряницу свою, станетъ въ ряды царедворцевъ, чтобы закрѣпить съ нею связи взаимнаго союза, грозившаго нарушить свободу Польши, безопасность Пруссіи и миръ всей Европы. Будучи вмѣстѣ придворнымъ и дипломатомъ, я долженъ былъ, снискивая благорасположеніе Екатерины, въ тоже время дѣятельно слѣдить за предпріятіями и дѣйствіями честолюбивой государыни, которая тогда, покрывая многочисленными войсками берега Днѣпра и Чернаго моря, казалось, грозила вмѣстѣ съ Іосифомъ II разрушить Турецкую имперію. Для исполненія этой странной обязанности я не имѣлъ ни чиновниковъ, ни канцеляріи, ни секретаря. Я долженъ былъ участвовать въ безпрестанно смѣняющихся поѣздкахъ, празднествахъ, публичныхъ

аудіенціяхъ, собраніяхъ и забавахъ, не имѣя достаточной свободы для наблюденій и довольно времени, чтобы давать себѣ отчетъ въ томъ, что могло поразить мой взоръ и мой умъ.

Путешествія двора нисколько не походятъ на обыкновенныя путешествія, когда ѣдешь одинъ и видишь людей, страну, обычаи въ ихъ настоящемъ видѣ. Сопровождая монарха, встрѣчаешь всюду искусственность, поддѣлки, украшенія... Впрочемъ почти всегда очарованіе привлекательнѣе дѣйствительности; поэтому волшебныя картины, которыя на каждомъ шагу представлялись взорамъ Екатерины, и которыя я постараюсь изобразить, по новости своей будутъ для многихъ любопытнѣе, нежели во многихъ отношеніяхъ полезные разсказы иныхъ ученыхъ, объѣхавшихъ и изслѣдовавшихъ философскимъ взглядомъ это огромное государство, которое недавно лишь выступило изъ мрака и вдругъ стало мощно и грозно, при первомъ порывѣ своемъ къ просвѣщенію.

За мѣсяцъ до нашего отъѣзда въ Крымъ, князь де-Линь, къ сожалѣнію моему, оставилъ насъ, чтобы отвезти Іосифу II маршрутъ императрицы. Мы съѣхались съ нимъ уже въ Кіевѣ. Онъ снова явился, какъ былъ всегда — непринужденно веселый и остроумный, полный благородства и естественности въ обращеніи, всегда въ одинаковомъ расположеніи духа, какъ человѣкъ умный и благонамѣренный, съ тѣмъ творческимъ разнообразнымъ воображеніемъ, которое всегда находитъ пищу для разговора и, не смотря на придворный этикетъ, разгоняетъ скуку.

Января 17-го Фитцъ-Гербертъ, графъ Кобенцель и я, отобѣдавъ въ С.-Петербургѣ, у австрійскаго консула, отправились въ Царское Село, гдѣ мы нашли императрицу молчаливою и задумчивою противъ ея обыкновенія. Ея огорчила невозможность взять съ собою великихъ князей Александра и Константина.

Графъ Мамоновъ былъ въ лихорадкѣ; Екатерина ощущала то, что обыкновенно чувствуютъ люди, которымъ судьба постоянно благопріятствуетъ: малѣйшее стѣсненіе составляетъ для нихъ предметъ неожиданнаго горя. Она приняла насъ ласково, но мало говорила и посадила за лото, хотя, сколько мнѣ извѣстно, играла въ эту игру довольно рѣдко. Она скоро замѣтила, какую скуку наводила на меня эта забава: я нехотя дремалъ. Нѣсколько разъ она шутила надо мною; чтобы отшутиться, я сказалъ ей стихи, сочиненные мною въ Парижѣ для супруги маршала Люксанбурга, женщины, извѣстной своимъ умомъ и тѣмъ не менѣе любившей это скучное средство препровожденія времени:

Le loto, quoi que l'on en dise,
Sera fort longtemps en crédit;
C'est l'excuse de la bêtise
Et le repos des gens d'esprit.

Ce jeu vraiment philosophique
Met tout le monde de niveau;
L'amour propre, si despotique,
Dépose son sceptre au loto.

Esprit, bon goût, grâce et saillie,
Seront nuls tant qu'on y jouera.
Luxembourg, quelle modestie!
Quoi! vous jouez à ce jeu là? [1])

---

[1]) „Чтобы ни говорили, а лото долго будетъ въ почетѣ; это убѣжище для глупыхъ и отдыхновеніе для умныхъ.

„Эта истинно философская игра уравниваетъ всѣхъ; деспотъ самолюбіе слагаетъ скипетръ свой предъ нею.

„Умъ, вкусъ, красота, остроуміе ничтожны во время этой игры. Герцогиня, какъ вы скромны! неужели вы играете въ эту игру?“

Мы сидѣли недолго: въ восемь часовъ всѣ разошлись. Мы сошлись снова у графа Кобенцеля; но и тамъ не было веселѣе. Съ любопытствомъ приняли мы приглашеніе участвовать въ этомъ путешествіи и ожидали его, но передъ отъѣздомъ намъ было какъ то тягостно. Это было какъ бы предчувствіе тѣхъ долгихъ бурь и страшныхъ переворотовъ, которые за нимъ послѣдовали. Впрочемъ величественная и вмѣстѣ ужасная будущность была сокрыта отъ насъ непроницаемымъ покровомъ, и наша мгновенная грусть объяснилась самыми простыми, обыкновенными обстоятельствами и нисколько не зависѣла отъ какихъ либо дальновидныхъ предположеній.

Фитцъ-Гербертъ, склонный къ задумчивости и уединенію, не могъ освоиться съ придворною жизнью и съ сожалѣніемъ разставался съ одною русскою дамою, которую страстно любилъ, и съ искреннимъ другомъ своимъ, прелюбезнымъ Англичаниномъ, г. Еллисомъ. Я былъ чрезвычайно озабоченъ письмами, полученными мною изъ Франціи. Волшебная повязка, которую навязалъ намъ на глаза министръ Каллонь, спала; все предвѣщало Франціи великій переворотъ, а смѣлый и легкомысленный министръ только ускорялъ его крутыми мѣрами, которыми думалъ его предупредить. Къ тому же во время долгаго пути въ 400 миль до Крыма и другихъ 400 миль обратно до Петербурга, я долженъ былъ ограничить свою переписку и только изрѣдка могъ получать извѣстія о моей женѣ, моихъ дѣтяхъ, моемъ отцѣ, моемъ правительствѣ, обо всемъ, къ чему я былъ привязанъ. Это обстоятельство усиливало горесть разлуки. Изъ насъ троихъ одинъ графъ Кобенцель оставался ненарушимо веселымъ. Дворъ былъ его стихіею, и чувство зависимости имѣло для него свою прелесть. Впрочемъ мы были еще молоды. Въ пору жизненной весны заботы не оставляютъ слѣдовъ въ сердцѣ и морщинъ на лбу; наша задумчивость была лишь легкое облачко: на другое утро оно исчезло, какъ сонъ.

18-го января, 1788 года мы пустились въ путь. Императрица посадила къ себѣ въ карету г-жу Протасову, графа Мамонова, графа Кобенцеля, оберъ-шталмейстера Нарышкина и гофмаршала Шувалова. Во вторую карету помѣстили Фитцъ-Герберта, меня, графа Чернышева [1]) и графа Ангальта [2]). Поѣздъ состоялъ изъ четырнадцати каретъ и 124 саней съ 40 запасными. На каждой станціи насъ ожидали 560 лошадей.

Было 17 градусовъ мороза, дорога прекрасная, и мы ѣхали славно. Наши кареты на высокихъ полозьяхъ какъ будто летѣли. Чтобы защищаться отъ холода мы закутались въ медвѣжьи шубы, надѣтыя сверхъ другой болѣе нарядной и богатой, но тоже мѣховой одежды; на головахъ у насъ были собольи шапки. Такимъ образомъ мы не замѣчали стужи, даже когда она доходила до 20 градусовъ. На станціяхъ вездѣ было такъ хорошо натоплено, что скорѣе мы могли подвергнуться излишнему жару, чѣмъ холоду. Въ это время самыхъ короткихъ дней въ году солнце вставало поздно, и чрезъ шесть или семь часовъ наступала уже темная ночь. Но для разсѣянія этого мрака восточная роскошь доставила намъ освѣщеніе: на небольшихъ разстояніяхъ, по обѣимъ сторонамъ дороги горѣли огромные костры изъ сваленныхъ въ кучи соснъ, елей, березъ, такъ что мы ѣхали между огней, которые свѣтили ярче дневныхъ лучей. Такъ величавая властительница сѣвера среди ночнаго мрака изрекала свое: *пусть будетъ свѣтъ!* Въ 72 вер-

---

[1]) Графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышевъ, род. 24 ноября 1726 г., вице-президентъ Адмиралтействъ-коллегіи, при восшествіи на престолъ Павла I пожалованъ генералъ-фельдмаршаломъ по флоту и президентомъ Адмиралтействъ-коллегіи; умеръ 12 февраля 1797 г.

[2]) Графъ Ѳедоръ Евстафьевичъ Ангальтъ, генералъ-поручикъ, генералъ-адъютантъ, происходилъ изъ Ангальтъ-Дессаускаго герцогскаго дома, род. 1732 г., ум. 1794 г.; былъ главнымъ начальникомъ сухопутнаго шляхетнаго кадетскаго корпуса.

стахъ отъ Петербурга мы остановились отобѣдать въ маленькомъ, новомъ и красивомъ городкѣ Рожественскѣ [1]). Здѣсь ея величество, возвратившись къ своей обычной веселости, съ крайнею любезностью выразила мнѣ удовольствіе по поводу заключенія торговаго трактата, подписаннаго за нѣсколько дней передъ тѣмъ ея министрами и мною.

Этотъ разсказъ былъ бы однообразенъ, если бы я, какъ черезъ-чуръ добросовѣстный путешествееникъ, сталъ говорить о всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ, чрезъ которые мы проѣзжали, или гдѣ останавливались на этомъ длинномъ пути. Я упомяну только объ тѣхъ, которые по своему объему, древности, богатству и исторіи могутъ быть достойны нашего вниманія [2]).

Первая часть этого путешествія, начатаго холодною зимою, не можетъ быть обильна описаніями. Достаточно сказать, что мы проѣзжали по обширнымъ снѣжнымъ равнинамъ, чрезъ лѣса сосенъ и елей, которыхъ вѣтви, опушенныя инеемъ, порою при солнечномъ освѣщеніи, блистали брильянтами и кристаллами. Можно себѣ представить—какое необычайное явленіе представляла на этомъ снѣжномъ морѣ дорога, освѣщенная множествомъ огней, и величественный поѣздъ царицы сѣвера со всѣмъ блескомъ самаго великолѣпнаго двора. Въ городахъ и деревняхъ этотъ одинокій путь покрывался толпами любопытныхъ горожанъ и поселянъ: они, не замѣчая стужи, громкими криками привѣтствовали свою государыню.

---

[1]) Сегюръ разумѣетъ село Рожествено.

[2]) Мы опускаемъ большую часть этихъ описаній, совершенно незначительныхъ и замедляющихъ ходъ разсказа. Наблюденія Сегюра изъ оконъ кареты не могли быть дѣльны; при томъ оказывается, что онъ заимствовалъ свои историческія и географическія свѣдѣнія изъ путеводителя, изданнаго для этого путешествія (см. Роспись Смирдина, № 8801). Эта книга вѣроятно передана была иностранцамъ, сопутствовавшимъ государынѣ во французскомъ переводѣ, изъ котораго Сегюръ дѣлалъ извлеченія, иногда даже не измѣняя словъ.

Обычный порядокъ, который императрица ввела въ свой образъ жизни, почти не измѣнился во время ея путешествія. Въ шесть часовъ она вставала и занималась дѣлами съ министрами, потомъ завтракала и принимала насъ. Въ девять часовъ мы отъѣзжали и въ два останавливались для обѣда; послѣ того снова останавливались въ семь. Вездѣ она находила дворецъ или красивый домъ, приготовленный для нея. Мы ежедневно обѣдали съ нею. Послѣ нѣсколькихъ минутъ, посвященныхъ туалету, императрица выходила въ залу, разговаривала, играла съ нами; въ девять часовъ уходила къ себѣ и занималась до одиннадцати. Въ городахъ намъ отводили покойныя квартиры въ домахъ зажиточныхъ людей. Въ деревняхъ мнѣ приходилось спать въ избахъ, гдѣ иногда отъ нестерпимой жары нельзя было уснуть.

Во второй день странствія я съ Фитцъ-Гербертомъ сидѣлъ въ каретѣ императрицы. Разговоръ былъ живъ, веселъ, разнообразенъ и не умолкалъ. Она, между прочимъ, разсказала намъ какъ однажды, узнавъ, что ее хулили за данное ею согласіе на бракъ одного морскаго офицера съ Негритянкою, она на это сказала: «Видите, что это согласно съ моими честолюбивыми видами на Турцію, потому что я дозволила торжественно отпраздновать союзъ русскаго флота съ Чернымъ моремъ.» Часто говорила она о варварствѣ, вялости, невѣжествѣ мусульманъ, о глупой жизни ихъ султановъ, которыхъ дѣятельность ограничивалась стѣнами гарема. «Эти слабоумные деспоты, говорила она,—изнѣженные наслажденіями сераля, управляемые улемами и покорные янычарамъ, не умѣютъ ни разсуждать, ни говорить, ни управлять, ни вести войну и вѣчно остаются дѣтьми.» Она увѣряла, что евнухи, стоящіе ночью на стражѣ у ложа султана, доводятъ свою глупую и раболѣпную внимательность до того, что будятъ своего владыку, когда имъ покажется, что онъ видитъ дурной сонъ. Эта внимательность менѣе опас-

ная, но столь же благоразумная, какъ услуга, оказанная медвѣдемъ своему другу въ забавной баснѣ Лафонтена. Когда разговоръ зашелъ объ огромности Русской имперіи, о разнообразіи ея обитателей и о множествѣ препятствій, которыя должны были преодолѣть Петръ и его наслѣдники для просвѣщенія столькихъ разнообразныхъ племенъ, то государыня разсказала намъ о своей поѣздкѣ по берегамъ Волги. «Въ тѣхъ мѣстахъ, говорила она,—такое изобиліе всего, что успѣхи промышленности по необходимости должны быть медленны; тамъ не знаютъ нужды, которая одна только можетъ подстрекнуть народъ къ труду. Если даже прибрежные жители этой большой рѣки будутъ пренебрегать обработываніемъ своихъ полей и многочисленными стадами, то и тогда одна рыбная ловля не дастъ имъ умереть голодною смертью. Мнѣ случилось видѣть, что сто двадцать человѣкъ наѣдались до сыта стерлядями, которыя всѣ вмѣстѣ стоили не болѣе 35 копѣекъ.»

Мѣста, которыя мы проѣзжали въ началѣ путешествія, представляли мало пищи вниманію; повсюду лѣса и замерзлыя болота. Въ одной Петербургской губерніи заключалось 72,000 десятинъ лѣса. Но потребленіе его, вынуждаемое климатомъ, увеличилось до такой степени, что замѣтно стало уменьшеніе этихъ лѣсовъ, и государыня запретила указомъ вырубать болѣе трети его въ годъ. Исключая предметы политическіе, разговоръ шелъ обо всемъ, что могло оживить бесѣду, и государыня поддерживала его съ чрезвычайною непринужденностью, умомъ и веселостью, такъ что дни мелькали незамѣтно, и мы не видали, какъ пріѣхали въ Порховъ, замѣчательный городъ, гдѣ псковскій губернаторъ князь Репнинъ [1]) принялъ насъ торже-

---

[1]) Князь Николай Васильевичъ Репнинъ (род. 1734, ум. 1801), бывшій полномочнымъ посломъ въ Польшѣ (1763) и возведшій Станислава Понятовскаго на престолъ польскій, отличился въ первую турецкую войну, былъ посломъ въ Константинополѣ (1775), губернаторомъ въ Смоленскѣ (1777), генералъ-губернаторомъ псковскимъ (1781) и фельдмаршаломъ.

ственно и пышно. Князь Репнинъ, пріобрѣтшій нѣкоторую извѣстность на полѣ брани, былъ нелюбимъ въ Польшѣ за свою гордость. Достаточно одной черты: однажды въ Варшавѣ король Станиславъ былъ въ театрѣ; первый актъ пьесы былъ уже сыгранъ, когда русскій посланникъ вошелъ въ свою ложу. Замѣтивъ съ досадою, что его не дождались, онъ велѣлъ опустить занавѣсъ и снова начать пьесу.

Русскіе такъ привыкли къ такому обхожденію съ Поляками, что графъ Стакельбергъ, который былъ гораздо любезнѣе и обходительнѣе князя Репнина, игралъ однако въ Варшавѣ роль скорѣе короля, чѣмъ дипломата. Мнѣ разсказывали, что когда баронъ Тугутъ, будучи проѣздомъ въ Польшѣ и пожелавъ представиться Станиславу, вошелъ въ залу аудіенцій, то увидѣлъ человѣка, обвѣшаннаго орденами и окруженнаго высшими сановниками двора; онъ принялъ его за короля и сдѣлалъ передъ нимъ три обычныхъ поклона. Окружавшіе его замѣтили ему, что онъ ошибся, и указали на короля, который сидѣлъ въ углу и за-просто разговаривалъ съ двумя, тремя лицами.

Такъ какъ я не намѣренъ предлагать здѣсь скучный курсъ географіи, то поспѣшу достигнуть Смоленска, будучи увѣренъ, что никому не любопытно слѣдить за мною чрезъ села и деревни, въ которыхъ мы останавливались по два раза въ день, и которыя совершенно нежданно дѣлались мѣстопребываніемъ величественнаго двора. Бѣдные поселяне, съ заиндевѣвшими бородами, не смотря на холодъ, толпами собирались и окружали маленькіе дворцы, какъ бы волшебною силою воздвигнутые посреди ихъ хижинъ, дворцы, въ которыхъ веселая свита императрицы, сидя за роскошнымъ столомъ и на покойныхъ широкихъ диванахъ, не замѣчала ни жестокости стужи, ни бѣдности окрестныхъ мѣстъ; вездѣ находили мы теплые покои, отличныя вина, рѣдкіе плоды и изысканныя кушанья. Даже скука, эта вѣчная сопутница однообразія, была изгна-

на присутствіемъ любезной государыни... Иногда по вечерамъ мы забавлялись играми, сочиненіемъ шарадъ, загадокъ, стиховъ на заданныя риѳмы. Разъ Фитцъ-Гербертъ предложилъ мнѣ слѣдующія риѳмы; *amour*, *frotte*, *tambour*, *note*. Я написалъ на нихъ слѣдующіе стихи:

De vingt peuples nombreux Catherine est *l'amour*:
Craignez de l'attaquer; malheur à qui s'y *frotte!*
La renommée est son *tambour*,
Et l'histoire son garde-*note* [1]).

Эта бездѣлушка понравилась и заслужила себѣ болѣе похвалъ, чѣмъ иная ода. При дворѣ и притомъ въ дорогѣ все сходитъ съ рукъ.

Кто постоянно счастливъ и достигъ славы, долженъ бы, кажется, сдѣлаться равнодушнымъ къ голосу зависти и къ злымъ, насмѣшливымъ выходкамъ, которыми мелкіе люди дѣйствуютъ противъ знаменитостей. Но въ этомъ отношеніи императрица походила на Вольтера. Малѣйшія насмѣшки оскорбляли ея самолюбіе; какъ умная женщина, она обыкновенно отвѣчала на нихъ улыбкою, но въ этой улыбкѣ была замѣтна нѣкоторая принужденность. Она знала, что многіе, особенно Французы, считали Россію страною азіятскою, бѣдною, погрязшею въ невѣжествѣ, во мракѣ варварства; что они съ намѣреніемъ не отличали обновленную, европеизированную Россію отъ азіятской и необразованной Московіи. Сочиненіе аббата Шаппа, изданное, какъ думала императрица, по распоряженію герцога Шуазеля, еще было ей памятно, и ея самолюбіе безпрестанно уязвлялось остротами Фридриха II-го, который часто съ злою ироніею говорилъ о финансахъ Екатерины, о ея политикѣ, о дурной так-

---

[1]) «Екатерина—предметъ любви двадцати народовъ. Не нападайте на нее: бѣда тому, кто ее затронетъ. Слава—ея барабанщикъ, а исторія—памятная книжка.»

тикѣ ея войскъ, о рабствѣ ея подданныхъ и о непрочности ея власти. За то государыня очень часто говорила намъ о своей огромной имперіи и, намекая на эти насмѣшки, называла ее своимъ *маленькимъ хозяйствомъ*: «Какъ вамъ нравится *мое маленькое хозяйство?* Не правда ли, оно по немножку устраивается и увеличивается? У меня немного денегъ, но, кажется, они употреблены съ пользою?» Другой разъ, обращаясь ко мнѣ, она сказала: «Я увѣрена, графъ, что ваши парижскія красавицы, модники и ученые теперь глубоко сожалѣютъ о васъ, что вы принуждены путешествовать по странѣ медвѣдей, между варварами, съ какой-то скучною царицей. Я уважаю вашихъ ученыхъ, но лучше люблю невѣждъ; сама я хочу знать только то, что мнѣ нужно для управленія моимъ *маленькимъ хозяйствомъ.*»

«Ваше величество изволите шутить на нашъ счетъ, возразилъ я,—но вы лучше всѣхъ знаете, что думаетъ объ васъ Франція. Слова Вольтера какъ нельзя лучше и яснѣе выражаютъ вашему величеству наши мнѣнія и наши чувства. Скорѣе же вы можете быть недовольны тѣмъ, что необычайное возрастаніе вашего *маленькаго хозяйства* внушаетъ нѣкоторымъ образомъ страхъ и зависть даже значительнымъ державамъ.»

«Да, говорила она иногда смѣясь,—вы не хотите, чтобы я выгнала изъ моего сосѣдства вашихъ дѣтей Турокъ. Нечего сказать, хороши ваши питомцы, они дѣлаютъ вамъ честь. Что если бы вы имѣли въ Піемонтѣ или Испаніи такихъ сосѣдей, которые ежегодно заносили бы къ вамъ чуму и голодъ, истребляли бы и забирали бы у васъ въ плѣнъ по 20,000 человѣкъ въ годъ, а я взяла бы ихъ подъ свое покровительство, что бы вы тогда сказали? О, какъ бы вы стали тогда упрекать меня въ варварствѣ!»

Мнѣ трудно было отвѣчать въ такихъ случаяхъ. Я отдѣлывался, какъ умѣлъ, общими мѣстами объ утвержденіи мира, о со-

храненіи равновѣсія Европы и т. д. Впрочемъ, такъ какъ это были отрывочные разговоры, шутки, а не политическія совѣщанія, то я не приходилъ въ замѣшательство, и нѣсколько шуточныхъ выходокъ выводили меня изъ затруднительнаго положенія защищать пышными словами дурное дѣло. Мнѣ кажется постыдною эта ложная и близорукая политика, по которой сильныя державы вступаютъ въ союзъ и дѣлаются почти данниками грубыхъ и жестокихъ Мавровъ, Алжирцевъ, Аравитянъ и Турокъ, въ разныя времена бывшихъ бичемъ и ужасомъ образованнаго человѣчества.

До Смоленска наши дни распредѣлились слѣдующимъ порядкомъ: первый въ селѣ Городцѣ, второй въ Порховѣ, третій въ Бѣжаницахъ, четвертый въ Великихъ-Лукахъ, пятый въ Велижѣ и шестой въ Смоленскѣ. Въ шесть дней мы проѣхали около 200 миль. Императрица устала. Впрочемъ трудно было въ такую холодную пору, ѣхать съ большимъ удобствомъ, скоростью, роскошью и удовольствіемъ. Противъ стужи взяты были разныя предосторожности; быстрота санной ѣзды дѣлала большія разстоянія незамѣтными, а свѣтъ огромныхъ костровъ на каждыхъ 30 саженяхъ дороги разсѣвалъ мракъ длинныхъ ночей. Но такъ какъ вездѣ императрица должна была дѣлать пріемы и выходы, осматривать заведенія, давать совѣты и поощрительныя награды, то на отдыхъ ей оставалось немного времени. Даже сидя въ своей каретѣ и оставляя заботы правленія, императрица употребляла досугъ свой на то, чтобы плѣнять насъ и была неистощимо умна, любезна и весела; это занятіе, конечно, пріятное, но вмѣстѣ съ тѣмъ и утомительное.

Екатерина рѣшилась остаться три дня въ Смоленскѣ. Это отдалило наше прибытіе въ Кіевъ, гдѣ насъ ожидало множество пріѣзжихъ со всѣхъ сторонъ Европы. Государыня, помолившись въ соборѣ, удалилась въ свой дворецъ. Но на другой день она принимала дворянство, городскія власти, купечество, духо-

10

венство, а вечеромъ дала пышный балъ, на которомъ было до трехъ-сотъ дамъ, въ богатыхъ нарядахъ; онѣ показали намъ, до какой степени внутри имперіи дошло подражаніе роскоши, модамъ и пріемамъ, которые встрѣчаешь при блистательнѣйшихъ дворахъ европейскихъ. Наружность во всемъ выражала образованіе; но за этимъ легкимъ покровомъ внимательный наблюдатель могъ легко открыть слѣды старобытной Московіи.

Архіепископъ Могилевскій [1]) явился къ императрицѣ. Съ виду онъ болѣе походилъ на военнаго человѣка, чѣмъ на пастыря: это меня поразило. «Не удивляйтесь, сказала мнѣ императрица,—онъ долго былъ драгунскимъ капитаномъ; я бы совѣтовала вамъ поисповѣдаться у него.» Добрый пастырь показалъ намъ, что онъ не забылъ еще того поприща, на которомъ прежде дѣйствовалъ: онъ проводилъ насъ до Кіева верхомъ, проскакивая по 35 верстъ въ день и не жалуясь ни на усталость, ни на гололедицу.

Я обрадовался, когда миновали эти три дня, которые императрицѣ угодно было величать днями отдыха, между тѣмъ какъ они употреблены были на безпрестанные пріемы и представленія и показались мнѣ утомительнѣе дней, проведенныхъ въ дорогѣ. Въ самомъ дѣлѣ, не пріятнѣе ли было быстро катиться по снѣгу въ просторной, покойной каретѣ, въ теплой одеждѣ, среди пріятнаго, образованнаго, веселаго общества, чѣмъ стоять въ пышномъ нарядѣ цѣлое утро, среди огромныхъ залъ, присутствовать при пріемѣ разныхъ депутацій и выслушивать длинныя и вычурныя рѣчи?

Мы снова пустились въ путь и послѣ десятидневной ѣзды, $\frac{\text{29 Января}}{\text{8 Февраля}}$ 1787 года, пріѣхали въ Кіевъ, древнюю столицу первыхъ

---

[1]) Римско-католическій архіепископъ Сестренцевичъ-Богушъ, род. въ 1731 г. служилъ въ военной службѣ съ 1756 до 1761 года; въ 1763 г. вступилъ въ духовное званіе, былъ архіепископомъ съ 1774 г., а съ 1798 г. митрополитомъ римскихъ церквей въ Россіи; ум. въ 1826 г.

русскихъ князей. Городъ этотъ лежитъ на Днѣпрѣ и отстоитъ отъ Петербурга почти на 400 миль. Это былъ предѣлъ первой части нашего путешествія, и мы должны были остаться здѣсь до тѣхъ поръ, пока рѣка освободится отъ льда, и откроется навигація. А этого нельзя ожидать ранѣе апрѣля. Отъ Смоленска до Кіева, не смотря на то, что густой снѣгъ застилалъ намъ виды, замѣтно было, что по мѣрѣ нашего приближенія къ югу, селенія попадались все чаще и были обширнѣе. До Кіева мы проѣхали десять городовъ: Мстиславль, Чериковъ, Новое Мѣсто, Стародубъ, Новгородъ Сѣверскъ, Сосницу, Березну, Черниговъ, Нѣжинъ и Козелецъ. Императрица, не ограничиваясь одними лишь обычными привѣтствіями, вездѣ подробно распрашивала чиновниковъ, духовныхъ, помѣщиковъ и купцовъ о ихъ положеніи, средствахъ, требованіяхъ и нуждахъ. Вотъ—чѣмъ она снискивала себѣ любовь своихъ подданныхъ и допытывалась правды, чтобы обнаружить огромныя злоупотребленія, которыя многіе старались скрыть отъ нея. Однажды она сказала мнѣ: «Гораздо болѣе узнаешь, бесѣдуя съ простыми людьми о дѣлахъ ихъ, чѣмъ разсуждая съ учеными, которые заражены теоріями и изъ ложнаго стыда, съ забавною увѣренностью судятъ о такихъ вещахъ, о которыхъ не имѣютъ никакихъ положительныхъ свѣдѣній. Жалки мнѣ эти бѣдные ученые! Они никогда не смѣютъ сказать: *я не знаю*, а слова эти очень просты для насъ невѣждъ и часто избавляютъ насъ отъ опасной рѣшимости. Когда сомнѣваешься въ истинѣ, то лучше ничего не дѣлать, чѣмъ дѣлать дурно.»

По этому поводу она разсказала мнѣ забавную исторію про Мерсье де-ла-Ривіера, писателя съ замѣчательнымъ талантомъ, издавшаго въ Парижѣ сочиненіе «*О естественномъ и существенномъ порядкѣ политическихъ обществъ*». Книга эта пользовалась блестящимъ успѣхомъ по соотвѣтствію содержавшихся въ ней мыслей съ началами, принятыми экономистами. Такъ какъ Екатерина хотѣла познакомиться съ этою политико-экономическою

системою, то она пригласила нашего публициста въ Россію и обѣщала ему за это приличное вознагражденіе. Это было въ то время, когда государыня приготовлялась къ торжественному въѣзду въ Москву [1]) и потому просила Ривіера дождаться ея въ этой столицѣ.

«Господинъ де-ла-Ривіеръ, разсказывала императрица, недолго сбирался и по пріѣздѣ своемъ немедленно нанялъ три смѣжныхъ дома, тотчасъ-же передѣлалъ ихъ совершенно и изъ парадныхъ покоевъ подѣлалъ пріемныя залы, а изъ прочихъ — комнаты для присутствія. Философъ вообразилъ себѣ, что я призвала его въ помощь мнѣ для управленія имперіею и для того, чтобы онъ сообщилъ намъ свои познанія и извлекъ насъ изъ тьмы невѣжества. Онъ надъ всѣми этими комнатами прибилъ надписи пребольшими буквами: *Департаментъ внутреннихъ дѣлъ, департаментъ торговли, департаментъ юстиціи, департаментъ финансовъ, отдѣленіе для сбора податей и пр.* Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ приглашалъ многихъ изъ жителей столицы, Русскихъ и иноземцевъ, которыхъ ему представили, какъ людей свѣдущихъ, явиться къ нему для занятія различныхъ должностей, соотвѣтственно ихъ способностямъ. Все это надѣлало шуму въ Москвѣ, и такъ какъ всѣ знали, что онъ пріѣхалъ по моей волѣ, то нашлись довѣрчивые люди, которые уже заранѣе старались къ нему поддѣлаться. Между тѣмъ я пріѣхала и прекратила эту комедію. Я вывела законодателя изъ заблужденія. Нѣсколько разъ поговорила я съ нимъ о его сочиненіи, и разсужденія его, признаюсь, мнѣ понравились, потому что онъ былъ не глупъ, но только честолюбіе немного помутило его разумъ. Я, какъ слѣдуетъ, заплатила за всѣ его издержки, и мы разстались довольны другъ другомъ. Онъ оставилъ намѣреніе

---

[1]) Въ 1767 году, во время собранія коммисіи для составленія новаго уложенія.

быть первымъ министромъ и уѣхалъ довольный, какъ писатель, но нѣсколько пристыженный, какъ философъ, котораго честолюбіе завело слишкомъ далеко.»

На этотъ же случай намекала Екатерина, когда писала къ Вольтеру: «Г. де-ла-Ривіеръ пріѣхалъ къ намъ законодателемъ. Онъ полагалъ, что мы ходимъ на четверинкахъ, и былъ такъ любезенъ, что потрудился пріѣхать изъ Мартиники, чтобы учить насъ ходить на двухъ ногахъ.» Знаменитый Дидро внушилъ Екатеринѣ желаніе познакомиться съ де-ла-Ривіеромъ. Дидро самъ пріѣзжалъ въ Петербургъ [1]); Екатеринѣ понравилась въ немъ живость ума, своеобразность способностей и слога и его живое, быстрое краснорѣчіе. Этотъ философъ — можетъ быть, недостойный этого названія, потому что былъ нетерпимъ въ своемъ безвѣріи и до забавнаго фанатикъ въ идеѣ небытія — былъ однако одаренъ пылкою душею и потому, казалось бы, не долженъ былъ сдѣлаться матеріалистомъ. Впрочемъ, имя его, кажется, пережило большую часть его сочиненій. Онъ лучше говорилъ, нежели писалъ; трудъ охлаждалъ его вдохновеніе, и сочиненіями своими онъ далеко отстоитъ отъ великихъ нашихъ писателей, но пламенная рѣчь его была увлекательна, сила выраженій, которыя онъ всегда находилъ безъ труда, предупреждала судъ о вѣрности или пустотѣ его мыслей; рѣчь его поражала, потому что была блестяща и картинна; это былъ геній на парадоксы и проповѣдникъ матеріализма.

«Я долго съ нимъ бесѣдовала, говорила мнѣ Екатерина, — но болѣе изъ любопытства, чѣмъ съ пользою. Если бы я ему повѣрила, то пришлось бы преобразовать всю мою имперію, уничтожить законодательство, правительство, политику, финансы и замѣнить ихъ несбыточными мечтами. Однако, такъ какъ я больше

---

[1]) Объ этомъ см. соч. кн. Вяземскаго „Фонъ-Визинъ", гдѣ приведены разсказы Дидро о его пребываніи въ Россіи.

слушала его, чѣмъ говорила, то со стороны онъ показался бы строгимъ наставникомъ, а я скромной его ученицею. Онъ, кажется, самъ увѣрился въ этомъ, потому что, замѣтивъ наконецъ, что въ государствѣ не приступаютъ къ преобразованіямъ по его совѣтамъ, онъ съ чувствомъ обиженной гордости выразилъ мнѣ свое удивленіе. Тогда я ему откровенно сказала: «Г. Дидро, я съ большимъ удовольствіемъ выслушала все, что вамъ внушалъ вашъ блестящій умъ. Но вашими высокими идеями хорошо наполнять книги, дѣйствовать же по нимъ плохо. Составляя планы разныхъ преобразованій, вы забываете различіе нашихъ положеній. Вы трудитесь на бумагѣ, которая все терпитъ: она гладка, мягка и не представляетъ затрудненій ни воображенію, ни перу вашему; между тѣмъ какъ я, несчастная императрица, тружусь для простыхъ смертныхъ, которые, чрезвычайно чувствительны и щекотливы.» Я увѣрена, что послѣ этого я ему показалась жалка, а умъ мой узкимъ и обыкновеннымъ. Онъ сталъ говорить со мною только о литературѣ, и политика была изгнана изъ нашихъ бесѣдъ.»

Не смотря на эту неудачу, авторъ «*Отца семейства*», «*Жизни Сенеки*» и основатель великаго памятника, «*Енциклопедіи*», болѣе обязанъ Россіи, чѣмъ Франціи. Въ отечествѣ своемъ онъ былъ заключенъ въ тюрьму, тогда какъ императрица пріобрѣла за 50,000 франковъ его библіотеку, предоставивъ ему право пользоваться ею до смерти, и сверхъ того купила ему домъ въ Парижѣ. Полагаю, что здѣсь будетъ кстати привести отрывки изъ двухъ писемъ Екатерины къ Вольтеру и отвѣтъ Вольтера.

«Милостивый государь, моя голова также тверда, какъ имя мое неблагозвучно. Я буду отвѣчать дурною прозою на ваши прелестные стихи. Сама я никогда не писала стиховъ, но тѣмъ не менѣе восхищалась вашими. Они меня такъ избаловали, что я почти не могу читать другихъ. Я ограничусь своимъ огром-

нымъ ульемъ,—нельзя же приниматься вдругъ за нѣсколько дѣлъ. Никогда я не думала, что пріобрѣтеніе библіотеки доставитъ мнѣ такія похвалы, какими всѣ осыпаютъ меня по случаю покупки книгъ Дидро. Вы, кому человѣчество обязано защитою невинности и добродѣтели въ лицѣ Каласа, согласитесь, что было бы жестоко и несправедливо разлучать *ученаго съ его книгами.*»

Другое письмо Екатерины: «Блескъ сѣверной звѣзды — только сѣверное сіяніе. Благодѣянія, распространяющіяся на нѣсколько сотъ верстъ, и о которыхъ вамъ угодно было упомянуть, не принадлежатъ мнѣ. Каласъ обязанъ тѣмъ, что имѣетъ, друзьямъ своимъ, также какъ Дидро продажею своей библіотеки—своему другу. Ничего не значитъ—помочь своему ближнему изъ своихъ излишковъ, но быть ходатаемъ человѣчества и защитникомъ угнетенной невинности — значитъ заслужить безсмертіе.

Отвѣтъ Вольтера: «Прошу извинить меня, ваше императорское величество! Нѣтъ, вы не сѣверное сіяніе; вы—самая блестящая звѣзда сѣвера, и никогда не бывало свѣтила столь благодѣтельнаго. Всѣ эти звѣзды оставили бы Дидро умереть съ голоду. Онъ былъ гонимъ въ своемъ отечествѣ, а вы взыскали его своими милостями.»

Всѣ государи этого времени видѣли, какъ наши парламенты обвиняютъ и осуждаютъ смѣлыя произведенія философовъ, и въ то же время ухаживали за философами, которыхъ считали раздавателями славы. Екатерина и Фридрихъ въ особенности жаждали ея и, какъ боги Олимпа, съ наслажденіемъ упивались ея благоуханіемъ. Чтобы заслужить ее они расточали милости Вольтеру, Руссо, Райналю, Д'Аламберу и Дидро. Люди противъ своей воли живутъ среди атмосферы своего вѣка, невольно увлекаются его вихремъ; и тѣ именно, которые болѣе всего огорчались его прогрессомъ, первые содѣйствовали его ускоренію. Дворяне слѣдовали ихъ примѣру, и только послѣ такого участія

въ укрѣпленіи этого зданія новаго общественнаго порядка тѣ и другіе позабыли, что разумъ человѣческій, какъ время, постоянно идетъ впередъ и никогда не отступаетъ, и задумали неисполнимую вещь — разрушить этотъ новый порядокъ. Можно устроивать настоящее, украшать будущее, все въ мірѣ можетъ измѣняться, но прошедшее возродиться не можетъ; это ни что иное для насъ, какъ тѣнь, которая существуетъ только въ нашихъ воспоминаніяхъ. Благоразумный страхъ, который обнаруживала Екатерина передъ всѣмъ, что могло увлечь ее на опасный путь нововведеній, напоминаетъ мнѣ, съ какимъ гнѣвомъ разсказывала она, какъ одинъ русскій лѣкарь, Самойловъ, вздумалъ было лѣчить чуму, какъ оспу, и хотѣлъ для постепеннаго ослабленія заразы, прививать ее. Онъ сдѣлалъ опытъ на себѣ и нѣсколько разъ зачумлялся. Онъ просилъ дозволенія распространить этотъ страшный опытъ. Но добродушный докторъ вмѣсто дозволенія отъ правительства получилъ добрый выговоръ за свое безсмысленное человѣколюбіе.

Фельдмаршалъ Румянцевъ, въ качествѣ мѣстнаго губернатора[1]), принялъ государыню на границѣ губерніи. Лицо этого маститаго и знаменитаго героя служило выраженіемъ его души; въ немъ видна была и скрытность, и гордость, признаки истиннаго достоинства; но въ немъ былъ оттѣнокъ грусти и недовольства, возбужденнаго преимуществами и огромнымъ значеніемъ Потемкина. Соперничество во власти разъединяло этихъ двухъ военачальниковъ: они шли, борясь между славою и милостью, и, какъ всегда почти бываетъ, восторжествовалъ тотъ, кто былъ любимецъ государыни.

Фельдмаршалъ не получалъ никакихъ средствъ для управленія должностью; труды его подвизались медленно; солдаты его

[1]) Кіевскимъ губернаторомъ былъ тогда генералъ-поручикъ Ширковъ. Румянцевъ принималъ государыню въ своемъ селѣ Вишенкахъ 24-го января; онъ былъ тогда генералъ-губернаторомъ Малороссіи.

ходили въ старой одеждѣ, офицеры напрасно домогались повышеній. Всѣ милости, всѣ поощренія падали на армію, надъ которою начальствовалъ первый министръ.

Подъѣзжая къ Кіеву, испытываешь то особенное чувство уваженія, какое всегда внушаетъ видъ развалинъ. Къ тому же живописное положеніе этого города придаетъ прелесть первому впечатлѣнію; смотря на него, вспоминаешь, что здѣсь колыбель огромной державы, долго пребывавшей въ невѣжествѣ, отъ котораго она освободилась не болѣе, какъ лѣтъ за сто, и теперь стала такъ огромна и грозна.

Когда мы осмотрѣли эту древнюю столицу съ ея окрестностями, императрица захотѣла узнать—какое впечатлѣніе она произвела на меня, Кобенцеля и Фитцъ-Герберта, и послѣ съ усмѣшкою замѣтила, что различіе нашихъ мнѣній даетъ довольно вѣрное понятіе о характерѣ трехъ народовъ, которые мы представляли. «Какъ нравится вамъ Кіевъ?» спросила она у графа Кобенцеля. «Государыня, воскликнулъ графъ съ выраженіемъ восторга,—это самый дивный, самый величественный, самый великолѣпный городъ, какой я когда-либо видѣлъ.» Фитцъ-Гербертъ отвѣчалъ на тотъ же вопросъ: «Если сказать правду, такъ это незавидное мѣсто, видишь только развалины, да избушки.» Когда съ такимъ же вопросомъ обратились ко мнѣ, я сказалъ: «Кіевъ представляетъ собою воспоминаніе и надежды великаго города.»

Для государыни построили дворецъ просторный, изящный и богато убранный. Она принимала въ немъ духовенство, правительственныхъ лицъ, представителей дворянства, купцовъ и иностранцевъ, пріѣхавшихъ во множествѣ въ Кіевъ, куда привлекло ихъ величіе и новость зрѣлища, здѣсь ихъ ожидавшаго. Въ самомъ дѣлѣ имъ представлялся великолѣпный дворъ, побѣдоносная императрица, богатая и воинственная аристократія, князья и вельможи, гордые и роскошные, купцы въ длинныхъ кафтанахъ,

съ огромными бородами, офицеры въ различныхъ мундирахъ; знаменитые донскіе казаки въ богатомъ азіятскомъ нарядѣ и которыхъ длинныя пики, отвагу и удальство Европа узнала недавно, Татары, нѣкогда владыки Россіи, теперь подданные женщины и христіянки, князь грузинскій, повергшій къ трону Екатерины дань Фазиса и Колхиды, нѣсколько пословъ отъ безчисленныхъ ордъ Киргизовъ, народа кочеваго, воинственнаго, часто побѣждаемаго, но никогда еще не покореннаго, наконецъ дикіе Калмыки, настоящее подобіе Гунновъ, своимъ безобразіемъ нѣкогда наводившихъ ужасъ на Европу, вмѣстѣ съ грознымъ мечемъ ихъ жестокаго владыки — Атиллы. Весь Востокъ собрался здѣсь, чтобы увидать новую Семирамиду, собирающую дань удивленія всѣхъ монарховъ Запада. Это было какое то волшебное зрѣлище, гдѣ казалось, сочеталась старина съ новизною, просвѣщеніе съ варварствомъ, гдѣ бросалась въ глаза противуположность нравовъ, лицъ, одеждъ самыхъ разнообразныхъ.

Императрица, всегда вѣрная своимъ привычкамъ, въ Кіевѣ, какъ и въ другихъ городахъ, дала великолѣпный балъ. Я надѣялся, что, будучи въ свитѣ императрицы, на этомъ длинномъ пути увижу разныя заведенія и постройки въ мѣстахъ, гдѣ мы останавливались. Обманутый въ своихъ ожиданіяхъ, я въ порывѣ негодованія необдуманно высказалъ, что мнѣ досадно проѣхать такъ далеко, для того только, чтобы видѣть вездѣ тотъ же дворъ, слушать все тѣ же православныя обѣдни и присутствовать на балахъ. Екатерина узнала объ этомъ и сказала: «Я слышала, будто вы порицаете меня за то, что я во всѣхъ городахъ устроиваю аудіенціи и празднества; но вотъ почему это такъ: я путешествую не для того только, чтобъ осматривать мѣстности, но чтобы видѣть людей; я довольно знаю этотъ путь по планамъ и по описаніямъ, и при быстротѣ нашей ѣзды я бы немного успѣла разсмотрѣть. Мнѣ нужно дать народу воз-

можность дойти до меня, выслушать жалобы и внушить лицамъ, которыя могутъ употребить во зло мое довѣріе,—опасеніе, что я открою всѣ ихъ грѣхи, ихъ нерадѣніе и несправедливости. Вотъ какую пользу хочу я извлечь изъ моей поѣздки; одно извѣстіе о моемъ намѣреніи поведетъ къ добру. Я держусь правила, что *«глазъ хозяйскій зорокъ»* (l'oeil du maître engraisse les chevaux).

Такъ какъ мы всѣ, Кобенцель, Фитцъ-Гербертъ и я, предвидѣли, что, можетъ быть, принуждены будемъ прожить въ Кіевѣ мѣсяцъ или два, то приказали нашимъ людямъ пріѣхать къ намъ, чтобы намъ можно было устроиться порядочно и принимать знатныхъ особъ здѣшнихъ и пріѣзжихъ. Но всѣ наши приготовленія и сборы были напрасны, и мы должны были отослать нашу прислугу. Императрица непремѣнно хотѣла, чтобы, въ продолженіе всей дороги, мы жили на ея счетъ. Я остановился въ прекрасномъ домѣ, назначенномъ для меня и снабженномъ всѣмъ, что мнѣ было нужно. Императрица прислала мнѣ дворецкаго, камердинеровъ, поваровъ, офиціантовъ, гайдуковъ, кучеровъ, форрейторовъ, чудесное серебро, бѣлье и фарфоровый сервизъ, прекрасныя вина, такъ, что у меня было все, чтобы жить роскошно. Она запретила принимать отъ насъ какую либо плату, такъ что въ продолженіе всего путешествія единственно-дозволенною для насъ издержкою были подарки, какіе бы намъ заблагоразсудилось дѣлать хозяевамъ домовъ, въ которыхъ насъ помѣщали. Мы сообразжались съ волею императрицы, и какъ нѣкогда въ Польшѣ я прожилъ нѣсколько дней настоящимъ польскимъ паномъ, такъ и въ Кіевѣ жилъ своимъ дворомъ, какъ любой русскій бояринъ или какой нибудь потомокъ Рюрика или Владиміра. Когда императрица не приглашала насъ къ своему столу, что случалось раза два въ недѣлю, мы давали обѣды у себя. Но скоро намъ надоѣло жить раздѣльно, и мы согласились сходиться у графа Кобенцеля, потому что домъ

его былъ просторнѣе и покойнѣе и могъ свободно вмѣщать большее число гостей, что для насъ было пріятнѣе. Сообща намъ было легче нести тягостную обязанность принимать множество иностранцевъ, прибывшихъ въ Кіевъ. По этому распорядку, мнѣ приходилось обѣдать дома только тогда, когда я былъ нездоровъ или хотѣлъ принять у себя только своихъ пріятелей.

Мнѣ было очень пріятно свидѣться съ прибывшимъ изъ Варшавы графомъ Стакельбергомъ. Онъ радовался моимъ успѣхамъ, которыми, по правдѣ сказать, я былъ отчасти обязанъ ему. Но какую перемѣну замѣтилъ я въ немъ! Это былъ другой человѣкъ: гордый и важный вице-король въ Польшѣ превратился въ Россіи въ придворнаго, едва замѣтнаго въ толпѣ; мнѣ казалось, что я вижу развѣнчаннаго монарха. Впрочемъ, хотя Потемкинъ и другіе русскіе министры добились того, что императрица обращалась съ нимъ холодно, онъ довольно удачно выпутывался изъ этого непріятнаго положенія. Привычка властвовать придала нѣкоторую важность его движеніямъ и медленность его рѣчи, что казалось страннымъ при дворѣ, но обличало въ немъ сильнаго человѣка, который привыкъ внушать уваженіе и заставлять молчать.

Поляки явились толпами, разумѣется болѣе изъ страха, чѣмъ по привязанности къ владычицѣ сѣвера. Между ними были графы Браницкій, Потоцкій, Мнишекъ, князь Сапѣга, княгиня Любомирская. Въ это время распространился слухъ, что десять русскихъ полковъ вступятъ въ польскую Украйну, и это извѣстіе не мало напугало Поляковъ.

По случаю глупостей, надѣланныхъ недавно въ Россіи нѣсколькими молодыми Французами и также изъ опасенія, чтобы это не повредило моимъ намѣреніямъ сблизить Россію съ Франціею и разсѣять предубѣжденіе императрицы противъ насъ, я принужденъ былъ просить г. Верження и отца моего, чтобы они рѣже и осторожнѣе дозволяли нашей молодежи выѣзжать

въ Россію. Они меня поняли, и поэтому въ Кіевъ прибыли только два Француза, оба достойные люди: Александръ Ламетъ и графъ Эдуардъ Дилльонъ. Лафайетъ тоже объявилъ свое намѣреніе явиться ко двору Екатерины, но такъ какъ онъ былъ выбранъ въ члены собранія государственныхъ чиновъ, то и не могъ исполнить своего намѣренія. Императрица сожалѣла объ этомъ: она очень желала познакомиться съ нимъ. Императрица съ отличнымъ благоволеніемъ приняла Эдуарда Дилльона и особенно Александра Ламета. Умная, славолюбивая государыня любила покорять себѣ вниманіе людей, особенно достойныхъ такой побѣды; она знала, что люди, извѣстные по имени, достоинствамъ, подвигамъ, талантамъ, сочиненіямъ или успѣхамъ въ свѣтѣ, распространяютъ славу монарховъ, польстившихъ ихъ самолюбію. Разъ ей случилось очень забавно обмолвиться въ разговорѣ съ Ламетомъ. У нихъ какъ-то зашелъ разговоръ о дядѣ Ламета, маршалѣ де-Брольи (de-Broglie). Отдавъ справедливость подвигамъ и способностямъ этого извѣстнаго полководца, она сказала: «Да, мнѣ всегда было жаль за Французовъ, что этотъ знаменитый маршалъ, слава и украшеніе своего отечества, не имѣетъ дѣтей, которые наслѣдовали бы славу его имени и были бы также извѣстны въ лѣтописяхъ войны.» На это Ламетъ отвѣчалъ: «Замѣчаніе это было бы очень лестно для маршала, но къ счастью, оно ошибочно. Ваше величество имѣете о немъ невѣрныя свѣдѣнія: дядя мой также счастливъ въ женитьбѣ, какъ и на военномъ поприщѣ; у него большое семейство: онъ отецъ двадцати двухъ дѣтей.»

Въ Кіевѣ увидалъ я многихъ генераловъ, съ которыми не былъ знакомъ въ Петербургѣ, потому что они были постоянно на службѣ или жили въ своихъ помѣстьяхъ, въ удаленіи отъ двора. Двое изъ нихъ особенно меня поразили, одинъ живостью нрава, а другой странностью и оригинальностью, которою онъ обыкновенно прикрывалъ свои дарованія, возбуждавшія зависть

въ его соперникахъ. Первый былъ генералъ Каменскій [1]), человѣкъ живой, суровый, буйный и вспыльчивый. Одинъ Французъ, напуганный его гнѣвомъ и угрозами, пришелъ ко мнѣ искать себѣ убѣжища; онъ сказалъ мнѣ, что, опредѣлившись въ услуженіе къ Каменскому, онъ не могъ довольно нахвалиться его обхожденіемъ, покуда они были въ Петербургѣ, но что скоро господинъ увезъ его въ деревню, и тогда все перемѣнилось. Вдали отъ столицы образованный Русскій превратился въ дикаря; онъ обходился съ людьми своими, какъ съ невольниками, безпрестанно ругался, не платилъ жалованья и билъ за малѣйшій проступокъ иногда и тѣхъ, кто не былъ виноватъ. Нестерпѣвъ такого своеволія, Французъ убѣжалъ и пріѣхалъ въ Кіевъ; но и здѣсь клевреты генерала его преслѣдовали. Одинъ изъ нихъ, который былъ добродушнѣе прочихъ, предупредилъ его, что генералъ поклялся отдѣлать его хорошенько, если онъ попадется ему въ руки. Разсказъ этотъ возмутилъ меня. Я отправился къ его гонителю и объявилъ ему, что не потерплю такого обхожденія съ Французомъ. Мы горячо поспорили. Каменскій находилъ страннымъ, что я вмѣшиваюсь въ дѣла его слугъ и защищаю мерзавца, и объявилъ, что, не смотря на меня, раздѣлается съ нимъ. «Если такъ, генералъ, сказалъ я,—то я имѣю полное право взять вашу жертву подъ защиту. Я посланникъ и Французъ. Если вы рѣшительно не захотите дать мнѣ обѣщаніе прекратить преслѣдованіе человѣка свободнаго по законамъ своего отечества и съ которымъ вы не можете поступать, какъ съ рабомъ, то я, какъ посолъ, сейчасъ же иду жаловаться къ императрицѣ, а потомъ, какъ Французскій офицеръ, потребую отъ васъ удовлетворенія за обиды, которыя буду считать лично мнѣ нанесенными, потому что я беру этого человѣка подъ свое покровительство.

---

[1]) Каменскій, графъ Михаилъ Ѳедотовичъ, фельдмаршалъ, род. въ 1738 году; убитъ въ своей деревнѣ 12 августа 1809 года.

Частное столкновеніе со мною не устрашило бы генерала; но, боясь прогнѣвать императрицу, онъ усмирился. Онъ обѣщалъ исполнить мои требованія и мы разстались. По прошествіи многихъ лѣтъ, этотъ же самый Каменскій доказалъ мнѣ свое злопамятство самымъ грубымъ образомъ. Въ первую войну Французовъ съ Русскими,. завершенную славнымъ Тильзитскимъ миромъ, сынъ мой, генералъ Филиппъ Сегюръ, послѣ блистательнаго дѣла слишкомъ далеко погнался за отступавшимъ непріятелемъ, былъ окруженъ и схваченъ; его привели къ генералу Каменскому. Каменскій, спросилъ его имя, и хотѣлъ получить отъ него свѣдѣнія о положеніи и числѣ французскихъ армій. За его отказъ онъ отплатилъ ему самымъ неприличнымъ обращеніемъ. Онъ хотѣлъ заставить его пройти двадцать лье въ снѣгу по колѣна, не давъ ему времени оправиться и перевязать свои раны. Но русскіе офицеры, возмущенные жестокостію генерала, дали моему сыну кибитку, и чрезъ нѣсколько дней онъ пріѣхалъ въ главную квартиру Апраксина, который своею любезностью и внимательностью, заставилъ забыть дурное обращеніе мстительнаго москвитянина. Въ послѣдствіи мнѣ разсказывали, что этотъ же самый Каменскій, подъ старость нисколько не сталъ мягче и будто бы погибъ жертвою своей жестокости.

Генералъ Суворовъ въ другомъ отношеніи возбуждалъ мое любопытство. Своею отчаянною храбростью, ловкостью и усердіемъ, которое онъ возбуждалъ въ солдатахъ, онъ умѣлъ отличиться и выслужиться, хотя былъ не богатъ, не знатнаго рода и не имѣлъ связей. Онъ бралъ чины саблею. Гдѣ предстояло опасное дѣло, трудный или отважный подвигъ, начальники посылали Суворова. Но такъ какъ съ первыхъ шаговъ на пути славы онъ встрѣтилъ соперниковъ завистливыхъ и сильныхъ на столько, что они могли загородить ему дорогу, то и рѣшился прикрыть свои дарованія подъ личиною странности. Его подвиги были блистательны, мысли глубоки, дѣйствія быстры. Но

въ частной жизни, въ обществѣ, въ своихъ движеніяхъ, обращеніи и разговорѣ онъ являлся такимъ чудакомъ, даже можно сказать сумасбродомъ, что честолюбцы перестали бояться его, видѣли въ немъ полезное орудіе для исполненія своихъ замысловъ и не считали его способнымъ вредить и мѣшать имъ пользоваться почестями, вѣсомъ и могуществомъ. Суворовъ, почтительный къ своимъ начальникамъ, добрый къ солдатамъ, былъ гордъ, даже невѣжливъ и грубъ съ равными себѣ. Незнавшихъ его онъ поражалъ, закидывая ихъ своими частыми и быстрыми вопросами, какъ будто дѣлалъ имъ допросъ; такъ онъ знакомился съ людьми. Ему непріятно было, когда приходили въ замѣшательство; но онъ уважалъ тѣхъ, которые отвѣчали опредѣлительно, безъ запинокъ. Это я испыталъ, будучи еще въ Петербургѣ; я понравился ему моими лаконическими отвѣтами, и онъ не разъ у меня обѣдывалъ во время краткаго своего пребыванія въ столицѣ. Помнится мнѣ, что разъ я спросилъ его: Правда ли, что въ походахъ онъ почти не спитъ, принуждая себя къ тому даже безъ надобности, ложится не иначе какъ на солому и никогда не снимаетъ сапогъ. «Да, отвѣчалъ онъ, — я ненавижу лѣнь. Чтобы не разоспаться, я держу въ своей палаткѣ пѣтуха, и онъ безпрестанно будитъ меня; если я вздумаю иногда понѣжиться и полежать покойнѣе, то снимаю одну шпору.» Когда ему дали чинъ фелдмаршала, то онъ въ ознаменованіе этого событія, устроилъ престранную церемонію, въ присутствіи своихъ солдатъ. Онъ велѣлъ поставить вдоль стѣны столько стульевъ, сколько было генераловъ старше его по службѣ и, снявъ мундиръ, началъ перепрыгивать черезъ каждый стулъ, какъ школьники, играющіе въ чехарду; показавъ этимъ, что онъ обогналъ своихъ соперниковъ, онъ надѣлъ фельдмаршалскій мундиръ, со всѣми своими орденами, и съ важностью приказалъ священнику отслужить молебенъ. Разсказываютъ, что, получивъ отъ императора почетнѣйшій изъ австрійскихъ орденовъ,

онъ также самъ совершилъ свое посвященіе въ кавалеры его передъ огромнымъ зеркаломъ, съ самыми странными причудами. Извѣстно, что во время похода въ Швейцаріи, будучи принужденъ, по ошибкѣ Корсакова [1]), отступить отъ Массены, онъ приказалъ вырыть яму и, ставъ въ нее, закричалъ солдатамъ, что если они хотятъ бѣжать и не станутъ грудью противъ непріятеля, то пусть прежде зароютъ его и попрутъ прахъ его ногами. Въ бытность мою въ Россіи Суворовъ еще не достигъ высшихъ военныхъ чиновъ. Мы видѣли въ немъ славнаго воина, генерала, отважнаго въ арміи и весьма страннаго при дворѣ. Когда Суворовъ встрѣтился съ Ламетомъ, человѣкомъ не слишкомъ мягкаго нрава, то имѣлъ съ нимъ довольно забавный разговоръ, который я поэтому и привожу здѣсь: «Ваше отечество?» спросилъ Суворовъ отрывисто. «Франція.» «Ваше званіе?» «Солдатъ.» «Вашъ чинъ?» «Полковникъ.» «Имя?» «Александръ Ламетъ.» «Хорошо.» Ламетъ, не совсѣмъ довольный этимъ небольшимъ допросомъ, въ свою очередь обратился къ генералу, смотря на него пристально: «Какой вы націи?» «Должно быть Русскій.» «Ваше званіе?» «Солдатъ.» «Вашъ чинъ?» «Генералъ.» «Имя?» «Александръ Суворовъ.» «Хорошо.» Оба расхохотались и съ тѣхъ поръ были очень хороши между собою.

Князь Потемкинъ постоянно почти находился въ отсутствіи, занятый приготовленіями великолѣпнаго зрѣлища, которое намѣревался представить взорамъ своей государыни при вступленіи ея въ области, ему подчиненныя. Даже заочно не смѣли гласно осуждать его; лишь тайкомъ безсильная зависть подкапывалась подъ его славу. Порою до слуха императрицы доходили легкія жалобы и намеки на своевольное управленіе, гордость и несправедливость могущественнаго любимца. Одинъ только фельд-

---

[1]) Александръ Михайловичъ Римскій-Корсаковъ, генералъ отъ инфантеріи, род. 13 авг. 1753 г., ум. 13 мая 1840 г.

маршалъ Румянцевъ высказывалъ прямо и благородно свое мнѣніе и свое неудовольствіе. Скоро князь пріѣхалъ. Тогда снова послышались однѣ похвалы, снова стали оказывать ему однѣ почести, съ самою усердною лестью. Вмѣстѣ съ нимъ прибылъ и принцъ Нассау-Зигенъ, и мы встрѣтились, какъ старые товарищи по службѣ. Я представилъ его императрицѣ, и онъ благодарилъ ее за подаренную ему землю въ Крыму и за дозволеніе выставить русскій флагъ на своихъ судахъ. Ея величество пригласила его путешествовать съ нею. Въ ожиданіи разрѣшенія отъ моего двора, я уполномочилъ его носить мундиръ, присвоенный русскимъ дворянамъ. Наконецъ и князь де-Линь возвратился изъ Вѣны. Своимъ присутствіемъ онъ оживилъ все наше общество, разсѣялъ скуку и придалъ жизни всѣмъ нашимъ увеселеніямъ. Тогда намъ стало казаться, что жестокая стужа не такъ сильна, и что скоро пробудится веселая весна.

Разъ или два въ недѣлю императрица имѣла собраніе при дворѣ и давала большой балъ или прекрасный концертъ. Въ прочіе дни столъ ея накрывался на восемь или на десять приборовъ. Трое пословъ, ее сопровождавшихъ, были ея постоянными гостями, также князь де-Линь и иногда принцъ Нассау. Вечера мы всегда проводили у нея; въ это время она не терпѣла принужденія и этикета; мы видѣли не императрицу, а просто любезную женщину. На этихъ вечерахъ разсказывали, играли въ билліардъ, разсуждали объ литературѣ. Однажды государынѣ вздумалось учиться писать стихи. Цѣлые восемь дней я объяснялъ ей правила стихосложенія. Но когда дошло до дѣла, то мы замѣтили, что совершенно напрасно теряли время. Нѣтъ, я думаю, слуха, столько нечувствительнаго къ созвучію стиха. Умъ ея, обширный въ политикѣ, не находилъ образовъ для воплощенія мечты. Онъ не выдерживалъ утомительнаго труда прилаживать рифмы и стихи. Она увѣряла, что попытки ея въ этомъ родѣ будутъ также неудачны, какъ попытки славнаго Ма-

лебранца, который говорилъ, что сколько ни старался,—не могъ сочинить болѣе двухъ стиховъ:

Il fait le plus beau temps du monde
Pour aller à cheval, sur la terre et sur l'onde [1]).

Безуспѣшность этихъ опытовъ, казалось, раздосадовала государыню. Фитцъ-Гербертъ сказалъ ей: «Что же дѣлать! Нельзя же въ одно время достигнуть всѣхъ родовъ славы, и вамъ должно довольствоваться вашимъ двустишіемъ, посвященнымъ вашей собакѣ и вашему доктору:

Ci-gît la duchesse Anderson,
Qui mordit Monsieur Rogerson [2]).

И такъ я отказался отъ этихъ уроковъ поэзіи и объявилъ августѣйшей моей ученицѣ, что ей надо ограничиться одной прозою.

Князь де-Линь не допускалъ, чтобы скука хоть на минуту водворилась въ нашемъ маленькомъ кружкѣ. Онъ безпрестанно разсказывалъ разные забавные анекдоты и сочинялъ на разные случаи пѣсеньки и мадригалы. Пользуясь исключительнымъ правомъ говорить, что ему вздумается, онъ вмѣшивалъ политику въ свои загадки и разсказы. Хотя веселье его доходило иногда до дурачества, но порой, подъ видомъ шутки, онъ высказывалъ дѣльныя и колкія истины. Онъ былъ привычный царедворецъ, разсчетливый льстецъ, добръ сердцемъ, мудрецъ умомъ. Его насмѣшки забавляли, но никогда не оскорбляли. Однажды онъ презабавно подшутилъ надо мною и Кобенцелемъ. Страдая вмѣстѣ съ нами легкою лихорадкою, онъ какъ-то вздумалъ укорять насъ, что мы

---

[1]) „Теперь отличная погода, чтобы ѣздить верхомъ и по землѣ, и по водѣ."

[2]) „Здѣсь похоронена герцогиня Андерсонъ (любимая собачка императрицы), укусившая господина Роджерсона." — Роджерсонъ, Иванъ Самойловичь, лейбъ-медикъ императрицы.

*

напрасно не лѣчимся, и что мы ужасно перемѣнились въ лицѣ, жалѣлъ о насъ и наконецъ объявилъ, что рѣшится показать намъ примѣръ, будетъ лѣчиться и употребитъ всѣ средства, чтобы поскорѣе выздоровѣть и быть въ состояніи продолжать путь. Убѣжденный его доводами Кобенцель, у котораго болѣло горло, пустилъ себѣ кровь; я также принялъ какія-то лѣкарства. Нѣсколько дней спустя, мы сошлись у императрицы, и она сказала князю: «У васъ сегодня совсѣмъ здоровый видъ; я думала, что вы больны. Былъ у васъ мой докторъ?» «О, государыня, мои болѣзни не бываютъ продолжительны, у меня есть особенное средство лѣчиться. Какъ только я занемогу, я тотчасъ обращаюсь къ своимъ двумъ друзьямъ: пущу кровь Кобенцелю, а Сегюру даю слабительнаго, и послѣ этого я здоровъ.»

Императрица похвалила его средство, намѣревалась его испробовать и вдоволь посмѣялась надъ нашею покорностью.

Общество въ Кіевѣ представляло три различныя картины. У императрицы можно было видѣть то великолѣпнѣйшій дворъ, то самый тѣсный кружокъ. Домъ, гдѣ жили Кобенцель, Фитцъ-Гербертъ и я, и гдѣ мы принимали и Русскихъ, и иностранцевъ, принялъ видъ какой-нибудь европейской кофейни, которая была всегда полна, и въ которой сходились разноплеменные люди; здѣсь раздавалась рѣчь на различныхъ языкахъ, и употреблялись блюда, фрукты и вины разныхъ странъ. Время проходило въ общей бесѣдѣ или въ частныхъ толкахъ о разныхъ предметахъ отъ важнѣйшихъ до самыхъ обыкновенныхъ. Напротивъ того, если кто подымался въ Печерскій монастырь, чтобы посѣтить Потемкина, который тамъ расположился, то подумалъ бы, что онъ присутствуетъ при аудіенціи визиря въ Константинополѣ, Багдадѣ или Каирѣ. Тамъ господствовало молчаніе и какой-то страхъ. По врожденной-ли склонности къ нѣгѣ, или изъ притворнаго высокомѣрія, которое онъ считалъ умѣстнымъ обнаруживать, этотъ могущественный и прихотливый лю-

бимецъ Екатерины, изрѣдка показываясь въ фельдмаршалскомъ мундирѣ, покрытомъ орденами съ бриліантами, весь въ шитьѣ и галунахъ, расчесанный, напудренный, чаще всего ходилъ въ халатѣ на мѣху, съ открытой шеей, въ широкихъ туфляхъ, съ распущенными и не чесанными волосами; обыкновенно онъ лежалъ развалясь на широкомъ диванѣ, окруженный множествомъ офицеровъ и значительнѣйшими сановниками имперіи; рѣдко приглашалъ онъ кого нибудь садиться и почти всегда усердно игралъ въ шахматы, а потому не считалъ себя обязаннымъ обращать вниманіе на Русскихъ или иностранцевъ, которые посѣщали его.

Я зналъ всѣ эти странности. Но такъ какъ большая часть изъ присутствовавшихъ не знали объ искренней взаимности, которая водворилась между нами, то, признаюсь, мое самолюбіе иногда страдало, когда мнѣ приходило на мысль, что иностранцы увидятъ посла французскаго короля принужденнымъ подчиняться, вмѣстѣ съ прочими, высокомѣрію и причудамъ Потемкина. Но, чтобы не возбудить ложныхъ толковъ, я поступилъ слѣдующимъ образомъ: когда я пріѣхалъ къ нему, и обо мнѣ доложили, я вошелъ и, видя, что князь сидитъ за шахматами, не удостоивая меня взглядомъ, я прямо подошелъ къ нему, обѣими руками взялъ и приподнялъ его голову, поцѣловалъ его и по просту сѣлъ подлѣ него на диванъ. Эта фамиліарность немного удивила зрителей; но такъ какъ Потемкину она не показалась неумѣстною, то всѣ поняли мои отношенія къ нему. Изъ уваженія ли ко мнѣ, или къ достоинствамъ Ламета и Дильона, которыхъ ему расхвалили, онъ принялъ ихъ довольно любезно и вѣжливо.

Вскорѣ послѣ того прибылъ въ Кіевъ одинъ Испанецъ, котораго имя въ послѣдствіи получило жалкую извѣстность въ политическомъ мірѣ; онъ назывался *Миранда*. Это былъ человѣкъ образованный, умный, вкрадчивый и смѣлый. Рожденный въ

Америкѣ, онъ былъ въ родственныхъ отношеніяхъ съ семействомъ Аристегитта, которое я узналъ въ бытность мою въ Каракасѣ, и о которомъ упоминалъ въ началѣ записокъ. Во время войны [1]) испанское правительство открыло, что Миранда, измѣнивъ своему долгу, передалъ англійскимъ адмираламъ планы и карты Кубы и другихъ испанскихъ колоній. Его хотѣли захватить; онъ убѣжалъ, но былъ лишенъ чиновъ и преслѣдуемъ испанскими властями. Онъ получалъ отъ Англичанъ жалованье, бродилъ по Европѣ, замышляя отмщеніе за неудачу своихъ честолюбивыхъ плановъ и выжидая удобнаго случая, чтобы возвратиться въ Каракасъ и возбудить тамъ возстаніе. Я тогда не зналъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ. Но такъ какъ Миранда явился ко мнѣ безъ всякихъ рекомендательныхъ писемъ, то я отказался представить его императрицѣ. Однако это его не остановило. Въ Константинополѣ онъ познакомился съ принцемъ Нассау, который ввелъ его къ Потемкину; очаровавъ послѣдняго умомъ своимъ, онъ черезъ него добился тайной аудіенціи у императрицы.

Явясь предъ государыней, онъ прикинулся угнетеннымъ философомъ, жертвою инквизиціи и успѣлъ снискать ея вниманіе, такъ что, когда онъ уѣхалъ въ Петербургъ, императрица приказала своему вице-канцлеру принять его достойнымъ образомъ, какъ человѣка, котораго она уважаетъ. Изъ дальнѣйшаго разсказа видно будетъ, сколько хлопотъ доставило мнѣ его присутствіе по возвращеніи моемъ въ столицу.

Въ тѣ дни, въ которые князь Потемкинъ не принималъ гостей или, лучше сказать, не разыгрывалъ роль азіятскаго владыки, я любилъ бывать у него по домашнему, видѣть его, окруженнаго любезными племянницами и друзьями. Это былъ дру-

---

[1]) За независимость Американскихъ штатовъ, когда Испанія вмѣстѣ съ Франціею дѣйствовали противъ Англіи.

гой человѣкъ, правда, всегда причудливый, но остроумный и умѣвшій всегда придать занимательность разговорамъ самымъ разнообразнымъ.

Правила русскихъ таможенъ были тогда чрезвычайно стѣснительны, строги и соблюдались съ чрезмѣрной точностью. Даже посланники принуждены были давать курьерамъ своимъ посылки опредѣленной величины, чтобы ни подъ какимъ видомъ, вмѣстѣ съ депешами, не замѣшались какіе-либо запрещенные товары. Но тѣ, которые писали законы и должны были наблюдать за исполненіемъ ихъ, чаще другихъ ихъ нарушали. Привожу для доказательства слѣдующій, довольно странный случай. Когда мой камердинеръ Евраръ, котораго я послалъ курьеромъ въ Версаль съ подписаннымъ торговымъ договоромъ, возвратился съ этимъ актомъ, ратификованнымъ моимъ дворомъ, то русское правительство, зная, что онъ везетъ подарки короля русскимъ министрамъ, дало приказаніе пограничной таможнѣ пропустить его безъ осмотра. Зная объ этомъ распоряженіи, онъ воспользовался имъ и, безъ моего вѣдома, пріѣхалъ въ Кіевъ въ каретѣ, набитой кружевами и разными запрещенными вещами. Разъ, завтракаю я у Потемкина съ его племянницами и нѣсколькими посторонними лицами и вдругъ замѣчаю, что нѣкоторые изъ присутствующихъ безпрестанно уходятъ въ сосѣднюю комнату и тщательно притворяютъ за собою двери. Всякой разъ, какъ я пытался тоже войти туда, одна изъ племянницъ князя задерживала меня подъ какимъ-либо предлогомъ. Это еще болѣе подстрекало мое любопытство; я при удобномъ случаѣ ускользнулъ, поспѣшно отворилъ дверь и увидѣлъ на большомъ столѣ, окруженномъ любопытными и покупателями, цѣлую огромную кучу разныхъ запрещенныхъ товаровъ, которые мой камердинеръ показывалъ, всячески выхваляя ихъ достоинство и объявляя цѣну. Мое появленіе поразило всѣхъ. Князь, любопытные зрители, покупатели, всѣ бы-

ли виновны и пойманы на дѣлѣ. Мой торговецъ, озадаченный, началъ поскорѣе сбирать свои вещи. Я принялъ на себя гнѣвный видъ, выбранилъ контрабандиста и объявилъ ему, что отказываю ему отъ мѣста. Напрасно дамы старались меня уговорить и упрашивали простить его; я цѣлый часъ крѣпился, но наконецъ долженъ былъ уступить, когда самъ князь, первый министръ, просилъ у меня помилованія виновнаго. «Что же дѣлать, сказалъ я,—когда, къ удивленію моему, вы сами въ числѣ виновниковъ и укрывателей?»

Среди всѣхъ этихъ веселыхъ собраній, праздниковъ, баловъ, забавъ, торжествъ, политика не оставалась въ бездѣйствіи, и со стороны Константинополя поднималась буря, предвѣстница тѣхъ, которыя почти цѣлые тридцать лѣтъ волновали и тревожили Европу. Всѣ тогдашніе политики боялись, чтобы разрывъ Россіи съ Портою, возбудивъ соперничество прочихъ державъ, не произвелъ всеобщей европейской войны. Въ самомъ дѣлѣ, казалось ясно, что если императоръ и императрица попытаются нарушить политическое равновѣсіе и увеличить свои государства обширными турецкими владѣніями въ Европѣ, то Франція, Пруссія и Швеція всѣми силами воспротивятся этимъ завоеваніямъ, даже если бы Англія соединилась съ двумя имперіями въ надеждѣ воспользоваться этимъ переворотомъ и овладѣть Архипелагомъ.

Уму человѣческому не суждено предвидѣть происшествій самыхъ близкихъ. Въ то время никто не думалъ о послѣдствіяхъ легкихъ смутъ, тогда волновавшихъ Францію. Всѣ, напротивъ того, полагали, что ея внутреннія безпокойства, происшедшія отъ дурного состоянія финансовъ, ослабятъ вѣсъ ея въ европейскихъ дѣлахъ, такъ что всѣхъ тревожилъ одинъ лишь Востокъ. Дворъ Екатерины становился средоточіемъ политики; къ нему обращены были взоры всѣхъ государственныхъ людей. Екатерина II, при всей проницательности своего ума, жестоко оши-

балась тогда на счетъ положенія французскаго правительства, которому предвѣщала она славу и счастіе.

Въ Кіевѣ получилъ я послѣднее письмо отъ Верження. Онъ поручалъ мнѣ сообщить императрицѣ рѣшеніе короля собрать государственные чины всего королевства. Узнавъ объ этомъ, императрица выразила мнѣ свое удовольствіе и съ увлеченіемъ выхваляла эту мѣру; она видѣла въ ней несомнѣнный залогъ будущаго возстановленія нашихъ финансовъ и учрежденія общественнаго порядка. «Я, право, не нахожу довольно словъ, сказала она,—чтобы похвалить молодого короля, который для Франціи является достойнымъ соперникомъ Генриха IV.» Всѣ иностранцы, находившіеся въ Кіевѣ, какой бы націи они ни были, поздравляли меня по этому случаю. Чувство человѣколюбія, благородство мысли, желаніе искоренить злоупотребленія и предразсудки, ослабить самовластіе и достигнуть свободы, которая въ собственномъ смыслѣ есть справедливость, тайно волновали тогда всѣ души, окрыляли всѣ умы, оживляли всѣ сердца. Для личныхъ побужденій тогда еще не предвидилось ударовъ, ихъ ожидавшихъ въ послѣдствіи, и только одно общее благо было въ виду и на умѣ у каждаго. Счастливые дни, которые миновались на всегда! Какія благородныя мечтанія лелѣяли насъ въ ту пору нашей неопытности! И для чего взрывъ страстей и ярость духа партій съ той поры изсушили души, отравили самыя естественныя чувства и далеко отдалили благополучіе, къ которому мы всѣ, казалось, стремились, такъ согласно озаренные свѣточами разума и истины, вскорѣ превратившимися въ факелы раздора. Я тогда чистосердечно раздѣлялъ блестящія надежды большей части моихъ современниковъ и не понималъ темныхъ предчувствій, которыя созваніе членовъ внушало моему отцу. Въ письмахъ своихъ онъ говорилъ мнѣ о грядущихъ несчастіяхъ и о переворотахъ, почти неизбѣжныхъ. Онъ писалъ мнѣ: «Когда король пожелалъ узнать мое мнѣніе о намѣреніи со-

звать выборныхъ изъ народа, я посовѣтовалъ ему обсудить хорошенько всѣ возможныя послѣдствія такой мѣры; потому что въ настоящихъ обстоятельствахъ, при всеобщемъ волненіи умовъ, созваніе чиновъ можетъ послужить подготовкою къ народному сейму, а кто могъ взвѣсить послѣдствія этого?» Происшествія оправдали предсказанія стараго министра. Но тогда они показались мнѣ внушенными духомъ старины и предразсудковъ, который противился всякимъ нововведеніямъ, даже полезнымъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого я узналъ о смерти графа Верженнія: это было несчастіе для Франціи и, можно сказать, потеря для всей Европы, на которую онъ оказывалъ благотворное вліяніе духомъ согласія, дальновидностью и благоразуміемъ. Графъ Монморенъ, заступившій его мѣсто, въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ изъявилъ мнѣ благоволеніе короля къ моей дѣятельности въ Россіи. Его величество поручилъ ему сказать мнѣ, что онъ доволенъ мною во всѣхъ отношеніяхъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ было предписано употребить всевозможныя старанія, чтобы развѣдать причины важныхъ недоразумѣній, возникшихъ въ Константинополѣ между Шуазелемъ и Булгаковымъ по поводу новыхъ споровъ, которые могли причинить войну, не смотря на всѣ наши старанія. Въ тоже время Шуазель писалъ мнѣ, что Булгаковъ грозилъ турецкому министерству, безумно разжигая раздоръ, прекращенный нашимъ посредничествомъ, и притомъ еще не сообщалъ французскому послу извѣстій о своихъ дѣйствіяхъ. Я зналъ, что Шуазель обыкновенно видѣлъ во всемъ только дурную сторону и часто тревожился напрасно. Но въ этомъ случаѣ его жалобы были основательны. Онъ въ этихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ велъ себя съ достоинствомъ, ловко и благоразумно. Его объясненія были скромны и благородны; онъ высказывалъ свои мнѣнія дивану рѣшительно и вмѣстѣ съ тѣмъ осторожно. Дѣйствуя такимъ образомъ, онъ не устранялъ возможности примиренія въ

случаѣ искренности со стороны Русскихъ. Если же Россія захотѣла разрыва, то онъ уничтожалъ всякій основательный предлогъ къ начатію войны, и въ слѣдствіе этого несправедливыя притязанія высказались бы ясно, во всей ихъ постыдной наготѣ.

Мое положеніе становилось щекотливо. Съ одной стороны, будучи въ свитѣ и въ близкихъ сношеніяхъ съ императрицей, едва заключивъ выгодный торговый трактатъ съ ея министрами, я легко могъ навлечь на себя подозрѣніе въ потворствѣ выгодамъ Россіи, повидимому жертвуя для нея долгомъ изъ чувства благодарности. Съ другой стороны, я долженъ былъ избѣгать увлеченія въ разговорахъ, чтобы не оскорбить чѣмъ нибудь гордости Русскихъ и не выйти изъ роли миротворителя, которую мнѣ задали. Наконецъ, мнѣ надобно было пользоваться временемъ, не дожидаясь наставленій моего двора; дѣло было спѣшное: молчаніе или медленность могла повредить ему. Побуждаемый такими обязанностями къ мѣрамъ рѣшительнымъ, каковы бы ни были послѣдствія ихъ, я избралъ тѣ, которыя мнѣ казались сообразными съ достоинствомъ моего монарха и моего отечества. По этому, испрося совѣщанія съ графомъ Безбородкомъ, завѣдывавшимъ иностранными дѣлами, я объявилъ ему рѣшительно, что король не можетъ остаться равнодушнымъ, когда русское правительство, испрося нашего посредничества, помощію котораго оно достигло удовлетворенія всѣхъ своихъ требованій, вдругъ, не извѣстивъ насъ, начинаетъ снова прежній споръ и слѣдовательно не ставить ни во что недавній, формальный договоръ, утвержденный подписью ея величества. Я между прочимъ напомнилъ также о данномъ мнѣ положительномъ обѣщаніи, что русское правительство не будетъ требовать отъ Порты торжественнаго признанія правъ императрицы на Грузію. Я сказалъ, что требовать этого признанія теперь, безъ особеннаго предлога и безъ нашего вѣдома, значитъ—поступать наперекоръ пріязни, существующей между двумя государями, и что я при-

писываю это дѣйствіе одной неблагоразумной поспѣшности Булгакова, который, вѣроятно, не понялъ или нарушилъ свою обязанность. Наконецъ, я объявилъ, что буду ждать рѣшительнаго отвѣта, чтобы разсѣять сомнѣнія короля на счетъ этого непредвидѣннаго происшествія.

Въ отвѣтъ на это русскій министръ сказалъ мнѣ вотъ что: «Императрица готова повторить королю увѣреніе въ своей дружбѣ. Она осталась совершенно довольна договоромъ, заключеннымъ въ Константинополѣ при посредничествѣ его величества, и требуетъ только его исполненія, напрасно и давно ею ожидаемаго. Порта, вмѣсто того, чтобы, по обѣщанію своему, послать ахалцихскому пашѣ фирманъ, приказала ему вступить въ переговоры съ грузинскимъ царемъ Иракліемъ, котораго продолжаетъ называть своимъ данникомъ. Она обѣщаетъ Ираклію свое покровительство и защиту отъ Лезгинъ, а между тѣмъ позволяетъ ему держать въ своихъ владѣніяхъ лишь небольшой отрядъ русскихъ войскъ, да и то совѣтуетъ ему отдать ихъ въ распоряженіе турецкимъ властямъ. Ираклій, недовольный этими стѣсненіями, прекратилъ всякіе переговоры съ Турціею и извѣстилъ насъ о своихъ дѣйствіяхъ. Въ слѣдствіе того Булгакову повелѣно было, не посылая оффиціальной ноты, жаловаться словесно и ускорить отсылку фирмана къ пашѣ, соотвѣтственно договору. Императрица ни въ какомъ случаѣ не уступитъ правъ своихъ на Грузію, хотя и запретила Булгакову требовать формальнаго признанія зависимости этой области отъ Россіи. Что же касается Закубанскихъ Татаръ, которые безпрестанно дѣлаютъ набѣги на наши владѣнія, то мы весьма скромно говоримъ Туркамъ: «Если это—ваши подданные, то накажите ихъ; если нѣтъ, то предоставьте намъ съ ними справиться». Порта получила разрѣшеніе взять изъ Крыма соли на продовольствіе 100,000 человѣкъ; она забираетъ на цѣлый милліонъ. Запорожскіе казаки, поселенные на земляхъ султана, должны

были оставаться за Бугомъ, а имъ дозволили селиться близъ Очакова. Впрочемъ послѣднія два обстоятельства могутъ быть устранены частными сдѣлками съ турецкими властями и не послужатъ поводомъ къ обоюднымъ несогласіямъ. Что касается до Булгакова, то онъ получитъ приказаніе оказывать должное вниманіе къ французскому послу, и если онъ нарушитъ долгъ свой, то я его извѣщу о неудовольствіи императрицы.»

Въ слѣдъ за тѣмъ я узналъ, что настоящею причиною этихъ внезапныхъ недоразумѣній съ обѣихъ сторонъ была неоткровенность во взаимныхъ отношеніяхъ. Турки точно старались увернуться отъ исполненія своихъ обѣщаній относительно фирмана.

Русское министерство, осторожное въ своихъ инструкціяхъ, приказало Булгакову только жаловаться словесно и въ умѣренныхъ выраженіяхъ. Но въ тоже время посолъ получалъ другого рода наставленіе отъ Потемкина, который въ тайнѣ желалъ войны. Онъ надѣялся предводительствовать войскомъ и имѣть такимъ образомъ возможность получить георгіевскую ленту, которой одной только не доставало, чтобы удовлетворить его тщеславію.

Боялся ли Булгаковъ могущественнаго министра, или думалъ исполнить тайные замыслы императрицы, но онъ послѣдовалъ увѣщаніямъ Потемкина, увлекся, принялъ грозный и высокомѣрный тонъ. Наконецъ, боясь сопротивленія со стороны нашего посла, Булгаковъ, скрывая отъ него свои дѣйствія, отъ пустыхъ переговоровъ дошелъ до важнаго спора, который усиливался при дѣятельныхъ интригахъ со стороны Англіи и Пруссіи. Эти двѣ державы, недовольныя торговымъ договоромъ, который я заключилъ между Франціею и Россіею, представили его турецкому правительству, какъ одно изъ слѣдствій союза противъ него.

Но до самой крайности эти раздоры довели огромныя массы войскъ, которыя князь Потемкинъ подвинулъ къ Черному

морю, желая будто бы придать тѣмъ болѣе величія и пышности зрѣлищу, представленному Европѣ въ видѣ торжественнаго поѣзда императрицы. Султанъ съ явнымъ безпокойствомъ замѣчалъ, что пограничныя русскія области полны пѣхотой и конницей и снабжены артиллеріею, что войска эти превосходно обмундированы, что заготовленъ огромный запасъ денегъ и продовольствія, и что все было готово къ началу войны и взятію Очакова при первомъ знакѣ, поданномъ Екатериною. Впрочемъ мое усердное вмѣшательство послужило въ пользу: мнѣ дали оправданія. Къ тому же австрійскій императоръ, казалось, не одобрялъ разрыва съ Портою. Пруссія и Англія ясно выражали свое сопротивленіе честолюбивымъ видамъ Россіи. По всему видно было, что императрица, будучи благоразумнѣе своего перваго министра, въ то время не желала войны и отложила до другого времени исполненіе своего задушевнаго и обширнаго предпріятія, котораго цѣлью было не покореніе Константинополя, но созданіе греческой державы изъ завоеванныхъ областей, съ присоединеніемъ Молдавіи и Валахіи для того, чтобы возвести на новый престолъ великаго князя Константина.

Какъ бы то ни было, но Екатерина, при первомъ свиданіи съ Потемкинымъ, съ такою живостью укоряла его за поспѣшность, что онъ счелъ за должное извиниться передо мною. «Я согласенъ, сказалъ онъ мнѣ,—что, при первомъ извѣстіи о переговорахъ Турокъ съ Ираклiемъ и о набѣгѣ Татаръ, которые побили до 300 нашихъ казаковъ,—я, можетъ быть, увлекся въ минуту негодованія и ввелъ Булгакова въ ошибку, пославъ ему слишкомъ рѣшительныя предписанія. Впрочемъ, могу васъ увѣрить, что нашъ посланникъ, не увѣдомивъ о своихъ дѣйствіяхъ г. Шуазеля, поступилъ несообразно съ моими наставленіями, и я уже писалъ ему, чтобы онъ поправилъ свою ошибку и не утаивалъ бы ничего отъ вашего посланника.»

Я немедленно увѣдомилъ Шуазеля объ этихъ заявленіяхъ;

вмѣстѣ съ тѣмъ я извѣстилъ его о дѣятельныхъ вооруженіяхъ русскихъ войскъ въ Херсонѣ и Севастополѣ. «Не смотря на склонность къ миру, въ чемъ меня увѣряютъ, писалъ я ему,— опасности, грозящія Оттоманской имперіи, увеличиваются. Кажется, нельзя ей предвѣщать спокойствія болѣе году. Дѣйствуя политично и справедливо, мы должны разсѣять недовѣрчивость, внушенную Туркамъ нашими врагами. Намъ не слѣдуетъ успокоивать ихъ въ то время, когда Русскіе такъ грозно укрѣпляются въ ихъ сосѣдствѣ на Черномъ морѣ, но должно посовѣтывать имъ также стать въ оборонительное положеніе и принять грозный видъ.»

Съ нѣкотораго времени въ политикѣ императора замѣтна была видимая перемѣна. Вовсе не отвѣчая видамъ Екатерины II, его союзницы, онъ приказалъ графу Кобенцелю соединиться со мною и помогать мнѣ въ моихъ попыткахъ отдалить русское правительство отъ опаснаго намѣренія его вторгнуться въ предѣлы Турціи. Императоръ поступилъ въ этомъ случаѣ чистосердечно. Впрочемъ, по многимъ причинамъ я полагалъ, что если онъ не соглашался на совершенное изгнаніе Турокъ и взятіе Константинополя, онъ однакоже не воспрепятствовалъ бы Екатеринѣ занять Очаковъ и Аккерманъ и такимъ образомъ безъ затрудненія овладѣть торговлею Чернаго моря и устьями Днѣпра и Днѣстра.

Мнѣніе Шуазеля на этотъ счетъ совершенно сходилось съ моимъ, и онъ старался оживить сонливыхъ Турокъ, побуждалъ ихъ снаряжать флотъ, усилить крѣпости, послать войска къ Дунаю и наконецъ совѣтовалъ имъ отвѣтить на угрозы Булгакова въ умѣренныхъ, но прямыхъ и рѣшительныхъ выраженіяхъ.

Переговоры по поводу фирмана, Татаръ и Запорожцевъ шли своимъ чередомъ. Императрица, вновь сообщивъ мнѣ свои жалобы на Порту, объявила мнѣ, что, жертвуя всѣмъ для достиженія мира, она намѣрена оставить въ покоѣ Турокъ за ихъ

переговоры съ Ираклiемъ и будетъ терпѣливо ждать, пока Порта сама сознаетъ неприличiе и несправедливость ея отказа исполнить договоръ, заключенный и скрѣпленный при посредничествѣ Францiи.

Всѣ эти увѣренiя, равно какъ и дѣйствiя Австрiи, могли бы совершенно успокоить меня при другихъ обстоятельствахъ. Но нельзя было полагаться на будущее въ государствѣ, гдѣ первый министръ имѣлъ столько силы и смѣлости, что могъ предписывать враждебный образъ дѣйствiй послу, могъ подвигать войска въ Польшу и снова возвращать ихъ по своему усмотрѣнiю, не дожидаясь разрѣшенiя Государыни и не извѣщая о томъ другихъ министровъ.

Между тѣмъ я получилъ отъ моего двора депешу, въ которой мнѣ предписывался именно тотъ образъ дѣйствiя, какой я употребилъ по случаю турецкихъ дѣлъ. Вскорѣ послѣ того Монморенъ, по приказанiю короля, выразилъ мнѣ его благоволенiе за то, что я отгадалъ ихъ намѣренiя въ такихъ щекотливыхъ обстоятельствахъ.

Князь Потемкинъ, которому не нравилось поведенiе мое и Кобенцеля, не могъ болѣе удержаться и высказалъ мнѣ свое неудовольствiе. «Стало быть рѣшено, сказалъ онъ, что ваша нацiя, самая образованная въ мiрѣ, будетъ всегда защитницею изувѣровъ и невѣждъ. И все это подъ предлогомъ торговыхъ выгодъ, которыя могли бы быть вполнѣ замѣнены для васъ прiобрѣтенiями въ Архипелагѣ. Вся Европа въ правѣ обвинять Францiю, которая упорно охраняетъ въ нѣдрахъ ея варварство и чуму.»

Я всегда затруднялся опровергать это мнѣнiе, которое не могъ не оправдывать внутренно. Но, чтобы исполнить долгъ свой, я отвѣчалъ, что Потемкинъ, какъ человѣкъ просвѣщенный, можетъ лучше другого понять и оцѣнить причины, по которымъ французскiй король, видя свое государство цвѣтущимъ, спокойнымъ

и сильнымъ, не можетъ не желать сохраненія всеобщаго мира Европы. «Надежды на пріобрѣтенія, продолжалъ я,—которыхъ выгоды болѣе мнимыя, нежели дѣйствительныя, не заставятъ его рѣшиться возмутить благоденствіе его подданныхъ и общественное спокойствіе, захватить владѣнія давняго своего союзника, наконецъ возобновить времена крестовыхъ походовъ, и все это для того, чтобы произвести дѣлежъ, который возбудилъ бы честолюбіе, алчность и зависть прочихъ державъ. Европа сдѣлалась бы тогда позорищемъ всеобщей войны, которая, подобно тридцатилѣтней, длилась бы долго и разрушительно.»

Почти въ это же время Фитцъ-Гербертъ получилъ депеши отъ лондонскаго кабинета, который отказывался подписать окончательный договорный актъ, посланный русскимъ правительствомъ. Съ тѣхъ поръ переговоры о возобновленіи торговаго договора между Англіею и Россіею были окончательно прерваны. Между тѣмъ произошелъ обмѣнъ подписанныхъ обоими государями актовъ договора, который я заключилъ незадолго предъ тѣмъ. Каждый изъ русскихъ уполномоченныхъ получилъ отъ короля по 40,000 франковъ и портретъ его величества, осыпанный бриллiантами и стоившій почти тоже; русская и французская канцеляріи получили каждая по 1,000 червонцевъ. Мнѣ императрица тоже подарила свой портретъ, осыпанный бриллiантами, прекрасные мѣха и 40,000 франковъ. Такъ какъ вскорѣ послѣ того ее написали въ охотничьемъ нарядѣ, она мнѣ дала другой портретъ, отличавшійся бо̀льшимъ сходствомъ.

Сообразно съ полученными мною приказаніями, я выразилъ императрицѣ удовольствіе короля по случаю заключенія дружественныхъ связей съ ея величествомъ. «Король, сказалъ я,—желаетъ усилить и утвердить довѣренность, залогомъ которой служитъ этотъ договоръ, желаетъ скрѣпить болѣе и болѣе этотъ союзъ, столь полезный для спокойствія Европы, въ увѣренности,

что равновѣсіе ея удобно можетъ быть поддержано двумя великими державами, которыя въ настоящихъ обстоятельствахъ должны быть руководимы одинакими цѣлями.»

Отвѣтъ императрицы былъ любезенъ, обязателенъ и совершенно сообразенъ моимъ миролюбивымъ ожиданіямъ. Но недостаточно было утвержденіе торговаго договора. Нужно было привести его въ дѣйствіе. Я совѣтовалъ Монморену условиться съ государственнымъ контролеромъ, какими способами можно было бы поощрить водвореніе французскихъ торговыхъ домовъ въ русскихъ портахъ. Это было дѣло необходимое, безъ котораго весь договоръ становился безполезнымъ. При этомъ я напомнилъ Монморену о благоразумномъ устройствѣ англійскихъ факторій. Для поощренія нашего мореплаванія на Черномъ морѣ я предлагалъ сбавить нѣкоторыя взысканія и пошлины, которымъ подлежатъ и наши суда, тогда какъ ими слѣдовало обложить только суда иностранныя. Я требовалъ также заведенія въ нашихъ портовыхъ городахъ школъ для обученія языкамъ англійскому и нѣмецкому, чтобы наши купцы не были принуждены предпочитать наемныя арматорскія суда Англичанъ, Голландцевъ и Гамбургцевъ своимъ. Эти предостереженія и совѣты были однако напрасны. Волненіе во Франціи было тогда уже слишкомъ сильно, и наши министры исключительно занялись мѣрами предупрежденія переворота, котораго приближеніе они предчувствовали. Чѣмъ болѣе страшились смутъ внутреннихъ, тѣмъ болѣе старались отклонить всякій поводъ къ войнѣ. Поэтому нашъ министръ снова писалъ ко мнѣ, чтобы я извѣдалъ обстоятельно настоящія намѣренія двухъ императорскихъ дворовъ. Для этого и мнѣ надо было преодолѣть множество препятствій. Лица, годныя для того, мелкіе чиновники, чрезъ которыхъ я узнавалъ многое, были въ отсутствіи. Я былъ окруженъ придворными, ничего не знавшими. Политическія тайны того времени оставались въ вѣдѣніи Екатерины, Потемкина и Без-

бородка. Никогда я не былъ такъ близокъ къ особѣ государыни и такъ удаленъ отъ дѣлъ.

Однако, наблюдая новое и двуличное направленіе австрійской дипломаціи, нетрудно было понять, что императоръ, хотя наружно и принялъ видъ искренняго друга императрицы, чувствовавшаго такую же, какъ и она, ненависть къ Туркамъ, однако готовъ былъ поддержать насъ въ стараніи предупредить несогласіе съ Портою. Основываясь на этомъ, я надѣялся, что графъ Кобенцель, по пріѣздѣ императора, объяснитъ мнѣ многое, такъ какъ политическое согласіе, водворившееся между императоромъ и императрицею, могло давать ему возможность узнавать тайны, мнѣ неизвѣстныя. Воображеніе Екатерины не могло оставаться въ покоѣ; отъ того ея предначертанія были болѣе смѣлы, нежели обдуманны. Эта быстрота ума, казалось, не рѣдко подавляла въ зародышѣ нѣкоторые изъ ея творческихъ замысловъ. Она въ одно и то же время хотѣла образовать среднее сословіе, привлечь иностранную торговлю, заводить фабрики, распространить земледѣліе, утвердить кредитъ, умножить ассигнаціи, возвысить курсъ монеты и уменьшить лажъ, строить города, основывать академіи, населять степи, покрыть Черное море обширнымъ флотомъ, обезсилить Татаръ, вторгнуться въ Персію, расширить свои завоеванія въ Турціи, обуздать Польшу и распространить свое вліяніе на всю Европу. Все это были огромныя предпріятія, и хотя много дѣла предстояло въ едва просвѣщенномъ государствѣ, однако было бы полезнѣе ограничить предметы преобразованій или, по крайней мѣрѣ, отказавшись отъ замысловъ завоеваній, заняться внутреннимъ благосостояніемъ, которое одно лишь доставляетъ истинную славу монархамъ. Впрочемъ Екатерина уже пользовалась нѣкоторыми плодами своихъ заботъ. Кроткое правленіе ея способствовало быстрому умноженію населенія; многія фабрики шли успѣшно; земледѣліе усиливалось быстро; вновь основанныя школы постепенно смягчали нравы и разливали свѣтъ

просвѣщенія; суды рѣшали справедливѣе и сообразнѣе съ законами всѣ дѣла, если только они не касались сильныхъ особъ, крѣпостная зависимость смягчилась, пожалованіе дворянству правъ собираться, выбирать предводителей и судей и приносить жалобы монарху оживило дѣятельность помѣщиковъ, пріучало ихъ къ занятіямъ и приготовляло такимъ образомъ правительству полезныхъ дѣятелей, а вмѣстѣ съ тѣмъ предотвращало вредное вліяніе обѣихъ столицъ, изнурявшихъ Россію сосредоточеніемъ всей промышленности, всего богатства и всей производительности имперіи.

Не смотря на то, что мнѣ высказывали желаніе сохранить миръ, я замѣчалъ однако какую-то мнительность и безпокойство, несогласныя съ этими миролюбивыми намѣреніями. Такъ напримѣръ всѣмъ иностранцамъ, желавшимъ ѣхать въ Херсонъ, Крымъ и вообще въ области, подвѣдомыя управленію Потемкина, отказывали въ выдачѣ паспортовъ и лошадей. Ламетъ изъявилъ намѣреніе ѣхать въ Константинополь черезъ Херсонъ. Ему не дали рѣшительнаго отказа, но князь просилъ, чтобы я уговорилъ его отложить это предпріятіе. «При нынѣшнихъ обстоятельствахъ, сказалъ онъ мнѣ,—эта поѣздка можетъ не понравиться императрицѣ. Она повѣрила бы тогда ложнымъ подозрѣніямъ, которыя ей внушаютъ на счетъ Французовъ, и это повредитъ нашимъ стараніямъ склонить ее къ дружбѣ съ вашимъ дворомъ. Между Портой и нами, по настоящему, нѣтъ разрыва; но такъ какъ обѣ стороны вооружаются, то императрицѣ было бы непріятно знать, что французскій полковникъ, котораго она обласкала, проѣхалъ черезъ всѣ наши военные посты прямо въ турецкій лагерь. Разумѣется, въ качествѣ министра, я готовъ выдать вамъ нужныя бумаги, если вы непремѣнно этого потребуете; но, какъ другъ, я совѣтую вамъ избѣгать всего, что можетъ повредить взаимному согласію, только что утвержденному.»

Я отвѣчалъ, что думать такъ—значитъ, уже слишкомъ много

придавать значенія поѣздкѣ молодого Француза, путешествующаго для удовольствія и изъ любознательности; я увѣрялъ князя, что если бы намъ грозила война съ Англіею, и какой нибудь русскій генералъ случился тогда во Франціи, то мы безъ всякаго опасенія пустили бы его изъ Бреста въ Портсмутъ. Я однако исполнилъ его желаніе, потому что всегда старался водворять согласіе и предотвращать ссоры. Хотя Ламета поразила такая недовѣрчивость, но онъ изъ дружбы ко мнѣ рѣшился снести эту непріятность. Мнѣ казалось страннымъ, что Шуазель не переставалъ тревожиться и жаловаться и усердно побуждалъ Турокъ къ вооруженію, между тѣмъ какъ я уже послалъ ему депеши, чтобы успокоить его. Графъ Безбородко объяснилъ мнѣ — въ чемъ дѣло: онъ сказалъ что курьеръ, посланный мѣсяцъ тому назадъ съ его депешами къ Булгакову и съ моими къ Шуазелю, былъ захваченъ и ограбленъ на границѣ. Въ послѣдствіи будетъ объяснено, какимъ образомъ этотъ случай помѣшалъ успѣху нашихъ стараній успокоить Порту и предотвратить разрывъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого князь Потемкинъ намекнулъ мнѣ о союзѣ, который, по его мнѣнію, можно и должно было заключить между Россіею и Франціею. Пользуясь этимъ случаемъ, я сказалъ ему: «Прежде всего нужно бы увѣриться въ настоящихъ намѣреніяхъ русскаго двора и узнать, откажется ли онъ искренно отъ мысли о разрушеніи государства, котораго безопасность важна для многихъ значительныхъ державъ.»

«Пусть такъ, отвѣчалъ Потемкинъ,—если ужь вы непремѣнно хотите сохранить чуму и полагаете, что христіанское государство или греческія республики будутъ менѣе благопріятны для вашей торговли, нежели гордые, своевольные и высокомѣрные мусульмане. Но, по крайней мѣрѣ, вы бы должны были согласиться на то, что Турокъ должно стѣснить въ болѣе естественныхъ, приличныхъ имъ границахъ для избѣжанія безпрестанно ожидаемыхъ войнъ.»

«Понимаю, отвѣчалъ я.—Вамъ нуженъ Очаковъ и Аккерманъ: это почти тоже, что требовать Константинополя. Это значитъ—объявить войну будто бы для того, чтобы доказать, что вы желаете сохранить миръ.»

«Вовсе нѣтъ, возразилъ онъ;—но если на насъ нападутъ, мы возмемъ вознагражденіе такое, какое захотимъ. Если бы вы только захотѣли, есть возможность безъ всякой войны объявить Молдавію и Валахію независимыми и освободить эти христіанскія страны отъ меча злодѣевъ и отъ грабежей разбойниковъ.»

«Безъ войны? воскликнулъ я,—никогда! Турки не согласятся на такую уступку, пока не будутъ побѣждены.»

Разговоръ тѣмъ и кончился, и послужилъ мнѣ доказательствомъ, что если могущественный министръ такъ думаетъ, то графу Безбородку трудно поддержать въ императрицѣ мирное расположеніе, къ которому она склонялась, и которое тогда, по видимому, было чистосердечно и непритворно. Курьеръ изъ Константинополя привезъ Потемкину извѣстія, которыя возбудили негодованіе императрицы. Булгаковъ писалъ, что нѣсколько французскихъ офицеровъ, назвавшись купцами, отправились въ Очаковъ. Я сказалъ князю, что такъ какъ границы Турціи въ опасности, то пусть онъ не удивляется, что Франція, ея союзница, употребляетъ для ея защиты офицеровъ, посланныхъ нашимъ правительствомъ въ Константинополь, но что я не понимаю, для чего они скрывались подъ видомъ купцовъ, потому что мы дѣйствуемъ прямо и открыто. Англичане воспользовались этимъ случаемъ, чтобы возбудить подозрѣніе императрицы, и въ продолженіи нѣкотораго времени расположеніе ея ко мнѣ измѣнилось въ явную холодность.

Въ это время оппозиціонная польская партія старалась воспользоваться пребываніемъ императрицы въ Кіевѣ, чтобы унизить въ ея мнѣніи короля Станислава. Потоцкій, своимъ доносомъ, и генералъ Браницкій, чрезъ свою жену, племянницу

Потемкина, увѣряли князя, что король не соглашается на уступки, которыя Русскіе хотѣли пріобрѣсть въ Польшѣ. Но принцъ Нассау и графъ Штакельбергъ уничтожили ихъ продѣлки и помирили короля съ первымъ министромъ. Князь де-Линь писалъ по этому случаю: «Знаете ли, что дѣлаютъ здѣсь эти паны великой и малой Польши? Они обманываются, ихъ обманываютъ, и они въ свою очередь обманываютъ. Жены ихъ льстятъ императрицѣ и полагаютъ, что она не знаетъ, какъ ее осуждали подъ шумокъ послѣдняго сейма. Всѣ ловятъ взглядъ Потемкина, а взглядъ этотъ не легко поймать, потому что князь не то близорукъ, не то косъ. Прекрасныя Полячки добиваются Екатерининской ленты, чтобы кокетничать ею и возбуждала зависть своихъ родственницъ и знакомыхъ. Императрица не довольна посланниками англійскимъ и прусскимъ за то, что они подстрекаютъ Турокъ, между тѣмъ какъ сама не даетъ имъ покою. Здѣсь желаютъ и боятся войны; Сегюръ всячески старается предотвратить ее. Я ни чѣмъ не рискую, а скорѣе могу достигнуть славы, и потому искренно желаю войны; а пріятель мой ставитъ мнѣ въ укоръ такое опасное желаніе, и я отказываюсь отъ него; но иногда вновь взволнуется кровь, и я опять возвращаюсь къ моей мечтѣ.» Изъ этого видно, что этотъ другъ, хотя и пользовался довѣріемъ Екатерины, не могъ содѣйствовать мнѣ, чтобы утвердить въ умѣ государыни мысль о мирѣ.

Станиславъ предложилъ императрицѣ вспомогательное войско: она не приняла его. Дѣла шли благопріятно для короля, но онъ не умѣлъ ими пользоваться. Глава буйнаго народа, легкомысленный, добродушный и роскошный, тогда какъ нужно было выказывать твердость и благоразуміе, Станиславъ не снесъ легкій вѣнецъ свой; его притѣсняли сосѣди и презирали подданные.

Зима миновала. Днѣпръ освободился изъ ледяныхъ оковъ своихъ; природа, сбросивъ траурный покровъ и засіявъ блес-

комъ весны, подавала Екатеринѣ знакъ къ отъѣзду. Мы отпраздновали день ея рожденія. Помолясь усердно въ Печерскомъ монастырѣ, императрица раздала много наградъ, лентъ, бриллiантовъ и жемчугу. Де-Линь сказалъ: «Кiевская Клеопатра не глотаетъ жемчуговъ, а раздаетъ ихъ во множествѣ.» Наконецъ, 22 апрѣля императрица пустилась въ путь на галерѣ [1]), въ сопровожденіи великолѣпнѣйшей флотиліи, которая когда либо шла по широкой рѣкѣ. Она состояла изъ 80 судовъ съ 3,000 человѣкъ матросовъ и солдатъ. Впереди шли семь нарядныхъ галеръ огромной величины, искусно расписанныхъ, съ множествомъ ловкихъ матросовъ въ одинаковой одеждѣ. Комнаты, устроенныя на палубахъ, блистали золотомъ и шелками. Одна изъ тѣхъ галеръ, которыя слѣдовали за царскою, была назначена Кобенцелю и Фитцъ-Герберту; другая де-Линю и мнѣ; прочія были отданы князю Потемкину и его племянницамъ, оберъ-каммергеру, шталмейстеру, министрамъ и сановникамъ, которые удостоились чести сопровождать императрицу. На остальныхъ судахъ помѣстились разные служители, пожитки, провизія. Г-жа Протасова и каждый изъ насъ имѣлъ комнату и еще нарядный и роскошный кабинетъ, съ покойными диванами, съ чудесною кроватью подъ штофною занавѣсью и съ письменнымъ столомъ краснаго дерева. На каждой изъ галеръ была своя музыка. Множество лодокъ и шлюбокъ носилось впереди и вокругъ этой эскадры, которая, казалось, создана была волшебствомъ.

Мы подвигались медленно, часто останавливались и, пользуясь остановками, садились на легкія суда и катались вдоль берега, вокругъ зеленѣющихъ островковъ, которыми усѣяна рѣка. Множество народа громкими кликами привѣтствовало императрицу, когда, при громѣ пушекъ, матросы мѣрно ударяли

---

[1]) Галера императрицы называлась *Днѣпръ*.

по волнамъ Борисөена своими блестящими, расписанными веслами. По берегамъ появлялись толпы любопытныхъ, которые безпрестанно мѣнялись и стекались со всѣхъ сторонъ, чтобы видѣть торжественный поѣздъ и поднести въ даръ императрицѣ произведенія различныхъ мѣстностей. Порою на береговыхъ равнинахъ Днѣпра маневрировали легкіе отряды казаковъ. Города, деревни, усадьбы, а иногда простыя хижины такъ были изукрашены цвѣтами, расписанными декораціями и тріумфальными воротами, что видъ ихъ обманывалъ взоръ, и они представлялись какими-то дивными городами, волшебно созданными замками, великолѣпными садами. Снѣгъ стаялъ; земля покрылась яркою зеленью; луга запестрѣли цвѣтами; солнечные лучи оживляли, одушевляли и украшали всѣ предметы. Гармоническіе звуки музыки съ нашихъ галеръ, различные наряды побережныхъ зрителей разнообразили эту роскошную и живую картину. Когда мы подъѣзжали къ большимъ городамъ, то передъ нами на опредѣленныхъ мѣстахъ выравнивались строемъ превосходные полки, блиставшіе красивымъ оружіемъ и богатымъ нарядомъ. Противуположность ихъ щегольскаго вида съ наружностью румянцовскихъ солдатъ уже доказывала намъ, что мы оставляемъ области этого маститаго, знаменитаго воина и вступаемъ въ мѣста, которыя судьба подчинила власти Потемкина. Стихіи, весна, природа и искусство, казалось, соединились для торжества этого могучаго любимца. Окружая императрицу такими дивами, когда она проѣзжала страны, недавно покоренныя его оружіемъ, онъ надѣялся возбудить ея самолюбіе и внушить ей желаніе и смѣлость рѣшиться на новыя завоеванія.

Мы были свободны только по утрамъ и пріятно проводили ихъ въ чтеніи, въ разговорахъ, въ переходахъ съ одной галеры на другія и въ прогулкахъ по берегамъ. Въ часъ мы отправлялись на царскую галеру и обѣдали съ императрицей. Столъ ея, какъ всегда, былъ накрытъ на десять приборовъ. Только разъ

въ недѣлю она сзывала всю свиту, имѣвшую честь сопровождать ее. Тогда столъ устраивался на огромномъ суднѣ, гдѣ помѣщалось до 60 человѣкъ.

Чрезъ пять дней (апрѣля 25) по отъѣздѣ нашемъ мы остановились въ Каневѣ, гдѣ насъ ожидалъ польскій король. Здѣсь было назначено свиданіе Станислава съ Екатериною. Оба они за 25 лѣтъ предъ тѣмъ блистали любезностью и красотою и съ тѣхъ поръ немало измѣнились и въ наружности, и въ чувствахъ своихъ. Станиславъ, съ нетвердою короною на головѣ своей, выпросилъ изъ страха и расчета краткое свиданіе у своей высокой покровительницы; согласіе на это дипломатическое свиданіе было дано, какъ уступка приличіямъ.

Я никогда не видалъ императрицы болѣе любезною, какъ въ первый день нашего плаванія: за обѣдомъ было очень весело; мы всѣ рады были, что выѣхали изъ скучнаго Кіева, гдѣ льды держали насъ цѣлые три мѣсяца. Весна молодила наши умы. Прекрасная погода, великолѣпіе нашего флота, величественная рѣка, движеніе, радость зрителей, толпившихся по берегу, азіятская или воинственная пестрота въ разнообразныхъ нарядахъ тридцати различныхъ народовъ, наконецъ увѣренность видѣть каждый день новые, любопытные предметы, все это возбуждало и подстрекало воображеніе, которое въ стремленіи своемъ опережало насъ самихъ. Не останавливаясь долго на одномъ предметѣ, мы въ разговорахъ нашихъ безпрестанно переходили отъ одного къ другому. Мы сравнивали прежнія времена съ новыми, Францію съ Греціей, Англію съ Кароагеномъ, Пруссію съ Македоніею, имперію Екатерины съ Кировою, разсказывали анекдоты старые и новые; императрица сообщила намъ нѣсколько случаевъ изъ жизни Петра Великаго и Елизаветы. Когда мы дивились скорости, съ какою она успѣла смягчить нравы, недавно еще столь грубые и суровые, она сказала намъ: «Правда, наши старики должны находить различіе при сравненіи ихъ времени съ нынѣш-

нимъ. Я не могу безъ ужаса думать о положеніи народа въ правленіе императрицы Анны или, лучше сказать, ея министра Бирона; этотъ жестокій человѣкъ, которому она довѣрялась, лишилъ жизни и сослалъ болѣе семидесяти тысячь человѣкъ.»

Мы говорили о дикихъ племенахъ, населявшихъ отдаленные края ея имперіи: «Потокъ времени еще не коснулся до этихъ кочующихъ народовъ, сказала государыня; — они издавна сохраняютъ первоначальную простоту нравовъ: живутъ подъ шатрами, питаются мясомъ и скопами своихъ стадъ, подчинены начальникамъ, которые скорѣе отцы ихъ, нежели владыки. Можно считать ихъ счастливыми, потому что нужды ихъ ограничены и легко удовлетворимы. Если бы по прежнимъ намѣреніямъ моимъ я ихъ образовала, то это, можетъ быть, послужило бы къ ихъ развращенію. Небольшая дань мѣхами ихъ не обременяетъ, потому что они охотятся по привычкѣ и по страсти.»

Въ одномъ только отношеніи эти древнія орды Гунновъ, Киргизовъ, Татаръ, извѣстныя прежде подъ многими названіями, значительно измѣнились. Долго они наводили страхъ своими кочеваньемъ, набѣгами и грабежами; но теперь образованные народы лишили ихъ возможности дѣлать новыя завоеванія, и эти племена потеряли прежній воинственный духъ свой. Когда зашелъ разговоръ о ихъ вѣрѣ, шаманахъ или волхвахъ и идолахъ, императрица сказала намъ, что иныя изъ этихъ племенъ придерживаются какихъ-то непонятныхъ вѣрованій, что жрецы ихъ сохранили древнѣйшій сборникъ молитвъ, притчъ и духовныхъ пѣсней, писанныхъ на языкѣ, совершенно неизвѣстномъ, и которыя они читаютъ по преданію, не понимая смысла ихъ. «Это возбудило мое любопытство, сказала она; — я обратилась съ запросами къ ученымъ; но они объ этомъ предметѣ, какъ и о многихъ иныхъ, оказались ничего не знающими. Я однако приказала навести основательныя справки. Наконецъ недавно уже открыли, впрочемъ еще не навѣрно, что эти молит-

вы писаны на древнемъ, священномъ языкѣ Индусовъ, на санскритскомъ.»

Такъ какъ въ продолженіи этой бесѣды императрица въ бѣгломъ очеркѣ изобразила ученія законодателей Греціи, Азіи, Рима и Аравіи, то я замѣтилъ ей, что она послѣ этого, кажется, потеряла право смѣяться надъ учеными, по старой своей привычкѣ.

«Точно, прибавилъ де-Линь, — послѣ всего, что мы слышали, мы, по совѣсти, принуждены включить васъ въ число тѣхъ ученыхъ, на которыхъ вы такъ нападаете.»

«Да, я знаю, сказала императрица, — я вообще вамъ нравлюсь, и вы хвалите меня «*цѣликомъ*», но, разбирая меня по подробнѣе, осуждаете во мнѣ многое. Я безпрестанно дѣлаю ошибки противъ языка и правописанія. Сегюръ знаетъ, что у меня иногда претупая голова, потому что ему не удалось заставить меня сочинить шесть стиховъ. Безъ шутокъ, я думаю, не смотря на ваши похвалы, что еслибы я была частною женщиною во Франціи, то ваши милыя парижскія дамы не нашли бы меня довольно любезною для того, чтобы отужинать съ ними.»

«Прошу васъ вспомнить, государыня, возразилъ я, — что я здѣсь представитель Франціи и не долженъ допускать клеветъ на ея счетъ.»

Но императрица, бывшая въ духѣ, продолжала въ томъ же тонѣ: «Какъ вы полагаете, чѣмъ бы я была, если бы родилась мужчиною и частнымъ человѣкомъ?»

Въ отвѣтъ на это Фитцъ-Гербертъ сказалъ, что она была бы мудрымъ законовѣдцемъ, Кобенцель полагалъ, что она бы сдѣлалась великимъ министромъ, а я увѣрялъ ее, что она сдѣлалась бы знаменитымъ полководцемъ.

«На этотъ разъ вы ошибаетесь, возразила она; — я знаю свою горячую голову; я бы отважилась на все для славы и въ чинѣ поручика въ первую компанію не снесла бы головы.»

Въ другой разъ мы говорили о предположеніяхъ, которыя тогда дѣлались въ Европѣ по поводу ея путешествія. Мы всѣ были одинаковаго мнѣнія и увѣряли, что вездѣ будутъ думать, будто она съ императоромъ хочетъ завоевать Турцію, Персію, даже можетъ быть, Индію и Японію, наконецъ, что странствующій кабинетъ Екатерины занимаетъ и тревожитъ всѣ прочіе.

«Стало быть этотъ петербургскій кабинетъ, находящійся теперь на волнахъ Днѣпра, кажется весьма значительнымъ, если такъ тревожитъ другіе?»

«Точно такъ, государыня, сказалъ тогда де-Линь,—а между тѣмъ я не знаю ни одного, который былъ бы такъ малъ: онъ и весь то въ нѣсколько дюймовъ, потому что простирается отъ одного виска до другаго и отъ переносицы до волосъ.»

Намъ предстояло проплыть 446 верстъ отъ Кіева до Кайдака, гдѣ начинаются пороги, и гдѣ мы должны были пересѣсть въ кареты и ѣхать до Херсона.

Флотъ нашъ остановился подъ Каневымъ, въ которомъ выставлены были польскія войска въ богатыхъ мундирахъ, съ блестящимъ оружіемъ. Пушки съ кораблей и изъ города возвѣстили прибытіе обоихъ монарховъ. Екатерина послала на красивой шлюбкѣ нѣсколько генераловъ встрѣтить короля польскаго. Король, чтобы избавиться отъ затруднительнаго этикета, хотѣлъ сохранить инкогнито, несообразное, впрочемъ, съ торжественностію встрѣчи, и сказалъ посланнымъ, которые его сопровождали: «Господа, король польскій поручилъ мнѣ представить вамъ графа Понятовскаго.»

Когда онъ вступилъ на императрицыну галеру, мы окружили его, желая замѣтить первыя впечатлѣнія и слышать первыя слова двухъ державныхъ особъ, которыя находились въ положеніи, далеко несходномъ съ тѣмъ, въ какомъ они были нѣкогда. Но мы обманулись въ нашихъ ожиданіяхъ, потому что, послѣ взаимнаго поклона важнаго, гордаго и холоднаго, Ека-

терина подала руку королю, и они вошли въ кабинетъ, въ которомъ пробыли съ полчаса. Они вышли, и такъ какъ мы не могли слышать ихъ разговоръ, то старались прочитать въ чертахъ ихъ лицъ помыслы ихъ; но въ нихъ ничего не высказалось ясно. Черты императрицы выражали какое-то необыкновенное безпокойство и принужденность, а въ глазахъ короля виднѣлся отпечатокъ грусти, которую не скрыла его принужденная улыбка.

Монархъ обращался къ тѣмъ изъ насъ, которыхъ зналъ; прочихъ представила ему императрица. Со мною онъ былъ очень любезенъ. Все было расчислено, чтобы наполнить день, который съ обѣихъ сторонъ желали провести скорѣе. Всѣ пересѣли въ красивыя шлюбки, чтобы переправиться на галеру, гдѣ долженъ былъ происходить обѣдъ. Трудно было представить себѣ судно великолѣпнѣе, изящнѣе и роскошнѣе этого. За столомъ по правую руку возлѣ императрицы сидѣлъ король, по лѣвую — Кобенцель; князь Потемкинъ, Фитцъ-Гербертъ и я помѣстились противъ ихъ величествъ.

За обѣдомъ мало ѣли, мало говорили, только смотрѣли другъ на друга, слушали прекрасную музыку и пили за здравіе короля, при грохотѣ пушечнаго залпа. По выходѣ изъ-за стола, король взялъ изъ рукъ пажа перчатки и вѣеръ императрицы и подалъ ей. Послѣ того онъ сталъ искать и никакъ не могъ найдти своей шляпы; императрица, замѣтивъ это, велѣла принести шляпу и подала ее королю. Принимая ее, Станиславъ сказалъ: «Когда-то, ваше величество, вы пожаловали мнѣ другую шляпу, которая была гораздо лучше этой.»

Мы возвратились на царскую галеру. Король пробылъ еще немного времени и въ восемь часовъ уѣхалъ въ Каневъ.

Когда наступила ночная темнота, каневская гора зардѣлась огнями; по уступамъ ея была прорыта канава, наполненная горючимъ веществомъ; его зажгли, и оно казалось лавою, текущею

съ огнедышащей горы; сходство было тѣмъ разительнѣе, что на вершинѣ горы взрывъ болѣе 100,000 ракетъ озарилъ воздухъ и удвоилъ свѣтъ, отразившись въ водахъ Днѣпра. Флотъ нашъ тоже былъ великолѣпно освѣщенъ, такъ что на этотъ разъ для насъ не было ночи. Король пригласилъ насъ къ себѣ, и мы отправились. Онъ далъ великолѣпный балъ, но императрица отказалась участвовать въ немъ. Напрасно Станиславъ упрашивалъ ее остаться еще хоть сутки: пора милостей для него миновала! Екатерина сказала ему, что боится опоздать и заставить ждать императора, который долженъ былъ съѣхаться съ нею въ Херсонѣ. Мы уѣхали на другое утро; такъ минуло это свиданіе, которое, не смотря на пышную торжественность, займетъ мѣсто скорѣе въ исторіи, нежели въ романѣ... Въ нѣкоторомъ отношеніи оно было выгодно для короля: онъ успѣлъ разрушить замыслы партіи, вредившей ему. Князь Потемкинъ даже пытался помирить съ нимъ племянника своего, генерала Браницкаго, но Браницкій такъ неохотно склонился къ тому и велъ себя такъ неприлично гордо, что они разстались, еще болѣе недовольные другъ другомъ, чѣмъ прежде. Такъ какъ король выразилъ совершенную покорность волѣ императрицы, то она, во уваженіе этого, рѣшилась защищать его отъ враговъ. Она пожаловала ему Андреевскую ленту, и съ ея дозволенія король надѣлъ орденъ Бѣлаго орла на генерала Энгельгардта, племянника Потемкина. По отъѣздѣ изъ Канева Станиславъ-Августъ поспѣшилъ на встрѣчу съ императоромъ Іосифомъ II, надѣясь снискать его расположеніе и отвратить опасность, грозившую ему со стороны могучаго и честолюбиваго сосѣда, уже обнаружившаго желаніе свое распространить предѣлы Галиціи. Императоръ принялъ его ласково и увѣрялъ, что не только не замышляетъ гибели Польши, но что будетъ противиться другимъ державамъ, въ случаѣ покушеній ихъ на эту страну. Тщетныя обѣщанія! въ глазахъ самыхъ строгихъ къ себѣ госу-

дарей политика рѣдко подчиняется нравственнымъ законамъ; польза руководитъ ихъ дѣйствіями. Станиславъ, на время успокоенный, не замѣчалъ опасностей своего положенія. Одна лишь сила упрочиваетъ независимость; она уже потеряна, когда вся надежда возложена на чуждое покровительство. Только въ случаѣ готовности къ борьбѣ можно внушить уваженіе къ себѣ и найти союзниковъ, вмѣсто покровителей.

Наше плаваніе было успѣшно. Иногда только насъ задерживали противные вѣтры. 30 апрѣля мы благополучно прибыли въ Кременчугъ.

Скучное пребываніе въ Кіевѣ, зима и въ особенности недовольный видъ Румянцева расположили къ грусти веселую императрицу. По высадкѣ нашей въ Кременчугъ иная картина представилась взорамъ ея: весна, ожививъ природу, придала предметамъ праздничный видъ, и свѣтлая, прелестная зелень украшала все, даже болота. Домъ обширный, красивый, построенный и расположенный по вкусу Екатерины, англійскій садъ, въ которомъ волшебнымъ образомъ князь Потемкинъ насадилъ огромнѣйшія деревья; прекрасный видъ, украшенный тѣнистой зеленью, цвѣтами и водою; 12,000 вновь снаряженнаго войска; собраніе всего дворянства губерніи, въ богатыхъ нарядахъ, и купцовъ, съѣхавшихся со всѣхъ концовъ имперіи; наконецъ, повсемѣстное движеніе послѣ трехъ-мѣсячнаго покоя и близость къ цѣли этой необыкновенной поѣздки, занявшей вниманіе Европы: вотъ чѣмъ открылись для меня эти новыя зрѣлища. Удовольствіе Екатерины, при ежедневномъ видѣ новыхъ, занимательныхъ предметовъ, высказалось ясно. Потемкинъ, необыкновенный всегда и во всемъ, явился здѣсь столько же дѣятельнымъ, сколько былъ лѣнивъ въ Петербургѣ. Какъ будто какими-то чарами умѣлъ онъ преодолѣвать всѣ возможныя препятствія, побѣждать природу, сокращать разстоянія, скрывать недостатки, обманывать зрѣніе тамъ, гдѣ были лишь однообразно песчаныя

равнины, дать пищу уму на пространствѣ долгаго пути и придать видъ жизни степямъ и пустынямъ. Станціи были размѣщены такимъ образомъ, что путешественники не могли утомиться: флотъ останавливался всегда въ виду селеній и городовъ, расположенныхъ въ живописныхъ мѣстностяхъ. По лугамъ паслись многочисленныя стада; по берегамъ располагались толпы поселянъ; насъ окружало множество шлюбокъ съ парнями и дѣвушками, которыя пѣли простонародныя пѣсни, однимъ словомъ, ничего не было забыто.

Надобно согласиться, что хотя Потемкинъ былъ плохой полководецъ, своенравный дипломатъ и далеко не великій государственный человѣкъ, но за то былъ самый замѣчательный, самый ловкій царедворецъ. Впрочемъ, если бы и снять искусственную оболочку съ его созданій, то осталось бы все-таки много существеннаго. Когда онъ принялъ въ управленіе эти огромныя области, въ нихъ было только 204,000 жителей; а подъ его управленіемъ населеніе въ нѣсколько лѣтъ возрасло до 800,000,—число, впрочемъ, еще незначительное для пространства на 800 верстъ въ длину и 400 въ ширину.

Приращеніе это составляли колонисты греческіе, нѣмецкіе, польскіе, инвалиды, уволенные солдаты и матросы. Одинъ Французъ, поселившійся здѣсь за три года до нашего пріѣзда, сказалъ мнѣ, что, проѣзжая ежегодно эту страну, онъ находилъ новопостроенныя, богатыя селенія тамъ, гдѣ за годъ были пустыни.

Въ Кременчугѣ Потемкинъ доставилъ намъ зрѣлище большихъ маневровъ, въ которыхъ участвовали 45 эскадроновъ конницы и многочисленная пѣхота. Я рѣдко видывалъ такое прекрасное и блестящее войско. Движенія ихъ могли дать намъ понятіе объ этой тактикѣ, страшной для Турокъ, хотя, можетъ быть, и недостаточной противъ другихъ войскъ. Въ послѣдствіи мы дали имъ славные уроки, которыми они прекрасно воспользо-

зовались. Вся ихъ тактика въ то время, какъ я ихъ видѣлъ, состояла въ движеніи четырьмя колоннами съ цѣпью стрѣлковъ впереди, предшествуемыхъ казачьимъ отрядомъ. Предположивъ, что непріятель приближается въ значительныхъ силахъ, колонны строились въ четыре большія трехшеренговыя карре; казаки отступали за колонны и, построясь фронтомъ въ одну шеренгу, становились въ ихъ интервалы такимъ образомъ, что весь боевой порядокъ имѣлъ видъ четырехъ бастіоновъ и двухъ куртинъ; артиллерія становилась въ углахъ карре. Въ эту минуту, предполагая, что карре окружены непріятелемъ, какъ обыкновенно бываетъ въ сраженіяхъ съ Турками, вдругъ открывался сильный огонь, послѣ котораго, если непріятель приведенъ въ замѣшательство, карре двигалось, стрѣлки высылались впередъ, а казаки, опустивъ пики, съ гикомъ бросались на опрокинутаго непріятеля, чтобы довершить его пораженіе.

Послѣ блистательнаго смотра войскъ, императрица, чтобы выразить князю свое удовольствіе, въ порывѣ искренней радости сказала ему: «Отъ Петербурга до Кіева мнѣ казалось, что пружины моей имперіи ослабли отъ употребленія; здѣсь онѣ въ полной силѣ и дѣйствіи.»

Слѣдуя непремѣнной привычкѣ своей, императрица и здѣсь принимала духовенство, мѣстное начальство и купцовъ, потомъ пригласила все дворянство на вечеръ, кончившійся баломъ, и вслѣдъ за тѣмъ возвратилась на свою галеру.

Не смотря на то, что рѣка становилась все шире, плаваніе наше затруднялось. Часто противные или слишкомъ слабые вѣтры прибивали насъ къ островамъ или останавливали на мели; иногда мы принуждены были стоять на якорѣ цѣлыя сутки. Но видъ незнакомыхъ мѣстъ, пріятность поѣздки черезъ страну, гдѣ недавно еще жили запорожскіе казаки, разбойники и враги всякаго труда, а теперь поселились люди мирные и трудолюбивые, наконецъ уютность нашихъ галеръ, пріятное чтенье

и бесѣда, все это сокращало время такъ, что незначительныя остановки на этомъ дальнемъ пути доставляли намъ развлеченіе. Даже императрица, казалось, была такъ довольна собой и нами, что съ досадою ожидала скораго окончанія нашего плаванія. Она должна была поспѣшить, чтобы не заставить долго ждать императора, который тогда, по дошедшимъ къ намъ извѣстіямъ, уже прибылъ въ Херсонъ.

Де-Линь, будучи двадцатью годами старше меня, удивлялъ меня живостью своего воображенія и юношескимъ умомъ. Рано утромъ будилъ онъ меня стукомъ въ тонкую перегородку, которая отдѣляла его кровать отъ моей, и читалъ экспромты въ стихахъ и пѣсенки, только что имъ сочиненныя. Немного погодя, его лакей приносилъ мнѣ письмо въ 4 и 6 страницъ, гдѣ остроуміе, шутка, политика, любовь, военные анекдоты и эпиграммы мѣшались самымъ оригинальнымъ образомъ. Онъ требовалъ немедленнаго отвѣта. Ничего не могло быть послѣдовательнѣе и точнѣе этой странной, ежедневной переписки, которую вели между собою австрійскій генералъ и французскій посланникъ, лежа стѣна объ стѣну въ галерѣ, не далеко отъ повелительницы сѣвера, на волнахъ Борисѳена, въ землѣ казаковъ и на пути въ страны татарскія! Множество разнообразныхъ забавъ, любопытные и остроумные разсказы Екатерины, дѣльныя, хотя нѣсколько грустныя разсужденія Фитцъ-Герберта, шутки Нарышкина и неутомимая веселость Кобенцеля, который заставлялъ насъ разыгрывать пьески въ спальнѣ государыни, все это пріятно разнообразило нашъ досугъ.

Между тѣмъ, препятствія и задержки на пути умножались, нетерпѣніе государыни возрастало, какъ вдругъ мы получили извѣстіе, что императоръ, на другой день по пріѣздѣ въ Херсонъ, выѣхалъ оттуда и поспѣшилъ въ Кайдакъ, отъ котораго мы были недалеко. Императоръ намѣревался выѣхать на встрѣчу царской галерѣ. Но Потемкинъ, который отправился впередъ

въ Кайдакъ, предварилъ объ этомъ императрицу, въ слѣдствіе чего она вышла на берегъ, оставила почти всѣхъ насъ на галерахъ, сѣла въ карету, поспѣшила на встрѣчу императору и встрѣтила его близъ одинокаго казацкаго хуторка, гдѣ монархи пробыли нѣсколько часовъ и вмѣстѣ отправились въ Кайдакъ, куда и мы пріѣхали на слѣдующій день, $^{8}/_{19}$ мая утромъ.

Такъ какъ императрица собралась въ путь съ такою поспѣшностью, что даже не взяла достаточной прислуги, то не легко было приготовить обѣдъ для двухъ державныхъ особъ. Князь Потемкинъ, генералъ Браницкій и принцъ Нассау весело состряпали обѣдъ, какъ умѣли и, разумѣется, плохо; иначе нельзя было и ожидать отъ такихъ сановитыхъ поваровъ.

Мы пробыли въ Кайдакѣ 8-е число, чтобы дождаться если не всѣхъ судовъ, потому что многія изъ нихъ сѣли на мель, то по крайней мѣрѣ тѣхъ, на которыхъ находились люди и вещи, необходимыя для продолженія нашего путешествія. 9 мая мы расположились въ палаткахъ, въ восьми верстахъ отъ Кайдака, на мѣстѣ, гдѣ императрица хотѣла построить Екатеринославъ. Въ царскомъ шатрѣ отслужили молебенъ, и государи, въ присутствіи архіепископа, совершили закладку собора новаго города въ чрезвычайно красивой мѣстности. Онъ долженъ былъ быть построенъ на высотѣ, съ которой далеко видѣнъ извивающійся Днѣпръ, съ его лѣсистыми островками, оживляющими его теченіе въ этомъ мѣстѣ. Послѣ этого мы обѣдали въ усадьбѣ мѣстнаго губернатора. Она была расположена по берегу рѣки, въ виду главнѣйшаго порога, который долго считался непреодолимымъ препятствіемъ для прохода торговыхъ судовъ. Въ самомъ дѣлѣ, Днѣпръ въ этомъ мѣстѣ во всю свою ширину заграможденъ цѣпью скалъ, изъ которыхъ однѣ равны съ водою, а другія высятся надъ ея уровнемъ и мѣстами образуютъ нѣсколько столь шумныхъ водопадовъ, что мы не могли разслышать слова другъ друга. Потокъ здѣсь съ яростью и пѣ-

ною бьется о скалы. Съ перваго взгляда кажется, что невозможно проѣхать между этими скалами на самомъ легкомъ челнѣ и съ самыми отважными гребцами. Однакожь не вдалекѣ стояло на якорѣ большое судно и лодка, назначенныя для проѣзда черезъ пороги. Князь Потемкинъ, принцъ Нассау и я хотѣли было отважиться на эту поѣздку, но насъ остановило рѣшительное запрещеніе императрицы. Суда въ виду насъ счастливо прошли опасный проливъ съ быстротою стрѣлы. Но ихъ такъ сильно качало, что, казалось, они ежеминутно могутъ разбиться или исчезнуть въ волнахъ; особенно мелкія лодки безпрестанно исчезали изъ виду. Намъ сказали, что при полной водѣ проѣздъ этотъ удобнѣе, особенно при помощи ловкихъ старыхъ Запорожцевъ, привыкшихъ къ такимъ опаснымъ подвигамъ. Князь Потемкинъ такъ полагался на ихъ опытность и увѣреніе, что предположилъ спустить до Херсона всѣ суда, на которыхъ мы плыли изъ Кіева до Кайдака... Наканунѣ нашего пріѣзда въ Херсонъ [1]), мы переѣхали рѣку Каменку, нѣкогда служившую рубежемъ между Ногайскими Татарами и казаками. Послѣ поѣздки по 400 верстному степному пространству насъ неожиданно и пріятно поразилъ видъ Херсона. Но и безъ этого обстоятельства мы не могли не дивиться при видѣ столькихъ новыхъ, величественныхъ зданій. Мы увидѣли почти уже оконченную крѣпость, казармы на 800,000 человѣкъ, адмиралтейство со всѣми принадлежностями, арсеналъ, заключающій въ себѣ до 600 орудій, два военные корабля и фрегатъ, снаряженные къ спуску, публичныя зданія, воздвигаемыя въ разныхъ мѣстахъ, нѣсколько церквей прекрасной архитектуры, наконецъ цѣлый городъ, уже торговый, съ 2000 домовъ и лавками, полными греческихъ, константинопольскихъ и французскихъ товаровъ; въ гавани его заходили и стояли до 200 купеческихъ

---

[1]) 12-го мая.

судовъ. Если присоединить къ этому 18,000 рабочихъ, блестящее войско, присутствіе нѣсколькихъ иностранныхъ дипломатовъ и путешественниковъ въ странѣ, пріобрѣтенной Россіею только со времени Кайнарджійскаго мира, которою занялись недавно и только три года предъ тѣмъ освободили отъ татарскихъ набѣговъ, то можно себѣ представить, въ какой степени зрѣлище это льстило самолюбію императрицы, и понятно удивленіе присутствующихъ и восторгъ, съ какимъ они превозносили дарованіе и подвиги Потемкина.

Правда, что очарованіе было мимолетное, и удивленіе наше нѣсколько охладилось размышленіемъ. Разсмотрѣвъ Херсонъ вблизи и подробно, мы замѣтили, что его мѣстоположеніе дурно выбрано, что корабли вообще не могутъ подыматься по Днѣпру иначе, какъ безъ груза, а военныя суда, здѣсь построенныя, не могутъ свободно спускаться по рѣкѣ безъ помощи камелей. Не было ни набережной, ни пакгаузовъ для товаровъ; судебныя мѣста были худо устроены и отправляли дѣла медленно и дурно, наконецъ, испаренія болотъ и островковъ возлѣ города вредно дѣйствовали на здоровье жителей.

Я рѣшился сообщить Потемкину эти замѣчанія, которыя я слышалъ отъ многихъ купцовъ. Чтобы поправить дѣло князь предполагалъ устроить портъ въ 30 верстахъ ниже по Днѣпру, учредить карантинъ, построить набережную и магазины, преобразовать суды и осушить окружныя болота. Онъ уже истребовалъ и получилъ деньги, нужныя для нѣкоторыхъ изъ этихъ работъ. Но высушка болотъ мнѣ казалась невозможною; для этого нужно было истребить весь тростникъ, необходимый для топки и покрышки домовъ въ этомъ краю, гдѣ на пространствѣ нѣсколькихъ сотъ верстъ не было и лѣсу.

Первые дни нашего пребыванія въ Херсонѣ были употреблены на разъѣзды по городу, на парадные пріемы, обѣды, на которыхъ бывало до 120 гостей, концерты и балы. Императри-

ца пригласила насъ обѣдать съ нею на дачѣ, верстахъ въ 15 отъ Херсона [1]). На слѣдующій день мы присутствовали съ нею при спускѣ 120 пушечнаго корабля, другого 66 пушечнаго и одного фрегата. На слѣдующій день при дворѣ былъ парадный балъ, во дворцѣ, построенномъ неслишкомъ прочно, но изящно.

Императрица намѣревалась отправиться въ Кинбурнъ, въ виду Очакова; но это было похоже на военный осмотръ турецкой территоріи и уже черезъ чуръ смѣло. Прибытіе турецкой эскадры, состоявшей изъ 4 кораблей и 10 фрегатовъ и вошедшей въ Лиманъ близъ Очакова, отстранило намѣреніе Екатерины; эта неудача произвела на нее непріятное впечатлѣніе. Когда намъ ужь нечего было дѣлать въ Херсонѣ, мы отправились въ Крымъ, во слѣдъ за двумя державными предводителями нашего каравана.

Говоря о Херсонѣ, кстати сообщимъ полученныя нами тогда извѣстія о ходѣ военныхъ переговоровъ въ Константинополѣ. Неожиданное появленіе турецкой эскадры въ устьѣ Днѣпра и пріѣздъ нѣсколькихъ французскихъ офицеровъ въ Очаковъ возбудили въ русскихъ министрахъ и придворныхъ неудовольствіе, возраставшее до негодованія. «Какъ понять это, говорили они, — что именно въ то время, когда только что подписанъ былъ дружественный трактатъ съ Франціею, и французскій посолъ сопровождаетъ императрицу, которая оказываетъ ему вниманіе и довѣріе, мы видимъ, что французскіе инженеры занимаются устройствомъ артиллеріи, флота и приготовленіями къ войнѣ у враговъ нашихъ!»

Князь Потемкинъ нѣсколько разъ съ жаромъ и негодованіемъ говорилъ мнѣ объ этихъ мнимыхъ козняхъ французскаго прави-

---

[1]) Въ слободѣ Бѣлозернѣ, принадлежавшей графу Александру Андреевичу Безбородку.

тельства и упрекалъ меня въ томъ, что я поднялъ пустую тревогу и только подстрекнулъ этимъ Турокъ къ непріязненнымъ дѣйствіямъ, которыя могли повести къ войнѣ. Если бы я хотѣлъ употребить хитрость, притвориться, будто ничего не знаю, и осудить эти дѣйствія, исполненныя по моимъ же совѣтамъ, то не успокоилъ бы негодующаго князя и только потерялъ бы то уваженіе, которое снискалъ своею прямотою. По этому я отвѣчалъ не какъ царедворецъ, а какъ министръ, что Турки имѣютъ поводъ безпокоиться, что поведеніе Булгакова въ отношеніи къ Шуазелю отняло у насъ всякую возможность успокоивать ихъ далѣе; въ заключеніе я прибавилъ даже, что мы бы должны были поощрять, одобрять и поддерживать оборонительныя мѣры Порты: «Нашъ образъ дѣйствій откровененъ и неизмѣненъ. Мы всегда объявляли, что хотя король всячески старается объ удовлетвореніи справедливыхъ жалобъ Россіи, однакоже, руководясь высокими цѣлями, рѣшился употребить съ своей стороны всѣ возможныя средства, чтобъ охранять безопасность Оттоманской имперіи. Не чему удивляться, что, не смотря на ваши мирныя увѣренія, которыя, конечно, искренни, Порта принимаетъ благоразумныя предосторожности. Поставьте себя на ея мѣстѣ... Если бы султанъ пріѣхалъ въ Очаковъ съ своими визирями, съ могущественнымъ союзникомъ, съ грознымъ флотомъ и 150,000 арміею, то, разумѣется, это васъ бы нѣсколько обезпокоило; вы стали бы на сторожѣ и принялись бы укрѣплять Херсонъ и собирать войска.»

Мои доводы были неоспоримы; князь мнѣ не возражалъ. Откровенная рѣчь моя успѣшнѣе подѣйствовала, чѣмъ неловкая скрытность. Холодность императрицы въ обращеніи со мною исчезла мало по малу.

Въ Каневѣ видѣлъ я государя, лишеннаго власти и значенія, но окруженнаго величіемъ и блескомъ, свойственнымъ великимъ монархамъ: по странной противоположности, въ Хер-

сонѣ увидѣлъ я могущественнаго императора, отличавшагося простотою внѣшности, скромнаго и привѣтливаго, врага всякой принужденности. Онъ допускалъ и самъ заводилъ разговоръ обо всемъ, безъ всякихъ притязаній блистать чѣмъ-либо, кромѣ обширнаго знанія, основательныхъ сужденій и образованнаго ума. Когда Екатерина хотѣла представить меня Іосифу II, онъ сказалъ ей: «Здѣсь я только графъ Фалкенштейнъ, а потому мнѣ самому слѣдуетъ представиться посланнику Франціи.» Іосифъ пріѣхалъ въ Россію въ простой коляскѣ, въ сопровожденіи одного генерала и двухъ служителей. При строгомъ соблюденіи инкогнито, онъ имѣлъ выгоду и удовольствіе лучше все видѣть и слышать; по этому онъ непремѣнно хотѣлъ, чтобы его принимали не какъ монарха, а какъ обыкновеннаго путешественника. Каждое утро приходилъ онъ къ императрицѣ передъ ея выходомъ и, вмѣшавшись въ толпу, вмѣстѣ съ прочими ожидалъ ея появленія. Днемъ гулялъ онъ по окрестностямъ, и такъ какъ я имѣлъ счастіе ему понравиться, онъ дѣлалъ далекія прогулки вмѣстѣ со мною запросто, взявъ меня подъ руку. Въ разговорахъ со мною онъ далъ мнѣ понять, что мало сочувствовалъ честолюбивымъ замысламъ Екатерины. Въ этомъ отношеніи политика Франціи ему нравилась. «Константинополь, говорилъ онъ,—всегда будетъ предметомъ зависти и раздоровъ, въ слѣдствіе которыхъ великія державы никогда не согласятся на счетъ раздѣла Турціи.» Его не поражали быстрые успѣхи русскихъ предпріятій. «Я вижу болѣе блеска, чѣмъ дѣла, говорилъ онъ; — Потемкинъ дѣятеленъ, но онъ болѣе способенъ начать великое предпріятіе, чѣмъ привести его къ окончанію. Впрочемъ, все возможно, если расточать деньги и не жалѣть людей. Въ Германіи или во Франціи мы не посмѣли бы и думать о томъ, что здѣсь производится безъ особенныхъ затрудненій.» Въ другой разъ разговоръ зашелъ о Потемкинѣ. Іосифъ сказалъ, между прочимъ: «Я понимаю, что этотъ человѣкъ, не смотря на свои

странности, могъ пріобрѣсти вліяніе на императрицу. У него твердая воля, пылкое воображеніе, и онъ не только полезенъ ей, но необходимъ. Вы знаете Русскихъ и согласитесь, что трудно сыскать между ними человѣка, болѣе способнаго управлять и держать въ рукахъ народъ еще грубый, недавно лишь тронутый просвѣщеніемъ, и обуздать безпокойный дворъ.» Кобенцель, видя вниманіе ко мнѣ императора, тоже становился со мною откровеннѣе и довѣрчивѣе. Но хотя онъ искренно увѣрялъ меня, что ему предписано содѣйствовать мнѣ въ утвержденіи мира, онъ боялся, чтобы императоръ не склонился къ войнѣ, если императрица, ограничиваясь предположеніемъ занять Очаковъ и Аккерманъ, отстранитъ мысль о дальнѣйшихъ завоеваніяхъ. Но Кобенцель говорилъ мнѣ, что императоръ крайне неохотно согласится на это, потому что будетъ опасаться разрыва съ Пруссіею и Франціею въ случаѣ такой уступки въ пользу своей союзницы.

Между тѣмъ изъ Константинополя пріѣхали Булгаковъ и Гербертъ, интернунцій императора, и между ними, графомъ Безбородкомъ и мною начались переговоры. Мнѣ сказали, что дѣла все болѣе и болѣе запутываются, что въ Кандіи чернь предалась неистовствамъ и сорвала флагъ съ дома русскаго консула. Также носились слухи, что въ Родосѣ, въ слѣдствіе возмущенія, русскій консулъ убитъ. Мы сговорились, съ согласія императрицы, изложить письменно нѣсколько предложеній и тутъ же условились о главныхъ пунктахъ.

Проводивъ насъ до Севастополя, Булгаковъ долженъ былъ отправиться въ Константинополь и представить эти предложенія Портѣ, сообщивъ ихъ однако напередъ французскому послу и австрійскому интернунцію, и дѣйствовать согласно съ ними.

Графъ Безбородко увѣрялъ меня, что онъ немало упрекалъ Булгакова за его поведеніе въ отношеніи къ Шуазелю, чѣмъ русскій посолъ встревожилъ Турокъ. Такъ какъ Безбородко го-

ворилъ совершенно тоже, что Кобенцель, то я не могъ сомнѣваться въ его чистосердечіи. Основные пункты предложеній, нами составленныхъ сообразно съ прежними договорами, были слѣдующіе: Порта должна выдать требуемый фирманъ; споры о зависимости Грузіи прекращаются; Порта должна принудить Алжирцевъ возвратить захваченныя ими русскія суда, дозволить Русскимъ наказать Кубанскихъ Татаръ, которые тогда взяли въ плѣнъ до 1,000 Русскихъ, и удерживать за предѣлами Буга Запорожцевъ, поселившихся на ея земляхъ; за тѣмъ Турки должны обязаться впередъ не забирать соли въ Крыму болѣе установленнаго количества, не возобновлять требованій о выдачѣ господаря Маврокордато, бѣжавшаго въ Россію, и наконецъ наказать бунтовщиковъ, которые нанесли обиду консуламъ императрицы въ Родосѣ и Кандіи. Эти требованія были справедливы. Но, не смотря на это, легко могло случиться, что въ случаѣ неискренности въ дѣйствіяхъ послѣдовалъ бы отказъ; стоило только, вручая этотъ актъ, принять высокомѣрный и грозный видъ. Князь Потемкинъ могъ отважиться на это, имѣя подъ руками готовую армію, состоявшую изъ 153,000 человѣкъ, совершенно снаряженныхъ и расположенныхъ въ Кременчугѣ, Херсонѣ, Елисаветградѣ, Полтавѣ и Крыму. Новое обстоятельство подтвердило однако надежды на миръ. Іосифъ II получилъ непріятное извѣстіе изъ Нидерландовъ, гдѣ возникали безпокойства. Эти смуты, разумѣется, отвлекли его отъ мысли содѣйствовать императрицѣ, если бы она захотѣла начать войну съ Турками. Въ это же время прибылъ въ Херсонъ неаполитанскій дипломатическій агентъ г. Галло подъ предлогомъ изъявить императрицѣ дружественное расположеніе своего двора; но собственно онъ имѣлъ цѣлью осмотрѣть Херсонъ и извѣдать средства къ выгоднѣйшему употребленію торговыхъ льготъ, которыя неаполитанское правительство упрочило договоромъ. 17 Мая мы отправились изъ Херсона въ Кизикермень,

находящійся на правомъ берегу Днѣпра, въ 75 верстахъ отъ Херсона... Здѣсь мы переправились черезъ Днѣпръ. По выходѣ на противуположный берегъ императрица была встрѣчена семьями знатныхъ Татаръ, явившихся съ привѣтствіемъ и послѣдовавшихъ вслѣдъ за государынею. Отсюда до Перекопа мы поѣхали Ногайскою степью. На этой безлѣсной равнинѣ только въ одномъ мѣстѣ видны слѣды человѣческаго труда: это древній бѣлокаменный мостъ, надъ небольшою рѣчкою, называемою Колончакомъ. Татары, какъ Арабы, состоятъ изъ нѣсколькихъ ордъ, изъ которыхъ однѣ живутъ по крымскимъ городамъ, а другія кочуютъ по степи съ своими многочисленными стадами. Когда страна эта была завоевана Русскими, большая часть этихъ кочующихъ ордъ покинули ее и двинулись на Кубань, и потому мы застали только небольшіе станы ихъ; шатры, табуны лошадей, стада и верблюды ихъ нѣсколько оживляли однообразный видъ.

Такъ какъ Потемкинъ всегда старался преодолѣвать препятствія, разнообразить величественныя картины, представлявшіяся взорамъ императрицы, и оживлять даже пустыню, то онъ устроилъ станъ изъ 30 нарядныхъ и богато убранныхъ шатровъ; вокругъ нихъ нежданно передъ очами Екатерины появилось 50 эскадроновъ донскихъ казаковъ. Ихъ живописный азіятскій нарядъ, быстрота движеній, легкость лошадей, ихъ гарцованіе, гиканіе, пики, все это дало намъ возможность позабыть, что мы въ степи, и пріятно провести время, которое иначе показалось бы долгимъ и скучнымъ.

Императрица, будучи недовольна мною, не говорила со мною въ продолженіи нѣсколькихъ дней, но здѣсь она обратилась ко мнѣ съ прежней ласкою. Кто-то усердно постарался увѣрить ее, что я намѣреваюсь воспользоваться отпускомъ и отправиться во Францію. Поэтому, въ Кизикерменѣ, садясь въ карету, она сказала мнѣ: «Напрасно вы связываете себя, графъ. Если вамъ

скучно въ степи, то кто же вамъ мѣшаетъ отправиться въ Парижъ, гдѣ васъ ожидаетъ столько удовольствій?» И затѣмъ она сѣла въ карету, не дождавшись моего отвѣта.

Понятно, что я горѣлъ нетерпѣніемъ получить объясненіе этихъ странныхъ, неожиданныхъ словъ. Только что она расположилась въ своемъ шатрѣ, я подошелъ къ ней и попросилъ ее истолковать мнѣ смыслъ этой непонятной шутки.

Императрица сказала мнѣ: «Это вовсе не была шутка. Я уже не разъ вамъ говорила, что ваши парижскія красавицы, безъ сомнѣнія, сожалѣютъ васъ, что вы должны проѣхать 6,000 верстъ, по варварской странѣ, по степямъ, со скучной царицей. А потому, узнавъ, что вамъ прислали отпускъ, я не хотѣла съ своей стороны задерживать васъ, хотя мнѣ и не хотѣлось бы васъ отпускать.»

Я съ жаромъ опровергалъ ея неосновательное мнѣніе обо мнѣ и моихъ чувствахъ къ ней. «Стало быть, ваше величество, отвѣчалъ я, — вы считаете меня человѣкомъ слѣпымъ, неблагодарнымъ, безразсуднымъ и съ грубымъ вкусомъ. Я даже, къ моему горю, принужденъ видѣть въ этомъ остатокъ вашего предубѣжденія вообще противъ всѣхъ Французовъ, но они не заслуживаютъ такого неосновательнаго осужденія. Нигдѣ васъ такъ не уважаютъ и не цѣнятъ, какъ во Франціи, и въ этомъ отношеніи я вѣрный представитель своихъ соотечественниковъ. Къ искреннему моему сожалѣнію, я долженъ буду на время уѣхать по возвращеніи вашемъ въ Петербургъ, но если вамъ угодно, чтобы я ѣхалъ ранѣе, то это будетъ для меня тоже, что ссылка.»

«Я этого вовсе не хочу, сказала она съ улыбкою; — напротивъ того, мнѣ бы хотѣлось, чтобы вы всегда могли быть при мнѣ, и вы это очень хорошо знаете. Хоть я немножко и посердилась на васъ по случаю недавняго посѣщенія, которымъ меня удостоили ваши умные ученики, бородатые Турки,

но теперь моя досада прошла совершенно.» Послѣ этого она стала говорить о предложеніяхъ, сдѣланныхъ ею Портѣ, и между прочимъ сказала: «Король увидитъ, что я уступчива, искренно желаю мира и вовсе не такъ честолюбива, какъ обыкновенно полагаютъ.» Съ этой поры государыня была со мною снова очень любезна и привѣтлива.

Впрочемъ, когда разошлись отъ императрицы, Іосифъ II, желая воспользоваться прекрасною ночью, взялъ меня подъ руку и отправился со мною гулять. Мы довольно долго ходили по этой обширной равнинѣ, гдѣ взоръ не находилъ преградъ. При видѣ нѣсколькихъ верблюдовъ и татарскихъ пастуховъ, бродившихъ въ степи, императоръ сказалъ мнѣ: «Какое странное путешествіе! Кто бы могъ подумать, что я вмѣстѣ съ Екатериною II, французскимъ и англійскимъ посланниками буду бродить по татарскимъ степямъ! Эта совершенно новая страница въ исторіи!...»

«Мнѣ скорѣе кажется, отвѣчалъ я,—что эта страница изъ «Тысячи и одной ночи», что меня зовутъ Джафаромъ, и что я прогуливаюсь съ халифомъ Гаруномъ Аль-Рашидомъ, по обыкновенію своему, переодѣтымъ.

Чрезъ нѣсколько минутъ послѣ того императоръ вдругъ остановился и, протирая себѣ глаза, сказалъ: «Право, я не знаю, на яву ли это, или ваши слова о «Тысячѣ и одной ночи» подѣйствовали на мое воображеніе: посмотрите въ ту сторону...»

Я обернулся, и предметъ, поразившій его, и мнѣ показался не менѣе страннымъ. Въ самомъ дѣлѣ: шагахъ въ 200 отъ насъ высокая, огромная палатка сама собою двигалась по землѣ и приближалась къ намъ. Не смотря на высокую траву, мы тотчасъ же побѣжали, чтобы по ближе посмотрѣть на это диво. Палатка остановилась, и изъ нея вышло до 30 человѣкъ Калмыковъ. Императоръ приказалъ мнѣ войти и вѣроятно знаками объяснилъ Калмыкамъ, чтобъ они вошли за мною и опустили

занавѣсъ, который закрывалъ входъ въ палатку; такимъ образомъ императоръ, въ шутку, сдѣлалъ меня плѣнникомъ Калмыковъ. Тогда я понялъ все. Вотъ устройство ихъ жилищъ: изъ планокъ дѣлается рѣшотка и составляется круглая загородка, около 4 футовъ вышиною, сдерживаемая сверху деревяннымъ обручемъ, который образуетъ карнизъ. На этомъ кругѣ утверждаютъ длинные шесты, футовъ въ 30, которые на вершинѣ скрѣпляются деревяннымъ кружкомъ. Вся эта рѣшетка затягивается ремнями. Этотъ остовъ накрывается верблюжьей кожею до земли. Покрывало это подымаютъ съ той стороны, которая защищена отъ вѣтра и солнца. Куски той же кожи служатъ вмѣсто кровати и дивановъ. На верху оставляютъ отверстіе для дыма. Въ такомъ шатрѣ удобно помѣщается до 30 человѣкъ, а вокругъ нихъ располагается ихъ скотъ. Когда они оставляютъ мѣсто кочевья, то снимаютъ покрывало, разбираютъ подставки, складываютъ рѣшотку въ связки, и все это сваливаютъ на телѣгу. Но если Калмыки хотятъ только перемѣнить мѣсто для того, чтобы найти лучшее пастбище скоту, то, не разстроивая своего жилья, ставъ внутри палатки и обращаясь всѣ въ одну сторону, приподымаютъ на себѣ рѣшотку и такимъ образомъ переносятъ эти легкіе дома. Именно этотъ переносъ и послужилъ причиною нашего удивленія, когда мы вдругъ увидѣли движущійся шатеръ, между тѣмъ какъ не видно было ни людей, ни животныхъ, двигавшихъ его. Послѣ того какъ я прошелъ нѣсколько шаговъ подъ шатромъ, меня выпустили, и я увидѣлъ императора, смѣявшагося надъ моимъ заключеніемъ. Онъ самъ вошелъ въ шатеръ и согласился со мной, что это жилье довольно уютно для тѣхъ, кто привыкъ къ нему, и что оно можетъ служить хорошею защитою отъ всякихъ непогодъ, во всякое время года.

На другой день мы достигли узкаго Перекопскаго перешейка, отдѣляющаго Черное море отъ Азовскаго. Онъ перерѣзанъ отъ

одного моря къ другому стѣною и рвомъ. Здѣсь видно каменное четыреугольное укрѣпленіе и поселеніе, состоящее изъ нѣсколькихъ домишекъ. Перекопъ есть ключь и ворота ко входу въ Крымскій полуостровъ, которому новая владычица его возвратила старинное названіе Тавриды...

Государыня-побѣдительница имѣла пріятную возможность торжественно вступить въ Тавриду и занять престолъ татарскихъ хановъ, которыхъ предки не разъ заставляли русскихъ князей являться съ поклонами къ высокомѣрнымъ предводителямъ Золотой орды. 19 мая мы проѣхали черезъ знаменитую Перекопскую линію, которая, не смотря на выгодное положеніе и глубину рвовъ, никогда не могла остановить непріятелей и теперь осталась только, какъ предметъ любопытства. Мы осмотрѣли также и защищающую ее крѣпость Оръ [1]). При выѣздѣ нашемъ мы увидѣли довольно значительный отрядъ татарскихъ всадниковъ, богато одѣтыхъ и вооруженныхъ; они выѣхали на встрѣчу государыни, чтобы сопровождать ее на пути.

Монархиня, съ мыслями всегда возвышенными и смѣлыми, пожелала, чтобы во время ее пребыванія въ Крыму ее охраняли Татары, презиравшіе женскій полъ, враги христіанъ и недавно лишь покоренные ея власти. Этотъ неожиданный опытъ довѣрчивости удался, какъ всякій отважный подвигъ.

«Согласитесь, любезный Сегюръ, сказалъ мнѣ смѣясь де-Линь, — что двѣнадцать тысячь Татаръ, которыми мы окружены, могли бы надѣлать тревоги на всю Европу, если бы вздумали вдругъ потащить насъ къ берегу, посадить на суда августѣйшую государыню и могущественнаго римскаго императора и увезти ихъ въ Константинополь, къ великому удовольствію его величества Абдулъ-Гамета, владыки и повелителя правовѣрныхъ! И эта шутка не была бы вовсе преступленіемъ съ ихъ стороны: они

¹) Перекопъ назывался по турецки Оръ-Капи.

въ правѣ захватить двухъ монарховъ, которые овладѣли ихъ стороною, свергнули ихъ хана и уничтожили ихъ независимость.» Къ счастію, эти мысли не пришли на умъ великодушнымъ сынамъ Магомета.

Мы очень спокойно ѣхали подъ ихъ защитою и остановились переночевать въ урочищѣ Айбаръ, гдѣ для насъ расположенъ былъ станъ, а для императрицы выстроенъ довольно красивый домикъ. Меня и Фитцъ-Герберта помѣстили въ одну изъ тѣхъ татарскихъ палатокъ, которыя я уже описалъ. Русскимъ казалось страннымъ видѣть французскаго и англійскаго пословъ въ пріязненныхъ отношеніяхъ, не смотря на противоположность ихъ политическихъ дѣйствій. Если бы кто вздумалъ отозваться дурно объ одномъ, другой бы, конечно, вступился за него.

Императрицу забавляла эта необыкновенная дружба, и безъ сомнѣнія, она, ради шутки, заставила насъ спать въ одной палаткѣ и писать на одномъ столѣ депеши, разумѣется, совершенно разногласныя.

20 іюня переѣхали мы черезъ Салгиръ и, оставивъ за собою степи, вступили въ гористую мѣстность. Здѣсь, къ удовольствію нашему, мы снова увидѣли тѣнистую зелень, живописныя поля, красивые домики, поселянъ дѣятельныхъ и трудолюбивыхъ; во всемъ, наконецъ, мы замѣчали присутствіе движенія и жизни, которыхъ и слѣда не было въ пустынной, безлюдной степи. Вечеромъ мы прибыли въ Бахчисарай, и весь дворъ помѣстился во дворцѣ прежнихъ хановъ. Бахчисарай расположенъ въ узкой долинѣ или, лучше сказать, въ ущельи рѣки Чуруксу... Дурно выстроенные дома размѣщены полукружіемъ на покатостяхъ окружныхъ горъ, которые висятъ надъ ними и ежеминутно, кажется, грозятъ завалить ихъ своими огромными скалами. Это странное мѣстоположеніе представляетъ крайне любопытное зрѣлище для путешественника. Въѣздъ въ городъ не безопасенъ, и едва не испытала этого сама императрица въ то время, какъ, завидѣвъ

бахчисарайскіе минареты, она уже приближалась къ цѣли своей и заранѣе наслаждалась удовольствіемъ возсѣсть на мусульманскій престолъ, завоеванный ея оружіемъ. Въ Бахчисарай въѣзжаютъ или, лучше сказать, спускаются по чрезвычайно крутому спуску, между скалъ. Карета государыни была грузна; ретивыя лошади, почувствовавъ бремя непривычной для нихъ тяжести, понесли и помчались по скаламъ съ такою быстротою, что мы ежеминутно ожидали, что карета свернется на бокъ и разобьется въ дребезги. Напрасно Татары силились удержать лошадей; на лицѣ Екатерины, какъ я слышалъ отъ императора, не видно было ни малѣйшаго слѣда страха. Наконецъ лошади, счастливо проѣхавъ по камнямъ, при въѣздѣ въ одну улицу, остановились разомъ, такъ что нѣкоторыя изъ нихъ упали. При этомъ карета наѣхала на нихъ и опрокинулась бы, еслибъ Татары ее не поддержали.

Не смотря на то, что Бахчисарай опустѣлъ послѣ войны, въ немъ было до 9,000 жителей, большею частію все мусульманъ. Новое правительство не препятствовало имъ торговать и отправлять свое богослуженіе; они ненарушимо сохранили свои прежніе обычаи, такъ что мы какъ будто находились въ какомъ-нибудь турецкомъ или персидскомъ городѣ, съ тою только разницею, что мы свободно могли осматривать его, не подвергаясь притѣсненіямъ, какимъ христіане подвергаются на востокѣ. Прежде всего меня поразили лѣнь, спѣсь и притворное или врожденное равнодушіе татарскихъ и персидскихъ купцовъ. Старые и молодые Татары и Турки сидѣли молча у дверей своихъ домовъ или въ лавкахъ, не выражая ни удивленія, ни любопытства, ни хоть какого-нибудь признака радости или неудовольствія при видѣ новаго для нихъ и пышнаго поѣзда, который во всей красѣ представлялся ихъ взорамъ; они были неподвижны, не вставали, не обращали на насъ ни малѣйшаго вниманія, иногда даже отворачивались. Эти изувѣры, считая себя всегда выше насъ и называя насъ невѣрными и собаками,

даже побѣжденные, сохраняютъ свое глупое высокомѣріе. Они никогда не сознаютъ своего невѣжества и потери на войнѣ приписываютъ одному предопредѣленію.

Намъ сказали, что ханскій дворецъ, въ которомъ мы помѣстились, былъ построенъ по образцу константинопольскаго сераля, только въ меньшемъ размѣрѣ. Онъ на берегу рѣки, вдоль которой Татары устроили набережную. Къ дворцу подъѣзжаютъ черезъ небольшой каменный мостикъ и широкій дворъ. На лѣвой сторонѣ мечеть, подалѣе—конюшни, направо — самый дворецъ, одноэтажный и состоящій изъ нѣсколькихъ зданій различной величины; онъ окруженъ садомъ, раздѣленнымъ на четыре части.

Близъ мечети—кладбище, гдѣ хоронили хановъ, вельможъ и духовенство; оно весьма живописно, какъ и повсюду на востокѣ, разнообразіемъ гробницъ и красотою деревъ, ихъ осѣняющихъ.

Ихъ императорскія величества заняли бывшіе ханскіе покои. Фитцъ-Гербертъ, Кобенцель, де-Линь и я помѣстились въ комнатахъ сераля; къ нимъ примыкалъ красивый садъ, окруженный высокою стѣною. Единственною мебелью въ этихъ комнатахъ были широкіе диваны вдоль всей стѣны. Средину комнаты занимало вмѣстилище для воды изъ бѣлаго мрамора съ фонтаномъ, безпрерывно струившимъ потокъ чистой, свѣжей воды. Комната была полуосвѣщена, стекла въ окнахъ были расписаны; когда мы отворяли окно, то и тогда лучи солнца едва проникали чрезъ густыя вѣтви розовыхъ, лавровыхъ, жасминныхъ, гранатовыхъ и померанцовыхъ деревъ, закрывавшихъ окна своею зеленью и замѣнявшихъ намъ занавѣси.

Я помню, что разъ лежалъ я на моемъ диванѣ, разслабленный чрезвычайнымъ жаромъ и наслаждаясь журчаніемъ фонтана, прохладою тѣни и запахомъ цвѣтовъ. Я предался восточной нѣгѣ и замечтался, какъ истый паша. Вдругъ вижу предъ

собою маленькаго старичка, въ длинной одеждѣ, съ бѣлою бородою и съ красной шапочкою на лысой головѣ.

Наружность его, видъ покорности и азіатскій поклонъ дополнили мое очарованіе, и я на нѣсколько минутъ вообразилъ себя совершеннымъ мусульманскимъ владыкою, къ которому какой-нибудь ага или бостанджи явился за приказаніями. Такъ какъ этотъ человѣкъ зналъ немного языкъ франковъ, т. е. болталъ по италіянски, то я узналъ отъ него, что онъ былъ садовникомъ хана Сагимъ-Гирея. Я взялъ его себѣ вожатымъ, и онъ провелъ меня по всѣмъ извилистымъ переходамъ восточнаго дворца, котораго расположеніе трудно было бы описать. Покоренные магометане не смѣли ни въ чемъ намъ отказывать, и мы вошли въ мечеть въ молитвенное время. Намъ представилось грустное зрѣлище: 30 или 40 восторженныхъ дервишей, называемыхъ по арабски вертящимися, быстро кружились, какъ спущенные волчки, крича изо всей мочи «аллахъ-гу» и притомъ съ такимъ изступленіемъ, что наконецъ падали ницъ, обезсиленные и едва дышащіе....

Не далеко отъ города, на горѣ, находится поселеніе Евреевъ-Караимовъ; они принадлежатъ къ числу древнѣйшихъ обитателей Крымскаго полуострова. Они одни изъ числа Евреевъ придерживаются закона Моисеева, не признавая притомъ Талмуда. Пять верстъ подалѣе есть еще гора, одиноко-стоящая и высокая, называемая Тіапъ-каирменъ. Въ ея каменистомъ грунтѣ въ три ряда вырыты пещеры. Въ окрестностяхъ Бахчисарая множество прекрасныхъ дачь, принадлежавшихъ нѣкогда татарскимъ князьямъ и ихъ женамъ.

Императрица провела въ Бахчисараѣ только пять дней. Удовольствіе выражалось во всѣхъ чертахъ лица ея: она наслаждалась гордостью государыни, женщины и христіанки при мысли, что заняла тронъ хановъ, которые нѣкогда были владыками Россіи и еще не задолго до своей гибели вторгались въ русскія

области, препятствовали торговлѣ, опустошали вновь завоеванныя земли и мѣшали утвержденію русской власти въ этихъ краяхъ. Мы наслаждались почти наравнѣ съ нею новостью нашего положенія, которое позволяло намъ безпрепятственно и обстоятельно осмотрѣть внутренность знаменитыхъ гаремовъ, въ другихъ мѣстахъ недоступныхъ христіанскому глазу. На первыхъ порахъ послѣ завоеванія этого края множество Татаръ стало выселяться. Но кротость и терпимость Екатерининскаго правительства вскорѣ умѣрили негодованіе гордыхъ мусульманъ и внушили имъ довѣріе. 50,000 изъ нихъ не только рѣшились остаться на мѣстѣ, но многіе изъ выселившихся просили позволенія возвратиться; однако просьбы ихъ удовлетворяли неохотно, ибо по опыту извѣстно было, что они не будутъ дѣятельными земледѣльцами.

Разставшись съ Бахчисараемъ, мы ѣхали по роскошнымъ долинамъ, черезъ рѣку Кабарту; берега ея такъ живописны, что всѣ прилежащія селенія походятъ на сады. Къ обѣду мы прибыли въ Инкерманъ, называвшійся у Грековъ Өеодорой, а у Татаръ—Ахтіаромъ [1]. Здѣсь высокія горы полукружіемъ огибаютъ широкій и глубокій заливъ, гдѣ нѣкогда стояли древніе города Херсонесъ и Евпаторія. Эту знаменитую пристань полуострова Херсонеса Таврическаго, позже называвшагося Гераклейскимъ, императрица назвала Севастополемъ. Видъ береговъ Тавриды, посвященныхъ Геркулесу и Діанѣ, напомнилъ намъ миѳическія времена Грековъ и уже болѣе историческую эпоху босфорскихъ царей и Митридата.

Между тѣмъ какъ ихъ величества сидѣли за столомъ, при звукахъ прекрасной музыки, внезапно отворились двери большаго балкона, и взорамъ нашимъ представилось величественное зрѣлище: между двумя рядами татарскихъ всадниковъ мы увидѣли

---

[1]) Ахтіаромъ собственно называлось мѣстечко, гдѣ построенъ Севастополь, а Инкерманъ въ семи верстахъ оттуда.

заливъ верстъ на 12 въ даль и на 4 въ ширину; посреди этого залива, въ виду царской столовой, выстроился въ боевомъ порядкѣ грозный флотъ, построенный, вооруженный и совершенно снаряженный въ два года. Государыню привѣтствовали залпомъ изъ пушекъ, и грохотъ ихъ, казалось, возвѣщалъ Понту Евксинскому о присутствіи его владычицы и о томъ, что не болѣе, какъ черезъ 30 часовъ, флаги ея кораблей могутъ развѣваться въ виду Константинополя, а знамена ея арміи—водрузиться на стѣнахъ его. Мы спустились въ заливъ. Екатерина обозрѣвала корабли свои и дивилась глубинѣ и ширинѣ залива, вырытаго природою, будто съ намѣреніемъ устроить здѣсь прекраснѣйшую пристань въ мірѣ. Проѣхавъ заливъ, мы пристали къ подножію горы, на которой полукружіемъ возвышался Севастополь, построенный Екатериною. Нѣсколько зданій для складки товаровъ, адмиралтейство, городскія укрѣпленія, 400 домовъ, толпы рабочихъ, сильный гарнизонъ, госпиталь, верфи, пристани, торговая и карантинная, все придавало Севастополю видъ довольно значительнаго города. Намъ казалось непостижимымъ, какимъ образомъ въ 2,000 верстахъ отъ столицы, въ недавно пріобрѣтенномъ краѣ, Потемкинъ нашелъ возможность воздвигнуть такія зданія, соорудить городъ, создать флотъ, утвердить портъ и поселить столько жителей: это дѣйствительно былъ подвигъ необыкновенной дѣятельности.

Три корабля, спущенные при насъ въ Херсонѣ, и другіе изъ Таганрога должны были прибыть сюда вскорѣ. Но между тѣмъ въ заливѣ уже стояла эскадра изъ 25 военныхъ кораблей, совершенно вооруженныхъ, снабженныхъ всѣмъ нужнымъ и готовыхъ по первому мановенію Екатерины тотчасъ же стать подъ паруса.

Входъ въ заливъ спокоенъ, безопасенъ, защищенъ отъ вѣтровъ и достаточно узокъ, такъ что съ береговыхъ баттарей можно открыть перекрестный огонь, и даже ядра могутъ долетать

съ одной стороны на другую. Естественно было думать, что видъ такихъ силъ на морѣ и на сушѣ, воспламенитъ воображеніе императрицы и пробудитъ ея честолюбіе. Лесть и похвалы придворныхъ, воинственныя рѣчи и порывы любимаго министра, князя де-Линя и Нассау-Зигена могли отвратить императрицу отъ миролюбивыхъ намѣреній, прежде выраженныхъ ею. Но, повидимому, она оставалась непреклонною. Инструкціи, посланныя по окончаніи херсонскихъ совѣщаній остались неизмѣнными; и Булгакова отослали обратно въ Константинополь съ порученіемъ представить Портѣ предложенія о миролюбивомъ соглашеніи въ томъ видѣ, какъ эти предложенія были составлены. Императрицѣ хотѣлось узнать мое мнѣніе о новыхъ преобразованіяхъ во флотѣ. «Ваше величество, сказалъ я,—загладили тяжкое воспоминаніе о Прутскомъ мирѣ. Запорожскихъ разбойниковъ вы превратили въ полезныхъ подданныхъ и подчинили Татаръ, прежнихъ поработителей Россіи. Наконецъ основаніемъ Севастополя вы довершили на югѣ то, что Петръ началъ на сѣверѣ. Вамъ остается одинъ только славный подвигъ—одержать побѣду надъ природою, населить и оживить всѣ этѣ завоеванныя земли и обширныя степи, чрезъ которыя мы недавно проѣзжали.» Въ самомъ дѣлѣ, ничто уже не могло помѣшать Екатеринѣ скромно наслаждаться совершеніемъ такого подвига,—развѣ бы она захотѣла, вмѣсто занятій этимъ полезнымъ дѣломъ, отважиться на новыя завоеванія и, можетъ быть, тѣмъ повредить своей славѣ, потому что нерѣдко нежданныя неудачи разстроиваютъ самыя обдуманныя предпріятія и внезапно омрачаютъ царствованія самыя славныя. Неудачи Людовика XIV въ старости, потери Карла XII, затруднительное положеніе Петра Великаго при Прутѣ, истребленіе арміи Наполеона,—это великіе уроки, которые геніи всѣхъ вѣковъ испытывали въ превратностяхъ войны, но которымъ они, къ несчастью, не внимали, полагаясь на свою силу и на свое счастіе. Вѣроятно, подобныя мысли останавли-

вали рѣшимость Екатерины и боролись въ умѣ ея съ внушеніями ея честолюбія, ея министровъ и царедворцевъ.

Близъ монастыря св. Георгія, въ мѣстности, полной воспоминаній и очарованій, императрица пожаловала землю князю де-Линю. Едва ли она могла сдѣлать приличнѣйшій подарокъ этому отличному умному человѣку, который, при своемъ воинственномъ нравѣ, скорѣе являлся какимъ-то сказочнымъ и романтическимъ витяземъ, нежели лицомъ историческимъ.

Мы съ Нассау-Зигеномъ проѣхались вдоль по южному берегу и видѣли портъ Символонъ [1]). Здѣсь, какъ и во всѣхъ почти пристаняхъ Херсонеса Гераклейскаго, встрѣчаются часто пещеры съ комнатками, часовнями, кельями и надгробными камнями съ греческими надписями. Грустно смотрѣть на эти скалы, эти крутыя горы, глубокія пещеры и страшныя ущелья. Это мѣста, поистинѣ достойныя служить жилищами Таврамъ и ихъ доброму царю Тоанту. Полные мрачныхъ впечатлѣній, мы не могли разсѣяться видомъ Балаклавы, прежняго Символона. Это торговый городъ, почти исключительно населенный Греками, Армянами и Жидами, сохранившими полную свободу богослуженія и обычаевъ подъ русскимъ, также какъ и подъ татарскимъ владычествомъ.

Какъ во всѣхъ старинныхъ греческихъ или восточныхъ городахъ, здѣсь улицы узки, дома низки и мостовая изъ разноцвѣтныхъ камней. Дѣятельные, промышленные жители здѣшніе, чтобы украсить это скучное мѣсто, стараются разводить сады на склонѣ черныхъ, высокихъ горъ, ихъ окружающихъ.

Присоединясь снова ко двору, мы вмѣстѣ отправились изъ Севастополя обратно въ Бахчисарай. На этомъ пути мы не встрѣтили ничего примѣчательнаго, кромѣ высокой горы Бакля-

---

[1]) Греческій *Символонъ*, у Генуезцевъ—*Цембало*, теперь по турецкому имени *Балаклава*.

Коба, съ верху до низу изрытой пещерами. Когда здѣсь господствовало самовластіе, то лишь въ нѣдрахъ земли люди находили убѣжище и покой. Въ Бахчисараѣ князь де-Линь разъ приходитъ ко мнѣ смѣясь и говоритъ: «Знаете ли, чѣмъ заняты теперь наши царственные путешественники, могущественный императоръ римскій и знаменитая самодержица всея Россіи? Я уловилъ нѣсколько словъ изъ разговора двухъ великихъ монарховъ. Кто бы могъ подумать, любезный другъ? Они откровенно бесѣдуютъ о прекраснѣйшемъ предпріятіи—о возстановленіи греческихъ республикъ!

«Вы меня не такъ удивляете, какъ думаете, отвѣчалъ я,—нельзя не жить духомъ своего времени: его впитываешь въ себя невольно. Въ нашемъ вѣкѣ вѣетъ философіею и свободою и въ дворцахъ, и въ хижинахъ. Нельзя удержать этого стремленія, и если захотятъ это сдѣлать, то подымутъ бурю, какъ Англичане въ Америкѣ.»

Де-Линь сталъ смѣяться надъ моими мечтами. Мы и не думали тогда, что слова эти сдѣлаются предсказаніемъ.

Естественно, что когда мы жили въ сералѣ ханскомъ, наружность, самый воздухъ этихъ сладострастныхъ покоевъ возбуждали наше воображеніе. Любопытство де-Линя, который былъ моложавѣе въ пятьдесятъ лѣтъ, нежели я въ тридцать, вовлекло меня въ шалость, къ счастію, не имѣвшую тѣхъ послѣдствій, какихъ можно было ожидать; однако мы получили строгій и заслуженный урокъ. Мусульманину нельзя сдѣлать злѣйшей обиды, какъ знакомствомъ съ его женою. Въ этомъ отношеніи всякое сообщеніе, даже взглядами, запрещено всѣмъ, кромѣ мужа. Это запрещеніе подстрекло любопытство князя, и онъ сказалъ мнѣ: «Какая польза намъ гулять по огромному саду, если намъ запрещено любоваться цвѣтами. По крайней мѣрѣ, до отъѣзда изъ Крыма, надобно хоть увидѣть какую нибудь Татарку безъ покры-

вала; я на это рѣшился: хотите быть моимъ товарищемъ въ этомъ предпріятіи?»

Я не устоялъ противъ искушенія, и мы пошли бродить по долинамъ. Но надежда долго насъ обманывала. Наконецъ, не подалеку отъ уединеннаго домика, на опушкѣ маленькаго лѣса, мы увидѣли трехъ женщинъ, сидя мывшихъ себѣ ноги въ свѣтломъ ручьѣ. Приблизившись какъ можно тише между деревьями, мы наконецъ успѣли помѣститься противъ нихъ, подъ прикрытіемъ куста. Такъ какъ покрывала этихъ женщинъ лежали подлѣ нихъ на землѣ, то мы прекрасно могли ихъ разсмотрѣть. Но, увы, какое разочарованіе! Изъ нихъ не было ни одной молодой и хорошенькой, даже сносной. Мой товарищъ не кстати вскрикнулъ: «Признаюсь, Магометъ недурно сдѣлалъ, что велѣлъ имъ закрываться!»

Услышали ли насъ, или насъ выдалъ шелестъ листьевъ, только наши три мусульманки выскочили и съ криками побѣжали. Мы было за ними, чтобы ихъ успокоить, какъ вдругъ видимъ Татаръ, бѣгущихъ съ горъ, тоже съ криками, бросающихъ въ насъ каменьями и грозящихъ кинжалами. Такъ какъ мы не приготовились къ битвѣ, то, не дожидаясь ихъ приближенія, пустились бѣжать и укрылись отъ преслѣдователей въ чащѣ лѣса. До тѣхъ поръ дѣло было еще неважно по ложному правилу, что скрытый грѣхъ въ половину прощенъ. Но мой неблагоразумный соучастникъ не удовольствовался этимъ. На другой день за столомъ мы замѣтили, что императрица грустна и молчалива; императоръ былъ погруженъ въ думы; Потемкинъ пасмуренъ и разсѣянъ. Разговоръ какъ-то не клеился или совсѣмъ замолкалъ. Вдругъ де-Линь, естественный врагъ скуки, чтобы разсѣять императрицу и развеселить собесѣдниковъ, вздумалъ разсказать нашу шалость и вчерашнее происшествіе. Какъ ни подталкивалъ я его, онъ смѣло продолжалъ свой разсказъ. Слушатели уже начали было смѣяться, чего онъ и ожидалъ,

какъ вдругъ Екатерина, взглянувъ на насъ величаво и строго, сказала: «Господа, эта шутка весьма неумѣстна и можетъ послужить дурнымъ примѣромъ. Вы посреди народа, покореннаго моимъ оружіемъ; я хочу, чтобы уважали его законы, его вѣру, его обычаи и предразсудки. Если бы мнѣ разсказали эту исторію и не назвали бы дѣйствующихъ лицъ, то я бы никакъ не подумала бы на васъ, а стала бы подозрѣвать моихъ пажей, и они были бы строго наказаны.»

Намъ нечего было возражать на это. Де-Линь замолкъ также, какъ и я, досадуя на свою неумѣстную болтливость. Наше смиреніе понравилось императрицѣ, и она снова развеселилась; даже чрезъ нѣсколько дней послѣ этого, назначивъ аудіенцію одной мусульманской княжнѣ, племянницѣ Сагимъ-Гирея, она позволила намъ спрятаться такъ, чтобы мы могли ее увидѣть, оставаясь сами незамѣченными. Княжна была красивѣе нашихъ трехъ Татарокъ. Однакожъ черненыя брови и лоснящееся румянами лицо придавали ей видъ куклы, не смотря на прекрасные глаза.

Мы не долго пробыли въ Бахчисараѣ и, покинувъ его скалы и ханскій дворецъ съ сералемъ, пріѣхали къ берегамъ Салгира, въ городъ Ахмечеть, названный Екатериною Симферополемъ. Теперь это главный городъ полуострова; онъ лежитъ посреди равнины, окруженной пригорками, между которыми долины, полныя свѣжею зеленью, красивыми садами, величественными, остроконечными тополями. Богатые Татары, населяющіе эти долины, выбираютъ красивыя деревья съ широко раскинувшимися вѣтвями и посреди этой древесной чащи строятъ красивыя бесѣдки. Яркіе, пестрые цвѣта этихъ воздушныхъ, висячихъ павильоновъ придаютъ имъ необыкновенно привлекательный видъ для взора путешественника. Ахмечеть служилъ мѣстопребываніемъ *калга-султановъ*, [1]) первыхъ военныхъ чинов-

[1]) Калга-султанъ—наслѣдникъ ханскій.

никовъ и полководцевъ крымскихъ хановъ. Въ этомъ городѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, гдѣ мы останавливались въ продолженіи нашего пути, для императрицы былъ приготовленъ покойный, красивый и просторный домъ. Въ Симферополѣ мы пробыли только одинъ день (26 мая). Оттуда мы отправились въ Карасу-Базаръ, который у Грековъ назывался Мавронъ-Кастронъ. Этотъ городъ, въ широкой долинѣ, на берегу рѣки Карасу, былъ одинъ изъ значительнѣйшихъ въ Тавридѣ. Мы могли только любоваться прекраснымъ его мѣстоположеніемъ: въ немъ не было замѣчательныхъ зданій или древнихъ развалинъ. Дома, какъ всѣ татарскіе дома, неправильно построены, низки и расположены безъ всякой соразмѣрности. До завоеванія городъ этотъ, также какъ Симферополь, принадлежалъ калга-султану. Крымскія горы, которыя начинаются отъ береговъ Салгира, не образуютъ стройной гряды до самаго Карасу-Базара. Но отъ этого города онѣ цѣпью идутъ съ одной стороны къ Бахчисараю, съ другой до Стараго Крыма.

Если природа въ этихъ мѣстахъ не представляла августѣйшимъ путешественникамъ предметовъ, достойныхъ ихъ любопытства, то неутомимая дѣятельность князя Потемкина дополнила этотъ недостатокъ.

Кромѣ прекрасной широкой дороги, которую онъ пробилъ и выровнилъ трудами своихъ солдатъ, онъ съ ихъ же помощію развелъ на берегу Карасу обширный англійскій садъ и посреди его выстроилъ изящнѣйшій дворецъ. Здѣсь уже не Армида чаровала Ринальда; напротивъ русскій Ринальдъ совершалъ диво для своей Армиды. Когда вечеромъ Екатерина вышла изъ дворца, чтобы насладиться прохладною тѣнью, свѣжестью воды и запахомъ цвѣтовъ, между тѣмъ какъ солнце скрывалось за темными долинами, всѣ пригорки на десять верстъ кругомъ вспыхнули тремя рядами разноцвѣтныхъ огней. Посреди этого горящаго круга возвышалась конусообразная гора, на которой яркими чер-

тами блисталъ вензель императрицы. Изъ вершины горы вспыхнулъ прекрасный фейерверкъ, завершенный взрывомъ трехъ сотъ тысячь ракетъ. На слѣдующій день послѣ этого праздника, котораго пышность, кажется, разшевелила гордыхъ и равнодушныхъ мусульманъ, Екатерина, сдѣлавъ смотръ огромнаго корпуса войскъ, уѣхала, въ сопровожденіи обычныхъ своихъ татарскихъ тѣлохранителей, черезъ горы, въ направленіи къ Судаку. На пути мы проѣхали черезъ греческое поселеніе Топли и татарскую деревню Елбузи.

Судакъ довольно изрядная пристань для судовъ. Городъ, въ 55 верстахъ отъ Карасу-Базара, выстроенъ на высокой и одинокой скалѣ, близъ моря. Скала съ трехъ сторонъ окружена горами и весьма глубокими пропастями; видъ этотъ понравился мнѣ своимъ разнообразіемъ и величавостью.

Судацкій виноградъ почитается лучшимъ въ Крыму; онъ разросся по долинѣ почти на 12 верстъ. Плодовитыя лозы растутъ вмѣстѣ со множествомъ фруктовыхъ деревъ и такимъ образомъ составляютъ естественный садъ, который пріятно поражаетъ взоръ, особенно противоположностью своей съ окрестными высокими горами, шумящими водопадами и мрачными рощами. Мы продолжали путь по западному берегу Тавриды и прибыли въ Старый Крымъ, въ 20-го верстахъ отъ Судака и столькихъ же отъ Ѳеодосіи. Старый Крымъ, извѣстный съ VI вѣка, въ XIII сталъ значительнымъ городомъ по торговлѣ. Торговля эта упала послѣ нашествія Татаръ; однакожь нѣкоторые изъ ихъ хановъ имѣли здѣсь свое мѣстопребываніе. Греки называли его Каркой, а Татары — Эски-Крымомъ, т. е. старою крѣпостью. Императрица дала ему наименованіе Левкополя. Мы проѣхали по обширной долинѣ, окруженной горами, привлекающими вниманіе разнообразіемъ своихъ уступовъ и извилинъ. Между ними есть высокая гора, съ которой видно Черное и Азовское моря и Сивашъ. Мы останавливались не

долго и въ нѣсколько часовъ достигли стѣнъ или, лучше сказать, развалинъ несчастной и знаменитой Ѳеодосіи.

Она носила это благозвучное имя во времена своего величія. Татары, пораженные ея великолѣпіемъ, назвали ее Керимъ-Стамбули, т. е. Крымскимъ Константинополемъ. Со времени ея разрушенія ее звали Каффою. Екатерина возвратила ей древнее названіе, но, вѣроятно, безъ намѣренія возвратить ей прежнее величіе. Когда Екатерина сдѣлалась владѣтельницею Крыма, сохранялись только остатки этого знаменитаго города. Мы нашли въ немъ едва 2000 жителей, бродящихъ среди развалинъ храмовъ, дворцовъ, пышныхъ зданій; здѣсь царствовало безмолвіе разрушенія. При взглядѣ на эту мрачную картину, столь противуположную съ волшебными созданіями, доселѣ поражавшими взоры императрицы, она не могла удержать порывы грусти. Казалось, сама судьба хотѣла въ концѣ этой торжественной поѣздки умѣрить восторгъ ея грустнымъ видомъ этихъ краснорѣчивыхъ свидѣтелей человѣческой превратности и разрушенія, которому должны подвергнуться цвѣтущіе города, и котораго не избѣгнутъ величайшія государства. Чтобы разсѣять впечатлѣніе, произведенное этими развалинами и этою пустынею, мы проѣхались по Керченскому полуострову... Императрица прежде намѣревалась обогнуть его по берегу въ направленіи къ сѣверу, чтобы затѣмъ увидѣть Арабатъ, Маріуполь, Таганрогъ, Черкаскъ, главный городъ Донскихъ казаковъ и наконецъ Азовъ. Но осеннее время, вредный береговой климатъ и важность дѣлъ, призывавшихъ ее въ столицу, заставили ее перемѣнить это намѣреніе. И такъ Ѳеодосія была предѣломъ нашего огромнаго путешествія.

Передъ отъѣздомъ изъ края этихъ печальныхъ развалинъ со мною случилось странное приключеніе, которое однако я бы не счелъ нужнымъ разсказывать, еслибы оно, по моему мнѣнію, не давало настоящаго понятія о странѣ, въ которой господствуетъ

неволя, и вмѣстѣ съ тѣмъ не выказывало бы оригинальности Потемкина. Мы уже готовы были къ отъѣзду; императрица уже сѣла въ карету, и я, чтобы послѣдовать за нею, быстро спускался по наружной лѣстницѣ дворца. Вдругъ вижу я молодую женщину, въ азіятской одеждѣ; ея станъ, походка, глаза, лобъ, ротъ, словомъ всѣ черты отличались непостижимымъ сходствомъ съ чертами моей жены. Я онѣмѣлъ отъ удивленія; я думалъ,— не во снѣ ли я; въ первыя минуты я предположилъ, что жена моя пріѣхала ко мнѣ изъ Франціи, что отъ меня это скрыли и вздумали приготовить мнѣ нечаянную встрѣчу. Вѣдь воображеніе живо, а я находился въ странѣ чудесъ. Однако Потемкинъ, замѣтивъ, что я онѣмѣлъ, какъ статуя, и не отвѣчаю на его зовъ, пошелъ сказать объ этомъ императрицѣ. Молодая женщина удалилась; короткій сонъ мой разсѣялся; въ нѣсколькихъ словахъ разсказалъ я его князю.

«Не ужели она до такой степени похожа», сказалъ онъ мнѣ.

«Похожа до невѣроятности», возразилъ я.

«Такъ что же, батюшка, сказалъ онъ смѣясь, — эта молодая Черкешенка принадлежитъ человѣку, который отдастъ ее мнѣ, и только что мы пріѣдемъ въ Петербургъ, я вамъ ее подарю.»

«Благодарю васъ, сказалъ я въ свою очередь; — я не приму ея и полагаю, что этотъ порывъ чувства покажется неприличнымъ моей женѣ.»

Мы разстались, и я думалъ, что тѣмъ дѣло и кончится. Но вскорѣ князь далъ мнѣ почувствовать, что мой отказъ ему не понравился, и ему показалось, что я черезъ чуръ спѣсивъ и не хочу принять отъ него подарка. Я сказалъ ему, что докажу ему противное и согласенъ принять все, что ему вздумается мнѣ подарить. Онъ не позабылъ этого и, по возвращеніи своемъ въ столицу, послѣ взятія Очакова, далъ мнѣ калмыцкаго мальчика, котораго звали Нагуномъ, и у котораго была преоригинальная китайская рожица. Я занялся имъ нѣсколько времени,

училъ его читать; но передъ отъѣздомъ моимъ во Францію графиня Кобенцель, которой онъ понравился, такъ усердно стала упрашивать меня оставить его у нея, что я согласился. Я сохранилъ изображеніе этого Калмыченка.

Мы выѣхали изъ Каффы, чтобы начать обратный путь въ Петербургъ. Проѣхавъ снова Крымскія пустыни, Перекопскій перешеекъ и Ногайскія степи, мы прибыли въ Кизикирменъ, гдѣ Іосифъ II и Екатерина разстались, возобновивъ взаимныя увѣренія въ дружбѣ, скрѣпленной еще тверже этою долгою поѣздкой. Оттуда мы отправились въ Кременчугъ, гдѣ императрица отдохнула.

Императоръ объявилъ мнѣ передъ своимъ отъѣздомъ, что онъ, посѣтивъ Кинбурнъ, Галицію и свою столицу, соберетъ потомъ свою армію на большіе маневры, и приглашалъ меня къ себѣ, когда я оставлю Петербургъ и поѣду въ отпускъ. Въ послѣднее время нашего путешествія, когда мы возобновили съ нимъ наши обычныя прогулки по степи, государь, разговаривая со мною о константинопольскихъ дѣлахъ, довольно откровенно высказалъ мнѣ политическія намѣренія свои и Екатерины. Я считаю нелишнимъ въ нѣсколькихъ словахъ передать этотъ разговоръ, чтобы показать его сужденія о личности императрицы, ея учрежденіяхъ, замыслахъ и могуществѣ.

«Надѣюсь, что вы теперь довольны, сказалъ онъ мнѣ однажды;—Булгаковъ и Гербертъ представятъ Портѣ предложенія, которыя составлены съ вашего согласія. Увѣрены ли вы теперь въ возможности міра?»

«Графъ, отвѣчалъ я (онъ не на шутку сердился, когда въ разсѣянности ему говорили: государь или ваше величество),— теперь все зависитъ отъ того, какъ императрица смотритъ на эти предложенія, и какъ ихъ представятъ турецкому правительству. Можетъ быть, она видитъ въ нихъ только готовый матеріалъ для манифеста. Я боюсь, что зрѣлище военныхъ

силъ, собранныхъ государыней на морѣ и на сушѣ, разсѣетъ въ умѣ ея опасенія на счетъ препятствій, которыя могутъ встрѣтить ея властолюбивые замыслы. Все готово, и если она вздумаетъ воспользоваться предлогомъ, что Турки медлятъ удовлетворить ея требованіямъ, то часть ея войска можетъ осадить Очаковъ и Аккерманъ. Эти укрѣпленія не могутъ долго держаться; ихъ возмутъ безъ затрудненій. Въ тоже время другая часть арміи, переправясь на севастопольскомъ флотѣ, можетъ выйти на берегъ между Варною и Константинополемъ, угрожать турецкой столицѣ и даже взять ее, если страхъ овладѣетъ умами суевѣрныхъ мусульманъ. Напротивъ того Турки, лишившись Крыма, если захотятъ напасть на Русскихъ, должны будутъ пройти черезъ Болгарію, Бессарабію, Молдавію, Валахію и Новую Сербію, гдѣ съ трудомъ можетъ держаться регулярное войско. Къ тому же 500,000 Русскихъ достаточно, чтобы задержать ихъ на Бугѣ или на Днѣстрѣ. Одни только политическія затрудненія могутъ остановить государыню, и вы лучше меня знаете, до какой степени она должна опасаться препятствій съ этой стороны.»

«Я очень хорошо васъ понимаю, отвѣчалъ императоръ;— моя уступчивость во время завоеванія Крыма заставляетъ васъ думать, что я соглашусь на новыя завоеванія. Вы ошибаетесь: я искренно желаю сохраненія мира. Занятіе Крыма Русскими меня не потревожило: единственнымъ послѣдствіемъ этого было умиреніе Турокъ; у нихъ отнята была возможность начать наступательную войну. Къ тому же я находилъ въ этомъ свои выгоды. Во первыхъ, мои владѣнія защищены отъ нападенія Турокъ, такъ какъ Турки должны опасаться русскихъ войскъ и флота, которые изъ Крыма могутъ напасть на нихъ съ тыла. Далѣе, я имѣлъ увѣренность, что разъединю дворъ петербургскій съ берлинскимъ и лишу прусскаго короля могущественнаго его союзника. Вотъ что собственно побудило меня заставить Турокъ уступить Екатеринѣ Крымъ. Но теперь совсѣмъ другое

дѣло. Я не допущу Русскихъ утвердиться въ Константинополѣ Для Вѣны, во всякомъ случаѣ, безопаснѣе имѣть сосѣдей въ чалмахъ, нежели въ шляпахъ. Впрочемъ, этотъ замыслъ, возникшій въ пламенномъ воображеніи императрицы, неисполнимъ; если бы даже достаточно было одного ея указа, чтобы занять Константинополь и короновать внука ея Константина, то ей невозможно будетъ устоять противъ турецкихъ силъ, сосредоточенныхъ въ Малой Азіи, и противъ другихъ государствъ, если они возмутъ сторону мусульманъ. Въ такомъ случаѣ, она вынуждена будетъ сосредоточить въ одномъ мѣстѣ всю свою армію, оставить безъ войска почти половину своей имперіи и даже перемѣстить столицу.»

«Въ самомъ дѣлѣ, возразилъ я, — мнѣ кажется, что можно успокоиться на счетъ безопасности Константинополя, котораго сохраненіе одинаково важно для вѣнскаго, какъ и для французскаго двора. Но въ то же время, при видѣ всѣхъ этихъ огромныхъ предпріятій, нельзя не подозрѣвать другого, болѣе правдоподобнаго предпріятія, именно распространенія русскихъ предѣловъ до Днѣстра. Если эта попытка осуществится, то необходимо возгорится война, чрезвычайно вредная для насъ. Но я надѣюсь, прибавилъ я,—что, по благоразумію своему и по дружбѣ къ королю, императоръ будетъ продолжать дѣйствовать миролюбиво и приметъ нужныя мѣры для предупрежденія несогласій. Думаю, что король можетъ на него положиться, потому что если, во время завоеванія Крыма, онъ убѣждалъ Порту уступить этотъ полуостровъ Россіи, то дѣлалъ это для спокойствія и политическихъ выгодъ своего зятя и союзника.»

«Я сдѣлалъ, что могъ, сказалъ императоръ; — но вы сами видите, государыня увлекается. Надобно, чтобы Турки уступили требованіямъ, имъ предложеннымъ. Если они отказомъ вооружатъ противъ себя императрицу, то кто можетъ воспрепятствовать ей отомстить и взять у нихъ нѣсколько городовъ? У

нея огромное, бодрое, неутомимое войско. Оно пройдетъ, куда она захочетъ... Вдали отъ столицы пробиваютъ дороги, устроиваютъ пристани, строятся на болотахъ, воздвигаютъ дворцы, разводятъ парки среди степей, и все это дѣлается безъ платы, безъ покрова, иногда безъ пищи и всегда безъ ропота. Изъ всѣхъ монарховъ Европы императрица одна только дѣйствительно богата. Она много повсюду издерживаетъ и не имѣетъ долговъ; ассигнаціи свои она оцѣниваетъ — во сколько хочетъ; если бы ей вздумалось, она могла бы ввести кожанныя деньги. Между тѣмъ Англія обременена своими бумажными деньгами. Франція публично признала разстроенное положеніе своихъ финансовъ; а я едва могу покрыть издержки на поселенія въ Галиціи и новыя крѣпости, которыя тамъ строяться.»

«Всѣ эти затруднительныя обстоятельства, отвѣчалъ я, — тѣмъ болѣе должны побудить императора всячески стараться избѣгнуть разорительной войны.»

Такъ какъ мы часто разговаривали о томъ же предметѣ, то я всегда старался доказать ему, что могущество Россіи болѣе кажущееся, нежели твердое. «Здѣсь болѣе блеска, чѣмъ прочности, говорилъ я; — за все берутся, ничего не довершаютъ. Потемкинъ легко бросаетъ то, за что принялся съ жаромъ; на мѣстѣ Екатеринослава, онъ заложилъ городъ, который будетъ необитаемъ, и огромный храмъ, въ которомъ, можетъ быть, не будутъ никогда молиться. Для постройки этой новой столицы онъ выбралъ мѣсто высокое, видное, но совершенно безводное. Херсонъ построенъ на неудобномъ мѣстѣ и окруженъ болотами. Корабли не могутъ входить туда съ грузомъ. Въ послѣдніе десять лѣтъ степи опустѣли болѣе прежняго. Крымъ лишился болѣе двухъ третей своего населенія. Каффа разорена и не поднимется. Одинъ Севастополь теперь уже довольно значителенъ; но нужно много времени, чтобы онъ сталъ настоящимъ городомъ. Позаботились все украсить, нарядить, оживить на

срокъ, на показъ императрицѣ; но лишь только Екатерина уѣдетъ, то вмѣстѣ съ нею исчезнутъ всѣ прикрасы этого обширнаго края. Я знаю князя Потемкина. Онъ произвелъ театральный эффектъ, и занавѣсъ опускается, а онъ займется новыми представленіями въ Польшѣ или Турціи. Управленіе и все, что требуетъ постоянства, несовмѣстно съ его нравомъ. Начни онъ войну, и война бы ему скоро надоѣла; дождавшись георгіевской ленты, онъ съ такимъ же жаромъ будетъ домогаться мира, какъ теперь старается его нарушить.»

«Я съ этимъ согласенъ, сказалъ императоръ, — насъ здѣсь отвлекали отъ одного очарованія къ другому. Въ сущности же здѣсь многаго не достаетъ; внѣшность дѣйствительно блестяща... Въ Россіи приказаніе исполняется немедленно. Если бы какой нибудь Карлъ XII былъ во главѣ этого народа, онъ бы съ 600,000 человѣкъ заставилъ трепетать всю Европу.»

Судя по мнѣніямъ императора, можно было предполагать, что онъ не станетъ твердо сопротивляться волѣ Екатерины и позволитъ склонить себя къ войнѣ, если его поставятъ между необходимостью содѣйствовать императрицѣ и опасностью потерять могущественную союзницу. Тѣмъ не менѣе справедливо, что въ то время Россія, какъ говорилъ превыспренній Дидро, была *колоссомъ только съ глиняными ногами*; но этой глинѣ дали окрѣпнуть, и она превратилась въ бронзу. Императоръ, посмѣиваясь надъ пороками Потемкина, хорошо понималъ то вліяніе, которое послѣдній пріобрѣлъ на Екатерину. Онъ находилъ, что государыня, которая въ сущности была гораздо мягче характеромъ, чѣмъ думали люди, не знавшіе ея близко, простираетъ до излишества свою снисходительность къ странностямъ князя Потемкина, къ шалостямъ своего оберъ-шталмейстера и къ разсѣянности Мамонова. Но это нѣсколько насмѣшливое замѣчаніе императора теряло много значенія въ его устахъ, такъ какъ самъ Іосифъ, черезъ чуръ стараясь по-

нравиться Екатеринѣ, расточалъ ея молодому любимцу очень частые знаки вниманія и благосклонности, терпѣлъ даже прихотливое высокомѣріе Потемкина и не разъ, подобно придворнымъ императрицы, довольно долго ожидалъ выхода князя въ его пріемной....

Императрица, простившись съ императоромъ въ Кизикирменѣ, снова пустилась въ путь и 4-го іюня прибыла въ Кременчугъ. Она была очень довольна тѣмъ, что самая занимательная часть ея поѣздки была совершена благополучно. «Меня всячески старались отклонить отъ этой поѣздки, говорила она,—всѣ увѣряли, что я встрѣчу на пути множество затрудненій и непріятностей; меня пугали тѣмъ, что дорога меня утомитъ, что степи несносны, что на югѣ вреденъ климатъ. Эти люди меня слишкомъ мало знаютъ; они не понимаютъ, что противурѣчить мнѣ — значитъ меня возбуждать, и что всякое затрудненіе, которое мнѣ представляютъ, придаетъ мнѣ болѣе рѣшимости.»

Мы только два дня пробыли въ Кременчугѣ и выѣхали 6-го въ Полтаву, гдѣ насъ ожидало 50,000 русское войско, расположенное на томъ самомъ полѣ, гдѣ счастіе измѣнило Карлу XII и даровало побѣду Петру Великому, и гдѣ рѣшилась участь сѣвера и востока Европы. Въ Кременчугѣ Екатерина доказала мнѣ, что, не смотря на мои попытки поставить Турокъ въ оборонительное положеніе, она не измѣнила искренняго расположенія ко мнѣ. Я собирался отправиться погулять по окрестностямъ города, когда мнѣ сказали, что императрица требуетъ меня къ себѣ. Я тотчасъ же отправился къ ней и нашелъ ее въ кабинетѣ съ княземъ де-Линемъ.

«Я увидѣла васъ изъ моего окна, сказала она мнѣ; — мнѣ показалось, что вы грустите или скучаете. Я надѣюсь, что не обезпокою васъ, если попытаюсь васъ разсѣять, такъ какъ, повидимому, вы не слишкомъ веселы.»

«Да, прибавилъ, улыбаясь, де-Линь, — вы шагали медленно и важно, точно вице-канцлеръ ея величества. Впрочемъ, не совѣтую слишкомъ разсчитывать на любезное вниманіе, которое вамъ оказываютъ, потому что, какъ человѣкъ откровенный, признаюсь вамъ, мы только что наговорили много дурнаго на вашъ счетъ.»

«Это правда, возразила императрица; — я увѣряла, что, не смотря на все мое желаніе удержать васъ при себѣ, вы скоро насъ покинете, и навсегда. Впрочемъ, князь подшутилъ надъ вами и утаилъ истину: дѣло въ томъ, что онъ хвалилъ вашъ характеръ и способности, а я совершенно съ нимъ соглашалась и прибавила съ своей стороны, судя о другихъ по себѣ, что король, безъ сомнѣнія, скоро дастъ вамъ мѣсто въ своемъ совѣтѣ, и потому мы, вѣроятно, не увидимъ васъ въ Россіи.»

Разумѣется, я всячески старался выразить свою признательность: «Я послѣдую примѣру вашего величества и тоже осмѣлюсь позлословить на вашъ счетъ. У вашего величества есть одинъ явный недостатокъ, который происходитъ отъ вашего превосходства и состоитъ въ томъ, что вы слишкомъ добры, слишкомъ снисходительны и пристрастны къ тѣмъ, кого удостоиваете вашею благосклонностію. Впрочемъ, я могу увѣрить ваше величество, что такая похвала, какъ ваша, кажется мнѣ высочайшей наградой, какой только можетъ искать благородно честолюбивый человѣкъ.»

Государыня, продолжая разговоръ съ привычной ей любезностью, сказала мнѣ, что она послала во всѣ сѣверные и южные порты имперіи нужныя приказанія, чтобы дать намъ возможность пользоваться выгодами, предоставленными намъ послѣднимъ торговымъ договоромъ.

Въ Кременчугѣ принцъ Нассау-Зигенъ разстался съ нами и отправился во Францію. Я поручилъ ему свои депеши и предупредилъ Монморена, что принцъ лучше всякаго другого можетъ

доставить ему свѣдѣнія о военныхъ силахъ Россіи и намѣреніяхъ князя Потемкина, съ которымъ онъ, до пріѣзда къ намъ въ Кіевъ, нѣсколько мѣсяцевъ былъ въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ.

Не останавливаясь въ Константиноградѣ, императрица проѣхала въ Полтаву. И здѣсь пребываніе ея ознаменовалось зрѣлищемъ, не менѣе блистательнымъ и любопытнымъ, чѣмъ прежнія, видѣнныя нами.

Полтава, небольшой городокъ, худо укрѣпленный и мало населенный, не представляя вниманію ни одного замѣчательнаго зданія или памятника, былъ бы только принятъ къ свѣдѣнію учеными, но въ 1709 году блистательная побѣда и страшное пораженіе обратили на него вниманіе Европы и увѣковѣчили его имя. Полтавское сраженіе явилось передъ нами въ живой, движущейся, одушевленной картинѣ, близкой къ дѣйствительности. Русская армія раздѣлилась на двѣ половины, изъ коихъ одна заняла русскіе окопы, другая шведскіе редуты. По распоряженію Потемкина, чрезвычайно согласно, отчетливо и скоро передъ взорами царицы произведены были всѣ тѣ маневры, какіе могли изобразить намъ подобіе этой рѣшительной битвы. Движеніе впередъ кавалеріи, развернувшей фронтъ изъ четырехъ колоннъ, стремительная аттака, живой и сильный огонь пѣхоты въ то время, какъ лѣвое крыло вело фальшивую аттаку на лѣсъ и обходило правый флангъ непріятеля,—все это чрезвычайно вѣрно изображало сраженіе.

Удовольствіемъ и гордостью горѣлъ взоръ Екатерины; казалось, кровь Петра Великаго струилась въ ея жилахъ. Это величественное и великолѣпное зрѣлище достойно увѣнчало наше романическое и вмѣстѣ историческое путешествіе. Князь Потемкинъ поднесъ императрицѣ чудесное жемчужное ожерелье; она осыпала его подарками и щедро раздавала чины и ордена генераламъ и офицерамъ. Ничто болѣе не задерживало императрицу, и она выѣхала

изъ Полтавы въ Харьковъ. Здѣсь Потемкинъ простился съ нею и уѣхалъ въ Кременчугъ съ порученіемъ ускорить приготовленія къ войнѣ, въ случаѣ невозможности сохранить миръ... Послѣ того мы проѣзжали богатыя и обильныя области Курскую и Орловскую. Не доѣзжая Курска, мы видѣли города Бѣлгородъ и Обоянь, въ которыхъ замѣтны были быстрые успѣхи образованности. Прежде, между плохо построенными и дурно расположенными домами, взоры изрѣдка останавливались на нѣсколькихъ церквахъ или монастыряхъ; нынѣ же императрица воздвигла больницы, зданія присутственныхъ мѣстъ, школы. Я не замѣтилъ въ Курскѣ другихъ развалинъ, кромѣ остатковъ крѣпости, ненужной съ тѣхъ поръ, какъ оружіе Екатерины расширило предѣлы имперіи... Изъ Курска императрица отправилась въ Орелъ, гдѣ мы остановились. Здѣсь мы были еще въ 1097 верстахъ отъ Петербурга и въ 369 верстахъ [1]) отъ Москвы. Екатерина украсила Орелъ изящными зданіями, назначенными для судебныхъ и правительственныхъ мѣстъ. Орловское юношество доставило императрицѣ пріятное развлеченіе. Дѣти изъ знатнѣйшихъ семействъ сыграли передъ государыней очень согласно и умно комедію, кажется, довольно забавную [2]). Хотя она была сочинена на случай, но въ ней не было слишкомъ приторныхъ похвалъ.

Внутреннія области имперіи въ плодородной мѣстности, при дѣятельной торговлѣ и подъ благотворнымъ правленіемъ Екатерины, ежегодно обогащались болѣе и болѣе, и потому здѣсь похвалы были искренни; императрицу встрѣчали, какъ мать; народъ, который она защищала отъ злоупотребленій господской власти, выражалъ восторгъ свой, внушенный ему единственно чувствомъ признательности.

На пути до Москвы мы не встрѣчали ничего замѣчатель-

---

[1]) По тогдашнему счету.

[2]) „Солиманъ II“ и оперу „Ворожея“.

нѣе города Тулы, который можно бы почесть за одно изъ созданій Екатерины,—такъ она его украсила. Большая часть деревянныхъ домовъ уже уступила мѣсто каменнымъ строеніямъ. Кромѣ другихъ заведеній, мудростью императрицы воздвигнутъ здѣсь воспитательный домъ и пріютъ для инвалидовъ. Тула издавна извѣстна производствомъ оружія, которымъ она снабжаетъ всю русскую армію. Здѣсь дѣлаются также стальныя вещи, и эта отрасль промышленности, поощреніемъ императрицы, доведена до такой степени совершенства, что она смѣло можетъ соперничать съ англійскими фабриками. Ея величество раздарила намъ произведенія тульскихъ заводовъ, очень искусно выдѣланныя. Первый врачь императрицы г. Роджерсонъ получилъ отъ нея прекрасную шпагу; когда онъ мнѣ ее показалъ, я сказалъ ему: «Поздравляю васъ, докторъ, вы теперь имѣете новое сильное и вѣрное медицинское средство...» Онъ поморщился на мой комплиментъ, чего я никакъ не ожидалъ, потому что его громкая извѣстность казалась достаточною защитою отъ самыхъ злыхъ насмѣшекъ...

До прибытія въ Москву мы проѣхали черезъ незамѣчательные города Серпуховъ и Подольскъ. 23-го Іюня мы прибыли въ Коломенское, гдѣ есть хорошенькій загородный дворецъ въ 8 верстахъ отъ Москвы. Императрица отдыхала здѣсь три дня, потомъ переѣхала въ Московскій Кремль и передъ отъѣздомъ въ Петербургъ побывала еще въ Петровскомъ, въ двухъ верстахъ отъ Москвы, гдѣ тоже есть загородный дворецъ.

Въ эту послѣднюю поѣздку я имѣлъ съ Екатериною небольшой разговоръ, который считаю нужнымъ привести потому, что онъ въ нѣсколькихъ чертахъ изображаетъ пылкую душу этой необыкновенный женщины.

Я сидѣлъ въ ея каретѣ съ Фитцъ-Гербертомъ. Мы были утомлены чрезвычайнымъ жаромъ, и разговоръ шелъ вяло. Екатерина заснула, или, покрайней мѣрѣ, намъ такъ показалось.

Фитцъ-Гербертъ говорилъ со мною. Между прочимъ мы коснулись американской войны и революціи, которая лишала Англію тринадцати цвѣтущихъ областей.

Фитцъ-Гербертъ увѣрялъ, что эта потеря болѣе выгодна, нежели убыточна для его отечества. Этотъ парадоксъ поразилъ меня. Но онъ поддерживалъ свое мнѣніе стойко и умно и силился доказать мнѣ, что Англія, освободившись отъ значительныхъ издержекъ, нужныхъ для управленія колоніею, вступитъ съ нею въ торговыя сношенія и легко извлечетъ изъ нихъ огромныя выгоды, достаточныя для вознагражденія за потерю лишнихъ владѣній. Мы долго спорили, и императрица открыла глаза только въ ту минуту, когда уже надо выходить изъ кареты. На другой день, когда я былъ у нея вмѣстѣ съ де-Линемъ, она сказала мнѣ:

«Вчера у васъ съ Фитцъ-Гербертомъ былъ престранный разговоръ, и я не постигаю, какъ такой умный человѣкъ можетъ поддерживать такое странное мнѣніе.»

«Какъ, государыня, вы слышали все, тогда какъ намъ казалось, что вы преспокойно почивали.»

«Я нарочно не открывала глазъ, возразила она; — мнѣ слишкомъ любопытно было выслушать продолженіе вашего разговора. Я не знаю, одного ли мнѣнія англійскій король съ своимъ министромъ; но что касается до меня, то я знаю, что если бы я потеряла невозвратно одну изъ тринадцати областей, которыхъ онъ лишился, то вогнала бы себѣ пулю въ лобъ.»

«Мнѣ кажется, государыня, что вы заключили тайный договоръ съ счастіемъ,—сказалъ я.»

«Я этого не знаю, вмѣшался съ живостью де-Линь, — но вѣрно то, что съ подобною твердостью души, которую толпа почла бы сумасбродствомъ, завоевываютъ чужія владѣнія и сохраняютъ свои собственныя.»

Я не буду много говорить о Москвѣ. Это меня наводитъ на слишкомъ грустныя воспоминанія. Притомъ же тысячу

разъ описывали эту огромную и славную столицу. Немного у насъ семействъ, гдѣ бы не нашлось воина, покрытаго славою и ранами, и котораго разсказы не изобразили бы имъ дворцы, башни, храмы, избушки, поля, Кремль, Китай-городъ, золотыя главы церквей Москвы, представившихся нашимъ глазамъ въ странной совокупности дворцовъ и домовъ, какъ будто расположенныхъ среди окружающихъ ихъ деревень.

Пламя разрушило большую часть строеній. Но съ тѣхъ поръ новый городъ возникъ изъ пепла, и нашимъ путешественникамъ придется посѣтить и описать его снова.

Можно себѣ представить, какъ великолѣпны были празднества, устроенныя для царицы многочисленнымъ, знатнымъ и богатымъ дворянствомъ. Но если скучно было участвовать въ нихъ, то еще скучнѣе ихъ описывать. Эти пышныя торжества всегда одни и тѣже. Скучные балы, незанимательныя зрѣлища, пышные стихи на случай, блистательные фейерверки, послѣ которыхъ остается только дымъ, много потеряннаго времени, денегъ и силъ, всѣ это знаютъ, всѣ это говорятъ и будутъ говорить о подобныхъ торжествахъ, и, не смотря на то, они все таки будутъ устраиваться, и на нихъ будутъ стекаться толпою. Въ Москвѣ, впрочемъ, эти торжества были тогда настоящими праздниками для купцовъ и народа, потому что императрица, желая достойнымъ образомъ ознаменовать двадцатипятилѣтіе своего царствованія, простила имъ часть податей, вносимыхъ ими въ казну.

Государыня дала мнѣ, равно какъ и всѣмъ спутникамъ своимъ, медаль, которую тогда велѣла выбить. На одной сторонѣ былъ профиль Екатерины, на другой—карта ея путешествія. Русская надпись свидѣтельствуетъ, что свершилось двадцатипятилѣтіе ея царствованія, и что она совершила путешествіе въ видахъ общественной пользы. Не смотря на мое равнодушіе къ этимъ празднествамъ, я однако не пройду молчаніемъ одного, даннаго въ честь

императрицы графомъ Шереметьевымъ [1]), въ одномъ изъ его подмосковныхъ помѣстій [2]). Дорога туда была освѣщена блестящимъ образомъ. Огромный графскій садъ, насажденный съ большимъ искусствомъ, былъ освѣщенъ разноцвѣтными огнями. На прекрасномъ его театрѣ сыграли большую русскую оперу [3]); всѣ, кто понималъ ея содержаніе, находили, что она была очень занимательна и хорошо написана. Я могъ только судить о музыкѣ и танцахъ, и меня удивило изящество мелодій, богатство нарядовъ, ловкость и легкость танцовщиковъ и танцовщицъ. Но болѣе всего меня поразило то, что авторъ словъ и музыки оперы, архитекторъ, построившій театръ, живописецъ, который его расписалъ, актеры и актрисы, кордебалетъ и самые музыканты оркестра, все были крѣпостные люди графа Шереметьева. Этотъ помѣщикъ, одинъ изъ богатѣйшихъ въ Россіи, позаботился воспитать ихъ и обучить; ему обязаны они были своими талантами. Ужинъ былъ также роскошенъ, какъ представленіе; никогда я не видывалъ такого множества золотыхъ и серебряныхъ сосудовъ, столько фарфора, мрамора и порфира. Наконецъ (что многимъ покажется невѣроятнымъ) весь хрусталь на столѣ на 100 приборовъ былъ изукрашенъ и осыпанъ дорогими каменьями, всѣхъ цвѣтовъ и родовъ и самой высокой цѣны.

Такъ то русскіе вельможи, лишь только вступили на путь просвѣщенія, какъ уже начали подражать патриціямъ Рима; въ то время въ Москвѣ можно было встрѣтить не одного Лукулла.

Екатерина въ свою очередь хотѣла дать въ Кремлѣ балы и торжества, которыхъ пышность соотвѣтствовала бы ея величію. Но все было отложено, когда она узнала, что въ нѣсколькихъ областяхъ имперіи губернаторы не исполнили ея распоряженій

---

[1]) Графъ Петръ Борисовичъ Шереметьевъ, оберъ-камергеръ, род. 1713 г., ум. 1788 г.

[2]) Въ Кусковѣ.

[3]) „Самнитскіе браки."

и не наполнили, согласно ея повелѣнію, хлѣбные запасные магазины, и что народъ страдаетъ отъ непредвидѣннаго, сильнаго неурожая. «Неприлично было бы явиться мнѣ среди увеселеній и празднествъ, когда мои подданные страдаютъ отъ бѣдствія, которое я бы должна была предотвратить», говорила государыня. Я былъ при ней, когда ей донесли, что явился одинъ изъ губернаторовъ, обнаружившихъ оплошность. «Я надѣюсь, сказалъ графъ Безбородко,—что ваше величество сдѣлаете ему публично строгій выговоръ, какъ онъ того заслуживаетъ.»

«Нѣтъ, отвѣчала Екатерина,—это было бы для него слишкомъ унизительно: я дождусь, когда мы будемъ съ нимъ наединѣ; потому что я люблю хвалить и награждать во всеуслышаніе, а журить потихоньку.»

Императрица, отдохнувъ нѣсколько дней въ Петровскомъ, отправилась въ С. Петербургъ; 11-го Іюля мы прибыли въ Царское село. Мы снова видѣли хорошенькій городокъ Тверь, Вышній-Волочокъ, Валдай и Новгородъ-Великій, нѣкогда знаменитую общину, владычицу сѣвера, прославленную побѣдами и счастливую въ своей независимости.

Наконецъ кончилось это долгое и странное путешествіе, которое послѣдовательно представило намъ рядъ картинъ самыхъ разнообразныхъ и новыхъ. Простившись съ императрицею, я возвратился въ С. Петербургъ, чтобы снова заняться моими дипломатическими дѣлами, которыя на первыхъ порахъ показались мнѣ немного сухи и однообразны; я переходилъ отъ оживленной, разнообразной дѣятельности романа къ медленному важному дѣлу. Покинувъ волшебную среду, я уже не могъ встрѣчать, какъ въ нашемъ торжественномъ и романическомъ поѣздѣ, на каждомъ шагу новые предметы: флоты, внезапно созданные, отряды козаковъ и Татаръ, явившихся изъ нѣдръ Азіи, освѣщенныя дороги, горы въ огнѣ, волшебные замки, сады, насажденные въ одну ночь, глухія дикія пещеры, храмы Діаны,

прелестные гаремы, кочующія племена, верблюдовъ, бродящихъ въ пустынѣ, валашскихъ господарей, свергнутыхъ съ престоловъ, кавказскихъ князей, угнетенныхъ царей Грузіи, искавшихъ вниманія и покровительства императрицы. Нужно было снова приняться за сухіе политическіе расчеты, дипломатическія пренія, въ которыхъ часто на крохотныхъ и не очень вѣрныхъ вѣсахъ взвѣшиваютъ великіе міровые интересы, участь государствъ и кровь народовъ.

На востокѣ меня ожидали все тѣ же обычныя дѣла, важныя сдѣлки, слаженныя мелкими происками, и тѣ систематическія войны, которыя тревожатъ миръ, не измѣняя его положенія. Но съ запада получено было извѣстіе, видимо указывавшее мнѣ приближеніе одного изъ тѣхъ сильныхъ государственныхъ переворотовъ, которые совершенно измѣняютъ образъ мыслей, законы, права и связи человѣческихъ обществъ. Это былъ предметъ для размышленій, надеждъ и опасеній поважнѣе и глубже впечатлѣній, внушенныхъ мнѣ этимъ быстрымъ и блистательнымъ видѣніемъ Тавриды, этимъ отрывкомъ изъ «Тысячи и одной ночи», котораго очарованіе исчезло такъ недавно.

Императрица, не менѣе меня разочарованная послѣ путешествія, въ началѣ своего пребыванія въ Царскомъ Селѣ заботилась о мѣрахъ, которыя нужно было принять, чтобы помочь народу, удрученному страшнымъ неурожаемъ. Въ богатѣйшихъ областяхъ имперіи не было хлѣба, и большая часть помѣщиковъ, не получая вовсе доходовъ, должны были кормить своихъ несчастныхъ крестьянъ. Это бѣдствіе и положеніе австрійскаго императора, вынужденнаго послать войско въ возмущенные Нидерланды, охладили честолюбивыя мечты, возбужденныя Потемкинымъ въ умѣ императрицы зрѣлищемъ ея прекрасной арміи и морскихъ силъ, собранныхъ на севастопольскомъ рейдѣ. Императоръ прислалъ курьера съ депешами. Онъ извѣщалъ императрицу о намѣреніи своемъ вызвать изъ Нидерландъ гу-

бернатора и своего министра и приказать штатамъ покориться и прислать къ нему депутацію. Онъ грозилъ употребить противъ нихъ военную силу, если они не согласятся на перемѣны въ управленіи, пользу и справедливость которыхъ онъ надѣялся имъ доказать. Это извѣстіе еще болѣе удалило русскихъ министровъ отъ побужденій къ войнѣ. Безбородко говорилъ мнѣ объ этомъ откровеннѣе, нежели когда нибудь. Желая убѣдить меня, что онъ хочетъ еще большаго сближенія нашихъ дворовъ, онъ сказалъ мнѣ, что лондонскій кабинетъ, думая мстить Голландіи и намъ, послалъ, съ лордомъ Гаррисомъ, значительную сумму штатгальтеру, чтобы поддержать его. Воронцовъ писалъ изъ Лондона, что тамъ хлопотали о прикрытіи этого дѣла, потому что курсъ упалъ по случаю высылки такой большой суммы денегъ. Судя по этому извѣщенію, болѣе или менѣе основательному, и подобнымъ же сообщеніямъ Кобенцеля явно оказывалось, что императоръ и императрица хотѣли возбудить насъ противъ Англіи и заставить насъ дѣйствовать согласно съ ними. Пользуясь этимъ расположеніемъ, я старался убѣдить министровъ русскихъ, что нужно измѣнить положенія послѣдняго трактата относительно Молдавіи и Валахіи. «Вы всегда будете наканунѣ войны, говорилъ я имъ,—если вы не опредѣлите точнѣе право обоюднаго покровительства Порты и Россіи надъ этими княжествами. Надо окончательно опредѣлить значеніе, различіе и границы этихъ правъ на покровительство или, лучше сказать, владычество надъ этими странами.» Кромѣ того я просилъ, чтобы не затрудняли переговоровъ настойчивыми спорами о способахъ изложенія фирмана, который султанъ обязанъ былъ дать ахалцыхскому пашѣ, и въ особенности, чтобы дѣйствовали прямо и оставили опасеніе о вторженіи со стороны Турокъ. «Ваши успѣхи въ переговорахъ и войнѣ, говорилъ я Русскимъ,— лишили Турокъ возможности вести наступательную войну; но если вы ихъ очень стѣсните, то усилите этимъ ихъ средства

къ защитѣ и сосредоточенію ихъ силъ.» Всѣ эти разговоры кончались увѣреніями о мирѣ, выраженіями признательности за расположеніе короля, и я могъ убѣдиться, что въ то время петербургскій кабинетъ искренно желалъ и ожидалъ успѣха отъ переговоровъ, начатыхъ въ Константинополѣ Шуазелемъ, Булгаковымъ и Гербертомъ.

Я встрѣтилъ въ Петербургѣ Миранду. Онъ поссорился съ испанскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ, который хотѣлъ заставить его снять полковничій мундиръ или показать свои патенты. Императрицѣ очень хотѣлось, чтобы уладили этотъ споръ. Испанскій повѣренный показалъ мнѣ письмо довольно сухое, которое онъ написалъ этому воину, и отвѣтъ его. Послѣдній былъ не только неумѣстенъ, но грубъ и написанъ въ самыхъ оскорбительныхъ выраженіяхъ. Я объяснилъ повѣренному, что такъ какъ дѣло дошло до личностей, то мнѣ нечего тутъ давать совѣты и вмѣшиваться. Но черезъ нѣсколько дней онъ показалъ мнѣ формальное повелѣніе своего двора просить императрицу выдать Миранду, какъ измѣнника, осужденнаго за политическія преступленія и измѣну. Я отказывался помогать ему въ его исканіяхъ, потому что въ этомъ случаѣ изгнаніе мнѣ казалось несправедливымъ и неполитичнымъ. Однако, я обѣщалъ ему прекратить всякія сношенія съ Мирандою, съ которымъ такъ часто видался въ Кіевѣ. Такъ какъ министры, чтобы понравиться императрицѣ, оказывали уваженіе этому Испанцу, приглашали его на званые обѣды и принимали вмѣстѣ съ депломатическимъ корпусомъ, то я имъ объявилъ, вмѣстѣ съ неаполитанскимъ министромъ Серра-Капріола, что такое обращеніе съ человѣкомъ, обидѣвшимъ испанскаго повѣреннаго въ дѣлахъ, показываетъ пренебреженіе къ дворамъ мадридскому, неаполитанскому и версальскому, и что наши съ ними сношенія могутъ отъ этого измѣниться. Это твердо высказанное мнѣніе сперва разсердило императрицу. Ея флигель-адъютантъ

Мамоновъ сблизился съ Мирандою, и императрица это знала. Но наконецъ черезъ нѣсколько дней она успокоилась и посовѣтовала Мирандѣ уѣхать, одаривъ его щедрымъ образомъ. Онъ уѣхалъ. Въ послѣдствіи я видѣлъ его во Франціи. Онъ командовалъ лѣвымъ крыломъ нашей арміи подъ Нервинденомъ [1]), и нашъ генералъ де-Валансъ (de-Valence), раненый въ этомъ дѣлѣ, публично приписывалъ ему неуспѣхъ нашъ въ этомъ сраженіи, въ которомъ храбрость праваго крыла, неустрашимость Валанса, и блистательная отвага герцога Шартрскаго, нынѣ принца Орлеанскаго [2]), въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ готовили намъ побѣду. Въ 1806 году Миранда, осуществляя давнишнія свои предположенія, высадился въ Каракасѣ съ пятью стами испанскихъ выходцевъ. Нѣсколько блистательныхъ подвиговъ дали ему, хотя и не надолго, диктаторство въ Венесуэлѣ. Онъ былъ одинъ изъ первыхъ дѣятелей страшной революціи, которая освободила колоніи отъ испанскаго владычества и послужила къ основанію республики Колумбіи. Но конецъ поприща Миранды былъ несчастный: послѣ безславной сдачи, выданный врагамъ своими согражданами, онъ былъ отвезенъ въ Испанію и умеръ въ 1816 году въ тюрьмѣ, въ Кадиксѣ.

Дѣла приходили въ замѣшательство. Чтобы объяснить положеніе ихъ надо обратиться къ исторіи. Нѣсколько разъ званіе штатгальтера Голландіи уничтожалось и возстановлялось, и наконецъ, въ 1748 году, стало наслѣдственнымъ въ лицѣ принца оранскаго Вильгельма IV. Но не были утверждены границы между правительственною властію и правами народа. Власть пользовалась безграничными преимуществами; права же не были опредѣлены достаточными постановленіями, которыя утверждали бы народную независимость и въ то же время удовлетворяли бы тре-

---

[1]) Подъ Нервинденомъ (Nerwinden), деревнею близъ Лувена въ Бельгіи, въ 1793 г. Дюмурье былъ разбитъ Австрійцами подъ предводительствомъ принца Кобургскаго.

[2]) Лудовикъ-Филиппъ, въ послѣдствіи король Французовъ.

бованіямъ принца. Вильгельмъ V, женатый на сестрѣ Фридриха Вильгельма II, короля прусскаго, не имѣлъ ни умѣренности, соглашающей разнородные интересы, ни твердости души, властвующей надъ умами. Въ немъ высказывалась слабость воли, которая вызываетъ возмущенія и даетъ имъ усилиться, и склонность къ мести, уничтожающая всякія средства къ уступкамъ и примиренію.

Однако, внимательно читая исторію страны, надъ которою онъ былъ поставленъ, онъ могъ бы ясно уразумѣть свое назначеніе, свой долгъ и свои настоящіе интересы. Въ другихъ странахъ происхожденіе и усиленіе власти правителя могли быть неопредѣленны и сомнительны; но въ Голландіи правитель долженъ былъ убѣдиться, что власть дана была его предшественникамъ для того, чтобы освободиться отъ испанскаго ига и завоевать независимость страны. Стало быть, стоя во главѣ республиканскаго народа, гордаго своею независимостью, правитель обязанъ былъ имѣть въ виду одну цѣль: утвердить спокойствіе націи, поощрить ея торговлю и вселить уваженіе къ ея войскамъ. Таково было назначеніе штатгальтера. Вильгельмъ V упустилъ изъ виду эту цѣль. Исканіе славы могло бы внушить любовь къ нему: слишкомъ сильное стремленіе къ власти лишило его народной любви. Обстоятельства были въ его пользу. Поставленный между Англіею и Франціею, онъ долженъ бы былъ держаться строгаго нейтралитета и противиться только тому государству, которое хотѣло бы затронуть независимость или торговыя выгоды республики.

Тогда Англія открыто стремилась къ владычеству на моряхъ, Франція напротивъ того не могла внушить опасеній Голландцамъ. Стало быть армія ихъ могла быть незначительна, между тѣмъ какъ нужно было увеличить морскую силу, для того чтобы Голландцы могли противустать Англичанамъ. Въ этомъ смыслѣ высказалось общее мнѣніе въ Голландіи. Штатгальтеръ не послу-

шалъ его. Армія давала ему средства усилить свою собственную власть, и онъ занялся ею исключительно и забывалъ флотъ. Это заблужденіе, выгодное для Англіи, было ею поощряемо. Вильгельмъ V предался лондонскому кабинету и сдѣлался ревностнымъ непріятелемъ версальскому.

Между тѣмъ Голландцы все болѣе и болѣе расходились съ Англичанами и чувствовали нужду сблизиться съ Франціею, которая не только не была имъ опасна, какъ прежде, но желала имъ спокойствія и силы для опоры противъ Англіи. Когда возгорѣлась война между Франціею и Англіею, штаты рѣшили принять нейтральное положеніе. Но англійское правительство, вопреки народному праву, овладѣло нѣсколькими голландскими судами. Оно расчитывало на слабость и пристрастіе штатгальтера и не боялось отплаты; оно и не обмануλось. Тогда штаты, подъ вліяніемъ негодованія, рѣшились обратиться къ Екатеринѣ II и просить ея защиты. Въ это время императрица только что устроивала на сѣверѣ союзъ для охраненія нейтральнаго флага отъ воинствующихъ державъ. Штатгальтеръ не смѣлъ противиться, и къ сожалѣнію его и Англіи, Голландія приступила къ акту вооруженнаго нейтралитета. Вслѣдъ за тѣмъ лондонскій кабинетъ объявилъ войну республикѣ. Такимъ образомъ Вильгельмъ принужденъ былъ присоединиться къ Франціи, которую ненавидѣлъ, и стать противъ Англіи, на которую смотрѣлъ, какъ на опору своего правленія. Съ этой поры несправедливая досада повела его къ забвенію правилъ его предшественниковъ и къ бездѣйствію, въ которомъ враги его видѣли или указывали измѣну.

Люди пылкіе, умы недовольные, которые вездѣ, какъ буря, готовы разломать дурно управляемое судно, постарались превратить въ ненависть недовѣрчивость народа; они обвинили штатгальтера въ томъ, что онъ не собираетъ морскихъ силъ республики. Однако, не смотря на его нерѣшительность, два гол-

*

ландскіе адмирала, Зутеманъ и Кинсбергъ, смѣло презирая инструкціи, соединились и побили Англичанъ у Даггерсбанка. Вильгельмъ дурно принялъ побѣдителей, а между тѣмъ это была единственная побѣда Голландцевъ во время этой войны. Англичане завладѣли нѣсколькими ихъ колоніями, которыя имъ возвращены были уже въ послѣдствіи побѣдоноснымъ оружіемъ Франціи. Вмѣсто того, чтобы успокоить умы послѣ этой войны, Вильгельмъ возбуждалъ ихъ своими попытками дѣйствовать на выборы депутатовъ и судей. Онъ думалъ этимъ путемъ соединить въ себѣ и законодательную, и исполнительную власть. Его замыслы возбудили до крайности недовольство оппозиціи. Незначительный случай, пустой споръ за мѣста, подалъ поводъ къ распрѣ, ожидаемой уже съ обѣихъ сторонъ.

Скоро взялись за оружіе и отъ возмущенія было недалеко до битвы. Нельзя было ожидать примиренія между партіями, изъ которыхъ одна, казалось, хотѣла уничтожить свободу, а другая— самое достоинство штатгальтера.

Принцъ имѣлъ за себя войско, генеральные штаты могли ему противупоставить одну только милицію изъ гражданъ. Въ этомъ затруднительномъ положеніи они прибѣгли къ покровительству Людовика XVI, поддержавшаго ихъ прежде противъ Іосифа II и недавно заключившаго съ республикою дружественный трактатъ. Нашему двору слѣдовало поддерживать штаты противъ штатгальтера, преданнаго Англіи. Дѣйствительно, кабинетъ нашъ обѣщалъ имъ содѣйствіе; но внутреннія безпокойства и плохое состояніе финансовъ помѣшали исполнить это обѣщаніе. Скорая помощь, конечно, прекратила бы распрю. Но нерѣшительность съ нашей стороны отдала побѣду врагамъ, открыла тайну нашей немощи и послужила признакомъ того политическаго паденія, отъ котораго мы въ послѣдствіи оправились только послѣ трудной, разрушительной революціи.

Англія, униженная послѣ отпаденія Америки, съ неудовольствіемъ замѣчала, что мы умалили ея вліяніе въ Голландіи, Россіи и Австріи и боролись съ нею въ Берлинѣ и Константинополѣ. Положеніе французской политики было тогда блистательно и славно; но Людовикъ XVI не долго могъ насладиться этимъ блескомъ. Лондонскій кабинетъ, быстро пользуясь обстоятельствами, искусною интригою умѣлъ возбудить новаго прусскаго короля Фридриха Вильгельма противъ Голландіи и уговорить его отомстить за сестру свою, принцессу оранскую, оскорбленную народомъ. Фридрихъ Вильгельмъ принялъ сторону штатгальтера; выждавъ нѣкоторое время и убѣдившись, что Франція еще не готова его встрѣтить, онъ ворвался во владѣнія республики, возстановилъ власть штатгальтера и возвратилъ Англіи ея вліяніе. Напомнивъ теперь въ немногихъ словахъ начало этого переворота, я передамъ въ послѣдствіи, гдѣ будетъ нужно, нѣкоторыя подробности о неважныхъ происшествіяхъ, послужившихъ поводомъ къ большимъ перемѣнамъ, и о вліяніи ихъ на наше политическое положеніе.

При нашемъ возвращеніи изъ Крыма безпокойства въ Голландіи только еще начинались; но никто не могъ предвидѣть ихъ страшнаго исхода.

Дѣятельность и твердость французскаго правительства во время американской войны и его благородное поведеніе, удержавшее честолюбиваго Іосифа II, не давали возможности думать, что это же правительство въ такое короткое время сдѣлается слабымъ и потеряетъ свое значеніе, пріобрѣтенное блестящими успѣхами.

Одно только обстоятельство могло тогда внушить безпокойство: это было несогласіе, возникшее между Россіею и Портою. Но и на этотъ счетъ я имѣлъ основанія не тревожиться: затруднительныя для императора обстоятельства въ Брабантѣ, не-

урожай въ России и мирныя увѣренія ея министровъ, наконецъ успокоительныя депеши отъ графа Шуазеля и отъ Булгакова изъ Константинополя, все это подавало надежду на продолженіе мира. Однако я зналъ также, что великій визирь, слѣдуя внушеніямъ прусскаго и англійскаго министровъ, не соглашался съ Булгаковымъ и высокомѣрно отвѣчалъ на его предложенія. Но графъ Шуазель надѣялся, что это затрудненіе устранится, и что можно будетъ удалить визиря, котораго заблужденіе было гибельно для Порты. Среди такихъ обстоятельствъ, не видя особенной нужды оставаться долѣе въ России, я рѣшился воспользоваться отпускомъ, мнѣ даннымъ. Пріѣздъ въ Петербургъ кавалера Сенъ-Круа (Saint-Croix), посланнаго Монмореномъ для исправленія должности повѣреннаго въ дѣлахъ въ мое отсутствіе, еще болѣе ускорилъ мою рѣшимость. Поэтому, пятаго сентября 1787 года я простился съ императрицею и оставилъ Сенъ-Круа инструкцію о положеніи нашихъ дѣлъ въ Россіи. Въ заключеніи этой инструкціи я, нѣкоторымъ образомъ, представлялъ нашему правительству отчетъ о томъ, что происходило во время моего посольства, о моихъ стараніяхъ сдѣлать наше посредничество нужнымъ для императрицы и полезнымъ для Порты и наконецъ, на нѣсколькихъ страницахъ, дѣлалъ быстрый обзоръ нашихъ споровъ и соглашеній съ русскимъ правительствомъ со времени вступленія Екатерины на престолъ.

Съ тою тревожною радостію, съ которой ожидаешь свиданія съ родиною и семействомъ послѣ долгой разлуки съ ними, я уже готовился къ отъѣзду, когда получилъ письмо отъ императрицы. Она меня приглашала къ обѣду, хотя я уже простился съ нею, и просила меня отложить отъѣздъ мой на нѣсколько дней. Я явился на приглашеніе и, выходя изъ-за стола, послѣдовалъ за нею въ эрмитажъ. По окончаніи спектакля императрица, отойдя со мною въ сторону, сказала мнѣ: «Знаете-ли вы, графъ, что я скоро, можетъ быть, не хотя буду вовлечена

въ войну съ Турціею? Моему послу грозили Семибашеннымъ замкомъ, а это обычная выходка этихъ варваровъ, когда они хотятъ объявить войну.»

«Я точно зналъ, отвѣчалъ я государынѣ, — что нѣкоторые изъ иностранныхъ министровъ давали враждебные совѣты Портѣ. Но Шуазель полагаетъ, что это минутная непріязнь скоро разсѣется твердою и мудрою умѣренностію вашего величества и справедливыми предложеніями, которыя вы сдѣлали визирю; эти предложенія усердно поддерживаются императорскимъ интернунціемъ и нашимъ посломъ.»

«Правда, возразила императрица,—что г. Шуазель старательно дѣйствуетъ въ этомъ дѣлѣ. Мнѣ пишутъ, что онъ ужасно сердится на Турокъ, полагаетъ, что они сошли съ ума, и всячески хлопочетъ, чтобы привести ихъ въ разсудокъ.»

Я воспользовался этимъ случаемъ, чтобы увѣрить государыню въ искреннемъ расположеніи къ ней короля, который всегда готовъ употребить свое вліяніе на Порту, чтобы быть полезнымъ видамъ императрицы и содѣйствовать къ удовлетворенію ея жалобъ и сохраненію мира между обѣими державами. «Теперь, прибавилъ я,—головы мусульманъ возбуждены опасными внушеніями англійскаго и прусскаго министровъ, завладѣвшихъ великимъ визиремъ, и покуда этотъ визирь не будетъ удаленъ, до тѣхъ поръ успѣхъ предложеній Булгакова, Шуазеля, и Герберта сомнителенъ.»

«Это правда, сказала государыня;—но недовольно свергнуть визиря. Рейсъ-еффенди также дурно расположенъ къ намъ, какъ и онъ. Они столько потратили на вооруженіе войскъ, что боятся вражды народа, который будетъ думать, что эти деньги пропали, если миръ еще будетъ длиться; поэтому я нисколько не удивляюсь, если первый курьеръ привезетъ мнѣ извѣстіе объ объявленіи войны. Я ея не желаю, однако и не боюсь.»

«Точно, ваше величество, отвѣчалъ я, — нельзя навѣрно предвидѣть рѣшеніе такого правительства, каково турецкое. Но время теперь ужь позднее, неудобное; можетъ быть, турецкіе министры еще одумаются и убѣдятся, что глупо тратиться вновь для того только, чтобы оправдать прежнія траты. Если бы они, подобно мнѣ, видѣли войска и флотъ вашего величества, то не торопились бы воевать съ вами.»

На другой день я видѣлся съ русскими министрами. Они говорили: «Дивану надо совсѣмъ потерять голову для того, чтобы, перейдя отъ робости къ отвагѣ, объявить Россіи войну; вѣроятно, зима пройдетъ въ переговорахъ.» Чтобы увѣрить меня въ искренности императрицы, они прибавили: «Императрица, рѣшаясь доказать королю и Европѣ свое намѣреніе поддержать миръ, постарается забыть неумѣстное высокомѣріе въ дѣйствіяхъ Турокъ и дерзость, съ которою они назначили срокъ для удовлетворенія своихъ неосновательныхъ жалобъ; поэтому Булгакову приказано уступать вездѣ, гдѣ только это можно, не роняя достоинства имени императрицы, и принять предложенія, сдѣланныя Шуазелемъ для выгоды Турокъ и удаленія затрудненій.»

Такимъ-то образомъ мы въ Петербургѣ хлопотали о средствахъ отвратить бурю, грозившую намъ уже четыре года. Но курьеръ, прибывшій двѣнадцатаго сентября, разсѣялъ наши надежды и извѣстилъ насъ, что гроза уже разразилась, и именно съ той стороны, съ которой ея менѣе всего ожидали. Не Россія наступала на Турцію, а Турція напала на Россію. Наущенія Англіи и Пруссіи подѣйствовали. Султанъ приказалъ заключить Булгакова въ Семибашенный замокъ и объявилъ императрицѣ войну.

Узнавъ объ этомъ происшествіи, я отложилъ свой отъѣздъ и послалъ курьера къ Монморену за новыми инструкціями. Я

писалъ ему слѣдующее: «Дѣла усложнились болѣе, нежели мы могли ожидать. Пруссія и Англія бросили первую искру огня, который можетъ охватить всю Европу. Какъ ни нуженъ мнѣ былъ отпускъ, который я испросилъ и получилъ, но я имъ не воспользуюсь и считаю его недѣйствительнымъ. Я остаюсь при своей должности и буду радъ, если король приметъ этотъ знакъ моего усердія.»

Изъ писемъ Шуазеля и депешъ австрійскаго интернунція къ графу Кобенцелю я скоро узналъ обстоятельства этой внезапной перемѣны въ дѣйствіяхъ дивана. Никогда миръ не казался болѣе прочнымъ, чѣмъ въ это время, и вдругъ Турки рѣшились объявить войну. Вѣрная своему слову, императрица уполномочила Булгакова послѣдовать указаніямъ нашего посла; она дѣлала уступку по вопросу о фирманѣ ахалцихскому пашѣ и довольствовалась обѣщаніями Турціи усмирить Закубанскихъ Татаръ. На неправое дѣло о крымской соли и Запорожцахъ смотрѣли снисходительно. Правда, что отказались выдать Туркамъ Маврокордато; но за то и не требовали отъ нихъ выдачи русскихъ плѣнныхъ. Порта получала вознагражденіе за убытки, причиненные ей консулами въ Архипелагѣ, съ условіемъ, чтобы она возвратила русскія суда, захваченныя на ея африканскомъ берегу. Вотъ чего мы съ Кобенцелемъ успѣли добиться у императрицы. Курьеры должны были уже везти эти удовлетворительныя предложенія въ Константинополь, Версаль и Вѣну, когда курьеръ отъ Герберта извѣстилъ насъ о насильственномъ поступкѣ султана съ русскимъ министромъ, вопреки представительству французскаго посланника и императорскаго интернунція, которые уговаривали турецкое правительство дождаться отвѣта изъ Петербурга.

Вице-канцлеръ, передавая мнѣ, по приказанію императрицы, это извѣстіе, выразилъ мнѣ ея живѣйшую признательность за

посредничество моего двора въ этихъ обстоятельствахъ. Императрица выражала надежду, что король оцѣнитъ, какъ ея старанія сохранить миръ, такъ и готовность, съ которой она соглашалась на всѣ мѣры, предложенныя королемъ для предупрежденія разрыва. Къ сожалѣнію, она принуждена была идти съ силою противъ силы; но, по крайней мѣрѣ, она успѣла доказать королю, что наступленіе сдѣлано не съ ея стороны. Графъ Безбородко, пригласивъ меня къ обѣду, повторилъ мнѣ тѣ же увѣренія. Онъ говорилъ: «Тогда какъ мы сообща съ вами всячески старались сохранить миръ, министры прусскій и англійскій подрывали наши усилія своими кознями и пугали великаго визиря и рейссъ-еффенди личными для нихъ опасностями. Они указывали на нашъ торговый трактатъ, какъ на актъ оборонительнаго союза съ вами, на наши вооруженія на югѣ, какъ на признакъ скораго нападенія. Наконецъ, они пользовались всѣми поводами, чтобы вовлечь Турокъ въ войну съ нами и вмѣстѣ съ тѣмъ, увѣряли ихъ въ счастливомъ исходѣ ея, представляя имъ въ преувеличенномъ видѣ затруднительныя обстоятельства императора въ Брабантѣ и нашъ неурожай. Поэтому, къ нашему удивленію, только что Булгаковъ пріѣхалъ изъ Севастополя въ Константинополь, Порта, вмѣсто того, чтобы продолжать переговоры о спорныхъ пунктахъ, дерзко потребовала возвращенія Крыма, угрожая нашему министру заключеніемъ, если въ самый короткій срокъ не получится удовлетворительнаго отвѣта. Вы видите, что никогда нападеніе не было такъ явно и, не смотря на это, я теперь еще могу увѣрить васъ, что императрица, хотя и обижена, однако, не думаетъ о разрушеніи Оттоманской имперіи. Она хочетъ только удовлетворенія за нанесенную обиду; чтобы достигнуть этого она полагается на дружбу короля, и если, благодаря его посредничеству, Порта отвергнетъ злые совѣты, возвратитъ свободу Булгакову и извинится въ своемъ поступкѣ, то государыня согласится возобновить

переговоры на тѣхъ же основаніяхъ, какія предложены были до разрыва.»

Не зная намѣреній короля въ случаѣ такого оборота дѣлъ, я отвѣчалъ только, что передамъ его величеству предложенія, мнѣ сдѣланныя, и увѣренія въ постоянномъ расположеніи императрицы къ сохраненію мира. Я объявилъ графу, что остаюсь въ Петербургѣ, чтобы дождаться рѣшенія моего двора. Я сказалъ ему, что могу предвидѣть, какъ непріятно будетъ королю узнать о разрывѣ, который онъ такъ желалъ предупредить, и что онъ всегда будетъ готовъ употребить свои старанія для водворенія мира и прекращенія войны, которая можетъ сдѣлаться опасною для спокойствія Европы.

Ясно было, что оттоманское правительство, обманутое дурными совѣтами, впало въ непонятное заблужденіе и подвергало себя безъ всякой нужды бѣдствіямъ, которыхъ могло бы избѣгнуть. Но надо также согласиться, что Англія и Пруссія никогда бы не успѣли такъ далеко увлечь невѣжественныхъ и высокомѣрныхъ мусульманъ, если бы Потемкинъ не напугалъ ихъ, а потомъ не разсердилъ пышною и безполезною выставкою военныхъ силъ, собранныхъ для обстановки торжественнаго поѣзда императрицы, и тѣмъ, что предписалъ Булгакову дѣйствовать путемъ угрозъ. Впрочемъ, становилось ясно, что Англія, узнавъ о разстройствѣ нашихъ домашнихъ дѣлъ, сочла время удобнымъ, чтобы унизить насъ и возстановить свое вліяніе въ Европѣ. Поэтому она вездѣ старалась противупоставить намъ препятствія и враговъ. Она увѣрена была въ побѣдѣ въ томъ случаѣ, если наши плохіе финансы поселятъ въ насъ робость, или если мы примемъ участіе во всеобщей войнѣ и тѣмъ увеличимъ свои бѣдствія. Съ этою цѣлью, успѣвъ привлечь на свою сторону новаго прусскаго короля, она поставила насъ въ затруднительное положеніе или разойтись съ Портою,

если мы ее не поддержимъ, или разорвать нашу связь съ Россіею, если мы будемъ продолжать покровительствовать Туркамъ. Въ то же время, по голландскимъ дѣламъ, она насъ ставила въ необходимость или сопротивляться Пруссіи, за которую стояла, или оставить Голландію въ ея власти. Наконецъ, она навлекала на насъ непріязнь императора мыслью, что мы перестанемъ дѣйствовать съ нимъ за одно въ то время, когда кабинеты лондонскій и берлинскій сильно заподозрѣны были въ возбужденіи смутъ въ Брабантѣ. Наше положеніе становилось критическимъ. Пора было нашему двору сдѣлать рѣшительный шагъ. Дѣйствія энергическія и опредѣленныя, вѣроятно, обезоружили бы нашихъ враговъ, успокоили бы Голландію, удержали бы Пруссію, угомонили бы Порту и направили бы за предѣлы государства то безпокойное движеніе умовъ, которое волновало тогда Францію и стремилось найдти себѣ исходъ внѣ государства или произвести взрывъ внутри его. Тогда легко было заключить четвертной союзъ между нами, Испаніею и двумя императорскими дворами; интересы ихъ клонились къ этому. Мысль объ этомъ пришла на умъ королю, равно какъ моему отцу и де-Кастри, но эти министры не удержались на своихъ мѣстахъ. Вліяніе новаго министра, архіепископа тулузскаго [1]), повело наше правительство къ узкому взгляду на дѣло и ограничило нашу политику интригами....

Война между Россіею и Турціею была объявлена: нужно было знать, какія мѣры приметъ каждая изъ европейскихъ державъ. Образъ дѣйствія императора легко было предвидѣть: онъ опредѣлялся фактомъ нападенія со стороны Турокъ и условіями договора его съ императрицею. Онъ долженъ былъ соеди-

---

[1]) Loménie comte de Brienne, архіепископъ Тулузы и Санса (Sens), былъ въ 1789 году назначенъ государственнымъ контролеромъ (controleur général des finances) на мѣсто Каллона.

нить свои силы съ русскими. Англія возбудила Порту къ войнѣ единственно въ надеждѣ, что воюющія державы будутъ искать ея посредничества для примиренія, и что этимъ уничтожится наше вліяніе въ Константинополѣ и Петербургѣ. Намѣренія Пруссіи были менѣе извѣстны. Въ предъидущемъ году она лишилась геніальнаго монарха, давшаго ей и силу, и славу. Его племянникъ Фридрихъ-Вильгельмъ не успѣлъ еще показать — съумѣетъ ли онъ достойно поддержать тяжелую ношу, имя и наслѣдіе великаго человѣка. Можно было видѣть только то, что вліяніе совѣтовъ лондонскаго кабинета брало верхъ въ умѣ его надъ всѣми прочими. Министры его получили приказаніе дѣйствовать согласно съ англійскими. Поэтому они тоже стремились подорвать въ Константинополѣ наши старанія о мирѣ и отрекались отъ своихъ дѣйствій въ Петербургѣ. Баронъ Келлеръ [1]) повторилъ увѣреніе, что его монархъ желаетъ императрицѣ успѣха въ войнѣ. Она отвѣчала на это иронически, что «королю не трудно было бы доказать свое сочувствіе, честно исполнивъ условія прежняго союзнаго акта, срокъ котораго еще не былъ конченъ». Извѣстно было напередъ, что Испанія, Неаполь, Данія и Сардинія сохранятъ строгій нейтралитетъ, сообразный съ ихъ положеніемъ и средствами. На счетъ Швеціи никто не безпокоился. Никто не могъ ожидать, что Густавъ III, съ 30,000 арміею, скоро нападетъ на русскаго великана.

Петербургскому кабинету особенно нужно было узнать, станемъ мы за или противъ него, или останемся въ нейтралитетѣ. Желали нашего союза, но не разсчитывали на него, зная наши старинныя связи съ Портою. Разочарованіе на счетъ насъ еще не наступало: память объ успѣхахъ въ Америкѣ придавала еще вѣсу нашему могуществу. Но неопредѣленность нашихъ дѣйствій указывала на слабость ихъ. Инструкціи мои

---

[1]) Представитель Пруссіи въ Петербургѣ.

не давали мнѣ возможности ни внушить страхъ русскимъ министрамъ, ни обнадеживать ихъ. Мы даже не объявили нейтралитета, хотя, конечно, онъ былъ необходимъ, если мы хотѣли удержать за собою право на посредничество, сохранить наше вліяніе и отвратить сближеніе Англіи съ Россіею. Находясь въ такомъ ложномъ положеніи, я принужденъ былъ дѣйствовать крайне осторожно и не высказываться рѣшительно. Моя дѣятельность ограничивалась исполненіемъ приказанія слѣдить за поступками императрицы и вліяніемъ, которое производили на ея политику смѣлыя дѣйствія Пруссіи и Англіи, умѣренность императора, вовлеченнаго въ войну противъ его желанія, и наконецъ труднообъяснимая нерѣшительность нашего двора.

Я узналъ, что Англичане просили русское правительство поддержать штатгальтера въ Голландіи и за это предлагали свое посредничество, чтобы принудить Турокъ къ миру, будто бы нарушенному, по ихъ забавнымъ увѣреніямъ, нами. Императрица слишкомъ недовольна была ихъ интригами и потому не хотѣла принять эти предложенія. Однако они отчасти подѣйствовали, потому что черезъ нѣсколько дней послѣ того Безбородко и Морковъ упрекали меня за то, что я, еще будучи въ Кіевѣ, поощрялъ вооруженія Турокъ. «Вотъ откуда, говорили они, — начались затрудненія, которыя, раздражая умы, содѣйствовали разрыву.»

«Эти вооруженія, отвѣчалъ я, — были чисто оборонительныя и возбуждены были приготовленіями съ вашей стороны. Если ужь нужно обращаться къ прошлому, то гораздо естественнѣе приписать враждебность Турціи страху отъ собранія вашихъ военныхъ силъ на Черномъ морѣ, отъ торжественнаго путешествія императрицы, отъ энергическихъ выраженій Булгакова и той надписи, которую намъ показывали въ Херсонѣ: *Здѣсь путь въ Византію*. И я не понимаю одного, прибавилъ я, — какимъ

образомъ совѣты Англіи и Пруссіи въ столь короткое время могли такъ внезапно взволновать Порту и превратить ея страхъ въ смѣлость.»

Скоро узналъ я черезъ министровъ и черезъ депеши Герберта подробности этой неожиданной перемѣны. Султанъ былъ прежде расположенъ къ миру. Онъ хотѣлъ заняться дѣлами, присутствовалъ въ совѣтѣ и торопилъ ходъ переговоровъ. Вдругъ великій визирь пробуждаетъ въ немъ двѣ страсти, непреодолимыя для Турка: фанатизмъ, отуманивающій умъ, и страхъ, вовлекающій въ погибель. Августа 13, собравши большой совѣтъ или мушавертъ, султанъ предписываетъ членамъ его хранить тайну и неосторожнымъ угрожаетъ карою. Въ слѣдствіе совѣщанія, въ которомъ разсудокъ заглушенъ былъ гордостью, яростью и невѣжествомъ, Булгаковъ приглашается на конференцію.

Интернунція встревожило это неожиданное приглашеніе; онъ спросилъ о поводѣ къ тому. Ему отвѣчали, что это до него не касается. «Не забудьте, сказалъ Гербертъ,—что Булгаковъ представитель союзницы императора, и что интересы обоихъ монарховъ одинаковы.» «Олсунъ (пусть такъ), отвѣчалъ мусульманскій чиновникъ съ презрѣніемъ;—только самъ великій визирь можетъ объяснить свои намѣренія.» Тогда интернунцій обратился прямо къ великому визирю Юссуфъ-пашѣ и поѣхалъ къ нему. Но его не приняли и послали къ рейссъ-еффендію. Шуазель дѣйствовалъ согласно съ интернунціемъ. Они написали въ рѣшительныхъ выраженіяхъ рейссъ-еффендію, который не удостоилъ ихъ отвѣтомъ, и имъ оставалось только протестовать противъ этихъ поступковъ, заявивъ о томъ, къ какимъ дурнымъ послѣдствіямъ они могли повести.

Булгаковъ одинъ отправился на аудіенцію. Великій визирь, послѣ сильныхъ упрековъ, предложилъ ему немедленно согласиться на возвращеніе Крыма. Для написанія отвѣта ему даже не дали съѣздить домой, а отвели только въ особую

комнату. Русскій министръ, по долгу своему отказавшись исполнить такое несбыточное предложеніе, хотѣлъ удалиться. Но великій визирь напомнилъ ему, что прошлою зимою онъ грозилъ Турціи вторженіемъ 60,000 войска, собраннаго Потемкинымъ, и объявилъ, что теперь всѣ трактаты уничтожены, и что султанъ рѣшился посадить его въ Семибашенный замокъ съ лицами его свиты, по его назначенію. Булгаковъ избралъ секретаря, трехъ драгомановъ и двухъ слугъ. Остальная свита возвратилась въ Перу. Порта назначила плѣнному министру содержаніе, офицера для услугъ ему, позволила ему взять свои мебели и пожитки и построила ему изящный кіоскъ, чтобы онъ могъ пользоваться воздухомъ.

Напрасно Шуазель и Гербертъ вновь протестовали противъ этого нарушенія народнаго права. Ихъ хлопоты, настоянія и угрозы были безполезны. Булгакова повезли въ тюрьму на богато убранномъ конѣ, въ сопровожденіи многочисленнаго отряда солдатъ.

Вскорѣ послѣ этого удавили въ Родосѣ стараго крымскаго хана Сагимъ-Гирея въ наказаніе за его потворство Россіи. Между тѣмъ въ Константинополѣ держали брата его Арслана; онъ былъ какимъ-то призракомъ хана, и, покровительствуя ему, хотѣли поддержать надежды и храбрость Татаръ.

Турки, не слушая совѣтовъ нашего посланника, сдѣлали все, что только могло послужить къ ихъ осужденію. Ихъ манифестъ былъ безсмысленъ; вмѣсто того, чтобы выставить основательныя опасенія, они выставили поводомъ къ войнѣ небывалыя предложенія со стороны Россіи объ уступкѣ ей Тавриды и Бессарабіи. Но первая была уже давно укрѣплена за нею трактатами, а о второй никогда не было рѣчи. Наконецъ диванъ, чтобы напасть на Россію еще рѣшительнѣе, послѣ заключенія Булгакова, велѣлъ турецкому флоту въ лиманѣ захватить русскій фрегатъ *Скорый*. Этотъ фрегатъ, подкрѣпляемый бригомъ, отбился отъ Турокъ,

прошелъ мимо флота, самъ нанесъ вредъ нѣсколькимъ турецкимъ судамъ и, невредимый, вошелъ въ севастопольскій портъ.

Съ одной стороны, сборъ множества войскъ, сформированныхъ Россіею въ теченіи восьми мѣсяцевъ, съ другой, сила турецкаго фанатизма предвѣщали скорую борьбу и быстрый ходъ дѣла. Но случилось не такъ. Турки потеряли много времени въ сборахъ войскъ, разсѣянныхъ по Малой Азіи, а чудакъ князь Потемкинъ также медлилъ идти на нихъ, какъ спѣшилъ ихъ раздражить. Сорокъ тысячь было послано противъ Закубанскихъ Татаръ и горскихъ народовъ. Тридцать тысячь защищали Крымъ. Сорокъ тысячь расположено было на пространствѣ отъ Херсона до Буга. Князь главнокомандующій назначилъ главною квартирою своею Елисаветградъ; онъ дождался резервовъ, ему назначенныхъ. Наконецъ Румянцевъ собралъ близъ Кіева 70,000 человѣкъ войска. Къ удивленію моему, я услышалъ отъ императрицы, что во всю зиму армія будетъ въ оборонительномъ положеніи по случаю выступленія 380,000 Турокъ къ Бессарабіи.

Великій визирь уже утвердился въ Адріанополѣ. Порта поручила Мансуру призывать къ оружію всѣ татарскія орды. Въ такихъ обстоятельствахъ Румянцевъ и Потемкинъ, забывъ свои несогласія, помирились. Князь сдѣлалъ первый шагъ, написалъ фельдмаршалу, что, какъ ученикъ его, проситъ его совѣтовъ и приказаній. Императрица обнародовала свой манифестъ. Онъ былъ написанъ благородно и умѣренно; глупость Турокъ сдѣлала составленіе его очень легкимъ.

Императрица съ нетерпѣніемъ ожидала извѣстій о намѣреніяхъ Франціи. Наконецъ втораго октября пріѣхалъ изъ Версаля курьеръ: онъ думалъ найти меня уже въ Вѣнѣ и привезъ мнѣ приказаніе возвратиться въ Петербургъ. Можно себѣ представить, какъ я былъ радъ, что не уѣхалъ и такимъ образомъ предугадалъ мысль моего правительства. Эта поспѣшность нашего

министерства произвела на русскій кабинетъ неожиданное дѣйствіе. Повѣрили тому, на что надѣялись, а надѣялись, что мы станемъ противъ Турокъ, которые пренебрегли нашими совѣтами и послушались Англіи. Но, къ сожалѣнію, дѣло было нетаково: наше правительство оставалось въ нерѣшимости и предписывало мнѣ молчаніе, которое должно было имѣть видъ благоразумія, но на самомъ дѣлѣ происходило отъ слабости. На всѣ вопросы я отвѣчалъ, что такъ какъ курьеръ выѣхалъ въ то время, когда король только что узналъ о заключеніи Булгакова, то и Монморенъ успѣлъ послать мнѣ только одно повелѣніе, предписывавшее мнѣ сообщить министрамъ императрицы, что король былъ пораженъ при извѣстіи объ этомъ странномъ поступкѣ и тотчасъ же послалъ Шуазелю приказаніе выхлопотать свободу Булгакову.

Столь холодное сообщеніе удивило императрицу. Она однако надѣялась еще, что козни Англіи и Пруссіи въ Турціи, въ Голландіи и даже въ Россіи, съ цѣлію уничтожить наше вліяніе, надоѣдятъ намъ и побудятъ насъ заключить союзъ для сопротивленія грозной стачкѣ, противъ насъ направленной.

Но такъ какъ нельзя же долго говорить съ людьми, которые рѣшились молчать, то русскіе министры перестали вынуждать меня къ объясненіямъ. Поэтому, въ теченіи нѣкотораго времени, я заботился только о томъ, чтобы поддержать благоволеніе ко мнѣ императрицы. Чаще, нежели когда нибудь, я былъ въ ея обществѣ. Она часто приглашала меня къ обѣду и почти ежедневно дозволяла присутствовать на эрмитажныхъ спектакляхъ.

Видъ этого эрмитажа не совсѣмъ соотвѣтствовалъ его названію, потому что при входѣ въ него глаза поражались огромностью его залъ и галерей, богатствомъ обстановки, множествомъ картинъ великихъ мастеровъ и пріятнымъ зимнимъ садомъ, гдѣ зелень, цвѣты и пѣніе птицъ, казалось, перенесли италіянскую

весну на снѣжный сѣверъ. Избранная библіотека доказывала, что пустынникъ этихъ мѣстъ предпочитаетъ свѣтъ философіи монашескимъ испытаніямъ. Тамъ былъ и курсъ исторіи почти что въ лицахъ, —полнѣйшее собраніе медалей всѣхъ народовъ и вѣковъ. Въ концѣ дворца находилась красивая театральная зала, въ маломъ видѣ устроенная на подобіе древняго театра въ Виченцѣ. Она была полукруглая, безъ ложъ, съ лѣстницею скамеекъ, расположенныхъ амфитеатромъ.

Два раза въ мѣсяцъ императрица приглашала къ спектаклю дипломатическій корпусъ и особъ, имѣвшихъ входъ ко двору. Въ другіе дни число зрителей не превышало двѣнадцати. Обыкновенно тутъ бывали великій князь съ супругою, флигель-адъютантъ Мамоновъ, оберъ-шталмейстеръ, оберъ-камергеръ, графъ Строгановъ, вице-канцлеръ графъ Безбородко, князь Потемкинъ, его племянница графиня Скавронская, дѣвица Протасова, посланникъ графъ Кобенцель, де-Линь и я. Фитцъ Гербертъ былъ тогда въ отсутствіи. Для моихъ политическихъ отношеній это было выгодно, потому что въ тогдашнихъ обстоятельствахъ онъ былъ бы мнѣ противникомъ опаснымъ по своему уму, ловкости и расположенію, которое снискалъ у императрицы. Однако я жалѣлъ, что его не было, потому что искренно и нѣжно полюбилъ его.

Великій князь и жена его рѣдко пользовались дозволеніемъ быть въ эрмитажѣ. Еще рѣже въ немъ появлялась княгиня Дашкова: ея рѣзкій и надменный нравъ удалялъ ее отъ государыни. Эта гордая женщина была какъ бы ошибкою природы: она болѣе походила на мужчину, чѣмъ на женщину. Преувеличивая участіе свое въ восшествіи императрицы на престолъ, она приписывала исключительно себѣ успѣхъ этого дѣла и хвасталась этимъ, путешествуя по Европѣ. Въ первую пору царствованія государыни, въ безграничномъ своемъ честолюбіи

она хотѣла командовать гвардейскимъ полкомъ и, можетъ быть, думала о министерскомъ постѣ. Но Екатерина II, не желая давать ей власти, какъ мнѣ говорилъ Потемкинъ, встрѣтила насмѣшкой эти неумѣстныя требованія и, назначивъ ей мѣсто, болѣе свойственное ея способностямъ, сдѣлала ее президентомъ основанной ею академіи [1]).

По распоряженію императрицы выписана была изъ Франціи хорошая труппа актеровъ. Она представляла соединеніе достойныхъ талантовъ: здѣсь былъ знаменитый актеръ Офренъ, нѣсколько извѣстныхъ композиторовъ и виртуозовъ, сперва Паезіелло, потомъ Чимароза, Сарти, пѣвецъ Маркези и госпожа Тоди, которая услаждала пѣніемъ своимъ не государыню, нечувствительную къ музыкѣ, но князя Потемкина и многихъ любителей. Екатерина II хотѣла познакомиться со всѣмъ нашимъ театромъ; каждый вечеръ играли какую нибудь пьесу Мольера или Реньяра. Трудно представить—въ какомъ затрудненіи были наши актеры въ началѣ, будучи принуждены играть на большомъ театрѣ, въ виду великолѣпнаго и свѣтлаго зала, но почти безъ зрителей или передъ десятью или двѣнадцатью человѣками. Аплодисменты даже всеобщіе, были негромки и неободрительны.

Императрица упросила меня прочесть ей трагедію «Коріоланъ», которую я написалъ на кораблѣ во время переѣзда изъ Америки. Она была такъ снисходительна къ этому произведенію, что непремѣнно хотѣла поставить его на сцену. Какъ я ни противился этому, она настояла на своемъ. Я выпросилъ только, чтобы спектакль былъ данъ передъ маленькимъ кружкомъ императрицы. Это мнѣ было обѣщано, и «Коріоланъ» былъ сыгранъ два или три раза передъ двѣнадцатью зрителями, между кото-

---

[1]) т. е. Россійской; кромѣ того Дашкова была директоромъ Академіи Наукъ.

рыми не могло быть недоброжелателей. Одобреніе было едино-гласное, и авторъ вызванъ. Однако извѣстно, что при дворѣ обѣщанія даются легко, но нельзя на нихъ расчитывать. Меня обманули, но совершенно въ тайнѣ. Въ одинъ изъ четверговъ меня, какъ и весь дипломатическій корпусъ и дворъ, приглашаютъ на большой эрмитажный спектакль. Я являюсь; императрица зоветъ меня къ себѣ и сажаетъ на скамью ниже себя. Подымается занавѣсъ, выходятъ актеры, и, къ удивленію моему, я вижу, что даютъ мою пьесу. Никогда я не бывалъ въ подобномъ замѣшательствѣ: актеры играли отлично, и публика, въ слѣдъ за императрицею, аплодировала усердно. Мнѣ было неловко; я молчалъ, неподвижный, какъ статуя, и опустя глаза. Вдругъ императрица, сидѣвшая за мною, беретъ одною рукою мою правую руку, другою—лѣвую и такимъ образомъ заставляетъ меня самого аплодировать. Послѣ этой любезной шутки надобно было придать себѣ бодрости и, по окончаніи пьесы, выслушать множество похвалъ, отъ которыхъ ради вѣжливости никто не могъ воздержаться. На другой день императрица, смѣясь надъ моею робостью, стала расхваливать мою пьесу. Тогда я счелъ нужнымъ приняться самъ за критику и показать ея недостатки. «Я вамъ докажу, сказала государыня съ тою любезностью, которая была такъ въ ней привлекательна,—что вы заслужили эту похвалу если не за прекрасные стихи, которымъ я плохая цѣнительница, то по крайней мѣрѣ по благородству чувствъ и мыслей. Доказательство на это вотъ какое: вы знаете, что у меня ухо не создано для поэзіи, и однако вотъ стихи, которые я затвердила.» И она мнѣ прочитала слѣдующіе:

Une honteuse paix n'est qu'un affront sanglant,
Que le peuple vaincu supporte en frémissant:
Elle aigrit son courroux; jamais il ne l'endure
Que le temps qu'il faut pour guérir sa blessure;

Il l'accepte par crainte, il la rompt sans remords,
Et les dieux qu'il parjure approuvent ses efforts.
Alors, des deux côtés, une fureur cruelle
Rend la guerre sanglante et la haine immortelle,
Porte l'épuisement, l'effroi, l'oppression,
L'esclavage, l'opprobre et la destruction.
Voilà les tristes fruits de toute paix honteuse,
Loi toujours sans effet, trève toujours trompeuse [1]).

Ясно, что политическіе намеки пришлись по вкусу императрицы и, при благосклонности ко мнѣ, возвысили въ ея глазахъ талантъ поэта-дипломата.

Изрѣдка императрица насмѣшливою улыбкою спрашивала меня: получилъ ли я извѣстія изъ Франціи? Наконецъ, однажды она мнѣ объявила, что прусскія войска вступили въ Голландію, и, казалось, сильно опасалась, что наши войска не подоспѣютъ во время, чтобы остановить этотъ походъ.

Ея опасенія были вполнѣ основательны. Послѣ долгихъ совѣщаній въ совѣтѣ короля, твердость министровъ военнаго и морскаго, казалось, побѣдили осторожную медлительность архіепископа тулузскаго, назначеннаго тогда предсѣдателемъ совѣта финансовъ (chef du conseil des finances), и Людовикъ XVI, по природѣ храбрый, хоть и миролюбивый, рѣшился содѣйствовать Голландцамъ своею военною силою. Въ слѣдствіе того онъ приказалъ отцу моему (военному министру) принять мѣры къ сосредоточенію ар-

---

[1]) „Постыдный миръ — кровавая обида, которую побѣжденный народъ терпитъ негодуя. Его гнѣвъ распаляется, и онъ сноситъ его только, покуда излѣчиваются его раны. Онъ соглашается на него изъ страха, разрываетъ его безъ раскаянія, и боги, которымъ онъ измѣняетъ, одобряютъ его рѣшимость. Тогда съ обѣихъ сторонъ, при взаимной ярости, война становится жестокою и ненависть ненасытимою; онѣ приносятъ за собою изнеможеніе, ужасъ, угнетеніе, рабство, стыдъ и разрушеніе. Вотъ грустныя послѣдствія постыднаго мира: это законъ безъ дѣйствія, это мнимый отдыхъ.“

міи въ Живе (Givet) и представить ему смѣту суммъ, нужныхъ для ускоренія похода. Это скоро было исполнено. Но напрасно отецъ мой входилъ объ этомъ съ докладомъ при каждомъ собраніи совѣта. Не смотря на содѣйствіе маршала де-Кастри, всякій разъ откладывали рѣшеніе, которое должно было дать ходъ дѣлу. Во Франціи и въ сосѣднихъ странахъ только и говорили тогда, что о движеніи французской арміи, однако въ Живе все еще не появлялось знамя ея. Въ послѣдствіи слышалъ я отъ отца моего анекдотъ, который можетъ объяснить эту непостижимую медлительность и научить писателей, изображающихъ мировыя событія, не зная дѣятелей ихъ и не видя ихъ за кулисами,—какія ничтожныя причины иногда имѣютъ вліяніе на ходъ самыхъ важныхъ дѣлъ. Де-Бріеннъ, архіепископъ тулузскій, не имѣя достоинствъ ни почтеннаго прелата, ни государственнаго человѣка, обладалъ тѣмъ легкимъ, тонкимъ и подвижнымъ умомъ, который всегда даетъ успѣхъ въ обществѣ.

Къ несчастію, въ то время блестящее и избранное Общество, величающееся *высшимъ* или *лучшимъ*, раздавало извѣстность и значительныя мѣста. Оно было такъ легкомысленно, что не видѣло существеннаго за наружностью и не различало интриги отъ политики, обманывалось призраками и любезность принимало за настоящее достоинство. Архіепископъ тулузскій въ молодости былъ друженъ съ Тюрго и нѣкоторыми приверженцами системы экономистовъ, а потомъ отличился на провинціальномъ лангедокскомъ собраніи своимъ краснорѣчіемъ, важностью и умѣренностью. Въ парижскихъ гостиныхъ онъ отлично говорилъ объ дѣлахъ съ людьми, которые ихъ не понимали, но воображали себя дѣловыми. Нѣсколько умныхъ женщинъ, каковы госпожи Тессе, де-Бово, Монтессонъ составили извѣстность его административнымъ способностямъ. Друзья Некера противупоставляли его Калонну. Въ собраніи государственныхъ чиновъ (notables) онъ снискалъ одо-

бреніе духовенства, поддерживая его привилегіи, и нѣкоторое время, сопротивляясь министерству, пользовался довѣріемъ нѣсколькихъ патріотовъ и даже Лафаета, котораго обманывалъ.

Съ другой стороны, не смотря на нерасположеніе короля къ первымъ министрамъ и въ особенности къ духовнымъ въ гражданскихъ должностяхъ, онъ надѣялся достигнуть цѣли черезъ одного пріятеля, аббата де-Вермона. Нѣкогда онъ убѣдилъ Шуазеля послать этого аббата въ Вѣну для преподаванія французскаго языка герцогинѣ Маріѣ Антуанеттѣ. Герцогиня, сдѣлавшись королевою, продолжала оказывать вниманіе къ аббату. Архіепископъ воспользовался его положеніемъ, и этотъ вѣрный агентъ безпрестанно восхвалялъ его въ своихъ бесѣдахъ съ королевою. Такими то средствами онъ устранилъ всѣ препятствія своему честолюбію и вступилъ въ министерство, когда Каллонъ, побѣжденный парламентами и нотаблями, увидѣлъ, что его волшебный жезлъ разбитъ, и удалился. Затрудненія, возникающія вмѣстѣ съ войною, казались министру финансовъ непреодолимыми, и онъ, не думая объ унизительной роли, которую онъ навязывалъ нашему двору, сталъ хлопотать только о томъ, какъ бы возможно долѣе отсрочить и расходы, и войну. Вотъ странный и даже забавный способъ, который онъ для этого употребилъ съ полнымъ успѣхомъ: Людовикъ XVI, по сочувствію своему къ достоинствамъ и добротѣ, очень любилъ министра Мальзерба, тогда призваннаго въ совѣтъ. Мальзербъ, какъ большая часть великихъ людей, имѣлъ одну слабость, именно ужасно любилъ безъ умолку разсказывать анекдоты, которыхъ зналъ множество. Въ своихъ разсказахъ онъ плѣнялъ всѣхъ умомъ, добродушіемъ и тонкою насмѣшливостью. Когда онъ, бывало, начнетъ, то его не скоро остановишь, да никто изъ слушателей и не думалъ объ этомъ. Я уже сказалъ, что отецъ мой, ожидая рѣшенія и подписи по своему предложенію, докладывалъ объ немъ въ каждомъ засѣданіи совѣта; тогда де-

Бріеннъ ловко подстрекалъ Мальзерба запросомъ о какомъ нибудь давнемъ происшествіи, имѣвшемъ сходство съ тогдашними, и разсказъ начинался. Напрасно маршалы пытались остановить его: король заслушивался. Разсказъ длился, время проходило. Было ужь поздно, когда начиналось разсмотрѣніе дѣла, и оно отлагалось до слѣдующаго раза. Трудно повѣрить, что такимъ образомъ прошло четыре засѣданія, то есть двѣ недѣли. Только что кончили разсужденіе о принятіи нужныхъ мѣръ, когда узнали о быстромъ походѣ герцога Брауншвейгскаго, объ ужасѣ Голландцевъ, о неудачѣ князя Сальма, который предводительствовалъ ихъ войскомъ, и о занятіи ихъ городовъ и контръреволюціи, которая передавала республику во власть штатгальтера и Англіи. Можно судить—до какой степени неосновательенъ былъ страхъ архіепископа, если вспомнить, что говорилъ герцогъ Брауншвейгскій почти публично: «Прусскій король, сказалъ онъ,—боялся впутаться въ войну съ Франціею, которая могла бы возбудить противъ него Австрію, ея союзницу. По этому мнѣ предписана была особенная осторожность. Я послалъ двухъ офицеровъ моего штаба къ Живе. Если бы тамъ было войско, я бы остановился. Но такъ какъ тамъ не было ни одного знамени, ни одной палатки, то я поспѣшилъ походомъ, и Голландія была занята.» Остается только жалѣть, что насъ вовлекали въ такія ошибки. Прелатъ, бывшій причиною нашего униженія, былъ возведенъ въ санъ перваго министра, и маршалы, которые стояли за неприкосновенность нашей славы, подали въ отставку, не рѣшившись служить подъ начальствомъ архіепископа. Надо однако сказать правду, что, когда услышали о завоеваніи Голландіи вслѣдствіе непростительной медленности съ нашей стороны, французская честь проснулась, и во дворцѣ раздались возгласы: «Къ оружію!» Хотя Англичане объявили, что вооружаются за штатгальтера, наши корабли были приготовлены, и Монморенъ занялся пріисканіемъ средствъ, чтобы мы могли

противустать англо-прусскому союзу. Было еще время, и все могло измѣниться. Война въ это время произвела бы счастливую диверсію, возстановила бы наше вліяніе и вмѣстѣ съ тѣмъ дала бы внѣшній исходъ юношескимъ силамъ Франціи, которыя своею живостью подкрѣпляли волненіе умовъ ея.

Частнымъ образомъ, черезъ лицо, преданное Франціи, узналъ я, что императрица болѣе и болѣе недовольна была Англичанами. «Невозможно, говорила она,—чтобы Франція не приняла участія въ войнѣ, возбужденной Англіею и Пруссіею. Эти державы произвели смуты въ Брабантѣ и разрывъ въ Константинополѣ, чтобы потревожить Австрію и отнять у Людовика XVI ея содѣйствіе. Но король можетъ разсѣять ихъ козни своею твердостью, и если онъ не будетъ возбуждать Россію защитою Турокъ, то можетъ расчитывать на мою дружбу и на помощь императора и испанскаго короля.»

Но лицо, которому были сказаны эти слова, отвѣчало, что Франція повредитъ своимъ торговымъ интересамъ, если допуститъ разгромъ Турецкой имперіи.

«Я и не предполагаю этого, возразила императрица,—если бы я хотѣла гибели Турціи, то слабая помощь французскихъ судовъ, артиллеристовъ и инженеровъ не помѣшала бы мнѣ. Впрочемъ, пусть они остерегаются: стоитъ мнѣ захотѣть, и я тотчасъ привлеку на свою сторону Англію.»

Я передалъ все это Монморену, равно какъ и рѣшительныя выраженія англійскаго повѣреннаго въ дѣлахъ [1]). Онъ объявилъ русскимъ министрамъ, что Англія немедленно начнетъ войну съ Франціею, если эта держава помѣшаетъ Пруссакамъ въ ихъ дѣйствіяхъ, и что если императрица повѣритъ нашимъ клеветамъ на англійскаго посланника въ Константинополѣ, будетъ такимъ

[1]) Фитцъ-Гербертъ былъ въ отсутствіи; его временно замѣнилъ Фразеръ.

образомъ сближаться съ Французами, давнишними союзниками Турокъ, и возстановлять противъ себя Англію, ея двадцатилѣтнюю союзницу, то Англія можетъ легко найти въ Швеціи тѣ торговыя выгоды, которыхъ лишится въ Россіи. Такъ какъ по этому случаю императрица однажды сказала мнѣ, что Англичане стоятъ на своемъ и увѣряютъ, что они не давали Туркамъ враждебныхъ совѣтовъ, то я напомнилъ государынѣ, что ея же министры въ Кіевѣ и Булгаковъ въ Херсонѣ открывали мнѣ съ доказательствами и подробностями замыслы англопрусскихъ агентовъ противъ переговоровъ Шуазеля и австрійскаго интернунція въ пользу мира.

Я надѣялся, что эти извѣстія подстрекнутъ дѣятельность нашего министерства. Надежда моя, казалось, сбывалась: оно выходило изъ апатіи. Пріѣхалъ курьеръ съ давно ожиданными мною инструкціями. Въ нихъ все еще была какая-то нерѣшительность и мнительность, несоотвѣтствовавшія важности обстоятельствъ. Монморенъ, напоминая мнѣ давнишнія предубѣжденія императрицы противъ Франціи и всегдашнее расположеніе къ Англіи, писалъ, что онъ не предполагаетъ, чтобы она хотѣла войти съ нами въ тѣсныя сношенія; что такимъ образомъ честь короля можетъ пострадать, если ему откажутъ, и тѣмъ увеличатся затрудненія нашего положенія и дерзость нашихъ враговъ. Но, не смотря на это, онъ предписывалъ мнѣ ловкимъ образомъ и, не замѣшивая еще короля, дѣйствовать такъ, чтобы заключенъ былъ противъ Англіи и Пруссіи четвертной союзъ между Россіею, императоромъ, Испаніею и Франціею. Чтобы дѣйствовать въ смыслѣ этой робкой политики нашего правительства, явно боявшагося зайти слишкомъ далеко, я воспользовался случаемъ сообщить русскому правительству извѣстія графа Шуазеля, который упрекалъ Турокъ за ихъ нападенія. Я отправился къ графу Безбородку, тому изъ министровъ императрицы, который болѣе другихъ пользовался ея довѣріемъ, и,

поговоривъ съ нимъ о дѣлахъ константинопольскихъ, о вступленіи герцога Брауншвейгскаго въ Голландію и о замѣшательствахъ, возбужденныхъ Пруссіею въ Брабантѣ, высказалъ ему мое собственное мнѣніе, что нужно наконецъ противудѣйствовать замысламъ кабинетовъ лондонскаго и берлинскаго, которые хотятъ посѣять раздоръ на югѣ и на сѣверѣ Европы.

«Ясно, что ихъ дѣйствія, говорилъ я,—направлены противъ интересовъ Франціи въ Голландіи, противъ Австріи въ Нидерландахъ и противъ спокойствія императрицы: ея вліяніе мѣшаетъ имъ, и они хотятъ лишить ее Крыма. Кажется, наступило время намъ соединиться и сблизиться, чтобы поддержать спокойствіе Европы, которое хотятъ нарушить эти честолюбивыя державы.»

«Я согласенъ съ вами, отвѣчалъ министръ;—но имѣете ли вы основанія думать, что ваше правительство того же мнѣнія? Вотъ что намъ нужно знать прежде всего, прежде, чѣмъ сообщать что нибудь императрицѣ.»

«Депеши, которыя я получилъ, сказалъ я,—не заключая въ себѣ ничего положительнаго, выказываютъ однако желаніе короля узнать на этотъ счетъ мнѣнія ея величества. Но такъ какъ все это еще весьма неопредѣленно, то, кажется, ради достоинства обоихъ монарховъ, это дѣло надо пока держать въ тайнѣ. По этому я говорилъ о немъ только съ вице-канцлеромъ, а мысли свои сообщилъ только вамъ, потому что знаю вашу разсудительность и осторожность и знаю—какое довѣріе оказываетъ вамъ императрица.»

Хитрость и осторожность не долго удаются съ монархами высокаго ума, твердыми и рѣшительными. На другой день послѣ моего совѣщанія съ министромъ, когда я былъ въ эрмитажѣ, императрица отвела меня въ сторону, въ конецъ галереи. Глаза ея блистали удовольствіемъ, отражавшимся во всѣхъ чертахъ лица ея. Она сказала мнѣ:

«Вы вчера говорили съ графомъ Безбородкомъ. Все, что онъ мнѣ передалъ, мнѣ очень понравилось. Я вижу, что король угадываетъ настоящія средства для того, чтобы разрушить интриги, которыя затѣваются противъ насъ. Я весьма расположена къ полезному съ нимъ союзу. Король, надѣюсь, можетъ разсчитывать на участіе Испаніи, а я совершенно полагаюсь въ этомъ случаѣ на императора. Въ 1756 году уже оказалась польза такого союза: прежній трактатъ можетъ служить достаточнымъ основаніемъ къ новому. Стало быть, вы видите, что все зависитъ отъ вашего кабинета, и я рада буду, когда онъ возметъ верхъ надъ своими соперниками.»

Послѣ того государыня сообщила мнѣ, что ея войска одержали подъ Кинбурномъ побѣду надъ Турками, которые потеряли въ этомъ дѣлѣ пять тысячъ человѣкъ, что она ожидаетъ подробнаго донесенія отъ Потемкина, и что императоръ собралъ уже свою армію и долженъ былъ идти на Бѣлградъ.

На слѣдующій день графъ Безбородко пригласилъ меня къ себѣ: онъ былъ очень доволенъ намѣреніями императрицы. «Кажется, говорилъ онъ,—ей очень хочется, чтобы этотъ союзъ скрѣпился вашимъ посредничествомъ. Она такъ рѣшительно выразила желаніе скорѣе уладить это дѣло, что, по моему мнѣнію, теперь вамъ можно будетъ поговорить о немъ съ вице-канцлеромъ. Вы можете быть увѣрены, что ему предписана будетъ строжайшая тайна. Императоръ, вѣроятно, предупрежденъ о намѣреніяхъ вашего кабинета?»

Я отвѣчалъ ему, что это еще мнѣ неизвѣстно, что это только предположеніе, о которомъ, можетъ быть, король хотѣлъ знать мнѣніе императрицы прежде, чѣмъ сообщать о немъ своему союзнику. Но такъ какъ мнѣ приказано было довѣриться Кобенцелю, то я сообщилъ ему подъ секретомъ все дѣло, и хотя онъ еще не получилъ инструкцій на этотъ счетъ, однако оказался не менѣе меня расположеннымъ къ заключенію этого важнаго акта.

Наконецъ я поѣхалъ къ вице-канцлеру, графу Остерману: онъ не зналъ ни о чемъ, и предложенія мои удивили его. Онъ отвѣчалъ глухо, что сообщитъ объ этомъ немедленно императрицѣ. Черезъ нѣсколько дней онъ, видимо удивленный, отвѣчалъ мнѣ, что императрица, сочувствуя желанію короля сблизиться съ нею, вскорѣ прикажетъ начать совѣщанія по этому предмету и желаетъ, чтобы наше правительство дало мнѣ полномочіе дѣйствовать и прислало бы проэктъ трактата.

Я отвѣчалъ, что для скорѣйшаго хода дѣла, какъ мнѣ казалось, нужно было, чтобы русское правительство сообщило мнѣ главнѣйшія статьи, которыя оно желаетъ помѣстить, но что, впрочемъ, я сообщу его предложенія нашему двору.

Въ слѣдъ затѣмъ я послалъ курьера въ Версаль, считая себя счастливымъ, что въ такое короткое время успѣлъ подвинуть дѣло выше ожиданій короля и разсѣялъ сомнѣніе на счетъ союза съ Россіею, которая, казалось, сама не менѣе желала его. По всему видно было, что переговоры такъ удачно начатые, при обоюдномъ желаніи успѣха не представятъ затрудненій и кончатся прежде, нежели враждебныя державы успѣютъ узнать о нихъ и помѣшать. Между тѣмъ, къ удивленію моему, я узналъ, что прусскій министръ баронъ Келлеръ и англійскій повѣренный въ дѣлахъ тоже отправили курьеровъ къ своимъ дворамъ, и въ такое еще время, когда къ тому не было особенныхъ поводовъ. Я не долго оставался въ невѣдѣніи. Старый голландскій резидентъ, подъ благоразумною умѣренностью скрывавшій республиканскія чувства и, стало быть, противникъ штатгальтеру, Англіи и Пруссіи,—явился ко мнѣ тайкомъ и сказалъ мнѣ: «Вы затѣваете четвертной союзъ, которому я желаю успѣха, и который конечно помѣшаетъ тѣмъ, кто возмутилъ мою родину.»

Я сперва отвергалъ справедливость слуха. «Напрасно, говорилъ онъ;—тайна ваша открыта, и я все знаю. Вотъ въ чемъ

дѣло: одинъ изъ чиновниковъ графа Остермана выдалъ васъ, черезъ него баронъ Келлеръ узналъ—въ какомъ положеніи дѣло, и тотчасъ же сообщилъ англійскому повѣренному Фразеру. Оба они поспѣшили извѣстить объ этомъ свои кабинеты, и я даже могу вамъ передать содержаніе депеши Фразера, потому что она составлена со словъ Келлера, который, не зная моихъ мнѣній, показалъ мнѣ ее.»

Я извѣстилъ объ этой продѣлкѣ императрицу. Она очень разсердилась, и виновный чиновникъ былъ наказанъ и удаленъ со службы. Но наша тайна была открыта и черезъ три недѣли сдѣлалась извѣстна публикѣ. Я съ начала не безпокоился, что эта публичность, разоблачивъ планы нашего министерства, не дастъ ему возможности отступиться отъ нихъ. Въ послѣдствіи окажется, что я еще не постигалъ тогда, до какой степени нерѣшительности доходили наши правители.

Судьба продолжала благопріятствовать оружію Екатерины. Государыня сообщила мнѣ о новой побѣдѣ надъ Турками на Кавказѣ, но, къ ея сожалѣнію, въ тоже время она узнала, что въ дѣлѣ подъ Кинбурномъ найдены были между мусульманскими трупами три тѣла французскихъ инженеровъ. На это я сказалъ:

«Вамъ извѣстно, ваше величество, что они посланы были въ Очаковъ въ такое время, когда скорѣе ожидали нападенія со стороны Русскихъ, нежели со стороны Турокъ. Числа показываютъ, что они еще не успѣли получить приказаній возвратиться, которыя имъ конечно были посланы. Вамъ извѣстно также, что съ тѣхъ поръ отношенія измѣнились, и что теперь мы искренно желаемъ вамъ успѣховъ для скорѣйшаго возстановленія мира.»

Она отвѣчала очень любезно и довольно громко, такъ что ее могли услышать лица, которыя воспользовались было этимъ случаемъ, чтобы возбудить ее противъ насъ. «Я увѣрена,

графъ, сказала она,—что вы искренны; вы не можете желать успѣха этимъ варварамъ и врагамъ моимъ. Я даже убѣждена, что, выражая ваше сочувствіе, вы столько же исполняете порученіе короля, сколько слѣдуете вашимъ собственнымъ побужденіямъ.»

Послѣ этого государыня заговорила со мною о сопротивленіи нашихъ парламентовъ, которые отказывались утверждать нѣкоторыя постановленія министровъ.

«Я не могу понять, сказала она, — какимъ образомъ въ такое критическое время, великодушная и просвѣщенная нація можетъ сопротивляться дѣйствіямъ монарха, который одушевленъ любовью къ народу, недавно окончилъ славную войну честнымъ миромъ, изъ участія къ своимъ подданнымъ рѣшается на жертвы и предпринимаетъ смѣлыя преобразованія.»

Я отвѣчалъ, что это волненіе есть неизбѣжное слѣдствіе дѣятельности и образованности Французовъ; что часто народъ, при поспѣшномъ просвѣщеніи, увлекается своими сужденіями и страстями. «Впрочемъ я надѣюсь, прибавилъ я, — что благоразумный государь съумѣетъ не только потушить волненіе, но даже воспользоваться имъ, чтобы разрушить замыслы людей, желающихъ возвыситься среди внутреннихъ смутъ.»

«Повѣрьте, отвѣчала государыня, — одна только война можетъ измѣнить направленіе умовъ, согласить ихъ, дать страстямъ другую цѣль и возбудить прямой патріотизмъ. Эта необходимая война покуда еще не начинается. Однако я не полагаю, чтобы вы могли обойтись безъ нея. Пруссія и Англія васъ вызываютъ на борьбу, и я знаю, что шведскій король явно склоняется на ихъ сторону.»

Перемѣна въ нашемъ министерствѣ была чувствительна лично для меня: я узналъ, что, послѣ разрыва Порты съ Россіею, принцъ Нассау выѣхалъ изъ Парижа, уполномоченный архіепископомъ ту-

лузскимъ, отправился къ Потемкину и вступилъ съ нимъ въ тайные переговоры. Я тотчасъ написалъ ему и осуждалъ его дѣйствія. Въ слѣдъ за тѣмъ онъ пріѣхалъ въ Петербургъ съ оправданіемъ. «Сознаюсь въ моей винѣ, сказалъ онъ мнѣ;—я на интриги не мастеръ, и вы мнѣ открыли глаза. Я думалъ оказать вамъ услугу, дѣйствуя на Потемкина въ пользу заключенія союза, о которомъ вы здѣсь хлопочете. Я долженъ былъ догадаться, что Бріеннъ, поссорившись съ отцемъ вашимъ, вздумалъ употребить меня для того, чтобы лишить васъ чести устроить этотъ договоръ. Но довольно было одного вашего слова вашему сотоварищу по оружію, и вотъ я къ вашимъ услугамъ. Я не сдѣлаю ни шага, не скажу ни слова безъ вашего согласія.»

Я узналъ его въ этихъ рѣчахъ и разцѣловалъ. Я предупредилъ его, что государыня будетъ, вѣроятно, говорить ему о французскихъ дѣлахъ и разспрашивать его — въ какомъ положеніи они были при его отъѣздѣ, и указалъ ему—о чемъ надо умолчать и что сказать. Онъ оправдалъ мою довѣренность благородствомъ и искренностью. Императрица, какъ я ожидалъ, объявила ему о предполагаемомъ нашемъ союзѣ и сказала, что, не смотря на его желаніе, она не можетъ высказываться болѣе, не зная въ точности нашихъ намѣреній. «Какъ вы думаете, спрашивала она, — исполнитъ ли французское правительство свои предположенія?»

Его отвѣтъ былъ прямой; да онъ и не могъ допустить нерѣшительности и робости. Онъ увѣрилъ императрицу, что мы рѣшились поддерживать Голландію, такъ несправедливо притѣсненную Англіею и Пруссіею, и, по моему совѣту, прибавилъ, что во Франціи особенно желаютъ, чтобы государыня закрыла Англичанамъ свои порты.

«Я не отказываюсь отъ этого плана, отвѣчала императрица,—но прежде, чѣмъ рѣшиться на него, нужно, чтобы моя

эскадра, которая скоро будетъ готова, вошла въ Средиземное море.»

Я обо всемъ донесъ своему двору и, не жалуясь на тайное порученіе, данное принцу Нассау, далъ однако понять архіепископу, что его мелкія козни не удались. Почти въ тоже время принцъ и принцесса Оранскіе извѣстили императрицу объ успѣшномъ возстановленіи ихъ власти. Отвѣтъ государыни, какъ мнѣ сказали, былъ сухой и даже слегка колкій.

Итакъ во всѣхъ отношеніяхъ намѣренія государыни могли придать мнѣ надежды и увѣренности. Нужно было только получить отъ двора моего болѣе ясные и положительные повелѣнія, и я наконецъ дождался ихъ. Курьеръ привезъ мнѣ депеши, которыя крайне меня удивили и лишили всякой надежды. Монморенъ, вмѣсто того, чтобы поздравлять меня съ успѣхомъ, упрекалъ меня въ строгихъ выраженіяхъ за то, что я слишкомъ поспѣшилъ и зашелъ такъ далеко. Это было несправедливо: нисколько не удаляясь отъ инструкцій, я, въ силу предписанія, только выразилъ желаніе сблизить оба кабинета, и не моя была вина, что это предложеніе, сдѣланное въ то время, когда Англичане отваживались на дѣйствія самыя смѣлыя и опасныя, было хорошо принято императрицею, и что она увидѣла въ немъ формальное предложеніе союза. Не позволяя себѣ рѣшительныхъ дѣйствій, я ихъ только ожидалъ. Къ тому же, независимо отъ меня принцъ Нассау, въ тайнѣ уполномоченный, говорилъ съ Потемкинымъ въ томъ же смыслѣ. Какихъ еще нужно было доказательствъ, что я не нарушилъ наставленій, мнѣ данныхъ? Впрочемъ все объяснилось. Финансовыя затрудненія и противудѣйствіе парламентовъ всѣмъ мѣрамъ, которыя предлагало министерство, чтобы выйдти изъ кризиса, — вотъ что охладило воинственный пылъ, на мгновеніе охватившій наше правительство. Страхъ побѣдилъ чувство вражды, и мы согласились на конвенцію съ Англичанами, въ слѣдствіе которой

мы прекратили наши вооруженія. Переговоры о предположеніи союза четырехъ державъ шли потихоньку только для виду и, разумѣется, были совершенно безполезны для насъ.

Графъ Воронцовъ писалъ государынѣ изъ Лондона, что Англія обманула архіепископа тулузскаго, обѣщавъ ему за невмѣшательство въ Голландіи не мѣшать намъ дѣйствовать въ Турціи, другими словами: уничтоживъ наше вліяніе въ Вѣнѣ, Гагѣ, Берлинѣ и Петербургѣ, она дозволяла намъ предпринимать безполезныя попытки для защиты Турокъ, которыхъ защитить не было возможности. Грустно было мнѣ узнать объ этой слабости нашего правительства и побѣдѣ нашихъ соперниковъ. Всѣ мои надежды исчезли, и съ той поры я увидѣлъ ту пропасть, въ которую безсильные совѣты и безграничныя страсти должны были вовлечь мое отечество и моего монарха. Я принужденъ былъ скрывать эти тяжелыя предчувствія и принять на себя спокойный видъ, несогласный съ моимъ внутреннимъ состояніемъ. Однажды, на спектаклѣ въ эрмитажѣ, я во время собранія старался скрыть свою грусть, чтобы не было весело другимъ, именно министрамъ прусскому, голландскому, португальскому и даже шведскому. Но когда началось представленіе, я задумался и предался невольно самымъ мрачнымъ мыслямъ. Я былъ весь погруженъ въ думу, когда вдругъ услышалъ голосъ подъ самымъ ухомъ. Это былъ голосъ императрицы, которая, склонившись ко мнѣ, говорила мнѣ тихо: «Зачѣмъ грустить? Къ чему ведутъ эти мрачныя мысли? Что вы дѣлаете? Подумайте, вѣдь вамъ не въ чемъ упрекать себя!»

Умная, любезная и проницательная государыня угадала мои мысли. Впрочемъ, такъ какъ она была также высока умомъ, какъ тверда душою, то долго еще думала, что слабость нашего правительства не есть зло неисправимое. Австрійскій посланникъ поддерживалъ въ ней эту мысль. Онъ получилъ отъ своего двора инструкцію всячески мѣшать сближенію Англіи съ Россіею и

ускорить переговоры о союзѣ четырехъ державъ... Разумѣется, надо было полагать, что Іосифъ II, дѣйствуя такимъ образомъ, навѣрное зналъ намѣренія своей сестры и французскаго короля, своего зятя и союзника... [1])

Печально было положеніе Франціи, когда я получилъ упрекъ въ поспѣшности предложеній моихъ о четвертномъ союзѣ, который могъ бы придать нашему правительству нѣкоторую силу, нѣкоторое вліяніе за границею и спокойствіе у себя, обративъ къ войнѣ молодые буйные умы, осуждавшіе злоупотребленія власти и самую власть потому только, что они не имѣли другого дѣла и другого противника. Вся Франція взволнована была тайною тревогою. Головамъ честолюбивымъ и жаждущимъ славы нужна была борьба: ловкіе министры съумѣли бы дать имъ цѣль иную, чѣмъ та, къ которой они устремились.

Впрочемъ наши смуты еще не ослабили въ Европѣ, особенно въ Россіи, воспоминанія о нашихъ побѣдахъ и убѣжденія въ нашей силѣ. Монархи начинали нѣсколько безпокоиться; но народы съ радостною надеждою смотрѣли на страну, гдѣ заботились объ облегченіи ихъ участи. Въ многихъ странахъ дворяне, вспоминая прежнюю силу свою, ослабленную правительствами, съ удовольствіемъ смотрѣли на сопротивленіе власти и министерству, не предвидя для себя опасности въ преобразованіяхъ, и въ тайнѣ имъ сочувствовали. Только одно духовенство страшилось философскаго движенія, противнаго ему. Но оно такъ гордилось крѣпостью своихъ основъ, что совершенно полагалось на ихъ непоколебимость.

---

[1]) Здѣсь слѣдуетъ у Сегюра очеркъ тогдашняго состоянія Франціи,—эпизодъ, не относящійся до Россіи и притомъ очень блѣдный; поэтому мы пропускаемъ его. Въ немъ говорится о тогдашнихъ безпорядкахъ въ администраціи и при дворѣ, о разстройствѣ финансовъ, неудачномъ министерствѣ Калонна, безуспѣшномъ созваніи государственныхъ чиновъ, собранныхъ 22 Февраля и распущенныхъ 28 Мая 1787 г., объ оппозиціи парламентовъ, недовольствѣ и волненіяхъ всѣхъ сословій и слабости правительства, отозвавшейся и на сношеніяхъ его съ Россіею.

Екатерина II, судя по себѣ о другихъ, видѣла величіе въ добротѣ Людовика XVI. Она надѣялась, что король, соединяя твердость съ добродѣтелями, сокрушитъ препятствія, которыя встрѣтили его любовь къ народу и его благія намѣренія—съ одной стороны въ малодушныхъ придворныхъ, врагахъ преобразованій, съ другой—въ парламентахъ и безмѣрной горячности нововводителей, которые, вмѣсто того, чтобы поправлять дѣло, могли все разстроить. Наконецъ государыня, хотя и удивленная слабостью нашего кабинета, думала, что это временное разстройство, которое не можетъ быть продолжительно. Убѣжденная въ этомъ, она всячески старалась о заключеніи союза съ нами, Австріею и Испаніею. Таковъ былъ ея образъ мыслей, къ которому прежде наше правительство и не надѣялось ее обратить. Когда же мы успѣли въ этомъ, нашъ первый министръ, къ несчастью, располагавшій нашею судьбою, почувствовалъ скорѣе затрудненіе, чѣмъ удовольствіе. Мы предложили заключить этотъ союзъ — боясь Англіи, и потому теперь неловко и смѣшно было бы отказываться отъ него. Съ другой стороны, страхъ передъ той же Англіею мѣшалъ и заключенію этого союза, такъ какъ за нимъ, вѣроятно, послѣдовала бы война, и Англичане нарочно изподтишка грозили намъ. Бріеннъ, какъ всѣ слабые люди, не рѣшаясь ни довести это дѣло до конца, ни остановить его, выбралъ средство самое дурное, именно задумалъ протянуть переговоры, чтобы выиграть время.

Если бы Монморенъ не былъ связанъ, онъ дѣйствовалъ бы откровеннѣе. Но, принужденный слѣдовать чужой системѣ, онъ писалъ мнѣ, что прежде, чѣмъ рѣшиться на сближеніе, нужно было узнать настоящія намѣренія Екатерины относительно Турціи и то, какія границы она полагаетъ своимъ замысламъ. Узнать это мнѣ было не только трудно, но просто невозможно. Императрица на этотъ счетъ еще не имѣла твердыхъ плановъ. Такъ какъ вознагражденія зависятъ отъ успѣха или неудачь, то

при началѣ войны невозможно было знать условія, на которыхъ заключится миръ. Къ тому же — хотя это и странно, но совершенно справедливо—тогда не было даже опредѣленнаго плана компаніи. Императоръ убѣдительно просилъ Потемкина прислать ему свой, а князь все обѣщалъ и не посылалъ его. Въ мирное время онъ замышлялъ обширнѣйшіе планы завоеваній, а во время войны, казалось, застигнутъ былъ въ расплохъ. При ея объявленіи онъ недѣли двѣ былъ молчаливъ, нерѣшителенъ, испуганъ и не зналъ, какъ прокормить армію, и какія сдѣлать распоряженія. Когда онъ наконецъ успокоился, и приготовленія были сдѣланы, у него не могли добиться свѣдѣній для соображенія плана компаніи вмѣстѣ съ Австріею. Согласились только, что Русскіе осадятъ Очаковъ, а Австрійцы Бѣлградъ. Такимъ образомъ Турки имѣли довольно времени, чтобы укрѣпиться для защиты. Завладѣніе Крымомъ было ихъ главною цѣлью, и они приступили къ этому, высадивъ 8,000 отборнаго войска на сѣверозападной части полуострова, чтобы занять Кинбурнъ. Суворовъ командовалъ Русскими; бой былъ упорный и кровавый: два раза мусульмане наступали и отбивали Русскихъ. Суворовъ, распоряжаясь, какъ полководецъ, и сражаясь, какъ солдатъ, собралъ свои войска. Не смотря на рану, онъ продолжалъ битву, рѣшилъ дѣло, прогналъ Турокъ и, преслѣдуя ихъ, получилъ еще рану. Потеря Турокъ состояла въ 4,000 убитыми и множествѣ плѣнныхъ; потеря Русскихъ была незначительна. Императрица праздновала побѣду молебствіемъ.

Императрица съ неудовольствіемъ встрѣтила извѣстіе, что переговоры о союзѣ четырехъ державъ переносятся въ Парижъ. Графъ Кобенцель, по приказанію императора, хлопоталъ объ ускореніи дѣла. Мое положеніе затруднилось. Русскіе министры, недовольные моими нерѣшительными отвѣтами, полагали, что я самъ причиною этой медлительности, особенно потому, что я все настаивалъ, чтобы мнѣ заранѣе объяснили условія, на кото-

рыхъ Россія помирится съ Турками. Я могъ только получить неопредѣленный отвѣтъ, что обстоятельства рѣшатъ цѣну вознагражденія. Министры увѣряли меня, что и не думаютъ о разрушеніи Турціи, а хотятъ только твердаго мира.

Между тѣмъ какъ наша медлительность возбудила недовѣріе русскаго правительства, Пруссія увеличивала это недовѣріе, распространяя слухъ о предполагаемомъ будтобы сближеніи Франціи съ Пруссіею. Англичане, съ своей стороны, извѣщали императрицу о содѣйствіи, оказываемомъ Туркамъ французскими офицерами, которые работали въ константинопольскомъ арсеналѣ. Потемкинъ упрекалъ меня за это. Англія, ободряемая нашею нерѣшительностью, въ довольно сильныхъ выраженіяхъ высказала русскому правительству сожалѣніе по случаю предполагаемаго союза Россіи съ Франціею. На это императрица отвѣчала съ достоинствомъ и удивлялась неумѣстнымъ упрекамъ. Она считала себя въ правѣ искать себѣ союзниковъ, гдѣ ей нужно. «Я не вмѣшиваюсь, прибавила она,—въ связи лондонскаго кабинета съ Пруссіею и Голландіею. Впрочемъ я буду поступать такъ, какъ другіе поступаютъ въ отношеніи ко мнѣ.»

Передавая извѣстія объ этомъ Монморену, я настаивалъ на необходимости принять рѣшительныя мѣры и увѣрялъ, что иначе наши враги усилятся, а друзья охладятся. Въ особенности я требовалъ точныхъ объясненій по случаю обвиненій за наше содѣйствіе Туркамъ. Нужно было воспользоваться предложеніями, намъ сдѣланными. До этого времени императрица была умѣренна въ своихъ планахъ; но такъ какъ она не была связана союзомъ съ нами, то первая блистательная побѣда могла подстрекнуть ея честолюбіе и возродить ея замыслы о завоеваніи Константинополя. Находясь въ такихъ обстоятельствахъ, я радъ былъ отсутствію Фитцъ-Герберта; его ловкость меня бы гораздо болѣе затруднила, чѣмъ странная откровенность Фразера, англійскаго повѣреннаго въ дѣлахъ. На вопросъ русскихъ дипломатовъ, почему его кабинетъ

дѣйствуетъ такъ враждебно и возбуждаетъ въ Турціи и въ Швеціи ненависть къ Россіи, онъ прямо отвѣчалъ: «Что же дѣлать? Намъ приказано дѣлать во всемъ противное желаніямъ Франціи. Она хотѣла мира между вами и Портою, мы произвели войну; если бы Франція желала войны, мы хлопотали бы о мирѣ.»

Императрицу очень позабавило это недипломатическое объясненіе; но прямой Англичанинъ говорилъ чистую истину. Не смотря на это откровенное признаніе, Англія и Пруссія предложили свое посредничество для мирнаго соглашенія. Но императрица встрѣтила его неблагосклонно, такъ какъ не считала его искреннимъ.

Я совершенно напрасно хлопоталъ, стараясь представлять доводы, по которымъ слѣдовало перевести конференціи о союзѣ въ Парижъ. Не смотря на то, что и Кобенцель поддерживалъ меня, императрица приказала Симолину [1]) представить нашему министерству неудобство этого перемѣщенія и трату времени, котораго оно потребуетъ. Отъѣздъ русскаго курьера былъ остановленъ на нѣкоторое время по случаю несогласій, возникшихъ въ министерствѣ: Морковъ и Остерманъ поссорились и дошли до довольно горячихъ объясненій. Впрочемъ медленность была обычнымъ зломъ у русскаго кабинета. Графъ Кобенцель шесть недѣль дожидался бумагъ, съ которыми ему надо было послать курьера къ императору. Во время раздѣла Польши, въ министерство Панина, русскій посолъ въ Варшавѣ написалъ семьнадцать нужныхъ депешъ, не получивъ на нихъ отвѣтовъ.

Дѣла на сѣверѣ не только не прояснились, но все запутывались. Императрица, узнавъ, что прусскій король намѣренъ присоединить Данцигъ къ своимъ владѣніямъ, объявила рѣшительно, что она

---

[1]) Иванъ Матвѣевичъ Симолинъ, тайный совѣтникъ, былъ съ 1784 года нашимъ чрезвычайнымъ посланникомъ въ Парижѣ; онъ былъ отозванъ во время революціи.

отстоитъ этотъ городъ. Умѣренность государыни, по словамъ многихъ, была только временная. Когда донесенія ея полководцевъ передавали ей вѣсть о какой нибудь важной побѣдѣ, она начинала думать о завоеваніяхъ въ Мореѣ и Архипелагѣ. Однако курьеръ во Францію отправился. Мнѣ передали содержаніе депешъ, которыя онъ везъ. Отвѣтъ государыни королю былъ дружественный и полный довѣрія; она выразила желаніе сблизиться съ нами и—хотя не могла предвидѣть событій, которыя должны опредѣлить степень ея требованій, основанныхъ на ея правѣ, но все таки просила насъ высказаться; съ своей стороны она впрочемъ прямо объявляла, что желаетъ только, чтобы мы остались нейтральными между ею и Турками, а сама обѣщала остаться нейтральною между нами и Англичанами въ случаѣ войны на морѣ. Такимъ образомъ все, что я предвидѣлъ, осуществлялось, оправдывало меня и вмѣстѣ съ тѣмъ служило доказательствомъ, что я не вышелъ изъ предѣловъ данныхъ мнѣ предписаній. Это меня обнадежило. Совѣщанія становились чаще. Россія хотѣла вовлечь Данію въ нашъ союзъ; но наши прежнія отношенія къ Швеціи препятствовали этому.

Такъ какъ въ это время мой секретарь посольства г. Колиньеръ долженъ былъ уѣхать, то, по желанію королевы, мнѣ дали молодого человѣка, пользовавшагося ея покровительствомъ, г-на Жене (Genet), брата г-жи Кампанъ. Онъ былъ уменъ, образованъ, зналъ нѣсколько языковъ и былъ талантливъ, но только оченъ пылокъ. Въ послѣдствіи онъ былъ увлеченъ революціею и назначенъ партіею жирондистовъ министромъ въ Американскіе штаты. Тамъ его кипучая дѣятельность оборвалась въ попыткѣ пошатнуть авторитетъ знаменитаго Вашингтона и дать американскому правительству еще болѣе демократическій характеръ.

Апатія князя Потемкина весьма не нравилась государынѣ; самъ ничего не предпринимая, онъ обвинялъ Австрійцевъ за то, что они ничего не дѣлаютъ. Единственнымъ его желаніемъ, един-

ственной цѣлью было взятіе Очакова, и чтобы добиться этого, онъ дѣлалъ такія огромныя приготовленія, какъ будто долженъ былъ брать Люксамбургъ. Между тѣмъ инженеръ Лафиттъ писалъ мнѣ, что крѣпость эта не устоитъ противъ сильной аттаки. Но время, потерянное Потемкинымъ, было употреблено съ пользою Турками, чтобы усилить гарнизонъ, подвинуть работы и поставить крѣпость въ оборонительное положеніе. Если бы Турки были болѣе свѣдущи въ тактикѣ и дисциплинѣ, они могли бы еще успѣшнѣе воспользоваться медлительностью своего непріятеля. Но я зналъ ихъ слѣпой фанатизмъ, ихъ упорство въ привычкѣ вести неправильную войну и потому 14 Марта 1788 года писалъ своему двору, что Очаковъ, Бѣлградъ, Хотинъ будутъ взяты, и что успѣхи русскихъ и австрійскихъ войскъ заставятъ Турокъ подчиниться условіямъ, которыя имъ предпишутъ.

Не смотря ни на что, Потемкинъ, не двигаясь изъ Елисаветграда, снѣдаемый тревогой, мучимой неосновательнымъ страхомъ, надоѣдалъ государынѣ своими жалобами, не указывая ни причинъ своего недуга, ни средствъ къ его излѣченію. Румянцевъ, напротивъ того, оставаясь спокойнымъ въ Украйнѣ, но работая мыслью и дѣломъ, подвигалъ дружно и скоро войска свои въ Польшу. Событія не пугали его; онъ предвидѣлъ успѣхъ и еженедѣльно посылалъ государынѣ донесенія подробныя и удовлетворительныя. Эта противуположность въ поведеніи обоихъ полководцевъ, разумѣется, видна была императрицѣ, но не измѣняла ея чувствъ; ея довѣріе по прежнему различало обоихъ соперниковъ: одинъ заслужилъ ея уваженіе и снискалъ ея признательность; другой не переставалъ пользоваться ея привязанностію. Потемкинъ былъ, такъ сказать, созданіе Екатерины. Она предсказала, что онъ сдѣлается великимъ человѣкомъ, изъ самолюбія помнила это предсказаніе и хотѣла его исполненія во что бы то ни стало. О бездѣятельности князя можно судить по слѣдующему факту: принцъ де-Линь въ декабрѣ

1787 года въ Елисаветградѣ началъ письмо ко мнѣ и окончилъ его только 15 февраля 1788 года: «У насъ нѣтъ новостей, писалъ онъ мнѣ,—съ тѣхъ поръ, какъ я началъ письмо, наконецъ отправляемое. Мнѣ кажется, что Татары, которыхъ все ждутъ, никогда не явятся. Но за то къ намъ пріѣхалъ изъ Парижа принцъ Нассау, который васъ отвелъ отъ Татаръ [1]), уговоривъ вашего Монморена отозвать Лафитта и оставить систему покровительства Туркамъ. Упорство принца въ совѣщаніяхъ, какъ и на полѣ битвы, всегда поведетъ его къ успѣху. Его извѣстность и логика, которою онъ владѣетъ, хоть и не имѣлъ времени изучить ее, послужили къ исполненію вашихъ желаній въ этихъ важныхъ обстоятельствахъ. Не онъ ли, съ саблею въ рукѣ, спасъ мнѣ жизнь на дняхъ? У него одинъ день не похожъ на другой. Вотъ какъ это было: я выздоравливалъ отъ лихорадки, потому что, къ счастію, у насъ здѣсь нѣтъ докторовъ. Мнѣ сказали, что солнце на восходѣ, а этого я и ждалъ, чтобы оправиться. Нассау выводитъ меня изъ скучной крѣпости, которая и вся то съ ладонь; люди мои несутъ меня на рукахъ и кладутъ на траву. При первыхъ лучахъ солнца я засыпаю. Толстая, отвратительная змѣя, которую солнце оживило вмѣстѣ со мною, хочетъ меня ужалить или задушить меня въ своихъ кольцахъ. Я просыпаюсь отъ шума и вижу, что Нассау что есть силы рубитъ по змѣѣ; такимъ образомъ онъ разрѣзалъ ее на части, которыя долго еще двигались. Сегодня намъ привели нѣсколько плѣнныхъ Турокъ; они также скучны, какъ тѣ, что являются на маскарадѣ Большой оперы. Трудно было мнѣ убѣдиться, что это не маски, и что дѣйствительно мы воюемъ съ ними.»

Впрочемъ, какъ бы строго мы ни судили Потемкина, надобно согласиться, что въ этомъ необыкновенномъ человѣкѣ

---

[1]) „Qui vous a détartarisés“ — непереводимо буквально.

странности мѣшались съ высокими, рѣдкими достоинствами. Де-Линь прекрасно очертилъ его въ письмѣ ко мнѣ изъ-подъ Очакова: «Я вижу здѣсь предводителя арміи, который, повидимому, лѣнивъ, но въ безпрестанной работѣ, которому колѣни служатъ письменнымъ столомъ, а пальцы — гребнемъ; онъ все лежитъ, но не спитъ ни днемъ, ни ночью, потому что усердіе его къ государынѣ, имъ обожаемой, не даетъ ему покою, и каждый пушечный выстрѣлъ тревожитъ его мыслью, что онъ могъ убить какого нибудь солдата. Онъ боится за другихъ, а самъ храбръ; онъ останавливается подъ огнемъ батарей, чтобы спокойно отдавать приказанія; тѣмъ не менѣе, онъ болѣе Улиссъ, чѣмъ Ахиллъ; онъ тревожится передъ опасностію и беззаботенъ, когда она наступила; онъ скученъ во время увеселеній, несчастливъ отъ избытка счастья, пресыщенъ всѣмъ, скоро разочаровывается, мраченъ и непостояненъ; это важный философъ, это ловкій министръ, это десятилѣтнее дитя; онъ немстителенъ, проситъ прощенія, если опечалилъ кого, и награждаетъ, если сдѣлалъ несправедливость; онъ воображаетъ, что любитъ Бога, и боится чорта...» Но довольно. Этотъ портретъ занималъ слишкомъ много мѣста въ письмѣ де-Линя, который не скоро останавливался, когда его уносило живое его воображеніе [1]).

Дипломація была тогда дѣятельнѣе, чѣмъ войско. Даже Порта, выходя изъ обычнаго своего бездѣйствія, съумѣла посредствомъ Пруссіи уговорить шведскаго короля вооружить свой флотъ для того, чтобы помѣшать русской эскадрѣ выйдти и снова перенести русскій флагъ въ Архипелагъ. Фридрихъ Вильгельмъ прусскій успѣлъ составить въ Данцигѣ партію въ свою пользу. Онъ двинулъ войско къ этому городу; между тѣмъ агенты

---

[1]) Замѣтимъ, что эти письма находятся въ полномъ собраніи сочиненій де-Линя и въ книжкѣ избранныхъ писемъ его, изданныхъ г-жею Сталь и переведенной на русскій языкъ.

его представляли пылкимъ и стѣсненнымъ Полякамъ надежду свергнуть русскую власть. Всѣ эти событія, предвѣстники грозы, тревожили, но не пугали императрицу, а извѣстіе о союзномъ трактатѣ между Англіею, Голландіею и Пруссіею еще болѣе возбудило ея желаніе составить четвертной союзъ, необходимость, котораго день ото дня становилась яснѣе. Но напрасно она просила насъ высказать наши намѣренія, напрасно старалась проникнуть въ тайну нашей политической системы: у насъ ея, къ несчастію, и не было, и нельзя было разгадать планы кабинета, не рѣшающагося ни на что по слабости и трусости. Мнѣ все-таки приказывали продолжать переговоры; но странный случай на время прервалъ ихъ. Испанскій посланникъ въ Россіи былъ человѣкъ образованный, честный, умный. Сѣверный климатъ оказался ему вреденъ, и онъ подвергся недугу, который медики называютъ *ипохондрическою меланхоліею*. Эта странная болѣзнь повела его къ частному помѣшательству; впрочемъ онъ сохранялъ разсудокъ. Его депеши, которыя я читалъ, были умны и краснорѣчивы, и въ разговорѣ его ничто не обличало его умственнаго разстройства: и на конференціяхъ, и въ обществѣ онъ оставался, какъ былъ. Немногіе только изъ друзей его замѣтили его помѣшательство, которое состояло въ томъ, что онъ воображалъ себѣ, что его ненавидятъ, что онъ окруженъ врагами. Онъ мнѣ одному изъ первыхъ высказалъ свое горе: предметомъ его была мнимая вражда къ нему Герца, прусскаго министра. Онъ воображалъ, что Герцъ подкупаетъ его слугъ и нанимаетъ людей, которые каждую ночь возлѣ его дома подымаютъ ужасный шумъ и не даютъ ему спать. Я принималъ въ немъ участіе, скрывалъ его состояніе, но всѣ мои попытки вразумить его были тщетны. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ я самъ сдѣлался предметомъ его тревогъ: если я говорилъ съ кѣмъ нибудь тихо, онъ думалъ, что я говорю о немъ дурно и упрекалъ меня. Разъ какъ-то императрица вздy-

мала дать въ эрмитажѣ старинную комедію: «*Странный человѣкъ*»; мой Испанецъ былъ убѣжденъ, что я вставилъ въ нее нѣсколько стиховъ съ насмѣшками на его счетъ. Изъ сожалѣнія къ нему я старался утѣшить его, показавъ ему старое изданіе этой комедіи, но разувѣрить его было невозможно. Скоро графъ Кобенцель и герцогъ Серра-Капріола, неаполитанскій министръ, заслужили его довѣріе, а потомъ неудовольствіе: онъ упрекалъ одного за то, что онъ отвлекаетъ отъ него всѣхъ петербургскихъ красавицъ, а другого за то, что онъ запретилъ всѣмъ часовщикамъ продавать ему вѣрные часы. Мы жалѣли объ этомъ хорошемъ человѣкѣ, мучимомъ недугомъ, отъ котораго не могла его спасти наша дружба. Но его положеніе еще болѣе обезпокоило насъ, когда мы получили приказаніе сообщить ему секретныя подробности о предполагаемомъ союзѣ. Впрочемъ такъ какъ мы замѣтили, что во время конференцій и въ своей перепискѣ онъ сохранялъ разумъ, то успокоились и полагали, что его болѣзнь не помѣшаетъ ходу дѣла. Однако, наша увѣренность была непродолжительна. Мало по малу, удаляясь отъ насъ, онъ перешелъ на сторону Пруссіи, Англіи и Португаліи, и мы узнали, что, считая своего секретаря за своего врага, онъ заперъ его на цѣлыя сутки и взялъ у него шифры [1]). Въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, чтобы избѣжать непріятностей, мы, по совѣту Кобенцеля, сговорились посовѣтоваться съ вице-канцлеромъ: «Нѣсколько дней тому назадъ, сказалъ онъ намъ,— не смотря на все мое уваженіе къ вамъ, я съ трудомъ бы вамъ повѣрилъ, потому что лицо, о которомъ вы говорите, было мнѣ извѣстно за человѣка благоразумнаго и дѣятельнаго. Къ тому же нѣкоторые члены дипломатическаго корпуса распускали слухъ, что противъ него интригуютъ, чтобы смѣнить его; объ этомъ даже говорили во всеуслышаніе при дворѣ великаго князя. Но

[1]) То есть азбуку съ ключемъ, употребляемую для тайной дипломатической переписки.

третьяго дня онъ выпросилъ у меня секретную конференцію и, оставшись на единѣ со мною, сталъ жаловаться на общую вражду противъ него, на несправедливость нашихъ министровъ, которые будто бы строжайше приказали слѣдить за его поведеніемъ и подкупали его слугъ. Со слезами на глазахъ онъ увѣрялъ, что ему даже отравляютъ питье, и что онъ никакъ не можетъ — какъ ни старается — достать невской воды. Я донесъ императрицѣ объ этомъ странномъ случаѣ, и она полагаетъ, что нужно будетъ принять мѣры, чтобы его отозвали отсюда. Врачъ его увѣряетъ, что въ южномъ климатѣ это ипохондрія разсѣется.»

Мы трое согласны были съ этимъ мнѣніемъ и потому, пригласивъ секретаря испанскаго посольства и доктора, написали донесеніе, скрѣпили его своими подписями и свидѣтельствами и послали этотъ документъ къ г. Гальвецу, испанскому министру въ Берлинѣ. Мы надѣялись, что такимъ образомъ удаленіе нашего сотоварища произойдетъ безъ шуму. Но неизвѣстно, какимъ образомъ вышло, что тотъ человѣкъ, о которомъ мы такъ осторожно заботились, узналъ о нашихъ совѣщаніяхъ и результатѣ ихъ. Онъ потребовалъ отъ насъ объясненій, но получилъ отказъ; онъ пожаловался своимъ новымъ друзьямъ, и они подняли шумъ о нашихъ мнимыхъ интригахъ. Это еще болѣе раздражило больного, и у него открылись такіе симптомы недуга, что нужно было принять мѣры противъ него. Гальвецъ, получивъ приказаніе замѣстить его въ Петербургѣ, прибылъ по назначенію. Больного послали на югъ, гдѣ онъ мало по малу образумился, выздоровѣлъ, и такимъ образомъ мы избавились отъ хлопотъ и непріятностей.

Императрица старалась возбудить дѣятельность въ своихъ полководцахъ. Съ удовольствіемъ узнала она, что Салтыковъ[1]), съ

[1]) Графъ Иванъ Петровичъ Салтыковъ, род. 1730, ум. 1805 г. фельдмаршаломъ. Въ началѣ этой турецкой войны былъ командиромъ праваго фланга въ украинской арміи графа Румянцева.

своимъ отрядомъ, соединился съ Австрійцами, предводительствуемыми принцемъ Кобургскимъ, и направился къ Хотину. Въ это же время я передалъ государынѣ извѣстіе отъ Шуазеля, что Англичане почти обѣщали Портѣ не пропускать русскую эскадру; поэтому государыня очень холодно приняла увѣренія англійскаго министра въ томъ, что суда ея будутъ впущены въ англійскіе порты. Русская эскадра между тѣмъ живо готовилась къ отплытію, не смотря на то, что Швеція тоже дѣятельно снаряжала свои суда, и ея вооруженія и грозныя рѣчи показывали, что она замышляетъ что-то недоброе. Когда въ Петербургѣ спросили у меня свѣдѣній объ этомъ, я сказалъ, что въ Версалѣ еще ничего не знаютъ, и что мнѣ только приказано увѣрить государыню, что король употребитъ все свое вліяніе, чтобы удержать шведскаго короля въ мирномъ расположеніи, которое соотвѣтствуетъ его отношеніямъ къ намъ и къ Россіи и собственнымъ его интересамъ.

Потемкинъ все еще молчалъ. Принцъ Нассау исхудалъ отъ нетерпѣнія. Императрица, весьма недовольная, строго приказала доставлять ей срочныя донесенія. Англійскій кабинетъ, видя, что его неоткровенныя объясненія плохо дѣйствуютъ въ Петербургѣ, сталъ довольно открыто высказывать свое недоброжелательство; онъ объявилъ русскому правительству, что не дозволитъ русскимъ адмираламъ нанимать въ англійскихъ портахъ транспортныя судна и добывать военные запасы. Но это не обезпокоило Русскихъ, потому что они могли найдти въ Даніи то, въ чемъ имъ отказывали Англичане. Наконецъ компанія открылась: Русскіе перешли Бугъ и стали подъ Очаковымъ. Принцъ Нассау спустился по Днѣпру съ эскадрою галеръ и летучихъ батарей для бомбардированія Очакова съ лимана, отдѣляющаго крѣпость отъ Крымскаго полуострова. Не смотря на неуспѣхъ многихъ попытокъ, министры англійскій и прусскій не переставали возбуждать противъ насъ императрицу ложными

извѣстіями. Они увѣряли, будто Франція хо́четъ, сообща съ Испаніею, уничтожить русскій флотъ въ Средиземномъ морѣ, а такъ какъ Испанія не раздѣляетъ ея видовъ, то поэтому и представила испанскаго резидента въ Петербургѣ сумасшедшимъ, чтобы замѣнить его другимъ, болѣе уступчивымъ и склоннымъ къ своимъ предложеніямъ. Эти ухищренія меня не тревожили: они падали передъ настоящими событіями. Секретарь Булгакова находился въ Петербургѣ, и императрица была увѣдомлена обо всѣхъ проискахъ министровъ Англіи и Пруссіи въ Турціи, Энслея (Ainsley) и Дитца (Dietz), клонившихся къ возбужденію Турокъ къ упорству и войнѣ. Всего непріятнѣе для меня было то, что нашъ дворъ все откладывалъ заключеніе трактата, зависѣвшаго только отъ его утвержденія, потому что императрица обѣщала уже ограничиться въ требованіяхъ вознагражденій отъ Турокъ; даже на случай продолженія войны императрица объявляла королю, что, только посовѣтовавшись съ нимъ, увеличитъ свои требованія, сообразно съ тѣмъ, чего потребуютъ расходы на войну. Чего лучше можно было желать? Однако, я не получилъ никакихъ приказаній по этому предмету; мнѣ только велѣно было объявить русскому правительству, что наши порты открыты для судовъ русской эскадры.

Между тѣмъ прибылъ въ Россію знаменитый Американецъ Поль Джонсъ [1]), ища, какъ и всегда, приключеній и войны. Этотъ морякъ прославился рѣдкою неустрашимостію: находясь на небольшомъ суднѣ, онъ навелъ страхъ на Англичанъ и захватилъ у нихъ фрегатъ и военный корабль. Онъ не привезъ съ собой никакихъ рекомендательныхъ писемъ ко мнѣ. Сѣверо-Американскіе штаты, не признанные еще Россіею, не имѣли въ ней резидента.

---

[1]) John Paul Jones, контръ-адмиралъ, род. въ Шотландіи въ 1747 г., ум. 1792 г., прославившійся въ американской войнѣ, служилъ одинъ годъ въ русскомъ флотѣ, съ начала 1788 года.

Но я участвовалъ въ войнѣ за Америку, и всякій Американецъ показался мнѣ ратнымъ товарищемъ; при томъ Джонсъ былъ, подобно мнѣ, членъ общества Цинцината; поэтому я считалъ себя въ правѣ представить его государынѣ. Она приняла его очень ласково, позволила мнѣ пріѣхать съ нимъ къ ея столу, назначила его контръ-адмираломъ и дала ему должность на Черномъ морѣ. Это происшествіе возбудило петербургскихъ Англичанъ, и они подняли ужасный шумъ. Англійскіе офицеры, служившіе въ русскомъ флотѣ, собрались, совѣщались и положили оставить русскую службу. Адмиралъ Грейгъ долженъ былъ употребить свой умъ, вліяніе и власть, чтобы остановить ихъ,—такъ они разсердились за назначеніе на военный постъ человѣка, котораго они считали измѣнникомъ, мятежникомъ и морскимъ разбойникомъ. Поль Джонсъ, вступая въ русскую службу, объявилъ, что не будетъ сражаться противъ Французовъ.

Милость и довѣренность государыни ко мнѣ выказывались болѣе, чѣмъ когда нибудь. Вѣрная своему слову, она въ точности изложила императору свои намѣренія, свою систему, свои виды и основанія предполагаемаго съ нами союза. Графъ Кобенцель и русскіе министры считали дѣло рѣшенымъ, и развѣ одинъ я во всемъ Петербургѣ не думалъ, что союзъ уже заключенъ. Въ проэктѣ нашемъ было немного разницы съ актомъ 1756 года; только число войскъ, назначаемыхъ на случаій вспомоществованія, было уменьшено. Все соотвѣтствовало выгодамъ нашей торговли, нашей безопасности, нашихъ совокупныхъ силъ, нашего достоинства, и успѣхъ мой былъ выше моихъ надеждъ. Оставалось получить одно слово; но это слово выражало рѣшимость, и я не получилъ его. Наша неподвижность возбуждала дѣятельность нашихъ соперниковъ. Прусскій король тревожилъ Польшу. Густавъ шведскій, избѣгая нашего вліянія и поддерживаемый Англіею, надѣялся обезсмертить себя возвращеніемъ областей, уступленныхъ Карломъ XII. Дворы двухъ

имперій напрасно настаивали на нашемъ согласіи. Я получилъ, наконецъ, депеши изъ Франціи; но это были любезныя письма, похвалы, щедрыя награды, а не полномочіе, котораго я ожидалъ.

Между тѣмъ пришла вѣсть, что капитанъ-паша показался въ лиманѣ съ сильною эскадрою. Въ то же время пріѣздъ курьера изъ Швеціи встревожилъ дворъ и столицу. Узнали, что Густавъ вооружаетъ свой флотъ, собираетъ въ Финляндіи тридцать тысячъ войска, которыми хочетъ самъ начальствовать, и поручаетъ командованіе флотомъ брату своему, герцогу Зюдерманландскому. Графъ Разумовскій [1]) писалъ своему правительству о слѣдующемъ объявленіи короля сенату: вооруженія и поступки Россіи заставляютъ его приготовляться къ войнѣ, чтобы предупредить удары, которые хотятъ нанести ему; приказавъ резиденту своему Нолькену потребовать объясненій отъ русскаго правительства, онъ получилъ отвѣты высокомѣрные, съ угрозами и почти предписаніе обезоружить шведскія силы; въ такихъ обстоятельствахъ честь и безопасность націи требуютъ немедленнаго вооруженія, чтобы предотвратить угрожающую бѣду. Его рѣчь, говорятъ, увлекла всѣхъ, даже самыхъ миролюбивыхъ. Сообщая объ этомъ, графъ Разумовскій прибавлялъ, что король старается увѣрить всѣхъ, что онъ дѣйствуетъ сообразно видамъ Франціи.

Русскіе министры говорили мнѣ объ этомъ съ неудовольствіемъ и, выражая довѣріе къ нашей политикѣ, дали мнѣ однако понять, что вѣдь никто не сочтетъ Густава до такой степени неосторожнымъ, чтобы рѣшиться на такой шагъ безъ поддержки какой-либо изъ первостепенныхъ державъ. Подозрѣнія ихъ еще болѣе возбуждались министрами Пруссіи и Англіи,

[1]) Графъ Андрей Кирилловичъ Разумовскій былъ съ 1784 по 1786 г. полномочнымъ министромъ въ Копенгагенѣ, а съ 1786 по 1788 г. въ Стокгольмѣ, въ 1790 г. опредѣленъ въ помощь Кн. Д. М. Голицыну въ Вѣну и съ 1793 г. до кончины Екатерины былъ здѣсь полномочнымъ министромъ.

которые, притворяясь, громко осуждали дѣйствія короля. Въ такомъ положеніи дѣлъ, не имѣя на этотъ случай инструкцій, я долженъ былъ отвѣчать крайне осторожно и увѣрялъ министровъ, что во всякомъ случаѣ императрица можетъ положиться на дружбу моего короля. Я говорилъ, что не предполагаю возможности войны что если бы Густавъ намѣренъ былъ начать ее, то подождалъ бы отплытія русскаго флота, когда море будетъ для него открыто. Я выразилъ мысль, что онъ принялъ воинственный видъ только для того, чтобы, не подвергаясь опасности, оказать услугу Портѣ, задержавъ русскую эскадру, назначенную въ Архипелагъ. Впрочемъ депеша Симолина, русскаго резидента въ Парижѣ, разсѣяла предубѣжденіе противъ насъ: онъ передавалъ своему двору довольно рѣзкій разговоръ Монморена съ Сталемъ (Staël), шведскимъ посланникомъ, и такимъ образомъ доказалъ, что король далеко не оправдывалъ неожиданное вооруженіе и грозный характеръ рѣчи Густава III.

Императрица ни какъ не хотѣла вѣрить, что государь страны, незначительной по своей силѣ, по войскамъ и средствамъ, могъ вооружиться противъ такой мощной державы, какъ Россія. Однако, по совѣту своихъ министровъ, Екатерина приказала сосредоточить 26,000 войска около Фридрихсгама и поручила непосредственное начальство надъ нимъ графу Мусину-Пушкину[1]), а за нимъ Михельсону [2]), побѣдителю знаменитаго разбойника Пугачева.

Къ несчастію, трудно было исполнить ея приказаніе: могли собрать только шесть тысячь человѣкъ. Въ слѣдствіе неблагоразумной довѣрчивости сѣверную часть имперіи оставили безъ

---

[1]) Графъ Валентинъ Платоновичъ, въ послѣдствіи фельдмаршалъ, род. 6 декабря 1735, ум. 8 іюля 1804 г.

[2]) Генералъ-поручикъ Иванъ Ивановичъ, род. 1739 г., ум. 1807 г.

войскъ, и князь Потемкинъ забралъ всѣ ихъ къ себѣ. Онъ болѣе хлопоталъ о томъ, чтобы увеличивать свою армію, нежели о томъ, чтобы приводить ея въ дѣйствіе. Медлительность Потемкина дала возможность капитану-пашѣ вновь появиться въ Черномъ морѣ съ сотнею судовъ большихъ и малыхъ, впустить четвертую часть своего флота въ лиманъ и усилить очаковскій гарнизонъ 6,000-ми человѣкъ. Принцъ Нассау, никогда не сомнѣваясь въ своемъ успѣхѣ, выступилъ противъ турецкаго адмирала съ 80-тью легкими судами, изъ которыхъ самыя большія были нарядныя галеры, служившія императрицѣ для путешествія по Днѣпру. Я даже не понимаю, какимъ образомъ англійскій инженеръ Бентамъ, человѣкъ смѣлый и ловкій, могъ вооружить ихъ орудіями значительнаго калибра. Адмиралъ Поль Джонсъ, командуя кораблемъ и фрегатомъ, долженъ былъ защищать Нассау-Зигена; но за недостаткомъ простора онъ съ трудомъ поспѣвалъ за нимъ. Геройскій подвигъ одного русскаго офицера Сакена послужилъ открытіемъ кровавой брани. Онъ командовалъ канонирскимъ судномъ и, слѣдя за Турками, былъ окруженъ ими. Лишенный средствъ къ спасенію и бѣгству, онъ написалъ адмиралу, чтобы тотъ не безпокоился на его счетъ, и что ни онъ, ни экипажъ его ни попадутъ въ руки Турокъ. Черезъ нѣсколько минутъ послѣ того, когда наступили на него три турецкихъ корабля, онъ взорвалъ свою лодку и съ нею непріятельскіе корабли. Императрица могла только наградить щедрою пенсіею вдову его.

Со дня на день съ нетерпѣніемъ ожидали мы курьера отъ Потемкина. Графъ Безбородко шутя увѣрялъ, что съ такими четырьмя головами, какъ Нассау, Джонсъ, Суворовъ и капитанъ-паша, трудно сомнѣваться, чтобы скоро не произошло чего нибудь необычайнаго. Въ это время я выпросилъ у императрицы полковничій чинъ одному французскому артиллерійсту Прево (Prévôt) и отправилъ его къ Нассау-Зигену. Служа въ Голландіи, онъ одинъ только дѣйствовалъ съ нѣкоторымъ успѣ-

хомъ противъ Пруссаковъ. Его изобрѣтательность помогла Нассау-Зигену: онъ сдѣлалъ фузеи, наполненныя составомъ, жидкимъ и воспламеняющимся, напоминающимъ греческій огонь; фузеи этѣ были съ отверстіями, заклепанными воскомъ, съ проволоками и острыми крючками. Будучи брошены въ непріятельскій корабль, они цѣплялись за снасти и разливали на судно пламя, которое трудно было потушить. Князь де-Линь, скучая своимъ бездѣйствіемъ, отправился къ Румянцеву, котораго авангардъ прогналъ довольно значительный турецкій отрядъ. Съѣздивъ съ Румянцевымъ на рекогносцировку Хотина, мой неутомимый другъ возвратился въ армію Потемкина.

Въ тогдашней европейской политикѣ господствовали мелочныя козни, неизвѣстность и тьма. Воронцовъ писалъ, что лондонскій кабинетъ возбуждаетъ шведскаго короля къ войнѣ, а Монморенъ этому не вѣрилъ; Нолькенъ, шведскій министръ, все оставался въ дружбѣ со мною, но былъ откровененъ только съ Англичанами и Пруссаками. Боевой огонь долженъ былъ разсѣять этотъ туманъ, закрывавшій взоры политиковъ. Густавъ прибылъ въ Финляндію, подошелъ къ русской границѣ съ 30,000 человѣкъ, а эскадра его крейсировала въ заливѣ. Датское правительство объявило шведскому королю, что оно останется нейтральнымъ въ томъ только случаѣ, если Русскіе нападутъ на Густава; если же самъ онъ начнетъ войну, то и Данія возмется за оружіе. Но нельзя было долѣе сомнѣваться на счетъ намѣреній шведскаго короля. Императрица, впервые испуганная, приказала первымъ гвардейскимъ баталіонамъ каждаго полка готовиться къ походу. Этѣ непріятности были нѣсколько разсѣяны пріѣздомъ курьера съ извѣстіемъ о побѣдѣ, одержанной надъ Турками Джонсомъ и Нассау-Зигеномъ. Не сообщали еще подробностей, но говорили, что разбиты три турецкихъ корабля. Скоро узнали мы, подъ какимъ предлогомъ Густавъ III старался скрыть свое явное нападеніе. Съ нѣкотораго времени онъ нарочно все твер-

дилъ о воинственномъ настроеніи Россіи и навелъ тревогу на всю Швецію; графъ Разумовскій, чтобы разсѣять эту тревогу, представилъ шведскому правительству офиціальную ноту, въ которой объяснилъ причины вооруженій, предпринимаемыхъ въ Россіи. Объяснивъ настоящую цѣль ихъ намѣреніемъ побороть Турокъ въ Архипелагѣ, онъ напоминалъ и приводилъ всѣ доказательства дружелюбнаго расположенія императрицы къ Швеціи: Россія недавно помогла Финляндіи во время неурожая; будучи поставлена въ необходимость вооружить флотъ, она объ этомъ тотчасъ же извѣстила шведскаго короля, также какъ и монарховъ другихъ державъ, состоявшихъ съ нею въ дружественныхъ отношеніяхъ. Разумовскій объявилъ, что такъ какъ король, основываясь на ложныхъ слухахъ, снаряжалъ свои сухопутныя и морскія силы, то императрица вынуждена была принять мѣры для защиты границъ своей имперіи; что между тѣмъ какъ шведское правительство, повидимому, довѣряется слухамъ, приписывающимъ государынѣ враждебные замыслы, она хочетъ убѣдить короля, министровъ *и вообще лица, принимающія участіе въ правленіи, и шведскій народъ,* что она къ нимъ дружелюбно расположена. Она надѣется доказать имъ, что никогда не думала нападать на Швецію, что вооруженія ея имѣютъ значеніе оборонительное, и что она только желаетъ сохранить согласіе свое съ королемъ. Густавъ, связанный конституціею, которая не дозволяла ему начать войну безъ согласія государственныхъ чиновъ, хотѣлъ, нападая, не имѣть вида зачинщика; по этому нота русскаго министра не только не успокоила, но раздражила его. По его приказанію, церемоніймейстеръ двора объявилъ Разумовскому, что, употребивъ выраженія: «лица, участвующія въ правленіи, и шведскій народъ,» министръ заговорилъ языкомъ прежнихъ русскихъ пословъ, и что выраженіе это неприлично теперь, потому что правитъ король одинъ, и конституція измѣнена. «Слѣдовательно, говорилось въ шведской нотѣ, король,—не пола-

гая, чтобы русскій министръ былъ уполномоченъ своей государынею къ такому образу дѣйствія, не признаетъ болѣе графа Разумовскаго въ качествѣ посланника и запрещаетъ своимъ министрамъ входить въ сношеніе съ нимъ. Только изъ уваженія къ его сану онъ даетъ ему восемь дней на сборы къ отъѣзду; по истеченіи этого срока для него приготовлены будутъ суда, на которыхъ онъ можетъ отправиться въ Россію.» Разумовскій, доставъ съ трудомъ копію съ этой ноты, отвѣчалъ, что относительно своего отъѣзда онъ не можетъ исполнить предписаній короля, потому что не смѣетъ оставить своего поста безъ приказанія государыни.

Въ тотъ день, когда извѣстіе объ этомъ пришло въ Петербургъ, я былъ въ эрмитажѣ. Императрица съ горячностію говорила о выходкѣ Густава и спрашивала моего мнѣнія. «Въ этомъ дѣлѣ, сказалъ я, — самое замѣчательное то, что посолъ самодержавной государыни оказываетъ такое вниманіе къ самостоятельной націи, и что ея король этимъ обижается.»

Я однако узналъ, что Русскіе упрекали Разумовскаго въ поспѣшности его въ этомъ дѣлѣ, потому что ему приказано было представить ноту только въ томъ случаѣ, когда шведское министерство потребуетъ у него объясненій. Онъ, можетъ быть, выказалъ излишнее усердіе, но упрекъ все таки былъ несправедливъ. Будучи свидѣтелемъ всѣхъ ложныхъ слуховъ, которые разсѣвались, чтобы тревожить Швецію, онъ вынужденъ былъ объявить громко не только королю, но и націи и даже всей Европѣ, что намѣренія государыни клонились къ миру. Теперь однако война со Швеціею сдѣлалась неизбѣжною; только императрица еще сомнѣвалась въ этомъ. Напрасно министры единодушно убѣждали ее задержать флотъ для защиты береговъ: уже три русскихъ корабля и три фрегата вышли въ море. Они встрѣтились съ шведскою флотиліею, которая потребовала у нихъ салюта. Русскій адмиралъ отказалъ въ этомъ на основаніи абов-

скаго трактата, запрещающаго отдавать военныя почести внѣ портовъ. Но когда шведскій адмиралъ объявилъ, что герцогъ Зюдерманландскій на своемъ кораблѣ, то русскій адмиралъ отвѣчалъ, «что охотно отдаетъ салютъ брату короля», и салютовалъ. Императрица поступила, какъ требовало ея благоразуміе и достоинство, перестала считать барона Нолькена акредитованнымъ при ней и стала обращаться съ нимъ также, какъ Густавъ съ Разумовскимъ.

Хотя графъ Безбородко и сказалъ мнѣ, что онъ ожидаетъ оборонительнаго союза между Англіею, Пруссіею и Швеціею, но прусскій и англійскій министры открыто объявили, что дворы ихъ осуждаютъ поступокъ шведскаго короля. Я, незная въ точности, а только угадывая настоящія намѣренія своего двора, ограничивался мирными увѣреніями. Наконецъ буря разразилась. Къ удивленію Европы, Густавъ III, который во все правленіе свое и особенно послѣ того, какъ усилилъ свою власть, ослабленную его отцомъ, показалъ такъ много благоразумія, умѣренности и великодушія, отправилъ черезъ курьера и велѣлъ передать черезъ секретаря Шлаффа русскому правительству самую грозную, рѣзкую ноту и сдѣлалъ такія дерзкія и неприличныя предложенія, что онѣ казались безумными, тѣмъ болѣе, что онѣ истекали отъ главы государства второстепеннаго и были обращены къ такой громадной имперіи, какова Россія. Конецъ этого акта такъ любопытенъ, что привожу его здѣсь:

«Вотъ въ какихъ обстоятельствахъ король отправился въ Финляндію во главѣ своей арміи и требуетъ опредѣленнаго и рѣшительнаго отвѣта, который опредѣлитъ: быть ли миру, или войнѣ. Король предлагаетъ императрицѣ миръ на слѣдующихъ условіяхъ:

1) чтобы графъ Разумовскій былъ примѣрно наказанъ за всѣ козни, которыя онъ затѣвалъ въ Швеціи, впрочемъ, безуспѣшно, и которыя нарушали дружбу, довѣріе и согласіе, су-

ществовавшія между обѣими державами, и чтобы его преемники навсегда отказались вмѣшиваться во внутреннія дѣла независимаго государства;

2) чтобы для вознагражденія короля за расходы и вооруженія, вынужденные Россіею, и которые народъ шведскій оплачивать не обязанъ, императрица уступила королю и Швеціи навсегда часть Финляндіи и Кареліи, съ областью Кексгольмскою, такъ какъ онѣ были отданы по Ништадтскому и Абовскому трактатамъ, и чтобы граница шла на Систербекъ;

3) чтобы императрица приняла посредничество короля на миръ съ Оттоманскою Портою и уполномочила его отдать Туркамъ Крымъ и возстановить границы по трактату 1774 года, или, въ случаѣ несогласія Порты возстановить границы такъ, какъ онѣ были до войны 1768 года, для обезпеченія этихъ уступокъ, императрица должна была заблаговременно обезоружить флотъ свой, отозвать корабли, выступившіе въ Балтійское море, удалить войска отъ новой пограничной линіи и позволить королю сохранить вооруженное положеніе свое до заключенія мира Россіи съ Портою.

Король желаетъ знать: *да* или *нѣтъ?* и не можетъ принять никакихъ измѣненій въ этихъ условіяхъ, не нарушая интересовъ и достоинства своего народа. Вотъ что нижеподписавшійся имѣетъ честь объявить, по приказанію короля, господину вице-канцлеру, котораго проситъ представить этотъ актъ наискорѣйшимъ образомъ императрицѣ, чтобы онъ могъ, не медля, передать отвѣтъ королю, его государю.

С. Петербургъ, 1-го Іюля, 1787 года.

подписано Г. фонъ Шлаффъ,

секретарь посольства, единственный чиновникъ миссіи короля при императорскомъ русскомъ дворѣ.»

Легче понять, чѣмъ выразить удивленіе, произведенное чтеніемъ этой странной деклараціи. Султанъ едва ли бы послалъ нѣчто подобное слабому молдавскому господарю. Императрица, отозвавшись о ней съ насмѣшкой и негодованіемъ, спросила меня: какъ мнѣ нравится слогъ ея?

«Мнѣ кажется, государыня, отвѣчалъ я, —что шведскій король, очарованный обманчивымъ сномъ, вообразилъ себѣ, что уже одержалъ три значительныя побѣды.»

«Если бы онъ въ самомъ дѣлѣ одержалъ три значительныя побѣды, возразила императрица горячо, — если бы даже овладѣлъ Петербургомъ и Москвою, я бы ему показала еще, что можетъ сдѣлать, во главѣ храбраго и преданнаго народа, рѣшительная женщина на развалинахъ великой имперіи.»

Разумѣется, шведскій король, даже въ случаѣ успѣха, нападая одинъ на Россію, долженъ былъ ожидать, что будетъ подавленъ силою мощной монархіи. Но, съ другой стороны, были для него и благопріятныя обстоятельства. Такъ какъ, въ слѣдствіе непостижимой беззаботности Русскихъ, онъ заставалъ ихъ въ расплохъ, то ему довольно удобно было хоть не надолго овладѣть Петербургомъ и Лифляндіею. Весь этотъ край былъ защищенъ только двумя полками. Предполагаемый 26,000 корпусъ собственно состоялъ изъ 6,000 солдатъ, и со всевозможными усиліями нельзя было удвоить это число менѣе, чѣмъ въ двѣ недѣли. Шведамъ нужно было смѣло и быстро идти на удачу; но Густавъ, рѣшительный на словахъ, былъ медленъ на дѣлѣ.

Однакожь мы ежеминутно ожидали его прихода. Слышно было, что онъ заранѣе пригласилъ стокгольмскихъ дамъ на балъ въ Петергофѣ и на молебенъ, который собирался отслужить въ петербургскомъ соборѣ въ назначенный имъ день, въ очень скоромъ времени. Въ столицѣ было смутно, тревожно. Готовились, снаряжали войско и учили новобранцевъ изъ слугъ и ремесленниковъ, молодыхъ и старыхъ. У меня еще хранится

одна каррикатура изъ того времени, на которой представлены смѣшные, огромные рекруты, обучаемые дѣтьми изъ корпусовъ: кадеты становятся на скамьи и на стулья, вытягиваютъ, муштруютъ этихъ неотесанныхъ, длиннобородыхъ великановъ и вздѣваютъ имъ ружья на плечи. Скоро пришла вѣсть, что король подошелъ къ Нейшлоту и обстрѣливаетъ фортъ, и что армія его идетъ на Фридрихсгамъ, который не можетъ быть защищенъ противъ серьезнаго нападенія. Тогда разнесся слухъ, что во дворцѣ тревога, что тамъ укладываютъ все, серебро, драгоцѣнности, бриліанты, бумаги изъ кабинета, что вездѣ подготовлены лошади, и что государыня, испуганная и безъ средствъ защиты, уѣдетъ ночью въ Москву.

Въ эту критическую минуту затруднительно было положеніе иностранныхъ министровъ. Каждый изъ нихъ держалъ на готовѣ курьера, боясь еще послать ложное извѣстіе, если не исполнятся ожиданія; съ другой стороны, смѣшно же было не извѣщать свое правительство о такомъ происшествіи и ждать для этого, чтобы оно совершилось. Находясь въ подобной неизвѣстности, я отправился въ эрмитажъ, въ надеждѣ, что неосторожное слово или счастливый случай разсѣятъ мои сомнѣнія. Такъ и случилось. Только что императрица меня увидѣла, какъ подозвала къ себѣ. Поговоривъ сперва о вещахъ ничтожныхъ, она сказала мнѣ потомъ: «Дипломаты, вѣроятно, теряются теперь въ предположеніяхъ; много слышно толковъ въ городѣ?»

На этотъ вопросъ я рѣшился отвѣтить нѣсколько рѣзкимъ оборотомъ мысли, стараясь при томъ замѣтить впечатлѣніе, какое произведутъ мои слова: «Разнесся слухъ, ваше величество, сказалъ я, — слухъ очень важный, очень странный, но передаваемый за вѣрное, что вы въ эту или слѣдующую ночь уѣдете въ Москву.»

«Чтожь, вы повѣрили, графъ?» сказала императрица съ невозмутимымъ равнодушіемъ.

«Государыня, источникъ этого слуха даетъ ему нѣкоторую вѣроятность; но, зная васъ, я сомнѣваюсь.»

«И хорошо дѣлаете, возразила государыня, — слушайте: я приказала выставить на всѣхъ станціяхъ по дорогѣ въ Москву по 500 лошадей, чтобы перевести сюда войска, которыя я вытребовала: вотъ изъ чего вышли эти толки. Я не ѣду, будьте увѣрены. Я знаю, что ваши товарищи дипломаты теперь въ немаломъ затрудненіи и не знаютъ на что рѣшиться, писать имъ или молчать? Я выведу васъ изъ затрудненія: вамъ дѣло виднѣе, чѣмъ другимъ. Пишите же вашему двору, что я остаюсь въ столицѣ, и что если я выйду отсюда, такъ только на встрѣчу королю.»

Какъ-бы то ни было, она осталась. Нолькенъ, шведскій министръ, получилъ приказаніе удалиться; но онъ отвѣчалъ, какъ Разумовскій, что ожидаетъ предписаній короля.

22 іюля русскій флотъ встрѣтился и сразился съ шведскимъ. Бой былъ кровавый, каждый изъ флотовъ лишился по кораблю и приписывалъ себѣ побѣду. Адмиралъ Грейгъ былъ слегка раненъ, но оставался на морѣ, между тѣмъ какъ герцогъ Зюдерманландскій долженъ былъ удалиться въ шведскіе порты. Эта битва, подъ Гохландомъ, показалась достаточно выгодною Русскимъ, такъ что было отслужено молебствіе, на которомъ и я присутствовалъ. Густавъ III, неизвѣстно почему медлившій, потерялъ, стоя подъ Фридрихсгамомъ, три недѣли драгоцѣннаго времени. Великій князь Павелъ Петровичъ отправился въ финляндскую армію, стоявшую у Выборга; армія эта, усиленная, уже состояла изъ 12,000 человѣкъ. Великому князю пришлось быть свидѣтелемъ только легкихъ сшибокъ: съ обѣихъ сторонъ много грозили, но мало дрались. Торжеству столицы нѣсколько помѣшало возвращеніе въ Кронштадтъ трехъ военныхъ кораблей, весьма пострадавшихъ.

Монморенъ писалъ мнѣ, что король нашъ рѣшительно осуж-

даетъ поведеніе шведскаго короля. По его мнѣнію, можно было заранѣе ожидать отъ него такихъ дѣйствій; извѣстно было, что онъ какъ-то публично сказалъ: «Нужна война, чтобы дать значеніе царствованію [1].» Ложные слухи и дурные совѣты подстрекнули Густава къ смѣлому нападенію. Годъ предъ тѣмъ онъ, при посредствѣ Пруссіи и Англіи, заключилъ условіе съ Портою, въ которомъ ему обѣщаны были 14 милліоновъ піастровъ субсидіи на случай войны. Кромѣ того его увѣрили, что неурожай и война съ Турціею поставятъ Россію въ невозможность защититься отъ него. Говорили, что русскій флотъ плохо вооруженъ, что матросы все новобранцы. Онъ тѣмъ легче вѣрилъ этимъ извѣстіямъ, что имъ вѣрили вездѣ, даже у насъ. Нашъ дворъ, не смотря на мои депеши, полагалъ, что русская армія сильна болѣе по наружности, нежели на самомъ дѣлѣ. Въ своихъ депешахъ я старался возстановить истину. Правда, что на сѣверѣ русскія силы были незначительны; но онѣ были размѣщены по переходамъ, удобнымъ для вторженія, и потому останавливали Шведовъ.

Если шведскій король своими угрозами, своимъ хвастовствомъ и торжествами, обѣщанными прежде побѣды, нарушалъ приличіе, то и государыня немного ему уступала и не сохранила того уваженія, которымъ взаимно обязаны коронованныя лица. Она приказала сочинить и представить на своемъ театрѣ шуточную оперу, въ которой Густавъ III былъ выведенъ въ смѣшномъ видѣ: онъ явился тутъ какимъ-то удальцомъ, запосчивымъ владыкою. Этотъ искатель приключеній, по совѣту злой волшебницы, взялъ въ какой-то старой кладовой вооруженіе древняго, знаменитаго великана: огромный шлемъ его спускался у него до живота, а сапоги хватали до пояса; изъ этого выходила голова съ двумя ногами безъ туловища. Въ

[1]) Pour caractériser un règne.

такой бронѣ онъ приступаетъ къ какой-то ничтожной крѣпости, изъ которой выходитъ комендантъ-инвалидъ съ тремя солдатами и своею деревяшкою прогоняетъ героя-шута [1]).

Этотъ спектакль не позабавилъ меня, а напротивъ, опечалилъ, и императрица, наслушавшись разныхъ неловкихъ и пошлыхъ комплиментовъ по этому случаю, могла замѣтить по моему молчанію и виду, что я страдалъ за великую, благородную государыню [2]).

Вскорѣ объяснилась причина колебаній Густава. Пользуясь недовольнымъ духомъ финляндской и даже шведской арміи, нѣсколько безпокойныхъ и пылкихъ головъ возмутили ихъ: онѣ

---

[1]) Либретто этой оперы, называвшейся *Горе-богатырь Косометовичъ*, сочинено было самой императрицей при помощи ея статсъ-секретаря А. В. Храповицкаго, а музыка—придворными музыкантами Мартини и Ванжурой; опера была играна въ первый разъ на эрмитажномъ театрѣ, 20 Января 1789 года; на публичномъ театрѣ въ Петербургѣ давать ее не рѣшились, но въ Москвѣ позволили поставить, потому что тамъ не было иностранныхъ дипломатовъ. Въ пьесѣ Горе-богатырь осматриваетъ и примѣряетъ шишакъ Еруслана Лазаревича, мечь кладенецъ Ивана Ахридѣича, палицу двѣнадцати-пудовую Петра златыхъ ключей и довольствуется потомъ доспѣхами изъ картузной бумаги и т. п. Вообще, сочиняя свои оперы, Екатерина не разъ пользовалась разными мотивами русскихъ народныхъ сказокъ — и съ ними соединяла намеки на современность, l'histoire du temps, какъ говорила она. При постановкѣ „Горе-богатыря" на эрмитажномъ театрѣ, Екатерина сказала: „Она бюрлескъ; надобно играть живѣе и развязнѣе, и въ томъ костюмѣ, какъ играютъ „Мельника". (См. Пам. Зап. А. В. Храповицкаго, М. 1862 г., стр. 143; здѣсь нѣсколько замѣтокъ о томъ, какъ писалась, ставилась и игралась эта опера).

[2]) Записки Храповицкаго обличаютъ неправду словъ Сегюра въ этомъ случаѣ: и онъ не воздержался отъ комплиментовъ императрицѣ; вотъ что пишетъ Храповицкій: „30 Января. Съ удовольствіемъ отзываться изволила (государыня) о представленіи „Горе-богатыря" (бывшемъ наканунѣ); я заявилъ трусость свою, когда увидѣлъ на театрѣ Кобенцеля и Сегюра. — „Нѣтъ, имъ графъ А. М. Дмитріевъ-Мамоновъ сказалъ, что спектакли въ эрмитажѣ одинаковы, и они пріѣхать могутъ; Кобенцель заводилъ къ разнымъ уподобленіямъ, но я будто не примѣчала, и когда спрошенъ былъ Сегюръ, то отвѣчалъ искренно: „qui se sent morveux, se mouche, et que c'est bien délicat de répondre par des plaisanteries à des manifestes et déclarations impertinentes" (у кого насморкъ, тотъ и сморкается; очень любезно—шутками отвѣчать на невѣжливые манифесты и деклараціи) (См. Зап. Храповицкаго, стр. 168).

не хотѣли идти на войну наступательную и начатую однимъ королемъ, безъ согласія націи. Агитаторы увѣрили ихъ даже, что казаки, будто бы начавшіе боевыя стычки, были никто иные, какъ шведскіе же солдаты, которыхъ король переодѣлъ казаками въ платья, взятыя изъ стокгольмскаго театра. Постоянныя сношенія между Финляндіею русскою и Финляндіею шведскою усилили довѣріе къ этимъ внушеніямъ: вездѣ узнали, что на сѣверо-западной границѣ Россіи мало войска, что въ Петербургѣ всѣ озадачены неожиданною войною; тогда стало ясно, что король — явный зачинщикъ.

Напрасно Густавъ надѣялся, что появленіе его флота у береговъ Лифляндіи возбудитъ въ этой провинціи, нѣкогда шведской, движеніе въ его пользу. Ошибка на морѣ то же была безуспѣшна для него, и ничто не пробуждало мужественнаго духа въ его войскахъ. Неудовольствіе росло: шведскія и финскія войска, безъ всякаго распоряженія начальства, отступили на 25 верстъ за Фридрихсгамъ. Шведскій король, озадаченный, удалился послѣ безполезной попытки высадиться на финляндскомъ берегу, и съ двѣнадцатью тысячами преданнаго войска заперся въ укрѣпленномъ лагерѣ подъ Кюменгардомъ, гдѣ защищенъ былъ озерами, рѣкою, лѣсомъ, моремъ и флотиліею галеръ: положеніе его было недоступное, но довольно странное для короля, который выступилъ съ притязаніями завоевателя. Два письма короля къ искреннѣйшему изъ его друзей, барону Армфельду, докажутъ лучше всякаго разсказа, какъ онъ былъ увѣренъ въ себѣ, выѣзжая изъ Стокгольма, и какъ пріунылъ, когда несчастіе и безпорядки въ арміи разочаровали его.

Письмо Густава III къ барону Армфельду.

Съ корабля *Амфіонъ,* на якорѣ подъ Фидельгормерна (**Fiedelhormerna**) 24 іюня, 1788 г.

Наконецъ мы вышли въ море, милый другъ, и хоть мы не

далеко ушли, но намъ нуженъ только порядочный попутный вѣтеръ, чтобы достигнуть Финляндіи. Мой выѣздъ великолѣпенъ. Я сказалъ тебѣ, что буду спокоенъ и одолѣю природу, которая брала свое въ минуту моего отъѣзда... И что же, милый другъ? Оказалось, что это обойдется еще легче, нежели я думалъ! Мысль о великомъ предпріятіи, которое я затѣялъ, весь этотъ народъ, собравшійся на берегъ, чтобы проводить меня, и за который я выступалъ мстителемъ, увѣренность, что я защищу Оттоманскую имперію, и что мое имя сдѣлается извѣстнымъ въ Азіи и Африкѣ, всѣ эти мысли, которыя возникли въ моемъ умѣ, до того овладѣли моимъ духомъ, что я никогда не былъ такъ равнодушенъ при разлукѣ, какъ теперь, когда иду на грозящую гибель.

Вотъ какъ прошелъ день: въ шесть часовъ я отправился въ сенатъ и назначилъ правителями государства графовъ Дибена и Розена. Графу Дибену поручены, покуда, иностранныя дѣла, за отсутствіемъ Оксенштирна. Потомъ я отдалъ имъ мои инструкціи. Я сказалъ имъ нѣсколько словъ, и сенатъ выразилъ мнѣ свою благодарность. Сенаторы встали и поцѣловали мою руку. Между тѣмъ, мой церемоніймейстеръ, г. Бедуаръ (Bédoire), отправился къ русскому посланнику, который былъ предупрежденъ о его посѣщеніи запискою Оксенштирна, но не зналъ о причинѣ посѣщенія и полагалъ, что цѣль его, вѣроятно, назначить часъ аудіенціи, которую онъ желалъ получить, чтобы вручить мнѣ письма съ извѣстіями о рожденіи дочери великой княгини. Бедуаръ объявилъ ему, что я очень оскорбленъ выраженіями его министерской ноты, представленной имъ въ прошлую середу, и въ которой онъ меня какъ бы отчуждаетъ отъ государства; но что такъ какъ я не полагаю, чтобы императрица могла внушить ему этотъ образъ выраженій, то и приписываю его одному ему, тѣмъ болѣе, что тонъ этотъ согласенъ вообще съ поступками посланника въ продолженіи зимы;

что съ этой минуты я не признаю его болѣе посланникомъ и приказываю ему выѣхать изъ Стокгольма черезъ восемь дней; что я велѣлъ приготовить корабль, на которомъ его перевезутъ въ Петербургъ, и что на ноту, которую онъ мнѣ представилъ, я буду отвѣчать черезъ моего министра въ Петербургѣ, когда приму начальство надъ моимъ войскомъ. Рубиконъ перейденъ. Я объявилъ сенату это рѣшеніе и всѣмъ девяти иностраннымъ министрамъ была объ этомъ разослана подробная нота. Послѣ засѣданія я вошелъ въ залу, гдѣ собраны были кавалеры и командоры всѣхъ орденовъ; я сдѣлалъ распоряженіе о веденіи дѣлъ каждаго ордена въ моемъ отсутствіи... Послѣ того я объявилъ, что учреждаю новую степень ордена Меча, которая будетъ раздаваться только въ военное время и въ случаѣ войны въ самой Швеціи. Статутъ его будетъ изданъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ я объявилъ, что я и братья мои надѣнемъ этотъ знакъ воинской доблести только тогда, когда заслужимъ его по приговору арміи. Изъ капитула я возвратился къ себѣ и передалъ совѣту на храненіе коронные и мои брилліанты. Вечеромъ, въ $^3/_4$ девятаго было у меня собраніе. Всѣ лица, имѣющія входъ въ бѣлый залъ, были представлены мною королевѣ. Послѣ того я обошелъ общество и простился со всѣми дамами. Тогда двери открылись, и мы вышли въ галерею, гдѣ было обыкновенное собраніе; послѣ того я вышелъ въ сопровожденіи оруженосцевъ, пажей, двора и сената, ведя королеву за правую руку, между тѣмъ, какъ съ другой стороны шелъ принцъ Остроготскій; жена его шла съ моимъ сыномъ; прочія дамы со всѣмъ дворомъ шли безъ порядка между двухъ рядовъ многочисленной публики изъ разныхъ сословій и лѣтъ. Такимъ образомъ мы спустились на берегъ, гдѣ насъ ожидала шлюпка. Королева остановилась на площадкѣ лѣстницы, и я поцѣловалъ ее, сына и невѣстку: эта минута была тяжела для меня. Я раскланялся со всѣми дамами и, взявъ брата подъ руку, спу-

стился по лѣстницѣ, на которой стояли сенаторы: председатель на верхней ступени и прочіе за нимъ; они подошли къ рукѣ моей. Потомъ я вступилъ на шлюпку, съ братомъ, тремя капитанами гвардіи, тремя старшими камергерами, старшимъ шталмейстеромъ, полковникомъ гвардіи и маленькимъ Вреде, и отъѣхалъ отъ берега при всеобщихъ кликахъ народа; когда они раздались, я остановилъ шлюпку и отвѣчалъ троекратнымъ: *ура!*

Такимъ образомъ я проѣхалъ гавань до *Амфіона*, который стоялъ у Корабельнаго острова. Я далъ сигналъ къ отъѣзду; но такъ какъ было очень тихо, и цѣпь двадцати восьми галеръ была длинная, то я оставался на мѣстѣ, покуда онѣ проходили, ожидая вмѣстѣ съ тѣмъ мою сестру, которая спѣшила ко мнѣ. По случаю штиля, я простоялъ до пяти часовъ утра, когда пріѣхала сестра. Такимъ образомъ я имѣлъ удовольствіе ее видѣть.

Другое письмо отъ того-же къ тому-же.

5 августа 1788, изъ Гусуллы.

Не буду говорить вамъ о моемъ горѣ и отчаяніи; вы ихъ раздѣляете со мною. Пусть слабодушные жалуются: другіе скрываютъ горести въ глубинѣ души и ищутъ средствъ ободриться. Я еще не нахожу способовъ къ отвращенію зла и прекращенію войны; но найду ихъ для поддержки нашей славы. Когда заготовлены будутъ магазины въ Ангелѣ, надо будетъ идти къ Вильманстранду съ остаткомъ вѣрнаго войска, сразиться и побѣдить генерала Михельсона. Если мы будемъ разбиты, все кончено; но за нами останется слава храбрыхъ воиновъ. Если же я буду побѣдителемъ, то могу предложить миръ и явиться безъ стыда въ Швецію. Сегодня, въ три часа пополудни, мы вступаемъ въ Сумму и ожидаемъ васъ. Тамъ мы остановимся, если будетъ нужно, чтобы не разставаться съ вами, и потомъ расположимся подъ Югфортомъ и Кюменгардомъ. Сдерживайте ваше усердіе, милый другъ; подумайте, что надо съ достоинствомъ переносить

неудачи и съ умѣренностью пользоваться счастіемъ. Служа съ преданностью мнѣ и отечеству, вы не можете безъ сожалѣнія смотрѣть на наше положеніе; но, какъ частный человѣкъ, вы должны быть довольны, что вы одни во всей арміи имѣли успѣхъ, устояли на своемъ мѣстѣ и нанесли вредъ непріятелю. Прощайте; надѣюсь увидѣть васъ сегодня вечеромъ. Мнѣ легче, когда я излилъ свое горе въ преданное сердце; милосердое небо дало мнѣ эту возможность: оно разитъ, но порою и утѣшаетъ.

Такимъ образомъ я передалъ все, что въ моемъ положеніи могъ узнать о неожиданной войнѣ, такъ самонадѣянно начатой шведскимъ королемъ. Но изъ уваженія къ знаменитому монарху и по безпристрастію, которому не хочу измѣнить, я, при воспоминаніи объ отважности Густава, внушенной ему рыцарскимъ характеромъ и жаждой славы, не долженъ изобразить его только такимъ, какимъ его описывали мнѣ враги его. Немного нужно словъ, чтобы оправдать короля, который, оправившись послѣ первыхъ ударовъ, твердостью духа поборолъ неудачи, козни и возмущеніе, спасъ свою славу, ободрилъ унывавшихъ, возстановилъ преданность къ себѣ, храбро сражался, заслужилъ похвалы среди невзгодъ и честнымъ миромъ окончилъ войну, неблагоразумно начатую. Густавъ III въ наше время игралъ такую важную роль въ Европѣ, что послѣ упрековъ, высказанныхъ врагами, не могъ не заслужить справедливыхъ похвалъ за свой умъ, великодушіе, любовь къ отечеству и многія достоинства, которыми онъ привязалъ къ себѣ почетнѣйшихъ людей Швеціи. Какъ авторъ записокъ, а не историкъ, я не буду распространяться и постараюсь только показать его такимъ, какимъ мнѣ изобразили его другъ и любимецъ его баронъ Армфельдъ и г. Ернштромъ, одинъ изъ его генераловъ, который по смерти короля сохранилъ любовь къ нему.

Нельзя говорить о немъ, не сказавъ ни слова о его отече-

ствѣ, которое онъ обожалъ, и о нѣкоторыхъ герояхъ Швеціи, по слѣдамъ которыхъ онъ хотѣлъ идти съ увлеченіемъ, мѣшавшимъ ему разсудить, что онъ былъ поставленъ въ другія времена и обстоятельства. При своей пылкости онъ забылъ умный совѣтъ, данный ему Фридрихомъ II. Великій герой, поздравляя его съ успѣхомъ переворота, утвердившимъ власть его, писалъ къ нему: «Пользуйтесь вашимъ успѣхомъ. Заботьтесь о возстановленіи мира и порядка въ вашемъ отечествѣ. Но не забудьте, что теперь, когда существуетъ три или четыре большія державы, которыя могутъ выставить по триста и четыреста тысячь войска, шведскій король уже не можетъ имѣть притязаній на славу побѣдъ и завоеваній.» Еслибы Густавъ его послушался, то, управляя страною, отчасти покрытою песками и снѣгомъ и имѣющею только два съ половиною милліона жителей, онъ не отважился бы дерзко напасть на имперію въ тридцать милліоновъ жителей и пятьсотъ тысячь войска. Но шведскій король, отвращая взоръ свой отъ окружавшей его дѣйствительности, обращалъ его къ ликамъ Густава Вазы и Густава Адольфа. Въ особенности послѣдній служилъ ему образцомъ: онъ съ восторгомъ вспоминалъ славныя побѣды этого героя, который завоевателемъ прошелъ Германію съ 15,000 Шведовъ и мечемъ доказалъ императору Фердинанду, что великій человѣкъ пользуется обстоятельствами, устраняетъ препятствія и побѣждаетъ силу. Фердинандъ осмѣлился произнести на счетъ Густава Адольфа дерзкое слово: «Этотъ снѣжный король скоро растаетъ, потому что осмѣлился мѣриться съ Юпитеромъ Европы.» Лишнія и смѣшныя слова! *снѣжный король* потрясъ до основаній престолъ *Германскаго Юпитера*. Густавъ III, одушевленный этимъ примѣромъ, забывалъ великія перемѣны, происшедшія въ духѣ его народа послѣ деспотическаго правленія Карла XI, послѣ утомленія, въ которое приведена была Швеція безумной воинственностью Карла XII, и лишеній, которыя она потерпѣла отъ честолюбія и

самовластія этого монарха. Густавъ III даже не обратилъ вниманія на тѣ затрудненія, черезъ которыя долженъ былъ перешагнуть, чтобы утвердить свою власть, совершенно ослабленную честолюбивой аристократіею.

Извѣстно, что послѣ 1720 года, когда представители государственныхъ сословій захватили въ свои руки правленіе государствомъ, власть королевская ослабѣла, и король долженъ былъ подписывать всѣ распоряженія сейма и его председателя, будучи въ зависимости отъ нихъ. Такимъ образомъ царствовали: Ульрика-Елеонора, ея мужъ Фридрихъ Гессенскій и избранный ихъ наслѣдникомъ Адольфъ-Фридрихъ, принцъ Гольштинскій, отецъ Густава III. Правда, что будучи еще ребенкомъ, только что выйдя изъ пеленокъ, Густавъ подавалъ блистательныя надежды приверженцамъ падшей монархической власти. Онъ былъ семи лѣтъ, когда одинъ шведскій генералъ сказалъ ему въ шутку, что онъ будетъ другимъ Густавомъ Адольфомъ. Ребенокъ отвѣчалъ на это: «То, что вы теперь говорите какъ лесть, когда нибудь, пожалуй, будетъ правдою!» Его юное воображеніе было полно чертами изъ исторіи обоихъ Густавовъ, Христины, Карла XII, битвами съ Нѣмцами, Русскими, Поляками, сраженіями подъ Люценомъ, Нарвою и Полтавою. Покуда онъ росъ, волнуемый мечтами о славѣ, въ сеймахъ господствовали смуты, и Швеція раздѣлилась на двѣ партіи: *шапокъ* и *шляпъ*. Первая хотѣла купить миръ подчиненіемъ и согласіемъ съ Россіею; вторая хотѣла прежней славы и независимости, хотѣла при содѣйствіи Франціи завладѣть снова Ливоніею и Финляндіею. *Шапки* были усердные приверженцы республиканской аристократіи; *шляпы* въ тайнѣ желали возстановленія королевской власти. Тогда-то, однажды, молодой Густавъ со вздохомъ высказался въ слѣдующихъ словахъ объ отцѣ своемъ: «Король сталъ въ государствѣ куклою, на которую только въ торжественные дни надѣваютъ регаліи.» Смуты въ сеймѣ увеличивались. Обѣ партіи попере-

мѣнно захватывали власть. Старый король, выведенный наконецъ изъ терпѣнія безпрестанными униженіями, отрекся отъ престола, а сеймъ, не успѣвъ заставить его утвердить нѣкоторыя изъ своихъ постановленій, рѣшился принять это отреченіе и чтобы сдѣлать его сопротивленіе безполезнымъ, утверждалъ законы вмѣсто подписи короля приложеніемъ его печати. Молодой Густавъ, въ негодованіи, взялъ изъ государственнаго совѣта печать и передалъ ее отцу. Не имѣя терпѣнія долѣе переносить это униженіе, онъ съ братомъ поѣхалъ путешествовать. Оба они были въ Парижѣ въ 1771 году, когда узнали о смерти отца. Густавъ отправился въ Стокгольмъ и созвалъ сеймъ.

Молодой король доказалъ въ это время, что онъ былъ достоинъ сана, который носилъ. Соображаясь съ обстоятельствами, онъ обнаружилъ ловкость благоразумнаго человѣка, доброту популярнаго монарха, взглядъ глубокаго политика и рѣшительность молодого воина. Прежде всего онъ старался казаться равнодушнымъ къ власти, отнятой у престола аристократіею, и въ тоже время старался всевозможными средствами привлечь къ себѣ любовь народа. Онъ въ этомъ успѣлъ, такъ что однажды одинъ изъ отважныхъ и простодушныхъ крестьянъ изъ Далекарліи сказалъ ему: «Уѣзжаю довольный тобою и разскажу своимъ, что я видѣлъ: въ тебѣ они найдутъ добраго отца. А если когда нибудь тебѣ будетъ нужда до насъ, твоихъ дѣтей, то обитатели трехъ долинъ соберутся къ тебѣ при первомъ призывѣ.» Съ скрытымъ удовольствіемъ Густавъ замѣчалъ въ сеймѣ разномысліе дворянскихъ представителей съ прочими. Дворяне, высокомѣрно желая захватить всѣ высшія должности, возбудили всеобщее неудовольствіе. Король скрывалъ свое восхищеніе и потихоньку умножалъ число своихъ приверженцевъ. Собравъ полтораста молодыхъ офицеровъ подъ командою Спренгпортена и подъ предлогомъ формированія военной школы, онъ подгото-

вилъ себѣ помощь на случай нужды. Нѣсколько времени спустя, задержавъ подвозъ хлѣба, онъ произвелъ искусственный голодъ и возбудилъ неудовольствіе въ народѣ. Между тѣмъ собрался новый сеймъ. Онъ былъ составленъ изъ противниковъ его, приверженцевъ Англіи и Россіи, скрѣпившихъ связи Швеціи съ этими державами. Нужно было дѣйствовать: приходилось или подчиниться такому сейму, или побѣдить его. Отвращая вниманіе своихъ противниковъ отъ удара, имъ грозившаго, Густавъ произвелъ нарочно возмущеніе въ Финляндіи и Сканіи. Между тѣмъ Спренгпортенъ, Геллихіусъ и многіе офицеры, привязанные къ королю и его брату, разглашали печатно, что дороговизна хлѣба происходитъ отъ вліянія Русскихъ и Англичанъ и отъ измѣны сейма. Народъ ловилъ эти слухи. Въ это время произошло возмущеніе въ Христіанштадтѣ. Герцогъ Зюдерманландскій тотчасъ собралъ пять полковъ и вышелъ съ ними въ походъ, увѣривъ солдатъ, что составился заговоръ, затѣянный Русскими противъ жизни короля. Все это движеніе встревожило сеймъ. По его распоряженію вооружены были два корпуса, на вѣрность которыхъ можно было положиться. Рудбеку поручено было охранять короля и даже задержать его, если почему либо откроется, что онъ въ сношеніяхъ съ христіанштадтскими бунтовщиками. Густавъ предвидѣлъ это. За нимъ слѣдили, старались, чтобы онъ проговорился, но онъ ничѣмъ не обнаружилъ себя. «Извѣстіе, которое вы мнѣ сообщаете, сказалъ онъ Рудбеку, — довольно странно и неправдоподобно.» — «И что всего страннѣе, сказалъ тогда графъ Риббингъ, пристально смотря на короля, — такъ это то, что офицеръ, стоявшій на караулѣ у воротъ Христіанштадта, увѣрялъ генерала Рудбека, будто все совершающееся дѣлается по приказанію вашего величества.» «Ну, такъ что же? Онъ ошибся», возразилъ король съ холодностью и невозмутимымъ спокойствіемъ. На другой день Рудбекъ, войдя къ королю безъ доклада, засталъ

его за рисункомъ для одной изъ придворныхъ дамъ и, уходя, сказалъ: «Можно навѣрно сказать, что этотъ юноша никому на свѣтѣ не можетъ быть опасенъ.»

Карлъ, братъ его, между тѣмъ приближался съ своими пятью полками. Испуганный сеймъ приказываетъ охранять городъ и не выпускать короля. Во время этой тревоги Густавъ, среди блистательнаго двора, притворяясь беззаботнымъ и легкомысленнымъ, казалось, только и думалъ, что объ удовольствіяхъ; но, между тѣмъ, онъ далъ потихоньку знать своимъ друзьямъ, что пришло время дѣйствовать. Совѣтъ хотѣлъ принудить его показать письма его брата; онъ отказался исполнить его требованіе. Нѣсколько членовъ хотѣли его арестовать; тогда король вдругъ уходитъ, садится на лошадь, ѣдетъ къ арсеналу, въ которомъ ужь дожидались его агенты, возвращается во дворецъ, гдѣ стояла гвардія, сзываетъ офицеровъ и съ жаромъ представляетъ имъ народную бѣду и *цѣпи, скованныя золотомъ иноземцевъ*. «Клянусь вамъ, говоритъ онъ,—что я болѣе всякаго Шведа ненавижу самовластіе. Принужденный защищать мою независимость и свободу отечества отъ дерзкихъ вельможъ, я васъ спрашиваю: хотите ли вы присягнуть мнѣ съ тою вѣрностью, какою всегда отличался шведскій народъ при Густавѣ-Вазѣ и Густавѣ-Адольфѣ? Если вы согласны, я охотно подвергну жизнь мою опасности для блага отечества и вашего.» Всѣ, кромѣ трехъ, присягнули. Въ эту минуту комендантъ войска, охранявшаго сеймъ, хочетъ говорить съ королемъ. «Пусть онъ идетъ въ совѣтъ, тамъ я съ нимъ объяснюсь.» Тогда Густавъ повязываетъ руку бѣлымъ платкомъ; это былъ условный знакъ. Офицеры гвардіи и артиллеріи слѣдуютъ его примѣру. Не теряя времени, онъ ставитъ караулъ къ государственному совѣту и отправляется къ собранному войску, чтобы держать рѣчь солдатамъ. Это была рѣшительная, критическая минута. Собравшись съ духомъ, онъ проѣхалъ по рядамъ, убѣждалъ, увлекалъ, воспламенялъ ихъ

преданность, такъ что всѣ поклялись идти за нимъ и защищать его. Одинъ только голосъ отказа нарушилъ ихъ согласные клики.

Однако въ другихъ частяхъ города распускали слухи, что онъ арестованъ. Король проѣхалъ по городу съ обнаженною шпагою, и народъ былъ въ восторгѣ. Напрасно въ это время Рудбекъ внѣ себя мчался по улицамъ и кричалъ: «Къ оружію, братья! къ оружію, Шведы! погибаетъ ваша свобода!» Густавъ велѣлъ его арестовать вмѣстѣ съ прочими коноводами партіи *шапокъ*. Король, желая обезпечить безопасность иностранныхъ министровъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ развѣдать ихъ намѣренія, созвалъ ихъ во дворецъ. Тамъ онъ привелъ къ присягѣ чиновниковъ и адмиралтейство. Посланники обратились къ нему съ поздравленіями, но искренни изъ нихъ были только испанскій и французскій. Такимъ образомъ, въ нѣсколько часовъ, находчивостью одного человѣка кончился великій государственный переворотъ, и ни одной капли крови не было пролито. Совершенное спокойствіе господствовало въ столицѣ и въ государствѣ.

Король приказалъ брату своему распустить войска. Но онъ не довольствовался смѣлымъ подвигомъ возстановленія королевской власти: онъ хотѣлъ, чтобы народъ своимъ одобреніемъ освятилъ этотъ переворотъ. Сдѣлано было народное собраніе на огромномъ полѣ: здѣсь было все земское ополченіе съ оружіемъ въ рукахъ. Явился король и былъ встрѣченъ всеобщимъ кликомъ: «Да здравствуетъ Густавъ! да здравствуетъ спаситель отечества!»

Король созвалъ членовъ и съ торжествомъ явился въ собраніе. Слухъ о приближеніи финляндскихъ войскъ потревожилъ было депутатовъ; но спокойствіе и краснорѣчіе короля разсѣяли тревогу. Простучавъ три раза серебрянымъ молоткомъ Густава-Адольфа, король потребовалъ вниманія и прочиталъ актъ, состоявшій изъ 57 статей, въ которыхъ онъ обѣщалъ поддерживать

прежніе законы такъ, какъ они были при Густавѣ-Адольфѣ и до 1680 года. Король и представители народа обмѣнялись клятвами, и все кончилось молебствіемъ. Выказавъ себя ловкимъ, смѣлымъ и твердымъ, Густавъ, какъ король, явился добрымъ и великодушнымъ. Онъ никому не мстилъ; всѣмъ была объявлена амнистія. Забывая угрозы и обиды, нанесенныя отцу, онъ говорилъ: «Я не хочу никакого напитка, кромѣ водъ Леты.» Награды достались Гелліхіусу, Спренгпортену и другимъ офицерамъ, которые первые поддержали его.

Его дружелюбныя увѣренія успокоили нѣкоторыхъ недовольныхъ иностранныхъ дипломатовъ. Онъ весь предался исполненію своего долга въ отношеніи къ народу. Онъ поощрялъ торговлю и земледѣліе, учреждалъ фабрики и заводы, раздавалъ хлѣбъ бѣднымъ, освободилъ отъ податей всѣхъ отцовъ, имѣвшихъ четырехъ дѣтей, разсѣялъ предразсудокъ относительно оспопрививанія и утвердилъ свободу печати постановленіемъ, въ которомъ напоминалъ, что этой свободы не существовало въ Англіи, когда Карлъ I взошелъ на эшафотъ. «Только при этой свободѣ, говорилъ король,—правители узнаютъ свои ошибки; только черезъ нея они слышатъ жалобы народа, и наконецъ только посредствомъ нея они могутъ иногда убѣдить народъ, когда жалобы его неосновательны.» Появилась сатира на него. Король велѣлъ призвать автора; тотъ явился со страхомъ: «Я вижу, сказалъ ему Густавъ,—что вы умный человѣкъ, но, вѣроятно, бѣдны. Я не хочу, чтобы вы нуждались и назначаю васъ своимъ библіотекаремъ.» Король поощрялъ разработку рудъ, и его хозяйственныя распоряженія увеличили обращеніе денегъ. Свобода подняла общее довѣріе и кредитъ. Врагъ роскоши, онъ боролся противъ нея указами, столь убѣдительными, что они подѣйствовали на народъ, вообще небогатый. Онъ усилилъ трудъ, уничтоживъ до двадцати-двухъ праздничныхъ дней въ году. Среди королевскихъ трудовъ, полный рыцарскими

идеями, онъ, по образцу знаменитаго короля Артура, организовалъ покровительство надъ сиротами и стариками и надзоръ за больницами. Какъ любитель литературы, онъ былъ въ перепискѣ съ нѣсколькими учеными. Онъ преобразовалъ упсальскій университетъ, учредилъ академію (1786), написалъ нѣсколько театральныхъ пьесъ, а по случаю открытія памятника Густаву-Вазѣ сочинилъ лирическую поэму, которая и была играна въ Стокгольмѣ [1]). Часто просыпались въ немъ романическіе порывы молодости; нѣсколько разъ онъ устроивалъ всенародные турниры и карусели.

Девятнадцать лѣтъ царствовалъ онъ справедливо, великодушно, либерально и умно и основалъ свою силу и славу на любви народа благороднаго и свободнаго. Однакожь, между тѣмъ, какъ благоразуміе клонило его къ миру, излишняя любовь къ славѣ пробуждала въ немъ тайное желаніе войны. Исподволь готовился онъ къ ней, строилъ корабли, собиралъ запасы, укрѣплялся, обучалъ и упражнялъ свои войска. Все улыбалось его надеждамъ. Обезпечивъ спокойствіе своего государства, онъ совершилъ поѣздку по Европѣ и вездѣ былъ встрѣченъ похвалами, хотя и находили иногда, что его достоинствамъ мѣшало излишнее тщеславіе, подстрекавшее его слишкомъ часто повторять разсказъ о совершенномъ имъ переворотѣ. Эта смѣсь ума съ гордостью имѣла вліяніе на его судьбу. Съ умомъ онъ прожилъ счастливо девятнадцать лѣтъ; гордость породила бурю, которая, омрачивъ его царствованіе, возбудила противъ него вражду, и онъ палъ подъ ея ударами.

Съ 1786 года въ шведскомъ дворянствѣ возникла довольно сильная оппозиція, усиленная еще воинственнымъ настроеніемъ короля. Король не могъ равнодушно видѣть, что Россія владѣетъ

[1]) Его сочиненія и переписку издалъ секретарь его Déchaux (Stockholm et Paris, 1803, 5 v. in 8°).

Лифляндіею и частію Финляндіи. Въ надеждѣ найдти случай, чтобы завоевать ихъ обратно, онъ, по внушеніямъ нѣкоторыхъ державъ, составилъ союзъ съ Портою. Взаимное обязательство состояло въ томъ, что если одна изъ державъ будетъ аттакована Россіею, другая вступится, и обѣ не положатъ оружія, покуда не добьются удовлетворенія. Мы видѣли, какъ онъ обманулся въ своихъ надеждахъ, и трудно понять, какъ могъ онъ не знать о настроеніи шведскаго дворянства и о происках, которыми возбуждали войско. Слишкомъ довѣрчиво полагаясь на беззаботность своихъ непріятелей, онъ ожидалъ своего торжества и увлекся до такой степени, что произнесъ въ государственномъ совѣтѣ слѣдующія грозныя слова: «Если успѣхъ увѣнчаетъ наше оружіе, я между памятниками русской гордыни пощажу только одинъ памятникъ Петру Великому, чтобы выставить и увѣковѣчить на немъ имя Густава.» Можетъ быть, ему удалось бы, хоть очень ненадолго, осуществить эти угрозы въ Петербургѣ, который оставался безъ защиты. Но нѣсколько потерянныхъ имъ дней, нерѣшительная морская битва и возмущеніе его войска навсегда разсѣяли мечты о вторженіи и завоеваніи. Въ послѣдствіи мы увидимъ, что Густавъ, принужденный къ оборонительному способу дѣйствія, въ храбрости своей нашелъ средство поправить свое положеніе и съ нѣкоторою славою сойти съ пути, столь опаснаго.

Между тѣмъ, какъ этотъ новый врагъ грозилъ русской императрицѣ внезапнымъ нападеніемъ, недѣятельность южной арміи истощала ея терпѣніе. Осада Очакова еще не была даже начата, какъ слѣдуетъ. «Я полагаю, писалъ мнѣ князь де-Линь,— что мы начали осаду этой крѣпости,—по крайней мѣрѣ, въ воображеніи, потому что соорудили четыре плохіе редута въ разстояніи 700 туазовъ и ретраншаменты въ разстояніи 900 туазовъ отъ городскихъ стѣнъ. Непріятель не подумалъ стрѣлять на работавшихъ, хотя они трудились свѣтлою лунною

ночью. Потемкинъ какъ будто заснулъ и, казалось, не думалъ ни воевать, ни защищаться. Черезъ нѣсколько дней двѣ тысячи Турокъ неожиданно аттаковали эти ретраншаменты; бросившись на батарею, защищаемую Ангальтомъ, они уже готовы были разрушить ихъ. Князь не посылалъ ни приказаній, ни подкрѣпленій. Онъ все смѣялся надъ неугомонною дѣятельностью принца Нассау, который отплатилъ ему по рыцарски: высадивъ свои войска и спасши Ангальта съ его батареею, онъ самъ привезъ Потемкину донесеніе Ангальта, который приписывалъ въ немъ спасеніе свое принцу Нассау. Вмѣстѣ съ тѣмъ принцъ иронически извинился, что осмѣлился вступить въ сраженіе, не дождавшись приказанія главнокомандующаго.»

Въ это же время Австрійцы потерпѣли сильную неудачу. Императоръ слишкомъ широко растянулъ войска свои, Турки прорвали ихъ цѣпь и произвели большія опустошенія въ Баннатѣ. Среди этихъ обстоятельствъ де-Линь писалъ императору слѣдующее: «Я надѣюсь, ваше величество, что сентябрь мѣсяцъ поправитъ несчастіе въ Баннатѣ и неуспѣхъ въ Босніи. Можно ли было думать, что разстроенная Оттоманская имперія можетъ быть такъ опасна Россіи? Планъ Турокъ былъ прекрасный. Если бы шведскій король сдѣлалъ свое нападеніе тремя недѣлями раньше или позднѣе, и если бы паша успѣлъ, какъ должно было ожидать, съ флотомъ своимъ, покрывавшимъ лиманъ, разбить рыбачьи лодки и галеры, составлявшія флотъ нашъ во время романической поѣздки по Борисѳену, то король явился бы въ Петербургъ, а паша въ Херсонъ.»

Наконецъ, счастіе, которое, казалось, отвернулось отъ императрицы, снова ей улыбнулось: она получила извѣстіе о второй побѣдѣ, одержанной Нассау - Зигеномъ въ лиманѣ. Такъ какъ большіе корабли и фрегаты русскіе, по причинѣ мелей, не могли догнать флотилію, то Поль-Джонсъ самъ вызвался помочь Нассау своею отвагою, удерживая однако его кипучую рѣшительность.

«Мы идемъ на вѣрную гибель, говорилъ онъ ему; — съ нѣсколькими галерами и плоскодонными судами никто еще никогда не осмѣливался нападать на сильную эскадру и корабли въ 74 и 80 пушекъ; это безумная отвага; вы будете уничтожены.»

«Ошибаетесь, отвѣчалъ Нассау, — эти громады безъ души, и артиллерія ихъ неискусна; Турки не умѣютъ цѣлить и стрѣляютъ на воздухъ. Мы пойдемъ на нихъ подъ огненнымъ сводомъ, который намъ немного повредитъ; мы ихъ подожжемъ и истребимъ.»

Его предсказаніе сбылось. Онъ взорвалъ шесть военныхъ кораблей, захватилъ еще два и сжегъ почти весь флотъ. Капитанъ-паша спасся на шлюпкѣ; четыре тысячи Турокъ были захвачены въ плѣнъ. Генералъ Суворовъ береговыми батареями не мало способствовалъ этой побѣдѣ. Графъ Рожеръ де-Дамасъ (de-Damas), командуя двѣнадцатью канонерскими лодками, за свое благоразуміе и храбрость заслужилъ въ этомъ дѣлѣ справедливыя похвалы. Нассау поручилъ ему отвезти Потемкину адмиральскій флагъ капитана-паши. Апраксина послали курьеромъ къ императрицѣ.

Потемкинъ тогда расположился на возвышеніи, называемомъ Ново-Григорьевскимъ. Въ радости отъ побѣды надъ Турками и увлекаемый набожными мыслями, которыя не покидали его съ дѣтства, онъ бросился на шею де-Линю и сказалъ ему: «Видите-ли вы эту церковь? я ее посвятилъ моему святому, и побѣда Нассау случилась на другой день послѣ его праздника. Мы и сегодня возлѣ его церкви, и вотъ турецкій флотъ сожженъ; это помощь святаго, не такъ-ли? Да, точно, я баловень Божій!»

Это торжество вознаградило императрицу за тревогу, которую причинилъ ей шведскій король. Она приказала отслужить молебенъ и назначила для этого храмъ въ крѣпости, находящійся въ виду памятника, Петру Великому, достойнаго и его, и ея.

Императрица объявила мнѣ, что сорокъ двѣ губерніи предложили ей выставить по баталіону, но что она отказалась отъ этого, потому что солдатъ, которыхъ собрали въ Москвѣ и Петербургѣ, было довольно для отраженія Шведовъ. Когда она спросила меня объ новостяхъ изъ Франціи, я сказалъ ей, что тамъ думаютъ, будто она написала шведскому королю рѣзкое письмо, которое его разсердило. «Я очень рада, отвѣчала она мнѣ,—что вы мнѣ сообщили это. Эту басню распускали во многихъ мѣстахъ; надѣюсь, что вы считаете меня неспособною солгать вамъ. Итакъ, положитесь на мои слова: съ 1785 года я ни разу не писала шведскому королю.» Отъ нея же узналъ я, что капитанъ-паша, собравъ остатки своего флота, состоявшаго еще изъ тридцати-пяти судовъ, изъ которыхъ пятнадцать съ 74 и 80 пушками, встрѣтился съ контръ-адмираломъ Войновичемъ [1]), который шелъ на него съ 17-го кораблями. Они вступили въ бой, и битва была рѣшительная. Турки потеряли 20-пушечный корабль, а одинъ русскій фрегатъ такъ пострадалъ, что его нужно было ввести въ Севастопольскую гавань. Капитанъ-паша отошелъ къ берегу, къ Варнѣ, а Войновичь остался на морѣ.

На сѣверѣ адмиралъ Грейгъ напрасно искалъ шведскаго флота: онъ встрѣтилъ только четыре судна и упустилъ три; только одно, 74 пушечное, разбилось о берегъ и было сожжено Русскими. Пять-сотъ человѣкъ экипажа попали въ плѣнъ. Екатерина послала Грейгу андреевскую ленту. «Этотъ орденъ, отвѣчалъ онъ ей,—дается только высокорожденнымъ или отличившимся своими заслугами, а такъ какъ я не знатнаго происхожденія и не успѣлъ еще отличиться, то, сохраняя орденъ, не буду однако носить его, покуда не буду достоинъ.»

На сушѣ не происходило ничего замѣчательнаго. Армфельдъ [2]),

[1]) Графъ Маркъ Ивановичь, ум въ началѣ XIX в.
[2]) Шведскій главнокомандующій.

послѣ нѣсколькихъ незначительныхъ успѣховъ надъ Русскими, удалился въ Питтисъ. Онъ отступилъ храбро и въ порядкѣ, между тѣмъ какъ остальная шведская армія внезапно удалилась отъ Фридрихсгама. Въ то время мы еще не знали о возмущеніи финляндской арміи, и это быстрое отступленіе возбудило въ Петербургѣ такое же сильное удивленіе, какъ сильна была сначала тревога, произведенная внезапнымъ наступленіемъ Шведовъ. До насъ доходили только слухи, что финляндскія войска, готовыя отразить нападеніе, не хотѣли войны, несогласной съ условіями конституціи [1]).

Между тѣмъ Монморенъ писалъ мнѣ, что шведскій король требуетъ отъ Франціи денежнаго вспомоществованія, обѣщаннаго ему прежнимъ договоромъ. Ему отвѣчали, что такъ какъ онъ зачинщикъ, то его требованіе неисполнимо, а что касается обыкновенныхъ субсидій въ мирное время, то король желаетъ, чтобы обстоятельства дали ему возможность выплатить ихъ. Этотъ отвѣтъ, сообщенный русскимъ министрамъ, очень имъ понравился и снова возбудилъ надежды на заключеніе союза между четырьмя державами. Монморенъ наказывалъ мнѣ спѣшить, но между тѣмъ не давалъ мнѣ средствъ, потому что никакъ не хотѣлъ гарантировать независимость Польши.

Отправившись однажды въ эрмитажъ, я узналъ отъ императрицы, что шведскій король оставилъ свой лагерь и возвращается въ Стокгольмъ черезъ Або, вмѣсто того, чтобы идти тѣмъ же путемъ, по которому онъ шелъ въ Финляндію. «Король нѣсколько смущенъ, сказала она мнѣ съ ироническою улыбкою;—народъ знаетъ, что его непобѣдимый флотъ не выходитъ изъ портовъ, между тѣмъ какъ несчастный русскій флотъ постоянно въ морѣ.»

Императрица приказала сообщить намъ свой манифестъ про-

[1]) Т. е. войны наступательной.

тивъ Швеціи. Онъ былъ написанъ сильно, благородно и въ умѣренныхъ выраженіяхъ. Но, сообщая его датскому правительству, она выразилась такимъ образомъ: «Шведскій король безразсудно обнажилъ мечь, вооружившись противъ меня; ему придется бросить и ножны.» Когда Густавъ узналъ объ этомъ, онъ сказалъ: «Сикстъ пятый сказалъ о герцогѣ Гизѣ: *когда подданный обнажаетъ мечь противъ своего монарха, то долженъ бросить и ножны.* Я не подданный императрицы и сдѣлаю все, что могу, чтобы доказать это.» Странно было видѣть этихъ двухъ монарховъ, спорящихъ такъ жарко на словахъ, между тѣмъ какъ изъ ихъ армій одна будто дивилась, что застигнута въ расплохъ, а другая болѣе склонна была къ переговорамъ, нежели къ битвамъ.

Секретнымъ образомъ узналъ я, что финское войско замышляло уже перейдти на сторону Русскихъ; это извѣстіе черезъ нѣсколько дней оправдалось прибытіемъ въ Петербургъ бѣжавшаго изъ Швеціи генерала Спренгпортена [1]). Онъ по неудовольствію бросилъ свою службу въ Швеціи и предложилъ свои услуги Екатеринѣ. Этотъ поступокъ возбудилъ во мнѣ нѣкоторое недовѣріе къ истинѣ его разсказовъ. Однако мы скоро убѣдились, что они не очень преувеличены, и тогда совершенно объяснились настоящія причины внезапнаго отъѣзда короля. Густавъ, сдѣлавъ только рекогносцировку около Фридрихсгама въ послѣднихъ числахъ іюля, казалось, терялъ драгоцѣнное время. Избѣгая всячески казаться зачинщикомъ, онъ надѣялся угрозами вызвать Русскихъ на непріязненныя дѣйствія. Обманутый въ своихъ ожиданіяхъ, онъ отправилъ впередъ Армфельда, которому удалось разбить отдѣльный непріятельскій отрядъ; но, увлекшись,

---

[1]) Того самого, который былъ упомянутъ выше. Его звали въ Россіи Егоръ Максимовичъ; въ 1788 г. онъ сдѣланъ барономъ, а въ 1809 г. графомъ В. Кн. Финляндскаго. Его бумаги и письма въ Импер. публ. библіотекѣ.

онъ такъ горячо дѣйствовалъ, что былъ окруженъ и чуть-чуть было не попался въ плѣнъ. Тогда король написалъ ему слѣдующее письмо, которое изображаетъ намъ свойства его ума и объясняетъ его намѣренія: «Мнѣ надо бранить васъ, а не хвалить. Все вышло такъ изъ-за вашей синей ленты: васъ приняли за меня или за моего брата. Куда какъ хорошо было бы, если бы васъ захватили, и каково было бы торжество императрицы—имѣть въ рукахъ своихъ одно изъ первыхъ лицъ моего двора! Мы идемъ на помощь къ вамъ. Надобно оставить Фридрихсгамъ, пока мы не будемъ въ состояніи аттаковать крѣпость какъ слѣдуетъ; къ тому же Англія объявила Даніи, что полагается на ея нейтралитетъ.» Непонятно, для чего король сбирался вести правильную осаду противъ такой ничтожной крѣпостцы, какъ Фридрихсгамъ. Впрочемъ, такъ какъ его тяжелая артиллерія оказалась ужь слишкомъ медленна, то онъ рѣшился взять городъ сразу. Въ слѣдствіе того предположено было вести аттаку съ трехъ сторонъ: Гацфельдъ долженъ былъ подойдти съ сѣвера; Армфельдъ оставался въ своемъ крѣпкомъ положеніи у Питтиса, чтобы прикрывать движеніе короля къ Фридрихсгаму; Сигротъ съ галерами и десантными войсками долженъ былъ подойдти къ берегу не далеко отъ Петербурга, и когда онъ дастъ знать о своей высадкѣ пушечными выстрѣлами, Густавъ долженъ былъ аттаковать Фридрихсгамъ. Сначала дѣло, казалось, шло какъ по писанному. Условный сигналъ далъ знать королю, что Сигротъ высадился: онъ быстро пошелъ на встрѣчу Михельсону, но вдругъ, при началѣ движенія, получилъ приказаніе возвратиться на суда, при чемъ Русскіе его преслѣдовали, и ему крѣпко отъ нихъ досталось. Вотъ что подало поводъ къ этой внезапной перемѣнѣ въ распоряженіяхъ: только что Густавъ услыхалъ выстрѣлы Сигрота, какъ приказалъ своимъ войскамъ идти на Фридрихсгамъ. Но вмѣсто того, чтобы повиноваться, войско ропщетъ, останавливается. Офицеры выходятъ

изъ рядовъ, окружаютъ короля и говорятъ ему, что онъ не долженъ безъ нужды жертвовать жизнію своихъ подданныхъ. Король въ негодованіи требуетъ повиновенія. Тогда всѣ безъ обиняковъ объявляютъ ему, что не хотятъ участвовать въ наступательной войнѣ, противной конституціи. «Мы готовы, говорятъ они, — защищать отечество, пролить за него послѣднюю каплю крови, но никогда не согласимся напасть на сосѣднюю страну безъ основательной причины. Мы согласны только защищать границы отъ непріятельскаго вторженія.» Густавъ, огорченный и разсерженный, обращается къ солдатамъ, напоминаетъ имъ присягу, старается возбудить въ нихъ усердіе и храбрость; но всѣ они, сложивъ оружіе на землю, клянутся, что не сдѣлаютъ ни шагу впередъ. Вотъ какимъ образомъ, подъ стѣнами непріятельской крѣпости, вспыхнуло возмущеніе, котораго до тѣхъ поръ Густавъ и не подозрѣвалъ. Скоро онъ узналъ, что цѣль главныхъ зачинщиковъ состояла въ томъ, чтобы съ помощію Россіи возстановить прежнее аристократическое правленіе, такъ какъ оно было до 1720 года. Послѣ этихъ событій стало понятно, что король, въ отчаяніи, принужденъ былъ остановить Сигрота, отказаться отъ завоеваній и возвратиться въ свою столицу, гдѣ онъ узналъ о вооруженіи Датчанъ и приближеніи этого новаго врага, грозившаго нападеніемъ нѣсколькимъ областямъ Швеціи. Впрочемъ, когда въ послѣдствіи времени ему удалось возстановить въ арміи порядокъ и повиновеніе, то заговорщики которымъ онъ даровалъ прощеніе, тѣмъ не менѣе были строго наказаны, потому что, по возвращеніи ихъ въ Стокгольмъ, народъ называлъ ихъ измѣнниками и до того ихъ преслѣдовалъ, что они не могли показываться на улицу въ мундирѣ.

Всѣ эти происшествія разсѣяли тревогу, возбужденную въ императрицѣ началомъ этой войны, грозившей опасностью ея столицѣ, ея спокойствію и славѣ. Въ то же время она узнала, что бомбардируютъ Очаковъ. Князь Потемкинъ, выйдя изъ

своей апатіи, началъ дѣйствовать. Но дѣятельный некстати, какъ некстати онъ былъ лѣнивъ, онъ, безъ всякой нужды, въ сопровожденіи всѣхъ своихъ генераловъ, сдѣлалъ рекогносцировку въ разстояніи полувыстрѣла ружейнаго отъ укрѣпленій. Эта выходка стоила жизни многимъ Русскимъ; другихъ переранило; подъ де-Линемъ убита была лошадь. Императрица сдѣлала строгій выговоръ князю за его безполезную отвагу. Между тѣмъ и Суворовъ былъ не менѣе неблагоразуменъ. Турки сдѣлали вылазку, и онъ, отбивъ ихъ, преслѣдовалъ ихъ съ такимъ пыломъ, что у самыхъ городскихъ воротъ картечный огонь перебилъ у него двѣсти человѣкъ. На сѣверѣ адмиралъ Эссенъ захватилъ 17 шведскихъ купеческихъ судовъ.

Въ Россіи въ то время такъ ошибочно судили о внутреннихъ дѣлахъ Франціи и о затрудненіяхъ, въ которыхъ находилось наше правительство, что императрица все еще ожидала скораго заключенія договора между четырьмя державами. Она этого желала тѣмъ болѣе, что была недовольна Англичанами и Пруссаками. По этому она просила, чтобы переговоры были ведены не въ Парижѣ, а въ Петербургѣ и, въ слѣдствіе обѣщанія Монморена прислать проэктъ статей договора, была уже увѣрена, что я скоро получу полномочіе, необходимое для окончанія этого важнаго дѣла. Графъ Безбородко выразилъ мнѣ увѣренность, что въ ожидаемомъ проэктѣ статья, которою обезпечивается независимость Польши, будетъ только измѣнена, но никакъ не отмѣнена. «Въ самомъ дѣлѣ, продолжалъ онъ, —безъ этого условія договоръ былъ бы мечтательнымъ, потому что только черезъ Польшу прусскій король можетъ напасть на обѣ имперіи. Такъ какъ Россія должна быть нейтральна между Англіею и Франціею, а послѣдняя между Россіею и Турціею, то какое бы значеніе имѣлъ договоръ, который не полагалъ бы никакихъ границъ самолюбивымъ притязаніямъ прусскаго короля?»

Безбородко, ежедневно дѣлавшій новыя уступки въ на-

шу пользу, дивился нашей нерѣшительности. Онъ не могъ рѣшить загадки, а дѣло было вотъ въ чемъ: нашъ первый министръ де-Бріеннь, болѣе всего опасался быть вовлеченнымъ въ войну, но не хотѣлъ обнаружить этого. Чтобы сохранить достоинство, онъ для вида входилъ въ переговоры, стараясь пользоваться самыми незначительными поводами, чтобы отлагать окончаніе дѣла. Письма, получаемыя мною изъ Франціи, объяснили мнѣ этотъ образъ дѣйствія, которому слѣдовалъ и Монморенъ невольно, потому что частныя письма его ко мнѣ противурѣчили съ оффиціальными депешами. Принужденный исполнить непріятную для меня обязанность, я, какъ умѣлъ, защищалъ систему нашего кабинета и говорилъ Русскимъ слѣдующее: «Нейтралитетъ Россіи на морѣ лишаетъ насъ единственной гарантіи, которой мы желали, то есть гарантіи противъ Англичанъ, личныхъ враговъ нашихъ; мы ужь и такъ довольно дѣлаемъ для васъ, соглашаясь поднять оружіе, если прусскій король вздумаетъ дѣлать завоеванія на счетъ владѣній императрицы и императора, и не хотимъ подвергаться опасностямъ еще другой войны въ защиту конституціи и владѣній Польши, отдаленной отъ насъ, и съ которою мы давно уже не имѣемъ сношеній, чему виною императорскіе дворы.» Правда, что, исполнивъ такимъ образомъ свой долгъ, я писалъ двору своему прямо, что думалъ. «Я такъ говорю, писалъ я Монморену, — только по приказанію. Но Русскіе правы, и мы имъ отказываемъ въ томъ, что должны бы сами предложить имъ. Въ самомъ дѣлѣ, что предлагаютъ они? Тѣсный союзъ, чтобы ослабить нашихъ соперниковъ, сохранить вліяніе наше на Порту и возстановить его въ Голландіи. Подумайте объ этомъ, умоляю васъ. Послѣдствіемъ нашего отказа будетъ наше уединеніе въ Европѣ, сближеніе Россіи съ Англіею и Пруссіею, и цѣною этого будетъ раздѣлъ Польши. Миръ заключится безъ нашего посредничества; Англія останется хозяйничать въ Голландіи; на-

конецъ мы потеряемъ нашъ вѣсъ и вліяніе въ Константинополѣ и въ Швеціи.»

Событія дѣлались благопріятны для императрицы и зловѣщи для Густава. Предводители финской арміи, вмѣсто того чтобы побѣждать Русскихъ, посылали дружественныя письма и даже угощенія русскимъ военачальникамъ: въ шведской арміи они возбуждали и поддерживали духъ недовольства. Шведскій король, по отъѣздѣ въ Стокгольмъ, оставилъ армію подъ командою своего брата, герцога Зюдерманландскаго, который тщетно старался возстановить порядокъ. Бунтовщики объявили ему, что онъ лучше сдѣлаетъ, если удалится, потому что они согласились заставить короля прекратить войну. Хотѣли даже ограничить его власть, которую онъ употребилъ во вредъ народа, напавши на Россію безъ причины и подвергнувъ отечество опасности. Всѣ требовали, чтобы императрицѣ были сдѣланы мирныя предложенія, даже хотѣли просить ея заступничества. Герцогъ Зюдерманландскій изъ хитрости или по слабости также обвинялъ своего брата короля, притворно выказывалъ крайній патріотизмъ и старался убѣдить войско, что онъ ревностно желаетъ мира. Онъ поѣхалъ къ финскимъ войскамъ, говорилъ имъ въ томъ же духѣ и написалъ великому князю Павлу Петровичу, прося у него перемирія и свиданія. Великій князь отъѣздомъ своимъ отстранилъ это свиданіе; но, по его приказанію, графъ Мусинъ-Пушкинъ согласился на переговоры. По этому полковникъ Монгомерри былъ посланъ въ Фридрихсгамъ для переговоровъ съ Русскими. Съ своей стороны, императрица послала Спренгпортена въ Финляндію съ секретными предписаніями.

Трудно постигнуть, отчего императрица, всегда дѣйствовавшая тонко и умно, пропустила удобный случай, посланный ей судьбою, чтобы прекратить войну и прочно утвердить въ Швеціи свое вліяніе, можно даже сказать, свою власть. Войска ея врага подчинялись ей; недовольство ихъ было сильно возбуждено, какъ всегда

при началѣ возмущеній; они упрекали короля, смѣялись надъ его театральнымъ шлемомъ съ зеленымъ перомъ, надъ батальнымъ живописцемъ, котораго онъ взялъ съ собою для увѣковѣченія своихъ побѣдъ, наконецъ надъ его обѣщаніемъ взять Петербургъ черезъ недѣлю и задать, тамъ балъ шведскимъ дамамъ. Еслибы Екатерина воспользовалась этимъ положеніемъ, миръ былъ бы заключенъ, и армія, уже возмущенная, не имѣла бы времени одуматься. Густаву пришлось бы сдаваться и согласиться на возстановленіе прежней олигархіи, которой желала сильная и значительная партія. Но этотъ переворотъ долженъ бы былъ совершиться вслѣдствіе мира, а не быть его условіемъ. Екатерина была слишкомъ раздражена, чтобы ясно видѣть дѣло, и потому упустила цѣль свою, слишкомъ рано обнаруживъ ее. Правда, она соглашалась на перемиріе, даже на миръ, но только съ условіемъ, чтобы армія заставила короля возстановить старинныя привиллегіи дворянства. Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы рѣшить дѣло, стали раздумывать да разсуждать. Патріотизмъ Шведовъ пробудился, и король, пользуясь нерѣшительнымъ положеніемъ Русскихъ и дѣйствуя то энергіею, то добротою и строгостью, нашелъ средства пробудить въ войскахъ чувство истинной чести, возвратить себѣ ихъ привязанность и собрать достаточныя силы, чтобы защищаться отъ своей опасной противницы. Не дожидаясь мира и союза, можно было по крайней мѣрѣ на срокъ положить оружіе; герцогъ Зюдерманландскій просилъ только, чтобы Русскіе выпустили шведскій флотъ, задержанный тогда въ Свеаборгѣ. Но императрица, опасаясь, что подъ этимъ требованіемъ кроется обманъ, не согласилась, и военныя дѣйствія продолжались. Но то, что она считала благоразумнымъ, было вообще признано за ошибку, внушенную ей гордостью.

Продолженіе этой войны совершенно соотвѣтствовало видамъ Англіи и Пруссіи: онѣ твердили о мирѣ, но въ замы-

слахъ ихъ было другое. Онѣ вездѣ предлагали свое посредничество и вездѣ подымали вражду. Поднявъ Голландію, Порту и Швецію, онѣ возбуждали смуты въ Польшѣ, и прусскій король не упускалъ случая упрочить себѣ въ будущемъ городъ Данцигъ. Четвертной союзъ одинъ только могъ бы разрушить ихъ замыслы. Поэтому угрозы, денежныя предложенія, слухи, искусно распускаемые, все было употреблено, чтобы отвратить заключеніе этого столь опаснаго союза. Я напрасно объяснялъ все это моему министру въ депешѣ, посланной мною 19 Сентября. «Если мы вступимъ въ союзъ четырехъ державъ, писалъ я, —, то Англія и Пруссія должны будутъ отступить. Ихъ вліяніе на Порту прекратится; онѣ потеряютъ свое значеніе въ Голландіи и не посмѣютъ тревожить Польшу. Въ противномъ случаѣ онѣ отвратятъ отъ насъ друзей и устроятъ миръ уступкою Данцига Пруссіи и порабощеніемъ Польши. Что же касается Турокъ, то они рады будутъ купить миръ— какою бы то ни было цѣною.» Порою какъ будто сознавали эти истины въ Версалѣ, и мнѣ казалось, что снова можно надѣяться возстановить наше политическое значеніе; но скоро я опять разочаровывался.

Однажды вечеромъ, по возвращеніи моемъ домой, мнѣ сказали, что пріѣзжалъ экстренный курьеръ, но, не заставъ меня, ушелъ и не оставилъ депешъ. Мнѣ это показалось страннымъ; я спросилъ: не изъ Франціи ли онъ, и еще болѣе удивился, когда мнѣ сказали, что онъ изъ Камчатки. Еще за нѣсколько дней предъ тѣмъ, къ удивленію моему, я получилъ векселя на мое имя отъ сибирскихъ купцовъ. На другой день все объяснилось. Ко мнѣ пришелъ молодой Лессепсъ, сынъ прежняго французскаго консула въ Петербургѣ. Онъ совершилъ плаваніе съ Ла-Перузомъ: знаменитый и несчастный мореплаватель высадилъ его, къ счастію для него, въ Камчаткѣ и поручилъ ему отвезти депеши во Францію. Молодой путешественникъ проѣхалъ всю Азію;

онъ цѣлый годъ ѣхалъ до Петербурга. Стужа задержала его три мѣсяца въ Камчаткѣ; потомъ, не найдя судна, чтобы переплыть Охотское море, онъ долженъ былъ ѣхать еще три мѣсяца, чтобы обогнуть его. Отъ него я получилъ любопытныя свѣдѣнія о Камчаткѣ и Сибири. Онъ въ послѣдствіи издалъ описаніе этого страннаго путешествія, писанное просто и ясно и достойное довѣрія [1]). Ла-Перузъ просилъ меня выхлопотать награду Козлову, камчатскому губернатору [2]). Онъ отлично принялъ Французовъ; онъ даже не допустилъ ихъ заплатить за мясо, нужное экипажу. Впрочемъ повсюду въ Россіи Лессепсъ находилъ помощь, проводниковъ и деньги, которыя, по желанію Ла-Перуза, я выплатилъ Русскимъ. Молодой Лессепсъ, пылкій, усердный, неутомимый, не хотѣлъ отдыхать въ Петербургѣ. Спѣша исполнить свое порученіе, онъ просилъ меня послать его курьеромъ въ Версаль; я согласился и далъ ему свои депеши. Онъ, можетъ быть, первый изъ Европейцевъ, проѣхавшій съ востока на западъ всю Азію и Европу.

Почти въ тоже время французскій негоціантъ Бегуанъ (Begouen), человѣкъ почтенный по своимъ достоинствамъ, знаніямъ и поведенію въ разныхъ должностяхъ, подалъ мнѣ замѣчательную записку о торговлѣ на сѣверѣ, написанную по моему предложенію и которую я отослалъ къ де-Люзерну и Некеру. Онъ высказывалъ истины, которыя не худо бы повторять чаще. «Мы смотримъ на торговлю, какъ на дѣло второстепенное въ политикѣ, тогда какъ Англичане заботятся о ней по пре-

---

[1]) Лессепсъ былъ переводчикъ при Ла-Перузѣ, погибшемъ безъ вѣсти во время плаванія въ Восточномъ океанѣ; въ послѣдствіи онъ былъ французскимъ консуломъ въ Россіи (до 1822 года). Его сочиненія: 1) Voyage de La-Pérouse. Paris. 1831, и 2) Journal historique du voyage de Lesseps depuis l'instant ou il a quitté les frégates françaises au Port St. Pierre-et-Paul du Kamtschatka, jusqu'à son arrivée en France. 2 vols. Paris 1790.

[2]) Козловъ-Угрепинъ былъ собственно не камчатскимъ губернаторомъ, а охотскимъ комендантомъ.

имуществу; въ этомъ отношеніи они постоянно воюютъ съ нами и въ мирное время. Эта борьба, искусно ведомая, составляетъ источникъ ихъ богатства и основаніе ихъ кредита; она даетъ имъ, къ сожалѣнію, возможность замедлять нашу промышленность, обезсиливать нашу навигацію и поддерживать свое вліяніе на сѣверѣ огромнымъ сбытомъ товаровъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, они пріобрѣтаютъ себѣ значительное число испытанныхъ матросовъ, опасныхъ для насъ въ случаѣ войны.»

Въ то же время я получилъ приказанія своего двора. Густавъ просилъ нашего посредничества для мирныхъ переговоровъ съ императрицею, и мнѣ поручили сдѣлать объ этомъ предложеніе. Это было довольно трудно, потому что шведскій король, не совсѣмъ довѣряясь Людовику XVI, просилъ также посредничества Пруссіи, Англіи и Голландіи, и министры этихъ державъ дѣйствительно брались помирить императрицу со Шведами и Турками. Но Екатерина, увѣренная, что они толкуютъ о мирѣ для того только, чтобы протянуть войну, не приняла ихъ предложеній. Она отлично знала ихъ тогдашніе замыслы и не хотѣла поддаться ихъ хитростямъ. Въ маѣ мѣсяцѣ этого же 1788 года кавалеръ Альтести, состоявшій при Булгаковѣ и очень преданный ему, пріѣхалъ изъ Константинополя [1]). Онъ привезъ мнѣ письмо отъ Шуазеля. Будучи въ Петербургѣ безъ своего покровителя, онъ довѣрчиво обратился ко мнѣ, какъ къ человѣку, въ которомъ предполагалъ знакомство съ дворомъ и съ лицами, имѣвшими вѣсъ. Я ему далъ нѣсколько совѣтовъ, которые въ послѣдствіи послужили ему въ пользу. Этотъ молодой человѣкъ, родомъ изъ хорошаго семейства изъ Рагузы, жители которой по сходству языка и религіи видятъ въ Россіи какъ бы отечество, вступилъ въ службу къ Булгакову и былъ

---

[1]) Альтести въ послѣдствіи пользовался покровительствомъ князя П. А. Зубова, и во время третьяго раздѣла Польши игралъ значительную роль въ русской дипломаціи, но очень недолго.

представленъ имъ императрицѣ во время ея пребыванія въ Херсонѣ. По пріѣздѣ его въ Петербургъ, министръ [1]) приказалъ ему написать какую нибудь записку, чтобы показать свои способности императрицѣ. Ужь прежде того онъ составилъ записку объ итальянскихъ портахъ, въ которыхъ могъ бы стоять русскій флотъ. А такъ какъ онъ мнѣ нѣсколько разъ разсказывалъ объ интригахъ Англичанъ и Пруссаковъ въ Константинополѣ и въ особенности о проискахъ кавалера Енслея, о которыхъ онъ зналъ болѣе, чѣмъ кто-либо, то я ему сказалъ, что для доказательства своего умѣнія и знанія ему лучше бы всего описать подробно все, что при немъ происходило въ Константинополѣ, и всѣ средства, которыя употреблены были для побужденія Порты къ столь неожиданному разрыву. Онъ послѣдовалъ моему совѣту и черезъ нѣсколько дней показалъ мнѣ свое сочиненіе, написанное умно, живо и ясно. Въ немъ проглядывало негодованіе человѣка, котораго Дитцъ и Енслей разлучили съ его покровителемъ и желали, подобно послѣднему, запереть въ Семибашенный замокъ. Если бы самъ Шуазель-Гуфье диктовалъ ему, то не выставилъ бы въ болѣе выгодномъ свѣтѣ благородный образъ дѣйствія Франціи и двуличность Англичанъ и Пруссаковъ. Министръ передалъ эту записку императрицѣ. Я всегда полагалъ, что она болѣе всего другого возстановила императрицу противъ хитрыхъ наущеній и происковъ, которые агенты Пруссіи и Англіи безпрестанно возобновляли подъ разными видами. Впрочемъ, Альтести, который въ послѣдствіи былъ назначенъ въ русское посольство въ Польшѣ, до такой степени умѣлъ заслужить благоволеніе императрицы, оцѣнившей его таланты, что она наградила его своимъ личнымъ довѣріемъ, поручила важныя дѣла относительно Турціи и Персіи и передъ кончиною своею думала даже дать ему значительную должность.

---

[1]) Безъ сомнѣнія, Безбородко.

Императрица, желая разрушить замыслы Фридриха-Вильгельма, предложила Полякамъ соединиться съ нею оборонительнымъ союзомъ; но страсти ихъ и прусскія интриги удержали ихъ отъ этого. Можетъ быть, въ этомъ союзѣ они нашли бы свое спасеніе; но паденіе ихъ, вѣроятно, написано было въ книгѣ судебъ. По довольно счастливому случаю, въ то время, какъ Англія и Пруссія возобновляли свои усилія, чтобы сблизиться съ Россіею, я получилъ отъ Шуазеля весьма враждебную записку, поданную Портѣ англійскимъ и прусскимъ посланниками. Я сообщилъ ее русскому кабинету, и она такъ разсердила Екатерину, что государыня подала мнѣ надежду согласиться на всякія уступки нашему двору, лишь бы мы подписали предполагаемый союзный актъ.

Если бы въ это время я получилъ себѣ полномочіе, то все было бы покончено. Но фортуна не даромъ изображается съ крыльями, и мы съ нѣкотораго времени привыкли давать ей время улетать.

Императрица, еще не успокоившаяся въ своемъ негодованіи на шведскаго короля, съ горечью говорила мнѣ о вѣтренности его поведенія. «Вмѣсто того, говорила она, — чтобы склонить меня къ уступкамъ посредствомъ откровеннаго образа дѣйствій, который могъ бы обезоружить меня, онъ, говоря съ Франціей о мирѣ и прося вашего посредничества, печатаетъ обидные для меня акты и старается усилить войну, привлекая на свою сторону Англію и Пруссію. Вы знаете, какъ эти двѣ союзницы дѣйствуютъ хитро и смѣло, какъ онѣ вездѣ вредятъ нашему и вашему вліянію, какой повелительный и важный тонъ онѣ приняли въ такъ называемомъ оборонительномъ союзѣ, который заключили. Теперь бы самое время разрушить ихъ предположенія согласіемъ и союзомъ, чтобы остановить ихъ замыслы и удержать Европу въ покоѣ. Я надѣюсь, заключила она, — что вы не употребите во зло мою откровенность.»

«Государыня, отвѣчалъ я, — король, безъ сомнѣнія, готовъ объясниться съ вами обо всемъ. Совершенное согласіе по моему мнѣнію, нужно болѣе, чѣмъ когда-либо. Неожиданныя предложенія, которыя шведскій король сдѣлалъ Англіи и Пруссіи, удивили меня. Однако я съ трудомъ вѣрю, чтобы при тѣхъ дурныхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ онъ находится, онъ могъ желать продолженія войны. Крайняя затруднительность его положенія, быть можетъ, заставила его обращаться ко всѣмъ съ хлопотами о мирѣ.»

«Нѣтъ, отвѣчала императрица, — онъ хочетъ смутъ, а не мира, потому что онъ ничего не предлагаетъ, не говоритъ ни объ удовлетвореніяхъ, ни о вознагражденіяхъ. Обращаясь ко всѣмъ кабинетамъ, онъ между тѣмъ не перестаетъ оскорблять меня обнародываніемъ манифеста, который нарочно издалъ заднимъ числомъ, тогда какъ распространилъ его только въ концѣ августа, именно въ то время, когда изъявлялъ вашему двору свое расположеніе къ миру.»

Императрица не скрыла отъ меня новыхъ происковъ, которые были пущены въ ходъ, чтобы внушить ей недовѣріе къ намъ. Ей объявили, что кабинетъ нашъ дѣлалъ предложенія Англіи съ тѣмъ, чтобы согласиться съ нею и защитить шведскаго короля отъ ударовъ Россіи. Я объявилъ этотъ слухъ вымысломъ, сочиненнымъ въ Лондонѣ и Берлинѣ. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя было предположить, чтобы наше правительство обратилось къ нашимъ естественнымъ врагамъ для сопротивленія петербургскому кабинету въ то время, когда послѣдній соглашался соединиться съ нами противъ Англіи, а англо-прусская сила новымъ союзнымъ актомъ усиливала ударъ, нанесенный намъ въ Голландіи, и постоянно выказывала намѣреніе свое уничтожить наше вліяніе во всей Европѣ. Екатерина, въ надеждѣ получить по этому дѣлу удовлетворительныя объясненія, приказала отправить курьера къ Симолину въ Парижъ съ повелѣніемъ по-

спѣшить переговорами о четвертномъ союзѣ, удалить всѣ препятствія и объявить королю, что она готова удовлетворить всѣмъ его требованіямъ.

Я писалъ Монморену и подстрекалъ его. «Намъ грозитъ опасность, говорилъ я,—или мы должны снова завоевать себѣ вліяніе въ Мадридѣ, Вѣнѣ, Стокгольмѣ, Варшавѣ, Неаполѣ, Константинополѣ, Петербургѣ, Копенгагенѣ и Голландіи, или дождемся, что императорскіе дворы сблизятся съ Англіею и Пруссіею, и Польша будетъ раздѣлена. Если мы дойдемъ до разрыва съ Англіею, то не будемъ имѣть опоры противъ нея, и въ Европѣ насъ будутъ считать ни во что. Вотъ настоящее положеніе дѣла, разрушающее всѣ доводы такъ называемыхъ политиковъ, которые все еще воображаютъ, что теперь времена Вестфальскаго мира, и забываютъ, что тогда Пруссія и Россія политически не существовали, Австрійскій домъ былъ общею грозою, и Франціи, Швеціи и Турціи нужно было соединить свои силы, чтобы воспрепятствовать этой громадной державѣ раздавить всѣ прочія. Нынче все перемѣнилось: намъ грозятъ замыслы Пруссіи, Англіи и Голландіи. Вы хотите поставить оплотъ противъ нихъ: что же васъ останавливаетъ, когда вамъ предлагаютъ то, чего вы желаете? Можетъ быть, Англія и Пруссія, разсчитывая на ваши затрудненія по случаю внутреннихъ смутъ, думаютъ испугать васъ и представляютъ войну неизбѣжнымъ слѣдствіемъ союза четырехъ державъ; онѣ обманываютъ васъ; онѣ сами опасаются этого союза, потому что онъ ихъ свяжетъ и сдѣлаетъ войну невозможную для нихъ. Будемъ готовы сразиться, и мы сохранимъ миръ.»

Новый испанскій министръ Гальвезъ прибылъ въ Петербургъ. Его совершенно некстати приняли холодно, предполагая въ немъ пристрастіе къ Пруссіи, которая искусно привлекла его миролюбивыми увѣреніями. Эта политика ввела въ заблужденіе и само испанское министерство, и король Карлъ III,

далеко не раздѣляя нашихъ опасеній, до того довѣрялся увѣреніямъ Пруссіи и Англіи, что сказалъ, будто ему все равно — приметъ ли Россія его или ихъ посредничество, лишь бы послѣдовалъ общій миръ.

Въ это время императрица понесла чувствительную потерю: скончался адмиралъ Грейгъ. Дѣятельный начальникъ, просвѣщенный администраторъ, искусный адмиралъ, воинъ храбрый и скромный, онъ сошелъ въ могилу, уважаемый врагами и оплакиваемый знавшими его. Императрицѣ встрѣтились новыя непріятности. Шведскій король снова собрался съ духомъ, будучи поддерживаемъ обѣщаніями Англіи и Пруссіи. Шведскія и финскія войска оказывали раскаяніе въ своемъ возмущеніи. Въ Польшѣ усиливалось броженіе умовъ: громко требовали выхода Русскихъ изъ польскихъ областей, — а это затруднило бы отступленіе арміи Румянцева въ случаѣ неудачи. Войска императора потерпѣли уронъ въ Баннатѣ. Всѣ эти обстоятельства возбуждали въ императрицѣ желаніе мира скораго, честнаго, справедливаго, и чтобы достигнуть его, она открыто признала посредничество Испаніи и наше. Такимъ образомъ, на зло нашимъ соперникамъ и не смотря на бездѣйствіе нашего кабинета, случай мнѣ помогъ, и я достигъ въ этомъ дѣлѣ такого успѣха, какъ только могъ ожидать мой кабинетъ.

Въ то время прибылъ въ Петербургъ новый англійскій министръ Витвортъ, дипломатъ почтенный, но который своимъ присутствіемъ гораздо менѣе тревожилъ насъ, чѣмъ Фитцъ-Гербертъ. Ожидали также Луккезини, посланника короля прусскаго, агента ловкаго, дѣятельнаго, умнаго, давняго ученика великаго Фридриха, о которомъ онъ премило разсказывалъ множество анекдотовъ и странностей. Императрица, недовольная его безпокойнымъ характеромъ, нерасположена была принять его. Она ошибалась, потому что онъ въ Россіи не былъ бы опасенъ. Онъ остался въ Польшѣ, озлобленный противъ русскаго правитель-

ства, и происками своими возбуждалъ въ Полякахъ вражду, долго сдерживаемую ими, поджигалъ ихъ страсти и произвелъ смуты. Несчастные Поляки, въ нетерпѣніи свергнуть вліяніе Россіи, возстали при первой надеждѣ на независимость, но они начали съ того, чѣмъ должны бы были кончить: прежде возстанія имъ слѣдовало образовать войско.

Императрица начинала опасаться, что войска ея, ослабленныя болѣзнями, будутъ принуждены отступить отъ Очакова, занявъ только укрѣпленіе на островѣ Березани и взявъ 400 человѣкъ турокъ. Князь Потемкинъ, по видимому, снова впалъ въ обычное свое бездѣйствіе, какъ вдругъ курьеръ отъ него извѣстилъ насъ, что онъ взялъ Очаковъ приступомъ. Онъ долго медлилъ; работы не подвигались. Капитанъ-паша передъ удаленіемъ своимъ оставилъ въ крѣпости 1,500 человѣкъ. Въ день св. Николая гренадеры собрались, выразили свое неудовольствіе, зашумѣли и, окруживъ палатку главнокомандующаго, требовали приступа. Фельдмаршалъ воспользовался этимъ обстоятельствомъ, которое съ пыломъ русской отваги соединило еще пылъ фанатизма. Онъ даетъ знакъ къ битвѣ. Городъ окруженъ и защищается съ отчаяніемъ. Русскіе, десять разъ отбитые, снова врываются съ яростью. Они переходятъ черезъ рвы по тѣламъ Турокъ и лѣзутъ на стѣны. Сраженіе переходитъ съ улицы въ улицу, отъ дома къ дому. Ничто не останавливаетъ неустрашимыхъ генераловъ Самойлова [1]) и Ангальта. Рожеръ де-Дамасъ первый бросается на стѣну съ 400 гренадеръ. Де-Бомбель [2]) захватываетъ мусульманское знамя. Въ пылу увлеченія сражающихся весь городъ залитъ былъ кровью; не было пощады ни женщинамъ, ни старикамъ. Отрядъ дикихъ Запорожцевъ, всту-

[1]) Александръ Николаевичъ, въ послѣдствіи графъ, дѣйств. тайный совѣтникъ и генералъ-прокуроръ, умеръ въ 1812 г.; за взятіе Очакова получилъ орденъ Георгія второй степени; онъ былъ по матери племянникъ князя Потемкина.

[2]) Рожеръ де-Дамасъ и де-Бомбель — французскіе волонтеры.

невинныхъ армію императрицы, пошелъ на приступъ въ бѣлыхъ рубашкахъ сверхъ одежды: они увѣряли, что хотятъ возбуждать въ другъ другѣ ярость видомъ окровавленнаго бѣлья. Семь тысячь Турокъ погибло въ этой рѣзнѣ; четыре тысячи были взяты въ плѣнъ. Раздраженіе Русскихъ было чрезвычайно сильно.

Эта побѣда тѣмъ болѣе всѣхъ обрадовала, что уже почти перестали надѣяться на нее. Наградъ было множество; французскіе волонтеры получили георгіевскіе кресты, и я имъ разрѣшилъ носить ихъ.

Такимъ образомъ, не смотря на медлительность князя Потемкина, на диверсію на сѣверѣ и дурной планъ кампаніи императора, 1788 годъ окончился благополучно для обоихъ императорскихъ дворовъ къ великому неудовольствію кабинетовъ лондонскаго и берлинскаго. Турокъ разбили подъ Кинбурномъ и вытѣснили изъ Крыма. Капитанъ-паша былъ три раза побѣжденъ, и флотъ его уничтоженъ. Порта теряла Очаковъ и его окрестности, островъ Березань, Хотинъ, Молдавію. Турки должны были оставить Валахію. Кубанскіе Татары были разсѣяны; Австрійцы, взявъ Дубицу, Сабачь и Нови, очистили Баннатъ; шведскій король былъ изгнанъ изъ русской Финляндіи, а флотъ его запертъ въ Свеаборгѣ. Вотъ что было для Порты и Швеціи плодомъ совѣтовъ Англіи и Пруссіи, которые онѣ предпочли нашимъ. Передавъ все это въ краткомъ очеркѣ Монморену, я поздравилъ его въ частномъ письмѣ по случаю отставки архіепископа тулузскаго, что давало ему свободу дѣйствовать усердно и успѣшно въ пользу четвертнаго союза. 1789 годъ, который долженъ былъ произвести такой сильный переворотъ во Франціи и временно разлучить нашъ кабинетъ съ прочими, начался такъ, что ни одинъ изъ министровъ не ожидалъ этого страшнаго удара. Однако ужь нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ порою загорались молніи, предвѣщавшія грозу; но никто не предвидѣлъ ея. Ду-

мали, что полезныя преобразованія устранятъ затрудненія, тревожившія правительство. Это была эпоха заблужденій. Король, министры, парламенты, всѣ сословія, наконецъ каждый Французъ жили только усердіемъ къ благу общества и очаровывались обманчивыми снами. Всѣ надѣялись общими усиліями утвердить основанія монархіи, поправить финансы, возстановить кредитъ, сгладить противурѣчія ветхихъ учрежденій, истребить слѣды рабства и соглашеніемъ власти правительства съ благоразумною свободою въ короткое время достигнуть высокой цѣли, благоденствія отчизны. Таково, по крайней мѣрѣ, было представленіе, внушенное иностраннымъ державамъ достоинствами нашего короля и благородными чувствами французскаго народа. По этому смуты наши никого не пугали. Друзья наши смотрѣли на нихъ, какъ на нѣчто переходящее, а соперники наши, Англичане и Пруссаки, спѣшили пользоваться ими, чтобы утвердить свое владычество въ Голландіи и усилить свое вліяніе, въ ущербъ намъ, на сѣверѣ и на востокѣ. Но наше политическое значеніе оставалось неизмѣнно, и нерѣшительность нашихъ министровъ только слегка подрывала его.

Оставаясь въ надеждѣ, что мое правительство будетъ продолжать почтенную роль примирителя Россіи съ ея непріятелями, я воспользовался взятіемъ Очакова, чтобы сдѣлать русскому правительству нѣкоторыя предложенія по предмету мира. Они были очень хорошо приняты, но императрица первымъ условіемъ для начатія переговоровъ поставила освобожденіе Булгакова. Она не переставала утверждать, что самымъ скорымъ средствомъ прекратить войну и происки Англичанъ и Пруссаковъ было бы заключеніе союза между четырьмя державами. Ея желаніе скрѣпить эту связь было такъ сильно, что она предлагала намъ, въ случаѣ войны съ Англіею, не только нейтралитетъ, но даже помощь; наконецъ, не требуя болѣе отъ насъ гарантіи польской конституціи, она хотѣла только обезпе-

ченія польскихъ владѣній. Это было болѣе, чѣмъ я могъ ожидать; поэтому я былъ крайне удивленъ, когда получилъ изъ Франціи, вмѣсто согласія на эти предложенія, приказаніе сдѣлать нѣкоторыя попытки, чтобы добиться отъ императорскихъ дворовъ возстановленія Польши, какъ она была до перваго раздѣла. Я однако передалъ это Кобенцелю, который дивился не менѣе меня и умолялъ меня не пускаться на эту попытку, которая, конечно, обидитъ императрицу и склонитъ ее на сторону Англичанъ. Ужь довольно было и того, что намъ удалось отклонить отъ императрицы мысль о новыхъ завоеваніяхъ отъ сосѣдей, и нужно было оставить тщетный замыслъ принудить ее къ возвращенію того, чѣмъ она уже владѣла. Поэтому я не дѣлалъ дальнѣйшихъ предложеній, и такъ какъ русское правительство, вѣроятно, все уже знало, то я полагалъ, что достаточно сдѣлалъ для исполненія полученныхъ мною приказаній. Впрочемъ, во всѣхъ другихъ случаяхъ, Кобенцель усердно мнѣ содѣйствовалъ, потому что императоръ, тогда больной и огорченный неудачами въ Банатѣ, съ нетерпѣніемъ желалъ скораго мира. Потемкинъ тоже желалъ его, и я узналъ отъ принца Нассау, пріѣхавшаго изъ арміи, что князь, признавъ насъ за помощниковъ слабыхъ и ненадежныхъ, рѣшился измѣнить свою систему и склонить императрицу на сторону Англіи и Пруссіи, въ которыхъ онъ видѣлъ опасныхъ враговъ, но полезныхъ союзниковъ. Равнодушіе Испаніи въ этомъ дѣлѣ еще болѣе подкрѣпило его убѣжденія. Всѣ эти неблагопріятныя обстоятельства оставили мнѣ одинъ выходъ: положиться на твердость императрицы. Она всегда была такъ нерасположена къ прусскому королю, что отвергала всѣ внушенія о союзѣ съ нимъ.

Взятіе Очакова поразило всѣхъ въ Версали и измѣнило всѣ соображенія нашего кабинета. Хотѣли знать, какими требованіями ограничится Екатерина II. Желая узнать это, я спросилъ графа Безбородко, какъ-бы лично отъ себя: будетъ ли довольна

императрица, если Порта освободитъ Булгакова, утвердитъ окончательно за Россіею Крымскій полуостровъ и уступитъ еще Очаковъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ того, императрица велѣла передать мнѣ, что я угадалъ ея желанія; вмѣстѣ съ тѣмъ она извѣщала меня, что послала Нассау-Зигена въ Мадридъ. Ему приказано было спѣшить; предлогомъ его поѣздки должно было служить порученіе государыни поздравить съ восшествіемъ на престолъ испанскаго короля Карла IV, нѣкогда оказывавшаго покровительство принцу. Но настоящей цѣлью этой поѣздки было исполненіе тайныхъ порученій императрицы. Они состояли въ томъ, что принцъ долженъ былъ изложить королю причины ея неудовольствія противъ Англіи и Пруссіи и сообщить испанскому правительству достовѣрныя извѣстія о замыслахъ Фридриха-Вильгельма на Данцигъ и Польшу, чтобы объяснить ему необходимость четвертнаго союза для сохраненія мира въ Европѣ. Императрица удаляла такимъ образомъ сильнѣйшіе поводы къ нерѣшимости нашего кабинета. Она полагала, что мы затягиваемъ дѣло изъ уваженія къ испанскому королю. «Я вижу, говорила она принцу, — что въ Мадридѣ рѣшится этотъ важный вопросъ, отъ котораго зависитъ, можетъ быть, судьба дома Бурбоновъ въ Европѣ.» По просьбѣ принца Нассау я передалъ ему записку о политикѣ Англіи за нѣсколько лѣтъ, въ теченіи которыхъ она, чтобы вознаградить себя за потерю американскихъ колоній, вездѣ старалась ослабить вліяніе дворовъ версальскаго и мадридскаго и усиливалась, вмѣстѣ съ Пруссіею и Голландіею, возобновить войну, во время которой наши внутреннія смуты могли ей дать болѣе надежды на успѣхъ. Я постарался изложить эту записку потщательнѣе, потому что она назначалась для прочтенія испанскому королю, его главному министру Флоридѣ-Бланкѣ и графу Монморену.

Въ это же время готова была разразиться гроза, которой мы опасались: императрица узнала объ успѣхѣ козней Луккезини.

Поляки, возбужденные имъ и расчитывая на помощь прусскаго короля, уничтожили постоянный совѣтъ, существованіе котораго гарантировала императрица; въ то же время они громко требовали выхода русскихъ войскъ изъ Польши. Императрица, въ гнѣвѣ, хотѣла было силою поддержать утвержденную ею конституцію. Кобенцель, Нассау и я съ трудомъ могли успокоить ее. Мы доказали ей, что прусскій король воспользуется ея поспѣшностью, чтобы исполнить свои планы, что онъ вступитъ въ Польшу, что вся Польша возстанетъ, и что эта диверсія послужитъ въ пользу Швеціи и Порты. Императрица уступила, рѣшилась дѣйствовать умѣренно и, чтобы разсѣять ложныя опасенія, возбуждаемыя въ Польшѣ Пруссаками, оказала равнодушіе къ перемѣнамъ, происшедшимъ въ польской конституціи, но рѣшилась оставить свои войска въ Украйнѣ, чтобы сохранить безопасность арміи фельдмаршала Румянцева.

Между тѣмъ прибылъ князь Потемкинъ. Взятіе Очакова заставило императрицу позабыть все, что давало ей поводъ къ неудовольствію противъ князя. Обрадованная побѣдою, она прощала лѣнь его. Всѣ, кто роптал на него за безпорядки, спѣшили изъявить ему свою преданность. Ему сказали, что я былъ въ числѣ его хулителей, и онъ жаловался мнѣ при первомъ свиданіи со мною. «Названіе хулителя я не заслужилъ, отвѣчалъ я; — я не могъ постигнуть той неблагоразумной увѣренности, съ которою вы удалили войска съ сѣвера, открытаго для шведскаго короля, если бы онъ дѣйствовалъ смѣло и рѣшительно. Мнѣ также казалось, что вы дали Туркамъ время укрѣпить Очаковъ, который, по мнѣнію инженера Лафитта, не могъ устоять противъ сильнаго нападенія, и въ этомъ случаѣ я раздѣлялъ мнѣніе и нетерпѣніе друзей моихъ де-Линя и Нассау.»

«Ничего не могу сказать на счетъ Швеціи, развѣ только то, что никакой разсудительный человѣкъ не могъ предвидѣть эту войну безъ повода и дерзость, подобно Густавовой. Что же

касается Очакова, то вы ошибались: мы не ожидали нападенія Турокъ, они боялись нашего. Мнѣ пришлось растянуть войско на три слишкомъ тысячи верстъ и перевозить огромные обозы съ припасами по степямъ. Я полагаю, что въ недолгое время я сдѣлалъ все, что могъ.»

«Теперь мой чередъ обвинять васъ, говорилъ я смѣясь; — я знаю изъ вѣрныхъ источниковъ, что вы довольно равнодушны къ союзу между четырьмя державами, которому, казалось, придавали прежде такое значеніе. Увѣряютъ даже, что вы, забывая происки Англіи и Пруссіи противъ Россіи, склоняетесь теперь на ихъ сторону и готовы защищать ихъ передъ императрицею; однимъ словомъ, что вы готовы подать руку вашимъ врагамъ и отступиться отъ друзей вашихъ.»

«Отчего жь бы нѣтъ? возражалъ онъ тѣмъ же тономъ; — вамъ, какъ дипломату, нечего бы тутъ удивляться. Когда я увидѣлъ, что Франція становится архіепископствомъ, что духовная особа удаляетъ изъ королевскаго совѣта двухъ маршаловъ и преспокойно допускаетъ Англичанъ и Пруссаковъ овладѣть Голландіею безъ бою, я, признаюсь, позволилъ себѣ одну шутку: я сказалъ, что охотно посовѣтовалъ бы моей государынѣ войти въ союзъ съ Людовикомъ толстымъ, Людовикомъ юнымъ, Людовикомъ святымъ, хитрымъ Людовикомъ XI, мудрымъ Людовикомъ XII, Людовикомъ великимъ, даже съ Людовикомъ многолюбимымъ ((bien-aimé), но никакъ не съ Людовикомъ *викаріемъ* [1]).»

«Правда, отвѣтилъ я смѣясь, — что французскіе короли назначали иногда въ министры епископовъ и кардиналовъ, но я не думаю, чтобы они дѣлали министрами такихъ генераловъ, которые неразъ собирались идти въ монахи.»

Эта колкая бесѣда, о которой я не счелъ нужнымъ доносить моему двору, кончилась также весело и дружелюбно, какъ на-

---

[1]) Louis le suffragant.

чалась. Однако, нельзя было уже сомнѣваться, что Потемкинъ не полагаясь болѣе на насъ, измѣнилъ свою систему. Оставаясь со мною лично въ дружественныхъ отношеніяхъ, онъ не оказывалъ мнѣ болѣе довѣрія въ дѣлахъ политическихъ и довольно открыто перешелъ на сторону министровъ Англіи и Пруссіи. Однажды, когда у него собралось много гостей, его негодованіе противъ Французовъ подстрекнуло его на злую шутку на мой счетъ; она разыгралась однако не въ его пользу. Нѣкогда въ Европѣ при всѣхъ дворахъ и у всѣхъ вельможъ были шуты, счастію которыхъ завидовали многіе честолюбцы. Они пользовались рѣдкимъ преимуществомъ безнаказанно говорить правду. Можетъ быть, это преимущество было слишкомъ опасно, и потому шуты вышли изъ моды. Въ Россіи можно было еще встрѣтить нѣсколькихъ вельможъ, которые держались обычая имѣть при себѣ шутовъ. У Потемкина былъ шутъ именемъ Моссъ; онъ былъ оригиналенъ, начитанъ, и нѣкоторыя изъ его шутокъ были остры и смѣлы. Князь игралъ со мною въ шахматы въ присутствіи нѣсколькихъ офицеровъ и многихъ придворныхъ. Для развлеченія ему вздумалось привести меня въ замѣшательство; онъ позвалъ своего шута и сказалъ ему: «Мнѣ бы хотѣлось знать, что ты думаешь о новостяхъ изъ Парижа: тамъ собираютъ генеральные штаты; скажи-ка: что изъ этого выйдетъ?» Тогда Моссъ, не заставляя ждать себя, началъ болтать и ораторствовать, и цѣлую четверть часа неутомимо сыпалъ свои нескладныя свѣдѣнія, смѣшивая событія, царствованія, года, альбигойцевъ, протестантовъ, янсенистовъ. Приводя иногда истинные анекдоты и составивъ изъ всего этого забавную и каррикатурную картину, въ которой представились въ смѣшномъ видѣ нашъ дворъ, духовенство, парламентъ, дворянство и вся нація, онъ въ заключеніе этой сатиры предсказалъ всеобщій переворотъ и всемірное безуміе, которые охватятъ Европу, если только не поручатъ власть такимъ мудрецамъ, какъ онъ, вмѣсто сумасшедшихъ, ко-

торые правятъ теперь. Во время этой великолѣпной выходки противъ Франціи, присутствующіе двусмысленно посматривали на меня, а Потемкинъ въ тихомолку радовался, что ему удалось смутить меня, заставивъ выслушать глупости о Франціи и напустивъ на меня шута. Я однако не потерялся и рѣшился отомстить. Я зналъ, до какой степени тогда въ Петербургѣ всѣ вынуждены были молчать и остерегаться на счетъ политики и правительственныхъ дѣлъ, о которыхъ не позволялось толковать. Нисколько не сердясь на Мосса, я сказалъ ему: «Любезный Моссъ, вы человѣкъ свѣдущій, но вы ужь лѣтъ двадцать не видали Франціи, и ваша память, правда, отличная, васъ однако обманываетъ; къ истинѣ вы подмѣшали много невѣрнаго. Но, судя по вашему краснорѣчію, я полагаю, что вы заговорили бы еще лучше и занимательнѣе, если бы избрали предметомъ Россію, болѣе вамъ знакомую, и теперешнюю войну съ Турками.» При этихъ словахъ Потемкинъ поморщился и погрозилъ шуту; но безстрашный Моссъ былъ въ ударѣ и, подстрекаемый хвалою, заговорилъ горячо и еще менѣе щадилъ Россію, чѣмъ Францію. Онъ вдоволь распространился о рабствѣ народа, о деспотизмѣ двора, о недостаткахъ арміи, скудости казны, упадкѣ кредита. «Что думать о правительствѣ, сказалъ онъ,—которое видитъ, что дѣла такъ плохи, и тратитъ столько денегъ и людей, чтобы овладѣть какими-нибудь степями и получить чуму? Къ чему это хотятъ издерживаться, проливать кровь и вооружать противъ себя всю Европу? Вы не отгадаете, а я вамъ скажу: все это дѣлается для забавы одного высокаго князя, который вотъ здѣсь; онъ скучаетъ и хочетъ добыть георгіевскую ленту сверхъ прочихъ тридцати или сорока орденовъ, которыми онъ увѣшанъ, но которыхъ ему недостаточно.» Послѣ этой выходки я залился смѣхомъ, гости силились, чтобы не разсмѣяться, а Потемкинъ, ужасно разсерженный, уронилъ столъ и бросилъ шахматы въ слѣдъ убѣгавшему Моссу. Тогда я замѣтилъ Потемкину, что мы

оба окажемся не умнѣе Мосса, если будемъ сердиться на его глупость, и вечеръ кончился очень весело.

Я довольно ясно представилъ въ депешахъ моихъ невыгоду моего неопредѣленнаго положенія, такъ что правительство наконецъ высказалось. Монморенъ, казалось, рѣшился; онъ писалъ мнѣ: «Вы мнѣ изложили подробно мысли императрицы на счетъ предлагаемаго союза, такъ что намъ ничего не остается желать, и можно предложить окончательный проэктъ. Эта работа исполнена, и вотъ уже нѣсколько дней, какъ въ рукахъ короля. Я скоро пришлю къ вамъ курьера съ повелѣніями его величества. Предувѣдомьте русское правительство, что Голландія хочетъ вооружить эскадру и присоединить ее къ шведскому флоту; мы получили объ этомъ тайное извѣстіе.» Эта депеша вновь обнадежила меня и Кобенцеля; но это было уже въ послѣдній разъ. Императрица начинала сердиться на насъ; она знала, что мы согласились заплатить шведскому королю субсидіи, давно слѣдовавшія къ уплатѣ, и удивилась молчанію Испаніи и нашему относительно Пруссіи, которую, по ея мнѣнію, мы должны были остановить и постращать войною, если она не перестанетъ тревожить Европу своими замыслами на Польшу. Государыня полагала также, что мы могли дѣйствовать сильнѣе на Порту, чтобы склонить ее къ миру. Изъ этого можно заключить, какъ мало знали въ Россіи наши внутренніе безпорядки и затрудненія нашего правительства.

Швеція въ это время сильно тревожила императрицу; надѣялись, что на новомъ сеймѣ проявится тоже неудовольствіе, какое было распространено въ арміи. Къ тому же Густавъ, аттакованный войсками датскаго короля, высадившимися на шведскую землю, съ трудомъ могъ защититься отъ этого новаго врага. Такимъ образомъ все, казалось, соединилось, чтобы заставить короля положить оружіе и подписать условія, которыя ему предложатъ сосѣди и его собственные подданные. Но дѣло вышло

иначе. Шведскій король почерпалъ въ своемъ умѣ и отвагѣ средства, соотвѣтствовавшія страшной опасности, которая ему грозила. Уже принцъ Карлъ Гессенскій, предводительствовавшій датскими войсками, при вступленіи въ Швецію черезъ Норвегію, захватилъ лагерь съ 800 человѣкъ; въ пятнадцать дней онъ завладѣлъ всѣмъ краемъ между Амалой и Венерсборгомъ, и подходилъ къ Готенборгу. У Густава въ это время было только 2,000 войска, которыя были нужны для обороны Стокгольма. Датчане не встрѣчали другого препятствія, кромѣ слабаго отряда милиціи, только что собранной. Король удалился въ Гагу (Haga); тамъ его убѣждали собрать сеймъ. Въ Стокгольмѣ составилась сильная партія, чтобы поддержать замыслы возмутившейся финской арміи. Въ эту критическую минуту Густавъ III вспомнилъ, что Густавъ Ваза нашелъ въ ущельяхъ и въ рудникахъ Далекарліи убѣжище, изъ котораго онъ потомъ вышелъ на освобожденіе Швеціи отъ ея враговъ. Это внушило королю мысль послѣдовать примѣру Вазы: неожиданно пріѣзжаетъ онъ въ Мору, самое населенное мѣстечко Делакарліи. Его встрѣчаютъ съ радостными кликами; онъ собираетъ Далекарлійцевъ въ полѣ, послѣ молебна становится на тотъ камень, на которомъ стоялъ и говорилъ Густавъ Ваза, и обращается къ народу съ благородною, смѣлою и увлекательною рѣчью. Всѣ слушавшіе его проникаются его убѣжденіями, всѣ клянутся ему въ вѣрности, всѣ бросаются къ оружію, чтобъ идти на врага. Во всемъ краѣ, который онъ быстро объѣзжаетъ, онъ находитъ тоже усердіе и туже преданность. Такимъ образомъ король, угрожаемый сильными сосѣдями и оставленный бунтующимъ войскомъ, обратился за помощью къ простымъ и отважнымъ поселянамъ, и нашелъ ее здѣсь!

Далекарлійцы хотѣли составить ему гвардію изъ 6,000 охотниковъ. «Покуда я среди васъ, сказалъ король, — мнѣ не нужно гвардіи; но я принимаю ваше предложеніе, чтобы поспѣшить

на защиту отечества.» Сосѣднія области послѣдовали примѣру Далекарлійцевъ: повсюду вооружались и собирались. Но вдругъ Густавъ узнаетъ, что Карлъ Гессенскій готовится взять Готенборгъ, такъ какъ губернаторъ города, испуганный или подкупленный, предложилъ уже жителямъ, по первому требованію, сдаться, чтобы избѣгнуть бѣды лишиться домовъ своихъ. Густавъ тотчасъ же, рискуя попасть въ руки непріятелю, переодѣтый, одинъ верхомъ, проѣзжаетъ двадцать миль въ день, является вечеромъ, не узнанный, въ Готенборгъ и входитъ въ домъ коменданта, чтобы отдохнуть. Онъ находитъ домъ пустымъ, безъ постели, безъ мебели: расчетливый градоначальникъ убралъ всѣ свои вещи. Рано утромъ король созвалъ городской совѣтъ и горожанъ. «Не бойтесь. говоритъ онъ имъ, — ни враговъ, ни осады. Помогите мнѣ, и побѣда будетъ на нашей сторонѣ. Я сто разъ готовъ рисковать своей жизнію, чтобы сохранить Швеціи Готенборгъ, это драгоцѣннѣйшее украшеніе моей короны.» Его слова и примѣръ ободряютъ самыхъ нерѣшительныхъ. Собираютъ всѣхъ лошадей, снаряжаются, безъ устали работаютъ надъ укрѣпленіями. Не было баттареи на стѣнѣ: ее выводятъ, ставятъ пушки, и въ нѣсколько дней крѣпость приготовлена къ защитѣ. Датское войско подходитъ къ городу. Адъютантъ принца Гессенскаго, посланный съ грознымъ письмомъ къ коменданту, въѣзжаетъ въ городъ и, къ величайшему своему удивленію, вмѣсто коменданта видитъ короля, который объявляетъ ему, что прежде, чѣмъ сдать городъ, онъ разрушитъ его до основанія. Датчане узнаютъ, что они идутъ уже не въ беззащитную страну, а должны готовиться къ упорной войнѣ.

Однако датскій флотъ соединяется съ русскимъ. Со всѣхъ сторонъ, съ моря и съ суши, Густавъ былъ окруженъ, настигнутъ и тѣснимъ превосходными силами: его паденіе казалось неминуемо. Ему оставалось только спасти свою славу и пасть съ своими вѣрными Далекарлійцами подъ развалинами отечества,

но твердость спасла его. Презираютъ и покидаютъ только слабыхъ народоправителей, а королей храбрыхъ уважаютъ и защищаютъ: Англія и Пруссія не хотѣли допустить, чтобы враги Густава побѣдили его. Этѣ двѣ державы потребовали отъ Даніи, чтобы она отозвала свои войска. Англійскій министръ Эллiотъ объявилъ датскому правительству, что если его войска не оставятъ Швеціи, то англійскій флотъ будетъ бомбардировать Копенгагенъ. Сперва Швеція и Данія заключили перемиріе, во время котораго слабый гарнизонъ Готенборга былъ подкрѣпленъ шестью тысячами человѣкъ: между ними замѣтны были Далекарлійцы съ ихъ косами, бердышами и аллебардами; на нихъ были черныя куртки, а на правыхъ рукахъ—бѣлыя повязки. Изъ нихъ составили три полка. Перемиріе было продолжено. Датчане отступили, начали переговоры и наконецъ согласились на миръ. Такимъ образомъ у Густава было однимъ врагомъ менѣе, но оставались еще два очень прочные, — извнѣ Россія, а внутри — аристократія.

Измѣнившая армія все еще оставалась въ бездѣйствіи противъ Русскихъ. Возмутившіеся начальники ея надѣялись, подобно императрицѣ, съ которою они согласились, что сеймъ принудитъ короля къ миру и къ перемѣнѣ правленія. Но Густавъ скоро разсѣялъ этѣ обманчивыя ожиданія. Онъ вдругъ явился въ столицѣ, и народъ встрѣтилъ его съ торжествомъ. Онъ рѣшился однимъ ударомъ поразить опаснѣйшихъ своихъ враговъ. Еще будучи въ Готенборгѣ, онъ созвалъ сеймъ, который собрался въ столицѣ. Является король, собираетъ представителей четырехъ сословій въ чрезвычайное засѣданіе, излагаетъ передъ ними положеніе дѣлъ и свои сношенія съ европейскими державами, объявляетъ имъ, что, подобно имъ, желаетъ мира, только небезславнаго, и что не знаетъ другого средства достигнуть его, какъ энергическимъ продолженіемъ войны. Наконецъ онъ предложилъ имъ выбрать тайный комитетъ изъ 30 членовъ, съ которыми бы онъ могъ совѣщаться о нуждахъ отечества. Духовенство, крестья-

не и большая часть горожан высказались въ пользу мнѣнія короля и за войну; они всѣ были согласны на счетъ выбора своихъ депутатовъ. Только одно дворянство старалось затруднить ходъ дѣла, отсрочивать и замедлять рѣшенія. Своимъ образомъ дѣйствія оно возстановило противъ себя другія сословія и вывело короля изъ терпѣнія. Король приготовилъ все къ перевороту: собранныя и хорошо обученыя войска готовы войти въ Стокгольмъ при малѣйшемъ знакѣ. Король собралъ членовъ сейма въ большую дворцовую залу. Торжественно благодарилъ онъ представителей духовенства, граждан и крестьянъ за ихъ преданность къ нему, за усердіе, съ которымъ они его поддержали, и за любовь къ отечеству. «Но вы, дворяне и воины, сказалъ онъ, — вмѣсто того, чтобы примѣромъ своимъ руководить другихъ, вы глухи къ призыву родины и слушаетесь только страстей вашихъ.» Затѣмъ, послѣ нѣсколькихъ укоровъ своимъ противникамъ и обращаясь ко всему сейму, онъ заключилъ свою рѣчь слѣдующими словами: «Я не могу, не долженъ допускать, чтобы дворянство своимъ бездѣйствіемъ поддерживало враговъ нашихъ. Мнѣ нужно содѣйствіе, нужно, чтобы войско и флотъ не нуждались въ одеждѣ, оружіи, деньгахъ; въ противномъ случаѣ я объявляю заранѣе, что если разорятъ наши берега, съ огнемъ и мечемъ пройдутъ по Финляндіи и даже съ угрозой подступятъ къ этой столицѣ, то никто не посмѣетъ упрекнуть меня. Виновны будутъ только тѣ, которые, вмѣсто того, чтобы отказаться отъ своихъ замысловъ на управленіе государствомъ и отъ мести противъ меня, соглашаются лучше видѣть непріятеля въ Стокгольмѣ и русскаго министра предписывающимъ мнѣ законы. Они полагаютъ, что, затрудняя и замедляя ходъ дѣлъ, они заставляютъ меня согласиться на постыдный миръ; но скорѣе эта рука отсохнетъ, чѣмъ подпишетъ какой нибудь актъ, унизительный для моего отечества. Лучше пусть сорвутъ съ меня или раздробятъ на головѣ моей эту корону, которую но-

силъ Густавъ-Адольфъ,—потому что если я не могу носить ея съ равною ему славою, то хочу, по крайней мѣрѣ, оставить ее преемникамъ моимъ незапятнанною.» За тѣмъ онъ распустилъ собраніе, приказавъ дворянамъ совѣщаться о способахъ вознагражденія великаго маршала, который принесъ жалобу, что онъ обиженъ.

Негодованіе и упрямство дворянъ возрастало тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе прочія сословія оказывали привязанности къ королю. Граждане и крестьяне послали къ королю депутацію, прося его употребить всѣ возможныя мѣры, чтобы принудить сеймъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ: этого только и добивался Густавъ. Тогда, увѣренный, что большинство за него, онъ велѣлъ захватить тридцать главнѣйшихъ ораторовъ изъ дворянъ и заключить ихъ въ Фридрихсгофъ. Въ тоже время забрали командующихъ и офицеровъ финской арміи, которые были въ сношеніяхъ съ Россіею, и отдали ихъ подъ военный судъ. Пользуясь, для усиленія своей власти, этимъ успѣшнымъ оборотомъ дѣлъ, король составилъ, вмѣстѣ съ тремя преданными сословіями, новый конституціонный актъ, который онъ назвалъ: *актомъ союза и безопасности.* Цѣлью его было утвердить королевскую власть, ослабить дворянство уничтоженіемъ большей части его привиллегій и утвержденіемъ въ монархіи *демократическаго равенства*, чтобы предотвратить новое усиленіе анархіи. Одно мѣсто его рѣчи достаточно объяснитъ мысли его: «Народъ совершенно свободный, говорилъ онъ,—рожденный въ одной и той же странѣ, воздѣлывающій одну землю, признающій одного Бога, не долженъ быть раздѣленъ во мнѣніяхъ относительно правъ, которыхъ всѣ граждане безразлично могутъ требовать себѣ.» Первая статья этого акта признавала власть короля наслѣдственною, съ правомъ охранять государство, начинать войну, утверждать миръ, заключать договоры, назначать должностныхъ лицъ и миловать виновныхъ. Вторая статья допускала горожанъ въ высшій

трибуналъ короля. Третья дозволяла низшимъ классамъ пріобрѣтать дворянскія земли, потому что, по словамъ этой статьи, «равенство должно возвышать, а не унижать Шведовъ; свободная нація должна пользоваться равенствомъ правъ.» Четвертая статья предписывала придворную службу одному рыцарскому сословію. Пятая и шестая статьи оставляли чинамъ право обсужденія военныхъ издержекъ и королевскихъ предложеній. Прочія статьи подтверждали всѣ положенія 1772 года, которыя не были противны новому постановленію. Актъ этотъ отданъ былъ на разсмотрѣніе сейма. Одни только дворяне отказались принять его. Послѣ трехнедѣльныхъ, оживленныхъ совѣщаній и тридцати-трехъ рѣчей за и противъ, дворяне единодушно отвергли предложенный имъ актъ. Для окончанія спора король объявилъ маршалу сейма графу Левенгаупту, что онъ не только можетъ, но долженъ отъ имени сейма и своего сословія подписать конституціонный актъ, принятый большинствомъ голосовъ. Дворянство протестовало и даже прибѣгло къ покровительству прусскаго короля, чтобы черезъ его посредство вынудить нѣкоторыя уступки въ свою пользу.

Наконецъ король рѣшился на крайнее средство: 27 апрѣля 1788 года, онъ, безъ свиты и безъ гвардіи, явился среди дворянскаго собранія. Его неожиданное появленіе смутило самыхъ дерзкихъ членовъ. Прочіе были увлечены трогательною и смѣлою рѣчью Густава о трудности положенія и опасностяхъ, которымъ подвергается Швеція. Наконецъ дворяне уступили: они подписали свое согласіе на постановленіе, утвержденное представителями прочихъ сословій. Король возвратился во дворецъ среди радостныхъ кликовъ народа. Въ тотъ же день обнародовано было о рѣшеніи собранія, утвержденіи конституціоннаго акта, закрытіи сейма и освобожденіи государственныхъ преступниковъ. Армія послѣдовала общему настроенію, возвратилась къ своему долгу, утвердила клятвою *актъ союза и безопасности*, и снова

вся Швеція требовала войны съ Россіею. Эта искусная побѣда Густава надъ возмущеніемъ и также, къ несчастію, надъ основными установленіями и народной свободой, немедленно дала ему средства вести войну и окончить ее съ честью. Но недовольство дворянъ не угомонилось послѣ ихъ уступки, и роковой ударъ, прекратившій дни шведскаго короля, служилъ въ послѣдствіи убѣдительнымъ доказательствомъ, до какой силы можетъ дойти ненависть олигархіи, долгое время приниженной. Между тѣмъ, этотъ же самый Густавъ, у себя противникъ аристократическихъ преимуществъ, въ послѣдствіи, незадолго до своей трагической кончины, слѣдуя воинственному настроенію Екатерины, хотѣлъ стать во главѣ французской аристократической эмиграціи, чтобы разрушить монархическо-демократическую конституцію 1791 г.

Не трудно понять, до какой степени императрица негодовала на Англію и Пруссію за то, что онѣ освободили короля изъ того опаснаго положенія, въ которое его поставили Датчане, что онѣ дали ему средства покорить сеймъ, привести возмутившееся войско къ повиновенію и продолжать войну. Въ это время мы могли получить отъ государыни все, чего хотѣли, лишь бы сладился союзъ между четырьмя державами. Я воспользовался этимъ случаемъ и повторилъ свое предложеніе войти въ сношенія съ Турками и условиться съ ними о перемиріи. Согласились на все, и императрица, объявивъ, что не желаетъ никакихъ посредниковъ, кромѣ насъ и Испаніи, приказала вице-канцлеру Остерману войти въ переговоры съ Шуазелемъ. Ему поручено было прежде всего настаивать на освобожденіи Булгакова и уполномочить французскаго посла выхлопотать у Порты шестимѣсячную остановку военныхъ дѣйствій. Въ тоже время императрица объявила, что князь Потемкинъ принимаетъ начальство надъ обѣими южными арміями и отправится на югъ съ полномочіемъ вести переговоры о мирѣ. Фельдмаршалъ Румянцевъ,

утомленный непріятностями, которымъ подвергался, испросилъ себѣ отставку [1]).

Едва исполнивъ съ такимъ успѣхомъ желаніе моего двора относительно мира и посредничества, я получилъ ожидаемыя мною окончательныя инструкціи: онѣ были отъ 19 марта 1789 года. «Король, писалъ мнѣ Монморенъ,—видя, что испанскій дворъ не хочетъ приступить къ союзу и ограничивается сохраненіемъ договоровъ, которые обязываютъ его, въ случаѣ войны, помогать намъ противъ Англичанъ, измѣнилъ свои мнѣнія о положеніи европейскихъ дѣлъ. Его величество полагаетъ, что связь съ Россіею можетъ поссорить насъ съ Турціею, если только это дѣло не останется въ тайнѣ, но въ такомъ случаѣ оно не достигнетъ своей цѣли, не ослабитъ связи Англіи съ Пруссіею. Прежде всего мы должны дѣйствовать, какъ посредники, и ускорить миръ; когда заключится миръ, четвертной союзъ уже не будетъ нуженъ. Король не охотно гарантируетъ цѣлость Польши, страны, на которую уже давно не имѣетъ никакого вліянія, это значило бы безъ нужды подвергаться случайностямъ отдаленной войны. Къ тому же, готовятся къ созванію генеральныхъ штатовъ съ цѣлію соразмѣрить расходы съ доходами государства. Только достигнувъ этого, король можетъ съ увѣренностью исполнить прежнія свои обязательства и не рѣшается налагать на себя новыхъ. Хотя онъ и можетъ разсчитывать на преданность своихъ подданныхъ и на громадность средствъ государства, однако онъ считаетъ неблагоразумнымъ пугать умы возможностью значительной войны. Франція, успокоившись, укрѣпится, усилится и будетъ тогда полезною союзницею: вотъ причины, по которымъ она удерживается теперь отъ союза. Его величество надѣется, что императрица оцѣнитъ основательность этихъ доводовъ и откровенность отношеній. Впрочемъ король не отказываетъ

[1]) Румянцовъ уволенъ и отпущенъ былъ на воды 25 апрѣля 1789 года.

постановить основанія союзнаго акта, только безъ окончательнаго утвержденія пунктовъ до того времени, когда препятствія, здѣсь указанныя, будутъ устранены. Это можетъ произойти тогда, когда императорскіе дворы помирятся съ Портою, и когда внутреннія дѣла Франціи уладятся, то есть по закрытіи генеральныхъ штатовъ.»

Таковы были въ сущности наставленія, такъ долго ожидаемыя, и которыя я долженъ былъ сообщить русскому правительству. Монморенъ присоединилъ къ нимъ проэктъ трактата, имъ сочиненный, и въ письмѣ, писанномъ ко мнѣ собственноручно, извѣщалъ меня, что совѣтъ единогласно призналъ пользу союза, но что осторожность короля удерживала его подписать такой договоръ съ Россіею, пока она будетъ въ войнѣ съ Турціею.

Я въ точности послѣдовалъ этимъ новымъ наставленіямъ и, какъ умѣлъ, старался разсѣять недовольство, которое произвела эта перемѣна въ русскихъ министрахъ. Я не скрывалъ отъ Монморена, что мое положеніе дѣлалось скользкимъ и труднымъ. «Какъ поддержать довѣріе къ намъ, писалъ я ему, — когда мы признаемся въ собственномъ безсиліи? Какимъ образомъ представить союзъ съ нами нужнымъ, когда мы отлагаемъ его до заключенія мира съ Турками, то есть до того времени, когда императрица не будетъ нуждаться въ нашей помощи? Какимъ образомъ воспрепятствовать сближенію Россіи съ Англіею, которая, будучи полезною въ дружбѣ и опасною во враждѣ, обѣщаетъ ей, въ случаѣ соглашенія, самый выгодный миръ? . Наконецъ я долженъ, чтобы снять съ себя отвѣтственность, выставить на усмотрѣніе его величества важное обстоятельство: если я успѣю (хотя и считаю это невозможнымъ) заключить когда нибудь предположенный договоръ съ императрицею, то, такъ какъ положеніе дѣлъ тогда измѣнится, императрица никакъ не захочетъ, на случай нашей войны съ Англичанами, закрыть отъ нихъ русскіе порты въ нашу пользу; а вѣдь это главная

*

выгода, которой я ожидалъ отъ этого союза. Русскіе министры, какъ я и ожидалъ, горько жалуются; они попрекаютъ насъ торговымъ трактатомъ; ему приписываютъ они всѣ затрудненія, которыя дѣлаютъ имъ теперь Англія и Пруссія. Очевидно, что система ихъ должна измѣниться. Императрица уже стала гораздо благосклоннѣе къ Витворту, англійскому министру.»

«Я достигъ въ Россіи, писалъ я еще Монморену, — всего того, что король поручилъ мнѣ выхлопотать въ теченіи этихъ пяти лѣтъ: довѣрія русскаго правительства, торговаго трактата, вліянія, сближенія, принятія посредничества. Графъ Остерманъ предоставилъ Шуазелю всѣ заботы о примиреніи. Наши внутреннія смуты ослабляютъ наши средства: однако дворъ нашъ пользуется здѣсь должнымъ довѣріемъ и почетомъ. Я удвою свои старанія, чтобы сохранить это положеніе, но если дѣла перемѣнятся, то я надѣюсь, что король будетъ добръ, и совѣтъ такъ благосклоненъ, что припишутъ это обороту обстоятельствъ, которыхъ я не въ силахъ измѣнить.»

Въ первыхъ числахъ мая курьеръ изъ Вѣны привезъ императрицѣ депеши, которыя сильно ее обезпокоили: ее извѣщали, что императоръ Іосифъ при смерти. Государыня такъ встревожилась, что занемогла. Другой курьеръ успокоилъ ее извѣстіемъ, что онъ покуда вышелъ изъ опасности. Въ то время Екатерина II со всѣхъ сторонъ окружена была неудачами. Шведскій флотъ высвободился изъ блокады при попутномъ вѣтрѣ. Король, освободившись отъ Датчанъ, сломивши и своихъ противниковъ, снова стоялъ во главѣ покорнаго войска, желавшаго побѣдами искупить свое возстаніе. Шуазель, котораго положеніе дѣлалось часъ отъ часу затруднительнѣе, писалъ мнѣ, что Англичане и Пруссаки готовятся заключить съ Портою договоръ, по которому эти три державы обязуются поддерживать Польшу въ ея намѣреніяхъ освободиться отъ русскаго вліянія. Въ тоже время они уговаривали императрицу отстать отъ императора и Франціи и пору-

чить имъ соглашеніе о мирѣ. Съ этимъ условіемъ они обѣщали Россіи выхлопотать уступку ей Очакова и заставить шведскаго короля положить оружіе. Императрица была слишкомъ горда, чтобы согласиться на условія, почти вынужденныя у ней, а не предложенныя ею, и которыя заставятъ ее измѣнить своему старому союзнику. Но казалось возможнымъ, что она, не находя опоры ни въ насъ, ни въ Испаніи и покинувъ Польшу, вмѣстѣ съ императоромъ склонится на сторону противниковъ. Вѣдь въ политикѣ всегда почти ссоры между сильными кончаются невыгодно для слабыхъ.

Я видѣлъ тогда очаковскаго пашу, привезеннаго въ Петербургъ; это былъ весьма порядочный Турокъ, потому что обращеніемъ своимъ и рѣчами обличалъ нѣкоторый умъ и разсудительность. Я спросилъ его: не боится ли онъ послѣ войны возвратиться на родину? «Вѣдь ваше правительство строго, сказалъ я,—оно, какъ говорятъ, наказываетъ за неудачу, какъ за преступленіе, и вы сами не избѣгнете его кары, хотя ваша храбрость и упорная защита заслужили вамъ уваженіе враговъ вашихъ.»

«Вы недостаточно знакомы съ нашими обычаями, отвѣчалъ онъ мнѣ;—у насъ начальники крѣпостей отвѣчаютъ въ случаѣ добровольной сдачи, но не въ случаѣ плѣна. Меня взяли послѣ осады, и не чѣмъ упрекнуть меня. Но если бы я хоть десять лѣтъ защищалъ подвластный мнѣ городъ и потомъ сдалъ бы его на капитуляцію, мнѣ отрубили бы голову.»

«Какъ, и вы въ этомъ случаѣ сами пошли бы на неправедную казнь?» спросилъ я.

«Чтоже дѣлать, возразилъ паша;—нельзя избѣжать судьбы своей, и каждый долженъ покоряться велѣніямъ Аллаха. Стараться обойти ихъ—и безумно, и преступно.»

Разумѣется, что это фанатизмъ, доведенный до крайности.

Императрица въ это время сдѣлала поѣздку въ Царское село и позволила мнѣ слѣдовать за нею. Пріятныя извѣстія, полученныя ею, возвратили ей веселость. Императоръ выздоравливалъ; Каменскій одержалъ побѣду надъ довольно значительнымъ турецкимъ корпусомъ, а Михельсонъ разбилъ шведскую дивизію; Румянцевъ, раздѣливъ армію свою на три корпуса, двинулъ одинъ изъ нихъ на Яссы, другой въ Валахію, третій на Бендеры. Скоро узнали мы, что Каменскій, преслѣдуя непріятеля, напалъ подъ Галацомъ на пашу Ибрагима, захватилъ его въ плѣнъ и забралъ его лагерь. Что я предвидѣлъ, то и сбылось: Потемкинъ и нѣкоторые другіе сановники хотѣли уговорить императрицу сблизиться съ Англіею. Чтобы достигнуть этой цѣли, они увѣряли ее, что Шуазель сообщилъ Туркамъ планъ компаніи, довольно искусно составленный; далѣе, что посолъ нашъ, ложно обвиняя въ козняхъ Англію и Пруссію, самъ возбуждаетъ Турокъ къ продолженію войны. Екатерина, слишкомъ поспѣшно довѣряя этой баснѣ, передала ее съ упрекомъ принцу Нассау-Зигену. «Французскій дворъ, говорила она ему,—поступаетъ со мною недобросовѣстно, или приказанія короля дурно исполняются его повѣренными. Меня даже увѣряли—и это мнѣ очень непріятно—что Сегюръ сообщаетъ моимъ министрамъ неточныя извлеченія изъ депешъ, которыя онъ получаетъ отъ Шуазеля. Король выплатилъ недавно субсидіи Густаву III; подъ разными мнимыми предлогами онъ отказывается заключить съ нами союзъ. Вся эта политика, далеко неоткровенная, мнѣ кажется даже враждебна намъ. Я не хочу выводить дѣло наружу, потому что не опасаюсь того вреда, какой могла бы мнѣ нанести Франція. Однако я не хочу, чтобы думали, что я очаровываюсь ложными увѣреніями. Вы, надѣюсь, уже достаточно стали *Русскимъ*, и потому я желаю, чтобы вы написали конфиденціально Монморену и дали бы ему понять, что отказъ въ союзѣ и поведеніе его посла въ Константинополѣ не даютъ мнѣ болѣе возможности довѣряться ему.»

Нассау тотчасъ же передалъ мнѣ этотъ разговоръ, и я безъ труда увидѣлъ въ этомъ происки Потемкина, надѣявшагося такимъ путемъ отдалить императрицу отъ насъ. Онъ сперва и успѣлъ въ этомъ. Возвратившись въ столицу, Екатерина перестала обращаться со мною такъ привѣтливо, какъ было прежде, и приглашать меня на частныя эрмитажныя собранія, а когда я являлся ко двору со всѣмъ дипломатическимъ корпусомъ, она не только не подзывала меня къ себѣ, но даже оказывала холодность и часто весьма любезно относилась къ министрамъ англійскому и прусскому. Соперники наши торжествовали, и люди, соразмѣрявшіе свое поведеніе съ перемѣною обстоятельствъ, стали мало по малу удаляться отъ меня, видя во мнѣ посла, вышедшаго изъ милости. Меня озадачилъ успѣхъ этихъ происковъ, и такъ какъ они скоро могли разрушить вліяніе Франціи, которое я добылъ съ такимъ усиліемъ, то я всячески старался разсѣять интриги вельможъ и министровъ англійскаго и прусскаго.

Между тѣмъ я получилъ длинную депешу отъ Шуазеля. Нельзя было написать ничего удачнѣе по тогдашнимъ обстоятельствамъ. Посланникъ нашъ сообщилъ мнѣ подробный отчетъ о дѣйствіяхъ пословъ прусскаго и англійскаго въ Константинополѣ и о проискахъ ихъ, чтобы отвлечь Турокъ отъ всякаго расположенія къ миру. Онъ не только передалъ содержаніе записокъ и нотъ, представленныхъ имъ Портѣ, но даже выписалъ цѣликомъ нѣкоторыя ихъ выраженія, особенно непріязненныя противъ Россіи. Если бы я могъ извѣстить объ этомъ государыню, она бы, разумѣется, сильно разсердилась, увидѣвъ, какъ ее обманываютъ. Но депеша Шуазеля была написана шифрами, а императрицу, какъ я уже сказалъ, заставили заподозрить мою искренность и увѣрили, что я сообщаю депеши нашего посла неточно. Однако мнѣ надо было воспользоваться такимъ удобнымъ случаемъ, который, можетъ быть, нескоро вновь представился бы. Итакъ, я прибѣгнулъ къ рѣшительному средству:

оно было такъ ново и смѣло, что я не счелъ нужнымъ извѣщать о немъ мой дворъ. Даже самъ Монморенъ узналъ объ этомъ по возвращеніи моемъ изъ Франціи. Если бы моя выдумка не удалась, она обратилась бы мнѣ въ вину, потому что я могъ выдать ключь къ нашей тайнописи. Разсказывая теперь о моемъ смѣломъ поступкѣ, я считаю долгомъ предупредить моихъ молодыхъ соотечественниковъ, вступающихъ на дипломатическое поприще, и посовѣтовать имъ не слѣдовать моему примѣру. Въ самомъ дѣлѣ, чтобы рѣшиться на такой поступокъ, нужно было знать душу и характеръ государыни, внушившей мнѣ полное довѣріе къ ней, такъ близко, какъ я ее зналъ. Одинъ только успѣхъ могъ извинить меня, и я достигъ его. Я попросилъ принца Нассау придти ко мнѣ. «Вы видите, какъ шатко наше положеніе, и какими средствами стараются насъ уронить. Вамъ извѣстно также, что императрица чистосердечна и великодушна, и что ее обманываютъ. Она сочуствуетъ всему возвышенному, благородному и прекрасному. Слушайте же, на что я рѣшился, чтобы раскрыть ей всѣ интриги и разсѣять ихъ. Вотъ шифрованная депеша Шуазеля, я только что получилъ ее и переписалъ буквами. Чтеніе этой депеши разсѣетъ въ императрицѣ всякое сомнѣніе на счетъ нашей искренности и откроетъ ей козни нашихъ враговъ. Я сложу ее и надпишу на конвертѣ, что отсылаю ее не *государынѣ*, *а Екатеринѣ*. Возмите, выпросите себѣ аудіенцію и отдайте эту бумагу отъ моего имени. Если она оставитъ васъ и выйдетъ хоть на минуту изъ кабинета, то я ошибся въ ней: могутъ списать нѣсколько строкъ, узнаютъ ключь нашего шифра, и я дѣлаюсь виновенъ. Но я увѣренъ, что она этого не сдѣлаетъ и тотчасъ же отдастъ вамъ депешу. Поѣзжайте и скорѣе возвращайтесь.»

Нассау согласился, поспѣшилъ во дворецъ и получилъ желаемую аудіенцію. Когда онъ остался съ глазу на глазъ съ государыней и произнесъ мое имя, она съ сердцемъ сказала: «Что

нужно Сегюру отъ меня?» Нассау, не отвѣчая, вручилъ ей письмо. Екатерина взяла его, съ удивленіемъ прочитала надпись, быстро развернула его и начала читать. Въ это время Нассау сталъ отступать, будто желая удалиться. Тогда императрица подходитъ къ нему, останавливаетъ его и говоритъ: «Принцъ, не уходите, не оставляйте меня ни на минуту.»

Она продолжаетъ чтеніе и, окончивъ его, быстро складываетъ депешу и отдаетъ ее Нассау-Зигену, сказавъ при этомъ съ чувствомъ: «Скорѣе отправьтесь къ Сегюру и скажите ему, что никогда въ жизни я не забуду этого благороднаго поступка; онъ доказалъ мнѣ свое уваженіе и довѣріе ко мнѣ; я заслужила его, онъ меня понялъ.»

Не безъ волненія ожидалъ я возвращенія моего посла, и можно себѣ представить мое удовольствіе, когда онъ извѣстилъ меня о счастливомъ и скоромъ исполненіи моего порученія. На другой день дворъ собрался въ эрмитажѣ. Только что я вошелъ, какъ императрица подозвала меня, посадила возлѣ себя, почти не слушала актеровъ и во все время спектакля тихонько проговорила со мною. Чрезвычайное удивленіе выразилось на лицахъ министровъ. Наши соперники, торжествовавшіе вчера, едва могли скрыть свое недоумѣніе. Положеніе дѣйствующихъ лицъ перемѣнилось: императрица стала еще ласковѣе и милостивѣе ко мнѣ и съ презрѣніемъ слушала навѣты на насъ. Не смотря на смуты, которыя возникли во Франціи, наше правительство не потеряло своего значенія и вліянія въ Россіи, пока я оставался въ Петербургѣ. Государыня такъ крѣпко сохранила тайну моего поведенія, что ни Потемкинъ, ни другіе министры не могли узнать какимъ образомъ я такъ скоро возстановилъ ея довѣріе къ себѣ.

Такъ какъ пылкій нравъ султана Селима и честолюбіе Густава III, а съ другой стороны враждебные происки Пруссаковъ и Англичанъ удаляли всякую возможность скораго мира, то съ обѣихъ сторонъ спѣшили вооружаться. Принцъ Нассау-Зигенъ

снаряжалъ свою флотилію въ Кронштадтѣ. Черезъ три недѣли ему приказано было отправиться съ тридцатью галерами, десятью шебеками, тремя судами съ орудіями тяжелаго калибра, съ множествомъ канонерскихъ лодокъ и 14,000 войска для высадки. Флотилія имѣла грозный видъ, но не доставало хорошихъ штурмановъ и искусныхъ моряковъ, а войско состояло изъ новобранцевъ.

Извѣщая Монморена о невыгодномъ оборотѣ нашихъ сношеній, я не могъ удержаться отъ жалобъ: «Какъ нехорошо, писалъ я ему въ началѣ іюня,—что сближеніемъ нашимъ съ императорскими дворами возбудили мы противъ себя Турокъ, Англичанъ и Пруссаковъ, а теперь возстановляемъ императрицу и императора отказомъ согласиться на предлагаемый намъ союзъ! Мы испытываемъ всѣ непріятности нашего положенія, не пользуясь его выгодами, которыя въ другое время уже не представятся намъ. Екатерина еще занята этимъ союзомъ. Она такъ ревностно желаетъ мира, что если Шуазель не будетъ дѣйство вать скоро и успѣшно, то она приметъ посредничество Англіи и Пруссіи, лишь бы окончить войну». Мои опасенія были основательны. Я зналъ изъ тайнаго и вѣрнаго источника, что Потемкинъ передъ своимъ отъѣздомъ вотъ что говорилъ англійскому министру: «Мы недолго думали о союзѣ съ Франціею. Мы увлеклись увѣреніями Сегюра, но скоро увидѣли, что нельзя расчитывать на французское правительство, между тѣмъ какъ по многимъ причинамъ сближеніе съ Англіею намъ кажется полезнымъ. Торговля между нами сильная, купцовъ вашихъ въ Петербургѣ цѣлая колонія. По всему видно, что намъ надо подружиться: обстоятельства удобны, надобно спѣшить пользоваться ими.» Однако нѣкоторые случаи, происшедшіе послѣ этого разговора, встревожили Потемкина и возбудили государыню противъ явныхъ и тайныхъ враговъ ея. Ей донесли, что одинъ шведскій морякъ потихоньку забрался съ

брандеромъ между русскими судами въ копенгагенскомъ рейдѣ, былъ преслѣдуемъ и пойманъ въ домѣ шведскаго министра, который далъ ему убѣжище. Въ то же время лондонскій кабинетъ угрожалъ войною Даніи, если она, согласно договору, будетъ оказывать содѣйствіе Россіи въ войнѣ со Швеціею. Между тѣмъ я сообщилъ государынѣ о благородномъ поступкѣ нашего правительства: оно объявило лондонскому кабинету, что не потерпитъ нападенія Англичанъ на берега и флотъ Даніи. Русскій кабинетъ, довольный этимъ твердымъ и благороднымъ шагомъ, прислалъ мнѣ офиціальную ноту, сверхъ моего ожиданія, весьма дружелюбную. Это былъ отвѣтъ на подробную депешу нашего кабинета относительно четвертнаго союза; императрица возобновляла увѣренія своего дружелюбнаго расположенія къ намъ, но, вмѣсто того, чтобы утвердить статью за статьею въ проектѣ Монморена, писала, что до разсмотрѣнія проекта желаетъ посовѣтоваться съ императоромъ, также какъ мы хотѣли переговорить съ испанскимъ королемъ. Это было съ обѣихъ сторонъ честное отступленіе и вѣжливый способъ отложить переговоры, не отказываясь отъ нихъ.

Въ то время князь Потемкинъ, всегда старавшійся вредить намъ, запретилъ нашимъ купеческимъ судамъ входъ въ русскіе порты Чернаго моря подъ тѣмъ предлогомъ, что должно скрыть отъ насъ приготовленія и вооруженія, которыя тамъ производились. Я жаловался на это нарушеніе нашего торговаго трактата и подалъ русскому правительству объ этомъ подробную записку, которую нельзя было опровергнуть. Мнѣ дали даже почувствовать, что раздѣляютъ мое мнѣніе; но нельзя было противиться вліянію Потемкина, а онъ долго не соглашался на требуемыя уступки. Когда я настаивалъ, императрица, отклоняя прямой отвѣтъ, жаловалась на поступки враговъ и бездѣйствіе своихъ союзниковъ.

Въ это время. она принуждена была подчинить свою гор-

дость благоразумію: она вывела войска свои изъ Польши, чтобы предупредить ихъ столкновеніе съ Пруссіею. Вмѣстѣ съ тѣмъ ей хотѣлось знать, можетъ ли она разсчитывать на насъ въ томъ случаѣ, если Фридрихъ-Вильгельмъ, не смотря на эту уступку, начнетъ войну, что, по словамъ ея, онъ обѣщалъ Полякамъ и Шведамъ. Понятно, что я въ то время могъ ограничиться неопредѣленнымъ отвѣтомъ. Это было въ Январѣ 1789 года: королевская власть во Франціи была въ опасности; финансы разстроивались; дефицитъ увеличивался; вмѣсто того, чтобы поправить положеніе дѣлъ, государственные чины раздѣлились на партіи. Прежде всѣ сословія соединялись противъ произвола власти и закоренѣлыхъ злоупотребленій; но теперь положеніе дѣлъ измѣнилось. Толковали не только объ экономіи и свободѣ, но и о равенствѣ. Нужно было рѣшить, какъ подавать голоса — по сословіямъ или поголовно, или, лучше сказать, приходилось рѣшить—останутся ли сословія отдѣльными, сохранятся или падутъ ихъ преимущества, измѣнятся или рушатся наши старинныя установленія; наконецъ приступимъ ли мы къ благоразумной реформѣ, или къ бурной революціи. Между тѣмъ возникла борьба между аристократіею и демократіею: первыя вспышки ея взволновали умы, возбудили страсти; довольно сильная партія упрямо защищала старый порядокъ вещей и привилегіи. Народное большинство желало и требовало преобразованій и на сторонѣ его было много дворянъ, одушевленныхъ желаніемъ свободы. Послѣ долгаго покоя ни у кого не было опытности, которая бываетъ грустнымъ и запоздалымъ плодомъ заблужденій, ошибокъ и несчастій. Правительство слабое и безпечное ничего не приготовило, ни на что не рѣшилось; давно уже сила его истощилась; оно очаровывалось остатками ложнаго блеска; въ короткое время оно двадцать разъ измѣняло систему и министровъ, и общество лишило его своего довѣрія. Тронъ походилъ на колесницу съ надломившеюся осью, уносимую

конями, которые закусили удила. Послѣднюю неосторожность сдѣлали, собравъ выборныхъ народа близъ столицы, у источника неудержимыхъ страстей огромнаго населенія, такъ что королевская власть была предоставлена всѣмъ ужасамъ этой бури и всѣмъ перемѣнамъ и превратностямъ судьбы. Неудивительно ли было, что въ такую пору иностранныя державы просили и ожидали помощи нашего оружія? Изъ этого видно, какъ несправедливо теперь обвинять Французовъ въ бѣдствіяхъ, насиліяхъ и порокахъ революціи, которые подготовлялись временемъ, которые нельзя приписать только извѣстнымъ лицамъ, и которые наконецъ ни у насъ, ни въ другихъ странахъ не были ни ожидаемы, ни предвидѣны. Дѣло въ томъ, что съ одного конца Европы до другого просвѣщеніе, философія и разумъ такъ далеко шагнули въ послѣдніе два вѣка, что идеи права, порядка и свободы распространились повсюду, начала нравственности и справедливости торжествовали надъ предразсудками, и умы были расположены къ замѣнѣ произвола и насилія законнымъ порядкомъ. Поэтому сначала приговоры нашихъ парламентовъ, оппозиція ихъ, проекты Тюрго, дѣйствія и сочиненія Неккера, рѣчи Мальзерба, слова, произносимыя въ академіяхъ, возбудили всеобщее одобреніе и удивленіе. Это сочувствіе было естественно; это была жажда разумной свободы. Но когда стремленіе къ равенству взяло верхъ, и частные интересы пришли въ столкновеніе, то все перемѣнилось, и вездѣ высшіе, владычествующіе классы были или считали себя въ непріязненномъ положеніи къ народу. Таковы были настоящія причины долгихъ бурь, теперь еще едва утихнувшихъ; можно ли было ожидать ихъ или отвратить? Точно ли можно указать тѣхъ, которые ихъ возбудили или усилили своими пылкими страстями, своимъ неразумнымъ сопротивленіемъ? Пристрастіе отвѣчаетъ утвердительно, но разумъ говоритъ: нѣтъ. При всемъ томъ, неудовольствіе госуда-

рыни по случаю застоя южной арміи, смуты въ Польшѣ, угрозы Англіи Датчанамъ, происки и враждебные замыслы Пруссіи, наконецъ наше безучастіе и бездѣйствіе, все это не такъ тревожило государыню, какъ успѣхи Шведовъ въ Финляндіи. Такъ какъ она лично распоряжалась военными дѣйствіями на сѣверѣ, то неудачи и успѣхи военачальниковъ въ краѣ, близкомъ отъ столицы, сильно озабочивали ее. Къ тому же гордость ея страдала при видѣ слабаго короля, вредящаго ея могуществу и славѣ. Къ несчастію, она поставила во главѣ арміи двухъ генераловъ: Мусина-Пушкина и Михельсона, изъ которыхъ первый былъ недовольно дѣятеленъ, а второй не довольно благоразуменъ. Михельсонъ сначала смѣлымъ натискомъ и съ малыми силами разбилъ Шведовъ подъ Кюри [1]), но послѣ того былъ отбитъ съ урономъ и раненъ. Между тѣмъ какъ Мусинъ-Пушкинъ послалъ отрядъ для занятія области Саволаксъ, Густавъ съ 10,000 войска вступилъ въ русскіе предѣлы. Пушкинъ отступилъ, ожидая, чтобы флотилія принца Нассау-Зигена, стоявшая уже подъ Выборгомъ, подошла къ Фридрихсгаму.

Въ это время при дворѣ совершилась свадьба графа Мамонова; онъ женился на княжнѣ Щербатовой. Вслѣдъ за тѣмъ, прежде чѣмъ молодые выѣхали изъ Царскаго Села, императрица возобновила свой веселый образъ жизни. Во дворцѣ замѣтна была одна только перемѣна: придворные, Русскіе и иностранцы, которые прежде каждый вечеръ толпились у Мамонова, совершенно его покинули, когда онъ впалъ въ немилость. Такъ какъ и мнѣ онъ не разъ доказывалъ

---

[1]) *Кюри* — деревня, въ пяти верстахъ отъ тогдашней нашей границы. Дѣло это было 31 мая. Другое неудачное дѣло было 1-го іюня, по выступленіи Михельсона изъ Христины, близъ Сенъ-Михеля, который онъ однако скоро занялъ. Императрица по этому случаю сказала, какъ пишетъ Храповицкій: „Двадцать семь лѣтъ такого извѣстія не получала“.

свое расположеніе, то я при этомъ случаѣ счелъ долгомъ показать ему, что я это помню. Я пошелъ къ нему, и въ первый разъ. во все наше знакомство, мнѣ случилось быть съ нимъ наединѣ. Императрица узнала объ этомъ и, при всемъ дворѣ одобряя мой поступокъ, высказалась презрительно о подлости людей, удаляющихся отъ человѣка, котораго еще недавно восхваляли и величали. Не должно ли снисходительно смотрѣть на нѣкоторые недостатки этой женщины, которую де-Линь назвалъ *Екатериною Великимъ*, когда она выказывала столько гордости, доброты и великодушія?

Удаленіе всѣхъ отъ Мамонова послѣ того, какъ его такъ окружали почетомъ, не можетъ быть удивительно при тѣхъ общественныхъ условіяхъ, въ которыхъ находилась Россія... Я могу привесть еще случай, возбудившій во мнѣ грустныя мысли и тѣмъ самымъ еще болѣе укрѣпившій во мнѣ любовь къ свободѣ, не смотря на всѣ бѣды, которыми окружаютъ ее и враги, а иногда и друзья ея. Поль Джонсъ, раздѣлявшій побѣды съ Нассау-Зигеномъ, возвратился въ Петербургъ. Враги его завидывали человѣку, котораго они считали бродягой, бунтовщикомъ и корсаромъ, и рѣшились погубить его. Клевета была возведена на него подлыми завистниками, и, конечно, напрасно, приписывали ее англійскимъ офицерамъ русскаго флота и купцамъ изъ ихъ соотечественниковъ. Хотя Англичане и не скрывали своего нерасположенія къ Джонсу, но не слѣдуетъ всѣхъ ихъ заподозрѣвать въ низкой интригѣ, которая была дѣломъ двухъ или трехъ людей, оставшихся неизвѣстными. Американскій контръ-адмиралъ былъ хорошо принятъ при дворѣ, часто бывалъ на обѣдахъ у императрицы и вошелъ въ лучшее общество столицы. Вдругъ онъ получаетъ отъ императрицы приказаніе не являться болѣе ко двору. Онъ узнаетъ, что его обвиняютъ въ безчестномъ оскорбленіи невинности четырнадцатилѣтней дѣвушки, надъ которою онъ употребилъ дерзкое насиліе, и что, судя

по предварительнымъ справкамъ, онъ будетъ судимъ въ адмиралтействѣ, гдѣ служатъ нѣсколько англійскихъ офицеровъ, сильно не расположенныхъ къ нему. Только что это приказаніе сдѣлалось извѣстно, всѣ покинули несчастнаго Американца,—перестали съ нимъ говорить и кланяться и отказывались принимать его. Кто вчера еще ласково встрѣчалъ его, теперь избѣгаетъ его, какъ зачумленнаго; никто не хочетъ защищать его, ни одинъ чиновникъ не хочетъ его слушать, даже слуга отходитъ отъ него. Поль-Джонсъ, котораго подвиги восхваляли, дружбы котораго заискивали, вдругъ стоитъ одинъ посреди огромнаго общества; Петербургъ, столичный городъ, для него пустыня. Я отправился къ нему; онъ былъ тронутъ до слезъ моимъ посѣщеніемъ. «Я не хотѣлъ, сказалъ онъ мнѣ, — постучаться у вашей двери; я могъ ожидать новой обиды, а она была бы мнѣ чувствительнѣе всѣхъ другихъ. Тысячу разъ я рисковалъ жизнью: теперь я желаю смерти.» Его взглядъ и оружіе на столѣ указывали на его печальную рѣшимость....

«Успокойтесь и прибодритесь, сказалъ я ему, — вѣдь вы знаете, что въ жизни, какъ на морѣ, бываютъ бури, а счастіе перемѣнчиво, какъ вѣтеръ. Если, какъ я полагаю, вы невинны, выдержите эту грозу: если же, къ несчастію, вы виноваты, то поговорите со мною откровенно, и я готовъ сдѣлать, что могу, чтобы помочь вамъ избавиться бѣды.»

«Клянусь вамъ честью, отвѣчалъ онъ, — что я невиненъ; эта подлая клевета. Вотъ какъ было дѣло: Нѣсколько дней тому назадъ, утромъ, ко мнѣ пришла молодая дѣвушка, съ просьбою дать ей шить бѣлье или починить что нибудь, и при этомъ стала довольно явно напрашиваться на мои ласки. Мнѣ было жалко видѣть такую дерзость въ ея лѣта, и я сталъ уговаривать ее бросить ея гадкія намѣренія, далъ ей денегъ и отпустилъ ее; но она не хотѣла уходить. Меня это разсердило; я взялъ ее за руку и вывелъ вонъ. Но въ ту минуту, какъ я раство-

рилъ дверь, эта дрянная дѣвчонка разорвала себѣ рукава и платокъ, стала ужасно кричать и жаловаться, что я ее обезчестилъ, и бросилась въ объятія старухи, будто бы ея матери, которая уже конечно явилась тутъ неслучайно. Мать съ дочерью разревѣлись на весь домъ, ушли и пожаловались на меня; остальное вамъ извѣстно.»

«Хорошо, сказалъ я;—но знаете ли вы имена этихъ мошенницъ?»

«Мой дворникъ знаетъ ихъ, вотъ ихъ имена, но я не знаю, гдѣ онѣ живутъ. Я хотѣлъ подать записку объ этой забавной продѣлкѣ, сперва министру, потомъ императрицѣ; но меня не допускаютъ къ нимъ.»

«Дайте-ка мнѣ эту бумагу, сказалъ я;—будьте покойны, я все улажу, и мы скоро увидимся.»

По возвращеніи домой, я тотчасъ же поручилъ ловкому и вѣрному человѣку, преданному мнѣ, навести справки объ этихъ подозрительныхъ женщинахъ и узнать ихъ образъ жизни. Я скоро узналъ, что старуха занимается извѣстнымъ ремесломъ и выдаетъ молодыхъ дѣвушекъ за своихъ дочерей. Получивъ на все это письменныя доказательства, я отправился къ Поль-Джонсу. «Вамъ теперь нечего бояться, сказалъ я ему, — обманщицы открыты. Теперь надо только раскрыть глаза императрицѣ и показать ей, какъ ее обманывали; но это не такъ-то легко. Правду очень часто останавливаютъ на порогѣ дворца, а письма въ такомъ случаѣ легче всего перехватить. Однако я знаю, что государыня, подъ страхомъ строжайшаго наказанія, запретила удерживать и вскрывать письма, посланныя на ея имя по почтѣ. Я написалъ длинное письмо къ ней отъ вашего имени: тутъ всѣ подробности, даже не совсѣмъ приличныя. Что же дѣлать? Государыня выслушала клевету; надо, чтобы она терпѣливо прочитала оправданіе. Перепишите и подпишите это письмо. Я кого нибудь пошлю отдать его на почту въ ближай-

шій городъ. Не унывайте, повѣрьте мнѣ, что вы будете оправданы.»

Въ самомъ дѣлѣ письмо было послано, и государыня получила его. Прочитавъ его вмѣстѣ съ приложенными документами, она страшно разсердилась на доносчиковъ, отмѣнила свое приказаніе, снова пригласила Джонса ко двору и приняла его съ обычною благосклонностію. Храбрый воинъ скромно и гордо встрѣтилъ должное ему удовлетвореніе, не очень то очаровывался увѣреніями людей, которые чуждались его во время невзгоды и скоро, недовольный страною, гдѣ можно было подвергнуться такимъ униженіямъ, выпросилъ себѣ у императрицы, подъ предлогомъ болѣзни, отпускъ, который и былъ данъ ему вмѣстѣ съ орденомъ и приличной пенсіей. Онъ уѣхалъ, выразивъ мнѣ признательность за услугу и уваженіе къ государынѣ, которую можно было обмануть, но которая умѣла блистательно исправлять ошибки и несправедливости.

Императрица тогда назначила новаго флигель-адъютанта на мѣсто Мамонова; это былъ гвардейскій офицеръ Зубовъ [1]). Новый любимецъ вышелъ въ люди безъ помощи Потемкина: всякому любопытно было знать — станетъ ли онъ въ рядъ его приверженцевъ или осмѣлится противиться его власти. Не зная еще его, я жалѣлъ объ удаленіи Мамонова, всегда преданнаго интересамъ Франціи. Но скоро я замѣтилъ, что въ этомъ отношеніи ничего не измѣнилось: Зубовъ усердно искалъ моей дружбы и не скрывалъ отъ меня, что дѣйствуетъ такъ согласно желаніямъ государыни.

Получены были дурныя вѣсти изъ Финляндіи. Шведскій генералъ Стедингъ разбилъ на голову генерала Шульца близъ

[1]) Платонъ Александровичъ Зубовъ, род. 1767 г., ум. 1822 г.; пожалованъ въ полковники и назначенъ флигель-адъютантомъ 4-го іюля, въ послѣдствіи графъ и князь.

Помалы и захватилъ русскія пушки. Эта неудача скорѣе разсердила, чѣмъ обезпокоила государыню.

Государыня съ участіемъ говорила мнѣ о ходѣ дѣлъ во Франціи: «Ваше среднее сословіе, говорила она, — слишкомъ многого требуетъ; оно возбудитъ неудовольствіе другихъ сословій, и это разъединеніе можетъ повести къ дурнымъ послѣдствіямъ. Я боюсь, что короля принудятъ къ большимъ жертвамъ, а страсти все таки не утихнутъ.»

Я отвѣчалъ, что, не будучи совершенно покойнымъ на этотъ счетъ, я однако сохраняю еще надежду, потому что король любимъ народомъ и желаетъ только его блага, и что вообще броженіе общества становится сильнымъ и упорнымъ, когда оно сдерживается и возбуждается безправнымъ злоупотребленіемъ силы.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого разговора вице-канцлеръ, пригласивъ меня немедленно явиться къ нему, извѣстилъ меня о происшествіяхъ въ Парижѣ 14 іюля. Онъ объявилъ мнѣ, что все населеніе столицы возстало и взяло Бастилію, что короля заставили войти въ городскую ратушу и надѣть революціонную кокарду, что безпорядокъ дошелъ до нельзя: вездѣ нарушаютъ законы, ругаются надъ дворянами, грабятъ замки.

По очень предосудительной привычкѣ, которой слѣдуютъ многіе, министры, изъ боязни гласности, мнѣ ничего не написали, и я не могъ дать дѣльнаго отвѣта и отличить въ этихъ извѣстіяхъ правду отъ прикрасъ. Слухи эти скоро разнеслись и были принимаемы различно, сообразно съ личностью и чувствами слушавшихъ. При дворѣ тревога была сильная, неудовольствіе общее.

Скоро вниманіе отвратилось отъ этихъ далекихъ происшествій и поглощено было сраженіями, происходившими вблизи столицы. Такъ какъ утаили побѣду Стединга и подробности дѣла, то оно, какъ и всегда бываетъ, разгласилось, наперекоръ утайкѣ, съ

прибавленіями. Правительство обезпокоилось и запретило говорить въ публичныхъ мѣстахъ о шведской войнѣ. Вскорѣ однако счастіе снова улыбнулось Русскимъ. Императрица приказала соединиться эскадрамъ Чичагова и Козлянинова; шведскій флотъ противился этому. Два часа бились съ одинаковымъ урономъ съ обѣихъ сторонъ, но Русскіе справедливо приписываютъ себѣ побѣду, потому что эскадрамъ удалось сойтись [1]). Принцъ Нассау разбилъ и прогналъ двадцать судовъ шведскихъ и, пройдя мимо всѣхъ укрѣпленныхъ шхеръ, вышелъ въ море. Мы также узнали, что Суворовъ съ принцемъ Кобургскимъ (7-го августа) разбили 30,000 турецкій корпусъ, захватили Фокшаны, двѣнадцать знаменъ и весь лагерь.

Со всѣхъ сторонъ получались самыя дурныя вѣсти объ смутахъ во Франціи; я все еще полагалъ, что согласіе уладитъ всю эту борьбу, но императрица сказала мнѣ: «Я этого желаю болѣе, нежели кто-либо; но я только тогда этому повѣрю, когда народъ вашъ не будетъ болѣе предаваться возмутительнымъ поступкамъ. Впрочемъ я васъ предупреждаю, что Англичане думаютъ выместить на васъ свои неудачи въ Америкѣ; если они васъ затронутъ, то окажутъ услугу, потому что отвлекутъ наружу пылъ, васъ губящій.»

Въ концѣ разговора императрица выразила свое удовольствіе, вспомнивъ, что при королѣ находятся Сенъ-При и Монморенъ: она полагалась на ихъ благоразуміе.

Почти тогда же узналъ я тайнымъ, но вѣрнымъ образомъ, что Потемкинъ снова подкапывался подъ меня. Онъ написалъ государынѣ, что несогласно съ здравою политикою — прибли-

---

[1]) 15-го іюля было удачное сраженіе съ Шведами и съ 19-го на 20-е Чичаговъ соединился съ Козляниновымъ, и шведскій флотъ удалился въ Карльскропу.— Чичаговъ, Василій Яковлевичъ, адмиралъ, род. 1726 г., ум. 1809 г. — Козляниновъ, Тимофей Гавриловичъ, вице-адмиралъ.

жать къ себѣ однихъ только министровъ Австріи и Франціи, что это предпочтеніе обидно для другихъ дворовъ, и что при слабости нашей въ годину смутъ благоразумнѣе обратиться къ Англіи. Но Екатерина, не внимая этимъ предложеніямъ и твердая въ своихъ намѣреніяхъ, не хотѣла сближаться съ Витвортомъ. Въ это время одно странное обстоятельство послужило поводомъ къ неудовольствію нашего двора. Шуазель добился отъ Порты, чтобы она выдала ему Булгакова, но русскій посолъ не хотѣлъ получить свободу отъ него; онъ требовалъ, чтобы его освобожденіе было полнымъ и прямымъ удовлетвореніемъ для Россіи. По моему это было благородно. Монморенъ, видя въ этомъ поступкѣ оскорбленіе для Франціи и для нашего посла, думалъ, что я выражу русскому кабинету мнѣніе и негодованіе министра. Но я не могъ дѣйствовать въ этомъ смыслѣ: мнѣ слишкомъ было бы трудно осуждать человѣка, котораго поведеніе оправдывалъ.

Императрица вновь могла убѣдиться, что имѣла основанія довѣриться принцу Нассау. Онъ одерживалъ на моряхъ сѣвера такія же блистательныя побѣды, какъ и на Черномъ морѣ. Искусно воспользовавшись неосторожностью шведскаго короля, который подвигался все впередъ, не обезпечивъ себѣ отступленія и сообщеній, принцъ атаковалъ шведскій флотъ въ устьѣ Кюмени и разбилъ его. Сраженіе (13-го августа) длилось четырнадцать часовъ, съ утра до часу по полуночи. Шведы были прогнаны. Нассау захватилъ адмиральское судно, еще четыре судна сорока-пушечныя, куттеръ и три галеры. Въ плѣнъ попалось сорокъ офицеровъ, тринадцать матросовъ или солдатъ, и кромѣ того потоплено было нѣсколько судовъ у береговъ. Шведскій адмиралъ принужденъ былъ спасаться на яхтѣ. Въ этомъ славномъ дѣлѣ особенно отличалась гвардія и въ рядахъ ея кавалеръ Литта. Нассау, сдѣлавъ высадку съ 6,000 человѣкъ, быстро двинулся впередъ въ надеждѣ, что отрѣжетъ королю

отступленіе. Но король, уже угрожаемый двумя русскими корпусами, которые наступали на него съ фронта и съ фланговъ, поспѣшилъ покинуть свою позицію въ Эгфортѣ. Нассау преслѣдовалъ его, настигъ его арьергардъ и захватилъ въ плѣнъ 600 человѣкъ, часть запасовъ и багажа. Между тѣмъ флотилія его, пользуясь своимъ положеніемъ, истребила еще до сорока шведскихъ судовъ. Въ эти счастливые для принца дни его постигло горе. Варажъ, отличный офицеръ французскаго флота, своими умными совѣтами направлялъ пылкую отвагу адмирала. Храбрый морякъ, высадившись на берегъ и преслѣдуя Шведовъ, попался Башкирамъ, этимъ дикарямъ, нисколько неполезнымъ, но безобразящимъ русскую армію, и былъ убитъ: варвары приняли его за Шведа. Нассау, вернувшись на галеры, хотѣлъ преслѣдовать короля до Ловизы, но вѣтеръ помѣшалъ движенію флотиліи, возвратившейся счастливо въ Кронштадтъ съ огромною добычею и славными трофеями. Густавъ, дѣйствовавшій всегда по-рыцарски, вспомнилъ, что не разъ встрѣчалъ принца Нассау во Франціи и въ Спа, и будучи пораженъ его воинственностью и честолюбіемъ, написалъ къ нему, въ началѣ компаніи, прелюбезное письмо. «Я думалъ, писалъ онъ,—судя по послѣднимъ нашимъ бесѣдамъ, что вы меня осчастливите предложеніемъ служить мнѣ мечемъ вашимъ, но такъ какъ, къ сожалѣнію моему, вы выступили противъ меня, то надѣюсь, по крайней мѣрѣ, заслужить на полѣ битвы уваженіе такого противника, какъ вы.» Судьба разрушила эти надежды. Когда до короля дошла достовѣрная реляція битвы, обнародованная императрицею, онъ, въ порывѣ оскорбленнаго самолюбія, вышелъ изъ себя и отвѣчалъ другою реляціею, въ которой силился умалить свои потери и выставить свои преимущества. По этому случаю принцъ Нассау написалъ къ нему письмо, которое такъ любопытно, что нельзя не привести его здѣсь.

Письмо принца Нассау-Зигена къ Густаву III, королю Швецiи.

Петербургъ, 20 сентября 1789 года.

Государь!

Когда ваше величество удостоили меня послѣднимъ письмомъ своимъ, вы сказали мнѣ, что *обращаетесь къ воину, который ищетъ славы и чести*. Конечно, всю жизнь мою я старался оправдать это мнѣнiе вашего величества. Но когда любишь честь, то не терпишь ничего противнаго ей и стоишь за правду, которую можешь подтвердить и доказать предъ цѣлымъ свѣтомъ. Вотъ почему я съ чувствомъ негодованiя встрѣтилъ въ гамбургскихъ газетахъ какую то реляцiю о битвѣ, которую имѣлъ честь выдержать съ флотомъ вашего величества. Эта реляцiя, по видимому, опровергаетъ мои показанiя. Она во многихъ случаяхъ совершенно противна истинѣ, и я удивляюсь, какъ осмѣлились выставить такое почтенное имя, каково ваше, подъ разсказомъ, полнымъ ошибокъ и лжи. Я надѣюсь, что ваше величество также оскорбились этимъ, какъ я, и что вы позволите мнѣ опровергнуть это сочиненiе и возстановить истину. Если же — что невѣроятно— ваше величество дозволили изданiе такой невѣрной реляцiи, то я полагаю, что вы преступнымъ образомъ обмануты полученными вами донесенiями, и долгъ чести, первѣйшей добродѣтели королей, безъ сомнѣнiя заставитъ васъ осудить и наказать начальниковъ, доставившихъ вамъ ложныя донесенiя. При этомъ письмѣ я посылаю опроверженiе этой непостижимой реляцiи съ указанiемъ всѣхъ ея невѣрностей. Честь моя—порукою истины моихъ показанiй. Свидѣтели мои — плѣнные корабли, которые я захватилъ, и флотъ, которымъ командовалъ, и который далеко не разстроенъ и стоялъ на морѣ восемьнадцать дней послѣ битвы, крейсировалъ безъ помѣхи въ двѣнадцати верстахъ отъ Ловизы и удалился только послѣ бури 12 сентября. Часть эскадры этой и теперь еще въ морѣ и готова

снова сразиться, но не встрѣчаетъ болѣе противника. Я увѣренъ, что вашему величеству слишкомъ хорошо извѣстны правила чести, чтобы не оправдать горячность, съ которою я защищаюсь. Я почту себя обиженнымъ, если хотя на минуту заподозрятъ истину донесенія, которое императрица дозволила напечатать. Причины, побудившія меня написать это возраженіе, заставляютъ меня также обнародовать его. Отвѣтъ, котораго я ожидаю, дастъ мнѣ, безъ сомнѣнія, поводъ гласно повторить увѣренія моего глубочайшаго уваженія, которое приношу вашему величеству и съ которымъ имѣю честь быть

вашего величества

и проч.»

Густавъ раздраженъ былъ неудачею, но и государыня не совсѣмъ довольна была своею побѣдою. Она говорила, что не сдѣлай промаховъ Мусинъ-Пушкинъ, король шведскій, разбитый на морѣ, не могъ бы уйти отъ принца Нассау. Она передала мнѣ свое мнѣніе и упрекала меня также по поводу дѣйствій нашего кабинета, будто-бы подстрекавшаго Англію не допускать побѣды надъ шведскимъ королемъ. Я увѣрялъ ее, что это басня, такъ какъ мы очень хорошо знаемъ, что она желаетъ только скораго мира и умѣреннаго удовлетворенія.

«Это такъ; но всѣ этому вѣрятъ, возразила она;—впрочемъ подумайте о томъ, что если вы хотите угодить двумъ противнымъ сторонамъ, то наконецъ попадетесь въ руки враговъ и будете оставлены друзьями.»

Государыня говорила мнѣ также объ отказѣ Булгакова принять наше посредничество при своемъ освобожденіи. «Если это правда, прибавила она,—то я не оправдываю его, но если ему предлагали бѣгство, я его не осуждаю.»

Тогда же курьеръ отъ князя Потемкина разсѣялъ безпокойство государыни на счетъ исхода компаніи. Онъ извѣстилъ

ее, что Суворовъ и принцъ Кобургскій сразились съ визиремъ и разбили его на голову. У Турокъ захваченъ былъ лагерь, пятьдесятъ знаменъ и восемьдесять пушекъ; шесть тысячь Турокъ легло на полѣ битвы. Генералъ-Маіоръ де-Рибасъ отбилъ у Турокъ укрѣпленіе Гаджибей [1]). Съ другой стороны извѣстились, что капитанъ-паша, разбитый и преслѣдуемый Репнинымъ, заперся въ Измаилѣ. Между тѣмъ Потемкинъ и Ангальтъ разбили беглеръ-бея румелійскаго и положили на мѣстѣ шестьсотъ Турокъ. Почти въ тоже время Австрійцы осадили Бѣлградъ и вскорѣ взяли его; но объ этомъ я уже узналъ по выѣздѣ моемъ изъ Россіи.

Князь де-Линь, отличившійся въ эту компанію, прислалъ мнѣ два письма, которыя я передаю здѣсь въ отрывкахъ. Въ нихъ видѣнъ его веселый и оригинальный умъ.

Первое письмо князя де-Линя.

Главная квартира моя подъ Землинымъ.

1 іюня, 1789 года.

Я могъ бы писать вамъ зимою о томъ, чего вы не знали и что узнали послѣ; но я пишу съ удовольствіемъ только тогда, когда я могу получить отвѣтъ тотчасъ же. Въ Парижѣ я никогда не писалъ писемъ за Сену. Такъ, плавая съ вами по Борисѳену, отдѣленный отъ васъ легкой перегородкой, обтянутою тафтою, въ одной изъ великолѣпныхъ галеръ этого торжественнаго и волшебнаго поѣзда, я, бывало, только нѣсколько минутъ дожидался вашего утренняго посланія. Нѣчто въ родѣ перемирія или, лучше сказать, роздыхъ, установленный изъ взаимной вѣжливости, даетъ мнѣ время угощать Турокъ въ моей палаткѣ (тоже турецкой) концертами на берегу Дуная; весь гарнизонъ

---

[1]) Гаджибей, гдѣ нынѣ Одесса, взятъ 14 сентября. Осипъ Михайловичъ де-Рибасъ, въ послѣдствіи адмиралъ, ум. 1800 г.

бѣлградскій слушаетъ ихъ съ другаго берега. Какъ тотъ испанскій король, который заставлялъ Фаринелли пѣть ежедневно одну и туже арію, я каждый вечеръ приказываю играть Cosa rara, которая такимъ образомъ дѣлается вещью весьма обыкновенною. Красивыя Еврейки, Армянки, Иллирійки и Сербянки присутствуютъ при этомъ; это высшее дворянство Землина. Если какой нибудь Турокъ забредетъ за нашу черту, я его наказываю, и Османъ-паша меня благодаритъ и говоритъ, что не можетъ добиться послушанія себѣ. Такъ какъ мнѣ веселѣе дразнить его, чѣмъ писать письма съ извиненіями, то на дняхъ, по случаю празднованія побѣды въ Баннатѣ, я зарядилъ ядрами всѣ наши пушки, чтобы отмстить за убитаго часоваго. Штука удалась, и восемь зѣвакъ убито было подъ крѣпостными стѣнами. Пашѣ, должно быть, это показалось весьма естественнымъ. Я полагалъ, что онъ разсердится. Я не жалуюсь на ружейные выстрѣлы, которые весело раздаются иногда, когда я гуляю. Но одинъ полковникъ на нашихъ аванъ-постахъ подъ Панчовымъ, въ сердцахъ за то, что также поступили съ однимъ капитаномъ корпуса Бранаковскаго, сталъ жаловаться агѣ Мустафѣ, и послѣдній отвѣчалъ ему слѣдующими словами: «Кланяюсь тебѣ, сосѣдъ Тершичь. Ты говоришь, что у насъ перемиріе: я этого не понимаю; ты мнѣ пишешь о бѣлградскомъ пашѣ: я не хочу зависѣть отъ него; ты предлагаешь мнѣ свои услуги въ случаѣ нужды: узнай же, что высокая Порта ничего мнѣ не отказываетъ, и что мнѣ нужно только испить твоей крови; ты говоришь, что я могу положиться на тебя: знай же, что въ нынѣшнія времена не должно ни на кого полагаться. Прощай, сосѣдъ Тершичь.» Вотъ отвѣтъ, который я послалъ отъ имени сосѣда Тершича: «Кланяюсь тебѣ, сосѣдъ Мустафа. Видно, что письмо твое писалъ Турокъ; я очень радъ тому, ибо думалъ, что ужь ихъ нѣтъ больше. Ты хочешь испить моей крови? я твоей не желаю: что хорошаго въ крови какого нибудь аги?

дѣлай, что можешь, приходи, когда хочешь; я приказалъ своимъ привести тебя плѣнникомъ при первомъ случаѣ. Мнѣ очень хочется увидѣть тебя. Прощай, ага Мустафа.»

Прощайте, милый Сегюръ. Иду осматривать десять славныхъ, длинныхъ баталіоновъ, которые мнѣ прислали въ подкрѣпленіе изъ Австріи. Хоть бы скорѣе пришлось пустить ихъ въ дѣло!

Второе письмо князя де-Линя.

Бѣлградъ, 18 сентября, 1789 г.

Вотъ мы и на краю востока, куда мы растворили ворота не розовыми перстами, какъ Аврора, но огненною десницею. Смѣлость и скорость переправы черезъ Саву, быстрота марша и вступленіе въ ту линію, до которой доходилъ принцъ Евгеній, отважная рекогносцировка до самыхъ палиссадовъ, все это совершено въ какіе нибудь пятнадцать дней и, право, достойно лучшихъ подвиговъ фельдмаршала Лаудона. Онъ кружилъ наши головы и сбивалъ турецкія; я сбивалъ только пушки непріятельскія. Онъ атаковалъ Бѣлградъ съ праваго берега Савы, а я съ лѣваго, гдѣ я былъ орломъ этого Юпитера и металъ его стрѣлы. Паденіе крѣпости было подготовлено взятіемъ города, благодаря блистательной, умной, неутомимой храбрости графа Брауна, достойнаго племянника графа Ласси. Во время этого чуднаго, смѣлаго подвига я сдѣлалъ диверсію на Дунаѣ съ моею флотиліею и потомъ, чтобы вознаградить потерю нѣсколькихъ дней и многихъ людей при атакѣ закрытаго хода, я усилилъ огонь батарей и построилъ новую подъ самою крѣпостью, которая тотчасъ же и сдалась. Съ живѣйшимъ удовольствіемъ воина и съ уныніемъ философа смотрѣлъ я, какъ взлетѣли на воздухъ двѣнадцать тысячь бомбъ, пущенныхъ въ этихъ несчастныхъ невѣрныхъ. Я слышалъ крики ужаса; голосъ раненыхъ былъ заглушаемъ огнемъ и смертію. Но оставимъ эти ужасы. Я довольно долго говорилъ съ драгунскимъ полковникомъ:

теперь обращаюсъ къ великому жрецу въ храмѣ мира. Какой поводъ къ размышленію! Только что слово *капитуляція* было произнесено, какъ десять тысячь побѣжденныхъ смѣшались съ такимъ же числомъ побѣдителей. Жестокость уступила передъ добротой, ярость передъ жалостью, военная хитрость передъ искренностью и необузданность страсти передъ нѣжностью сердца. Пили кофе, продавали, покупали. Турокъ, честный въ торговлѣ, назначалъ цѣну, отдавалъ свои сокровища, скрытыя въ подвалахъ, занимался своимъ дѣломъ и преспокойно получалъ деньги, когда ему удавалось находить покупателя. Безсознательные философы богачи курили себѣ на развалинахъ своихъ домовъ и богатствъ. Семанъ-паша, глупый губернаторъ Бѣлграда, покуривалъ среди двора своего, торжественно его окружавшаго, какъ будто онъ не пересталъ повелѣвать, и какъ будто онъ не ожидалъ, что какой нибудь капиджи-баши спроситъ у него отъ имени султана Селима то, чего ужь у него не было, то есть голову его, которую онъ потерялъ еще при первомъ нашемъ выстрѣлѣ. Взоръ услаждался и душа радовалась, глядя на янычаръ, красивыхъ и разнообразныхъ пестротою и богатствомъ одежды, на наши гренадерскія шапки и ихъ тюрбаны, на нашихъ кирасиръ и ихъ спаговъ, не убитыхъ, хотя и побѣжденныхъ, на ихъ чудное оружіе, ихъ коней, гордыхъ, какъ они, ихъ твердость и высокомѣріе, не смотря на несчастіе, и на берега Дуная и Савы, оживленные этими животными лицами. Фельдмаршалъ просилъ для меня командорскій крестъ военнаго ордена Маріи-Терезіи, императоръ ужь прислалъ мнѣ его. Говорятъ, что довольны были быстротою моихъ дѣйствій и въ особенности моею послѣднею батареею, которая рѣшила сдачу крѣпости. Я бы писалъ вамъ во время осады, но я боялся, чтобы писаніе мое не было посмертнымъ, и не хотѣлъ передавать вамъ, что происходило въ головѣ моей, не увѣрясь прежде, что мнѣ ее оставятъ на плечахъ. Прощайте, мой сердечный другъ.

Этотъ пестрый слогъ, эта милая смѣсь ума и остроты, философіи и легкомыслія, человѣколюбія и военнаго пыла, можетъ быть, найдутъ порицателей между нѣкоторыми недовольными и строгими людьми, которые своею критикою губятъ всякое очарованіе и забываютъ умный совѣтъ одного изъ древнихъ мудрецовъ, утверждавшаго, что философія должна приносить жертвы граціямъ. Успѣхи просвѣщенія и свободы, конечно, распространили область разума человѣческаго; по среди успѣховъ не утратилось ли кое что хорошее? Я не изъ числа упрямыхъ защитниковъ добраго стараго и невозвратнаго времени, но не могу не пожалѣть объ утратѣ вкуса, изящества, безпечности и свѣтскости, съ которыми скука въ обществѣ была невозможна. Нынче люди похожи на строгаго хозяина, думающаго только о пользѣ, который выбросилъ изъ своего сада цвѣты, чтобы въ немъ росла только рожь, да травы, да плодовыя деревья.

Сентябрь приходилъ къ концу. Компаніи на сѣверѣ и на югѣ почти были окончены. Ясно было, что шведскій король, желая оправиться послѣ удара, ему нанесеннаго, и надѣясь на поддержку Пруссіи, не склонится къ миру. Черезъ Шуазеля я зналъ, что султанъ Селимъ, не внимая мирнымъ предложеніямъ, довѣрялся только враждебнымъ совѣтамъ Англіи и Пруссіи. Такимъ образомъ, достигнувъ въ Россіи всего, чего только могъ желать, то есть торговаго трактата, принятія нашего посредничества и обѣщанія войти въ союзъ четырехъ державъ, какъ только наше правительство объявитъ свое рѣшеніе, я окончилъ роль свою въ Петербургѣ, мнѣ оставалось только наблюдать за ходомъ дѣлъ, а это могъ дѣлать простой повѣренный. Ужь мѣсяцъ передъ тѣмъ я просилъ себѣ у Монморена отпускъ. Онъ былъ необходимъ для меня, потому что я страдалъ грудью, и лишняя зима въ этомъ климатѣ могла сдѣлать болѣзнь опасною. При томъ я пять лѣтъ не былъ на родинѣ,

а въ ней бушевала буря. Въ такомъ значительномъ отдаленіи получаешь такія недостаточныя извѣстія, такіе преувеличенные разсказы. Безпрестанно говорили, что Франція залита потоками крови, что замки разграблены, что духъ партій возбудилъ междоусобія, что даже Парижъ и Версаль стали мѣстомъ буйныхъ, иногда кровавыхъ сшибокъ. Мнѣ сообщали, что 4-го августа дворянство, подъ вліяніемъ ли увлеченія и очарованія, или изъ страха подвергнуться неистовству изступленой черни, предавшейся уже страшнымъ буйствамъ близъ ратуши, принесло въ жертву народу свои старинныя права и преимущества. Вскорѣ послѣ того, по предложенію Дюпора, сводя свои уступки къ одному короткому рѣшенію, дворянство произнесло немногія, но торжественныя слова, откликнувшіяся во всемъ мірѣ: «*феодальныя права уничтожены!*» На происшествія 14 іюля можно было смотрѣть, какъ на временное возстаніе; но въ 4 августѣ высказалась цѣлая революція. Новый общественный порядокъ устроивался на развалинахъ стараго. Сколько споровъ, столкновеній, смутъ возникало изъ этого внезапнаго торжества надъ гордой, старинной аристократіею! Послѣ такого удара, пошатнувшаго самыя основанія нашихъ прежнихъ учрежденій, всѣ общественныя установленія разъединились, и все зданіе потребовало перестройки. Духъ вѣка, просвѣщеніе, самый разумъ, можетъ быть, требовали этого; но страсти противились и, по всѣмъ вѣроятіямъ, должны были обратиться къ Европѣ искать поддержки, союзниковъ и оружія. Всѣ этѣ мысли сильно и мятежно волновали мою душу. Воображеніе мое и надежды возбуждались рвеніемъ къ свободѣ, той свободѣ, которую я полюбилъ въ примѣрахъ и урокахъ древности, которую я такъ давно видѣлъ съ завистью въ Англіи и за которую дрался въ Америкѣ. Не могу передать впечатлѣнія, съ которымъ читалъ я нѣкоторые отрывки изъ рѣчей, произнесенныхъ въ первыхъ нашихъ собраніяхъ Клермонъ-Тонерромъ, Лалли-Толенда-

лемъ, Мирабо, Мунье и другими, которые въ первый разъ заговорили съ французской трибуны. Но съ другой стороны, сколько грустныхъ мыслей примѣшивалось къ этимъ пріятнымъ заблужденіямъ! Скорбь добраго короля и оклеветанной королевы, моя преданность имъ, неизвѣстность объ участи моего семейства среди неистовствъ шумной толпы, которая уже замарала кровью колыбель свободы, наконецъ противурѣчивыя изображенія этихъ смутъ разными партіями, смотрящими на нихъ съ различныхъ сторонъ, все это дѣлало несноснымъ продленіе ужь и безъ того долгаго отсутствія моего изъ родины, и я съ невыразимою радостію получилъ позволеніе выѣхать и возвратиться домой.

Я такъ хорошо былъ принятъ въ Россіи, со мною такъ отлично обращались, что, при другихъ обстоятельствахъ, я бы жалѣлъ объ отъѣздѣ. Но тогда я могъ только скрыть чувство моего удовольствія въ ожиданіи увидѣть отечество и семью. Сборы мои были недолги. Я представилъ министру моего повѣреннаго въ дѣлахъ, г. Жене (Genet); написалъ и оставилъ ему инструкцію, въ которой направлялъ его образъ дѣйствія и облегчалъ трудъ его; наконецъ простился съ императрицею, и конечно, это разставаніе меня бы глубоко опечалило, если бы я прощался съ нею на всегда; но я уѣзжалъ въ отпускъ, и надѣялся возвратиться къ ней черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Она выразила мнѣ сожалѣніе о моемъ отъѣздѣ и много говорила со мною о французскихъ дѣлахъ. «Передайте королю, сказала она между прочимъ,—что я желаю ему счастія. Я желаю, чтобы доброта его была вознаграждена, чтобы намѣренія его исполнились, чтобы прекратилось зло, которое его печалитъ, и чтобы Франція снова возвратила себѣ тишину, силу и вліяніе. Я надѣюсь, что это будетъ въ мою пользу и не къ добру врагамъ моимъ. Грустно мнѣ разставаться съ вами. Лучше бы вы остались со мною, чѣмъ подвергаться опастностямъ, которыя при-

мутъ, можетъ быть, размѣры, какихъ вы и не ожидаете. Ваше расположеніе къ новой философіи и къ свободѣ заставитъ васъ держать сторону народа; мнѣ это будетъ досадно, потому что я останусь аристократкой, это ужь мой долгъ; подумайте-ка; вы найдете Францію больную, въ лихорадкѣ.»

«Точно, я этого боюсь, государыня; но поэтому-то и обязанъ возвратиться туда.»

Она меня удержала къ обѣду, осыпала знаками своего расположенія и тѣмъ еще усилила мои сожалѣнія при разставаніи. Я поспѣшилъ уѣхать и проститься еще съ нѣсколькими лицами, которыя въ теченіи пяти лѣтъ обращались со мною не какъ съ иностранцемъ, а какъ съ одноплеменникомъ и другомъ.

11-го октября я выѣхалъ изъ Петербурга въ Гатчино, чтобы проститься съ великимъ княземъ и великою княгинею. Я думалъ пробыть тамъ часъ, но такъ какъ карета моя сломалась, то ихъ высочества уговорили меня остаться у нихъ два дня.

Великій князь въ первую пору пребыванія моего въ Россіи оказалъ мнѣ, какъ я уже упомянулъ, такое расположеніе, что оно походило на очарованіе моею особою. Это продолжалось недолго: онъ охладѣлъ ко мнѣ, когда увидѣлъ, что государыня стала ко мнѣ добра и любезна. Давно уже не изъявлялъ онъ никакого желанія сойтись со мною; но передъ моимъ отъѣздомъ ему снова вздумалось оказать мнѣ свое довѣріе. Нѣсколько часовъ онъ почти исключительно говорилъ мнѣ о своихъ неудовольствіяхъ съ государынею и Потемкинымъ, о непріятностяхъ его положенія. Напрасно я увѣрялъ его, что предубѣжденіе обманываетъ его, что мать его, нисколько не опасаясь его, дозволяетъ ему держать свой дворъ по его усмотрѣнію и имѣть близъ себя, недалеко отъ Царскаго-Села, два баталіона, въ которыхъ офицеры назначены имъ самимъ, которыхъ онъ училъ, вооружалъ и одѣвалъ по своей волѣ, между тѣмъ какъ она, нисколько не опасаясь за себя, охраняется одной только гвар-

дейскою ротою. «Если государыня, продолжалъ я,—не приглашаетъ васъ въ свой совѣтъ и не даетъ вамъ участія въ дѣлахъ, то позвольте мнѣ замѣтить, что въ этомъ случаѣ ей трудно дѣйствовать иначе: она знаетъ, что вы осуждаете ея образъ жизни, связи, систему управленія и политику.»

Я не убѣдилъ его; осуждая министровъ и особъ, приближенныхъ къ государынѣ, онъ старался доказать мнѣ, что, не смотря на мое пятилѣтнее пребываніе въ Россіи, я ее очень мало узналъ.

«Объясните мнѣ наконецъ, сказалъ онъ между прочимъ,— отчего въ другихъ европейскихъ монархіяхъ государи спокойно восходятъ на престолъ одинъ вслѣдъ за другимъ, а въ Россіи иначе?...»

«Причину этихъ неустройствъ, отвѣчалъ я, — указать нетрудно, и вѣроятно, она не ускользнула отъ вашего вниманія. Повсюду наслѣдственность престола въ мужскомъ поколѣніи служитъ охраной народамъ и обезпеченіемъ государямъ. Въ этомъ основная разница между монархіями азіятскими, римскими, греческими, варварскими и монархіями новыми; можетъ быть, мы обязаны успѣхами образованности этой твердости престоловъ. Здѣсь же, напротивъ, въ этомъ отношеніи ничего не установлено, все сомнительно Государь избираетъ себѣ наслѣдника по своей волѣ, а это служитъ источникомъ постоянныхъ замысловъ честолюбія, козней и заговоровъ.»

«Согласенъ, возразилъ онъ, — но что же дѣлать? Здѣсь къ этому привыкли, обычай господствуетъ. Измѣнить это можно только съ опасностью для того, кто это предприметъ; Русскіе лучше любятъ видѣть на престолѣ юбку, нежели мундиръ...»

«Однако я полагаю, ваше высочество, сказалъ я на это, — что такая перемѣна къ лучшему могла бы совершиться въ какую нибудь замѣтную пору новаго царствованія, напри-

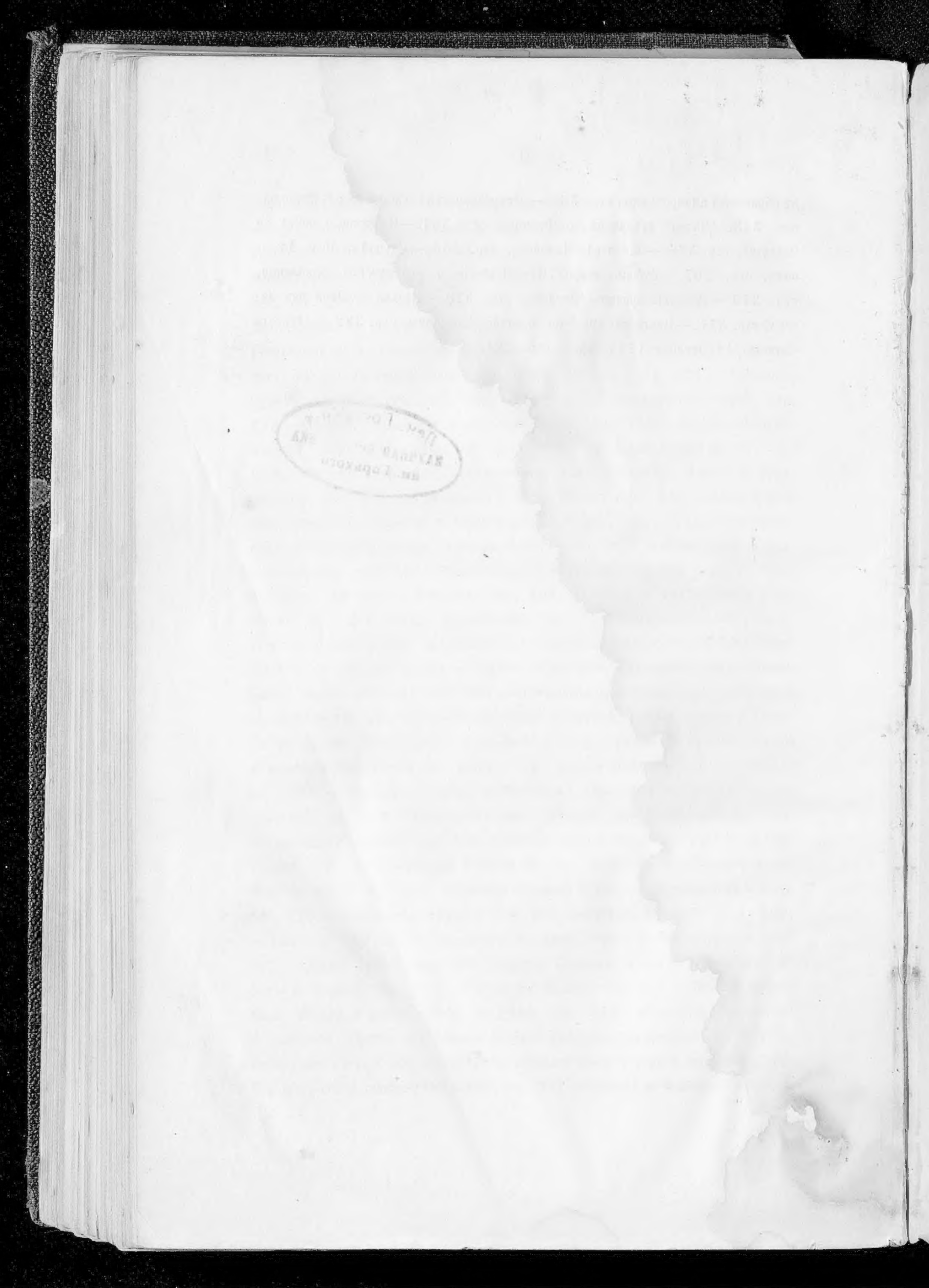
мѣръ, по случаю торжественнаго въѣзда или коронаціи, когда народъ расположенъ къ надеждѣ, радости, довѣрію.»

«Да, я понимаю, сказалъ онъ, цѣлуясь со мною, — это можно бы испытать: надо подумать!»

Я не могу нахвалиться ласковымъ пріемомъ, который мнѣ оказала великая княгиня. Довольно было знать ее, чтобы, видя и слушая ее, почувствовать живѣйшее очарованіе и глубокое уваженіе къ ней. Я простился съ ихъ высочествами, отправился въ путь и, желая какъ можно болѣе сократить его, не останавливался ни днемъ, ни ночью до самой Варшавы.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЗАПИСКИ ГРАФА СЕГЮРА:

де-Линь – 317
потемкин – 318, 325, 340, 4, 5, 363
Нассау 318
Безбородка 326
Альтести 332

